

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»

С.С. Шляхова, М.Г. Вершинина

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗВУКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Монография

Издательство
Пермского национального исследовательского
политехнического университета
2016

УДК 800
ББК Ш 100.14
Ш70

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
ректор Института иностранных языков
О.И. Бродович (Санкт-Петербург);

доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания
Пермского государственного гуманитарно-педагогического
университета *Е.Е. Бразговская* (Пермь);

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка
как иностранного Саратовского государственного медицинского
университета им. В.И. Разумовского *Л.П. Прокофьева* (Саратов)

Шляхова, С.С.

Ш70 Фоносемантическая звуковая картина мира : монография /
С.С. Шляхова, М.Г. Вершинина. – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед.
политехн. ун-та, 2016. – 424 с.

ISBN 978-5-398-01648-2

Сформированы понятия *фоносемантическая картина мира* и *фоносемантическая звуковая картина мира*, основанные на понятии *фоносфера*. Анализируется звуковое пространство народной культуры (обрядовая, музыкальная, мифологическая традиция и пр.), эксплицированное в языке ономотопеией. Звуковая картина мира понимается как отражение фоносферы в языке. Устанавливаются интегральные и дифференциальные свойства фоносферы и звуковой картины мира. Предлагаются плоскостная, динамическая и пространственная модели фоносферы. Представлены структура фоносферы и ее экспликация в народной речи в виде фоносемантических полей. Выявляются ядро и периферия, звуковые лакуны и звуковые доминанты фоносемантической диалектной звуковой картины мира. Описаны фрагменты фоносемантической картины мира на уровне биосферы, антропосферы и социосферы. Определяется семантическая и символическая значимость ономотопеии в быличках и анекдотах. Установлена иконическая индоевропейская база русской лексики (фитонимы, соматизмы, бытовая и хозяйственная лексика). Представлен мотивотипный (гиперсемный) анализ иконической лексики. Предполагается, что совпадение различных кодов (фоносемантический, мотивотипный, этимологический, семантический, мифологический, ритуальный, обрядовый, символический) позволяет с большой долей вероятности говорить о достоверности выявленных элементов протоконцептуального пространства языка.

Книга адресована специалистам по фоносемантике, этимологии, лексикологии, диалектологии, семиотике, когнитологии, а также широкому кругу читателей, которые интересуются проблемами языка.

Раздел II – М.Г. Вершинина, раздел III – С.С. Шляхова, раздел I – совместно.

УДК 800
ББК Ш 100.14

ISBN 978-5-398-01648-2

© ПНИПУ, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
Раздел I. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ЗВУКОВАЯ КАРТИНЫ МИРА	16
1. Свойства языковой и диалектной картин мира	16
1.1. Языковая картина мира	16
1.2. Диалектная картина мира	18
2. К вопросу о диалектной фоносемантике	21
3. Звуковая картина мира	26
3.1. Звуковое пространство народной культуры	26
3.1.1. Значимость звука и его исследование в народной культуре	26
3.1.2. Звуковой пейзаж. Звуковое пространство	27
3.1.3. Звукоподражания в народной культуре	30
3.2. Звуковое пространство, эксплицированное в языке ..	32
3.3. Конкретизация понятия языковая звуковая картина мира	36
4. Фоносфера и фоносемантическая звуковая картина мира	38
4.1. Фоносемантическая картина мира: к постановке проблемы	38
4.2. Фоносемантическая звуковая картина мира	43
4.3. Фоносфера и языковая звуковая картина мира	45
4.4. Плоскостная модель фоносферы	49
4.4.1. Биофоносфера	51
4.4.2. Социофоносфера	52
4.4.3. Антропофоносфера	55
4.4.4. Переходные области звучаний	58
4.5. Динамическая и пространственная модели фоносферы	60
4.5.1. Динамическая модель фоносферы	60
4.5.2. Пространственная модель фоносферы	61
5. Звукоизобразительная система (ЗИС) языка как основа фоносемантической звуковой картины мира	63
5.1. ЗИС языка, звуковая картина мира и фоносфера	63

5.2. Фоносемантическое поле как репрезентация фоносферы	66
5.3. Ономатопея как основное средство экспликации фоносемантической звуковой картины мира.....	68
Раздел II. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЗВУКОВАЯ КАРТИНА МИРА	73
1. Методика исследования.....	73
2. Биофоносфера в диалектной речи	77
2.1. Фоносемантическое поле «Атмофоносфера».....	77
2.1.1. Гроза	78
2.1.2. Ветер	79
2.1.3. Огонь.....	80
2.2. Фоносемантическое поле «Гидрофоносфера»	82
2.2.1. Вода, жидкость	82
2.2.2. Дождь.....	83
2.2.3. Град.....	85
2.2.4. Лёд.....	85
2.3. Фоносемантическое поле «Литофоносфера»	87
2.4. Фоносемантическое поле «Живые организмы»	88
2.4.1. Фитофоносфера	88
2.4.2. Зоофоносфера	92
2.5. Ядро и периферия биофоносферы.....	110
3. Антропофоносфера в диалектной речи	112
3.1. Фоносемантическое поле «Соматофоносфера»	112
3.1.1. Звуки тела.....	112
3.1.2. Рефлекторные звуки.....	117
3.2. Фоносемантическое поле «Лингвофоносфера»	136
3.2.1. Голосоведение.....	136
3.2.2. Говорение	141
3.3. Фоносемантическое поле «Кинемофоносфера».....	150
3.3.1. Движение.....	150
3.3.2. Перемещение в пространстве.....	161
3.3.3. Коммуникация и поведение человека	166
3.4. Ядро и периферия антропофоносферы	171
4. Социофоносфера в диалектной речи	174
4.1. Фоносемантическое поле «Технофоносфера».....	174
4.1.1. Простые бытовые предметы.....	175

4.1.2. Сложные механизмы и устройства	176
4.2. Фоносемантическое поле «Сигналофоносфера».....	178
4.2.1. Простые сигнальные устройства.....	179
4.2.2. Сложные механизмы и устройства	180
4.3. Фоносемантическое поле «Музыкафоносфера»	181
4.3.1. Музыкальные инструменты.....	181
4.3.2. Простейшие духовые инструменты.....	182
4.3.3. Классическая и современная музыка.....	182
4.4. Фоносемантическое поле «Мифофоносфера».....	184
4.5. Ядро и периферия социофоносферы	186
5. Ядро и периферия фоносемантической диалектной звуковой картины мира.....	187
6. Звуковые лакуны и звуковые доминанты в фоносемантической диалектной звуковой картине мира	190
7. Звукоизобразительные доминанты и продуктивные модели.....	195
7.1. Звукоизобразительные доминанты.....	195
7.2. Продуктивные модели	197
8. Фоносемантическая звуковая картина мира: уточнение понятия	199
Раздел III. ФРАГМЕНТЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА	211
1. Постановка проблемы.....	223
2. Биосфера.....	223
2.1. Фоносемантическая Вселенная.....	223
2.1.1. Материал исследования	225
2.1.2. Мотив разрезания, раскалывания, протыкания в мифологическом сознании.....	227
2.1.3. Гидроцентрическая модель Вселенной	229
2.1.4. Дендроцентрическая модель Вселенной	232
2.1.5. Орологическая модель Вселенной.....	233
2.1.6. Зооморфная модель Вселенной.....	236
2.1.7. Антропоцентрическая модель Вселенной.....	242
2.2. Серп-трава, медвежьи косы, егорьево копьё: иконизм фитонимов	242
2.2.1. Постановка проблемы	242

2.2.2. Мотив удара	244
2.2.3. Мотив разрезания, раскалывания, протыкания	246
2.2.4. Мотив хватания, сгребания	249
3. Антропосфера	251
3.1. Фоносемантический Человек:	
иконизм соматизмов.....	251
3.1.1. Постановка проблемы	251
3.1.2. Мотив разрезания, раскалывания, протыкания	253
3.1.3. Мотив звук, звучание (не включая звук удара).....	279
3.1.4. Мотив движения, действия. ЛИЦО, ЛИК, ОБЛИК.....	283
3.1.5. Мотив удара. НОГА	287
3.1.6. Мотив соединять, связывать. ШВЕЯ.....	289
3.1.7. Мотив хватания, сгребания. РУКА.....	290
3.2. Рассекающий бездну: иконизм «заветного»	293
3.2.1. Постановка проблемы	293
3.2.2. Мотив удара	295
3.2.3. Мотив разрезания, раскалывания, протыкания	296
3.2.4. Мотив птицы	302
3.2.5. Мотив вращения	303
3.2.6. Мотив звука, звучания (не включая звук удара).....	305
3.2.7. Мотив соединять, связывать.....	306
4. Социофоносфера	309
4.1. Фоносемантический быт: иконизм бытовой и хозяйственной лексики	309
4.1.1. Мотив удара	309
4.1.2. Мотив разрезания, раскалывания, протыкания	312
4.1.3. Мотивы сгребать, давить, кусать	317
4.2. Былички: потусторонний мир в звуках	318
4.2.1. Постановка проблемы	318
4.2.2. Биофоносфера	321
4.2.3. Антропофоносфера.....	325

4.2.4. Социофоносфера.....	331
4.3. Фоносемантическая картина мира в анекдоте.....	333
4.3.1. Измерение звуком в анекдоте.....	333
4.3.2. <i>Гав-гав</i> -анекдоты	342
4.3.3. <i>Тук-тук</i> -анекдоты	349
5. Мотивотипный (гиперсемный) анализ	
иконической лексики	355
5.1. Мотивотипный анализ ономапей.....	355
5.2. Сравнительный мотивотипный анализ	
звукосимволизмов	361
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	366
Список использованной литературы	374
Список словарей и источников	409
Список используемых сокращений и символов	416
Фоносемантический глоссарий	417
Abstract	423

ВВЕДЕНИЕ

Поскоблите язык, и вы увидите
его пространство и его шкуру.

Велимир Хлебников

Но в каждом слове будет некий знак,
который вновь на первый смысл укажет.

Иосиф Бродский

В центре внимания исследования – экспликация фоносферы в фоносемантической диалектной звуковой картине мира. Под *фоносферой* понимается звуковой континуум, окружающий человека. Результатом экспликации фоносферы в языке является *звуковая картина мира*, которая является фрагментом языковой картины мира. Немногочисленные работы, посвященные звуковой картине мира или ее фрагментам (Е.Н. Ежова, С.М. Антонова, С.С. Шляхова, Н.Н. Евтугова, С.В. Стефановская и др.), не содержат характеристики системных свойств языковой звуковой картины мира.

Фоносемантическая звуковая картина мира – это фрагмент звуковой картины мира, эксплицированный в языке фоносемантическими средствами. Данное определение подвергнется уточнению и коррекции чуть ниже.

Исследование фоносемантической звуковой картины мира проводится на диалектном материале (пермские говоры), что позволяет восстановить фрагмент диалектной языковой картины мира. Диалектная языковая картина мира – один из вариантов национального образа мира, отраженного в совокупности территориальных коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций [Демидова 2012: 187].

Звукоизобразительная лексика составляет основу звукоизобразительной системы языка, которая является предметом фоносемантики. В современной фоносемантике ставится вопрос

о выделении самостоятельного направления в изучении звукоизобразительности – *диалектной фоносемантике* (С.В. Воронин, О.И. Бродович, Н.Н. Швецова и др.).

Исследование фоносемантической звуковой картины мира проводится в рамках диалектной фоносемантики, целью которой является установление звукоизобразительных закономерностей и иконичной природы (примарной, фонетической мотивированности) диалектного слова.

Диалектный материал является весьма благодатной материей для изучения как звукоизобразительных свойств языка, так и звуковой картины мира в целом. Закономерность и важность изучения звуковой диалектной концептосферы обусловлены тем, что языковое сознание диалектоносителей отличается стабильностью и наиболее отчетливо и полно отражает константы традиционной народной культуры.

Относительно звукоизобразительности диалектный материал позволяет выделить звуковые константы категоризации мира, а также установить новые факты, дающие дополнительные аргументы в пользу тезиса о примарной мотивированности языкового знака, выдвигаемого фоносемантикой. О.И. Бродович говорит о «взаимовыгодном сотрудничестве» диалектологии и звукоизобразительности, считая, что изучение диалектных звукоизобразительных слов может проводиться в рамках диалектной фоносемантики и дать много интересных фактов как для фоносемантики, так и для диалектологии [Бродович 1989: 7–8].

В контексте диалектной фоносемантики материал пермских говоров фрагментарно исследовался в отдельных работах [Шляхова 2000а, 2000б, 2002]; системное описание «пермская» звукоизобразительность получила в диссертации М.Г. Вершининой [Вершинина 2013]. Данная монография является продолжением и обобщением проведенных ранее исследований.

Эффективным способом изучения языковой картины мира является анализ на уровне лексико-семантических полей, групп и т.п., результатом которого является идеографическая классификация диалектного лексикона. В рамках диалектной фоносеман-

тики подобное идеографическое описание осуществляется на уровне *фоносемантического поля*, под которым понимается совокупность иконических единиц, характеризующихся единством и взаимообусловленностью их звуковой оболочки и содержания.

Основные парадигмы современной лингвистики – генетическая (историческая, эволюционная), таксономическая (инвентарная, системно-структурная) и антропоцентрическая (коммуникативная, функциональная, прагматическая). Фоносемантический аспект, избранный для исследования, в той или иной мере включает перечисленные парадигмы: генетическая – установление примарной мотивированности (иконичности) единиц; таксономическая – инвентаризация и систематизация звукоизобразительных единиц в рамках звукоизобразительной системы языка; антропоцентрическая – синестезия и синестемия как принципы и причины утраты примарной мотивированности и пр. Полипарадигмальный подход в современной науке признается наиболее плодотворным.

Признавая фоносемантический подход в качестве основного, авторы осознают, что для изучения фоносемантической звуковой картины мира данный подход не всегда оказывается достаточным, что обуславливает выбор таксономического и антропоцентрического аспектов как дополнительных.

Таксономический подход позволяет смоделировать инвариант репрезентации фоносферы в языке (структура звуковой картины мира), а экспликация фоносферы в диалектной речи (пермские говоры) выявляет один из ее вариантов (фоносемантическая диалектная звуковая картина мира).

Сложность объекта исследования – фоносфера и звуковая картина мира – требует взаимодополняющих методов, которые иногда оказываются взаимоисключающими. Антропоцентризм («человек есть мера всех вещей») – категория телеологическая – противоречит принципу детерминизма (причинно-следственная взаимосвязь явлений материального и духовного мира), однако именно фоносфера (материальный мир) обуславливает характер звуковой картины мира того или иного этноса (духовный мир).

В то же время реляционная модель (набор элементов и отношений) фоносферы оказывается недостаточной для выявления ее сущности, что компенсируется антропоцентрическим подходом. Антропоцентризм позволяет человеку «творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей», который определяет его «духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей» [Маслова 2001: 6–7], а потому имеет объяснительную силу для вариантов когнитивных языковых моделей в рамках антропологической лингвистики.

Основные категории антропоцентрической парадигмы – *языковая картина мира* (Ю.Д. Апресян, В.А. Маслова, М.В. Пименова, В.Н. Топоров, Е.С. Яковлева и др.), *концепт* и *концептосфера* (Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев, Н.Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Л.О. Чернейко, В.В. Колесов и др.), *языковая личность* (Г.Ю. Богин, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, В.И. Карасик, К.Ф. Седов, С.Г. Воркачев, Н.Д. Федяева и др.).

В работе используется понятие *фоносемантическая звуковая картина мира* [Вершинина 2013]. Основным языковым средством экспликации в языке фоносемантической звуковой картины мира является ономотопея (первичные звукоподражания и звукоподражательная лексика), которая получает наиболее адекватное описание в рамках фоносемантики. Фоносфера понимается как внешняя среда языковой системы, которая обуславливает специфику звуковой картины мира различных этносов.

Таким образом, несмотря на то, что предметом исследования является фоносемантическая звуковая картина мира (т.е. та часть языковой звуковой картины мира, которая эксплицируется в языке исключительно фоносемантическими средствами), только фоносемантического подхода оказывается недостаточно, поскольку именно человек «есть мера всех звуков», которые эксплицируются в языке.

Наиболее релевантной характеристикой концептуального пространства звучания, определяющей семантику и функционирование конкретных лексем, является признак «источник звучания» [Евтугова 2010]. Экспликация фоносферы представлена в виде фо-

носемантических полей с ядерной и периферийными зонами на основании категориального признака «источник звучания», которые отражены в языке акустическими и артикуляторными ономотопами [Воронин 1982] и ономотопами говорения [Шляхова 2003].

Под *акустическими ономотопами* понимаются единицы, воспроизводящие фонемными средствами неартикуляторные акустические звучания внешней (относительно человека) среды (*щелк, хлоп* «звук удара»; *хлопать, выть* «о ветре», *шуришать*). *Артикуляторные ономотопы* номинируют звуковые процессы, происходящие в полостях носа, рта и горла человека (*стонать, ныть, икать, кашлять*). *Ономатопы говорения* воспроизводят фонемными средствами нерелекторные акустико-артикуляторные звучания, характеризующие процесс речи, говорения в отрыве от конкретного смысла речи, представляя процесс речи в его целевых, модальных, физиологических, акустических и прочих характеристиках (*бла-бла* «пустая болтовня»; *шлепать* «говорить вздор») [Шляхова 2003: 62].

Материалом исследования послужили 3967 русских ономотопов, функционирующих в пермских говорах, которые были собраны авторами в многочисленных экспедициях 2000–2014 годов, а также выявлены методом сплошной выборки из словарей пермских говоров. Также материалом явились 1566 соматизмов (сплошная выборка из медицинского, диалектных, арготических словарей), из них этимологическому анализу подверглись 112 соматизмов; 157 номинации «заветного» в народной речи (выборка из диалектных и арготических словарей, фольклорных текстов); 213 фитонимов; 319 единиц бытовой и хозяйственной лексики. Всего было проанализировано 4768 иконических единиц. Кроме того, материалом исследования послужили фольклорные тексты (паремии, частушки, анекдоты, былички, «приколы» и пр.) и устная речь жителей города, в том числе арготическая, зафиксированные преимущественно на территории Прикамья.

Основу языкового материала исследования составили картотеки авторов. Авторы благодарят специалистов Центра этнолингвистики народов Прикамья, кафедры общего языкознания

и кафедры русского языка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, чьи картотеки были любезно предоставлены нам для изучения. Поскольку локальная лексика оказалась недостаточной для описания отдельных фрагментов фоносемантической картины мира, третья глава включает материалы «Словаря русских народных говоров» и пословичный фонд собрания В.И. Даля.

Ономатопея представлена в виде фоносемантических полей. «Внутри фоносемантических полей совокупности диалектных реализаций, имеющие тождественную семантику при незначительном формальном различии, представляют собой группы вариантов, инвариантом которых служит звукоизобразительная гиперлексема» [Швецова 2011: 9].

Под *звукоизобразительной гиперлексемой* понимается семантизированная модель (инвариант), представляющая собой совокупность вариантов фоносемантических реализаций одного и того же фоносемантического задания. Инвариант допускает вариативность консонантных элементов в пределах фонотипа с практически свободной вариативностью гласных (например, *бот, тук, топ*: PLOS+VOC+PLOS*). Вариантами фоносемантических реализаций являются слова, которые воспринимаются говорящими как соответствующие одному и тому же денотату (удар, звон, треск, смех и пр.).

Теоретической базой исследования послужили труды по описанию и концептуализации *фоносемантического пространства* языка (С.В. Воронин, Н.Н. Евтугова, Ю.В. Казарин, Н.А. Курашкина, Н.А. Мишанкина, С.В. Стефановская, Е.В. Тишина, С.С. Шляхова и др.); *языковой* (Ю.Д. Апресян, В.А. Маслова, В.Н. Топоров, Е.С. Яковлева, Л.Б. Никитина и др.) и *диалектной* (Е.Л. Березович, С.М. Белякова, О.И. Блинова, А.С. Герд, В.Е. Гольдин, К.И. Демидова, Н.А. Закуткина, Е.В. Иванцова,

* Символы в моделях ономатопов: FRIC – фрикативный; R – вибрант; VOC – гласный; PLOS – взрывной; AFFR – аффриката; SON – сонорный; LAB – лабиальный; LAT – латеральный; NAS – носовой; гл. – глухой; зв. – звонкий; () – необязательность стоящего внутри скобок элемента.

О.А. Радченко, С.Е. Никитина, Н.И. Толстой, С.М. Толстая и др.) *картин мира; семиотизации звука в народной культуре* (Т.А. Агапкина, С.Б. Адоньева, Л. Н. Виноградова, В.А. Гура, Е.Е. Левкиевская, С.Е. Никитина, Е.С. Новик, А.А. Плотникова, С.М. Толстая, В.В. Усачева, Т.В. Цивьян и др.).

В основу фоносемантических теоретических позиций положены теория фоносемантического поля (А.Б. Михалев), концепции о фоносфере как внешней среде звукоизобразительной системы языка и *фоносемантической картине мира* (С.С. Шляхова), системное описание пермской ономотопеи как диалектной звуковой картины мира (М.Г.Вершинина), а также понятие *звукоизобразительная гиперлексема* (Н.Н. Швецова).

В монографии устанавливается, что категоризация звукового пространства в фоносемантической диалектной картине мира обусловлена фоносферой, отражая три основные звукофферы: био-, антропо- и социофоносфера. Доминантной звукоферой является антропофоносфера.

Обосновывается, что фоносемантическая звуковая картина мира имеет следующие дифференцирующие системообразующие свойства: а) внешняя среда – фоносфера; б) внутренняя среда – звукоизобразительная система языка, эксплицируемая ономотопеями; в) иконичность, реализуемая за счет иконичности базовых эксплицирующих единиц (ономотопей).

Представлены плоскостная, динамическая и пространственная модели фоносферы. Плоскостная модель фоносферы отображает связи между элементами био-, антропо- и социофоносферы; динамическая модель отражает этапы семиозиса звука в поле антропофоносферы от естественного (звук, шум) к искусственному (звук-знак); пространственная модель показывает инвариант и локальные варианты экспликации фоносферы в языке; полевая модель выявляет ядро и периферию фоносемантической диалектной звуковой картины мира. Звуковые доминанты и звуковые лакуны фоносемантической диалектной звуковой картины мира обусловлены прагматическим характером восприятия звуковой среды, окружающей человека.

Также показано, что фоносемантическая диалектная звуковая картина мира эксплицирована в языке фоносемантическими полями, структура и наполнение которых отражают способ категоризации звукового пространства определенной этнической или локальной группы. Фоносемантическая диалектная звуковая картина мира носит антропоцентричный характер. Ядро фоносемантической диалектной звуковой картины мира составляют звуки удара, говорения, плача, еды и питья, голосов животных и птиц и звуки, производимые простыми бытовыми предметами. «Фундаментом» фоносемантической диалектной звуковой картины мира являются акустические ономатопы удара.

Представлено развитие семантики ономатопеи, выходящей на абстрактные понятия и категории. Описаны отдельные фрагменты фоносемантической картины мира, эксплицированной в номинации отдельных лексических групп, в паремиях, анекдотах, быличках. Представлен мотивотипный (гиперсемный) анализ иконической лексики (ономатопей и звукосимволизмов). Предполагается, что совпадение различных кодов (фоносемантический, мотивотипный, этимологический, семантический, мифологический, ритуальный, обрядовый, символический) позволяет с большой долей вероятности говорить о достоверности выявленных элементов протоконцептуального пространства языка.

Раздел I. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ЗВУКОВАЯ КАРТИНЫ МИРА

В разделе определяется понятийная база исследования: *диалектная фоносемантика, фоносемантическое поле, звукоизобразительная гиперлексема, морфемотип, фоносемантическая звуковая картина мира*. Анализируются звуковое пространство народной культуры (обрядовая, музыкальная, мифологическая традиция и пр.) и звуковое пространство, эксплицированное в языке (типологии ономатопей): установлены универсальные и специфические зоны и языковые средства экспликации звучаний (био-, антропо- и социофоносферы в ономатопее). Представлен список свойств языковой звуковой картины мира, которая понимается как отражение фоносферы в языке. Определяются дифференцирующие системообразующие свойства языковой звуковой картины мира. Ономатопея определяется как основное средство экспликации фоносферы в языке. Устанавливается, что базовые свойства ономатопеи совпадают с основными свойствами и звуковой, и диалектной картин мира, что указывает на архаичность этих картин мира и этих единиц, тяготеющих к иконичности. Фоносфера понимается как внешняя среда звуковой картины мира, которая формирует свойства последней и состоит из трех основных звуковых сфер: био-, антропо- и социофоносферы. Устанавливаются интегральные и дифференциальные свойства фоносферы и звуковой картины мира. Предлагаются плоскостная, динамическая и пространственная модели фоносферы.

1. Свойства языковой и диалектной картин мира

1.1. Языковая картина мира

Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Э. Сепир, Б. Уорф, Л. Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка и к теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Концепцию В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка принято считать прообразом языковой картины мира [Панфилов 1975; Рамишивили 1984].

Понятие и термин *языковая картина мира* получали многочисленную трактовку в современных исследованиях [Брутян 1973; Иванов 1982; Постовалова 1987; Роль человеческого фактора в языке 1988; Чесноков 1989; Колшанский 1990; Цивьян

1990; Лихачев 1993; Вайсгербер 1993; Хайдеггер 1993; Яковлева 1994; Апресян 1995; Черемисина 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Вендина 1998; Арутюнова 1999, 2000; Вежбицкая 1999; Гак 2000; Новикова, Черемисина 2000; Маслова 2001; Закуткина 2001; Шмелев 2002; Попова, Стернин 2002; Даниленко 2002; Зализняк 2002; Караулов 2003; Даниленко 2003; Кубрякова 2003; Корнилов 2003; Красных 2003; Максапетян 2003; Радченко, Закуткина 2004; Радченко 2005; Воротников 2006; Федяева 2008; Демидова 2011; Алефиренко 2002, 2012; Никитина 2011 и др.].

Несмотря на то, что термин в науке употребляется почти столет – термин *языковая картина мира* (Weltbild der Sprache) был введен в научный обиход немецким лингвистом Йоханном Лео Вайсгербером в 30-е годы XX века – он до сих пор не получил однозначного толкования. При этом «терминологическая диффузность, зыбкость, эфемерность» данного понятия «дополняются тем фактом, что картина мира вовсе не стала аксиоматичным феноменом в лингвистике, хотя ее вполне можно считать одним из фундаментальных признаков идеотнической парадигмы в современной философии языка» [Радченко 2002: 140; Васильева 2009].

Термин *языковая картина мира*, который, несмотря на «смутность» понятия, получил широкое распространение в современных исследованиях. Остановимся на определении А.А. Зализняк: «Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Зализняк].

Не вдаваясь в противоречия и проблемы, связанные с дефиницией и категоризацией термина *языковая картина мира*, на основании вышеперечисленных работ выделим *основные свойства языковой картины мира*: 1) способ концептуализации мира; 2) системность, конкретность, целостность; 3) пластичность, подвижность, поливариантность; 4) космологичность и антропоморфизм; 5) единство статики и динамики, стабильности

и изменчивости; 6) единство конечного и бесконечного, 7) единство универсального и идиоэтнического; 8) субъективизм; 9) лакунарность; 10) наглядность и образность.

Поливариативность языковой картины мира обусловлена существованием множества ее вариантов: наивная и научная, универсальная и идиоэтническая, статическая и динамическая, индивидуальная и пр. В нашей работе идет речь о фоносемантической звуковой картине мира.

1.2. Диалектная картина мира

Языковая картина мира исследуется в широком контексте народной культуры (Е.Л. Березович, А.С. Герд, В.Е. Гольдин, С.М. Белякова, О.И. Блинова, Л.А. Демешкина, Е.В. Иванцова, Р.Ф. Касаткина, В.Д. Лютикова, С.Е. Никитина, Н.И. Толстой, С.М. Толстая и др.).

Картина мира традиционной культуры описывается в категориях *концептов* [Бунчук 2000; Архипова 2002; Никитина 2002; Колокольцева, Кудряшова 2003; Иванова 2003]; *лексико-графической практики* [Никитина 1995; Вендина 1996, 2002; Банкова 1996; Калиткина 2001; Демидова 2003, 2012; Ганичева 2012]; *грамматических категорий* [Булыгина, Шмелев 1998; Сидорова 2000; Бочкарева 2008]; *фольклора и фольклорных жанров* [Никитина 1999; Волоцкая, Головачева 1995; Голобородько 1996; Гронская 1995, 1998; Баранник 2000; Сибирцева 2001; Рацен 2001; Березкина 2001; Семененко 2002; Чжэн 2002; Иванова 2002; Бочина 2003; Аншакова 2004; Толстой 2005]; *ономастологии* [Березович 2000, 2002; Березович, Гулик 2002; Кузнецова 2005; Климкова 2008]; *фразеологии* [Мокиенко 1989; Телия 1996; Подюков 1991, 1997; Никитина 1998; Димчикова 2003; Брысина 2001, 2003, 2007; Краева 2007]; *тематических и семантических критериев* [Рут 1987; Гофман 1996; Бохонная 2006; Надеина 2007; Лалаева 2007; Калинина 2008; Литвинова 2011; Федякина, Штехман 2011; Сироткина 2012]; *диалектных* [Иванцова 1998] и *художественных* [Дуров 1998; Малышева

2005] *идиостилей; русских говоров* [Порядина 1995; Костючук, Пецкая 2000; Белякова 2005; Яговцева 2005; Юрченко 2008; Григорьева 2010; Галимова 2010] и др.

Сегодня говорят о *былинной* [Бубнова, Хроленко 2001], *фольклорной* [Игошкина 2000; Филиппова 2001] и *диалектной* языковых картинах мира в связи с исследованием фольклора и диалектной речи сквозь призму когнитивных и культурологических категорий.

Понятие и термин *диалектная картина мира* получают обоснование в современных исследованиях: предлагаются дефиниции понятия, определяются специфические свойства диалектной картины мира, устанавливаются отличия от национальной языковой картины мира и пр. [Закуткина 2001; Радченко, Закуткина 2004; Белякова 2006; Гольдин 2002, 2008; Демидова 2008, 2011].

Диалектная картина мира – это «схема восприятия действительности, сложившаяся на протяжении многих веков существования социума, ограниченного определённой территорией и природными, экономическими, хозяйственными условиями жизни» [Демидова 2008: 68]. Под картиной мира диалекта понимается присущее данному диалекту определенное устройство системы понятий, отражающее специфические пути освоения окружающего мира коллективом носителей данного диалекта [Радченко 2004: 38].

Диалект представляет собой особую, по сравнению с общенародным, литературным языком, форму освоения действительности, отличающуюся <...> целым рядом конститутивных признаков, позволяющих поставить диалектную концептуализацию мира в определенных сферах познания на один уровень с картиной мира национального языка, а в некоторых – и выше ее [Закуткина 2001]. Совокупность диалектов – континуум естественных картин мира на пространстве конкретного языка [Радченко 2004: 26].

Диалектная языковая картина мира – один из вариантов национального образа мира, отраженного в совокупности территориальных коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций [Демидова 2012а: 187].

Для нее характерны следующие *основные черты*, связанные с восприятием мира диалектоносителями: 1) один из способов концептуализации мира; 2) «субстрат» для картины мира общенационального языка; 3) естественный характер; 4) отсутствие кодификации; 5) уникальность; 6) гипер- и поливариативность; 7) необходимый уровень системности (целостность) и вместе с тем определенная эклектичность; 8) антропоцентризм, антропометризм и антропоморфность; 9) метафизический характер; 10) архаичность, мифологический характер миропонимания; 11) реликты синкретизма живого и неживого; 12) консерватизм; 13) парцеллирование объектов познания; 14) приоритетность эмпирико-событийного знания; 15) детализированность, конкретность; 16) наглядно-образное и «вещное» восприятие концептов; 17) установка на иконичность, изобразительность речи; 18) субъективизм, оценочность; 19) второстепенная роль абстрактного; 20) большая зависимость от внешних условий бытия; 21) «пессимизм», неагентивность (ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена); 22) пассеизм (устремленность главным образом в прошлое) [Закуткина 2001; Радченко 2004; Белякова 2005; Гольдин 2002, 2008; Демидова 2012, 2012а].

В нашей работе анализируется звуковой код как средство категоризации мира, который часто привлекает внимание ученых, но в исследованиях «чаще всего речь идет об антропоморфном, биоморфном, зооморфном, фитоморфном, соматическом, пространственном, временном, предметном, аксиональном кодах» [Демидова 2012].

Звук – одно из основных универсальных коммуникативных средств:

1) зона действия звука равна области его распространения и обширнее, чем у визуальных, осязательных и др. коммуникативных средств;

2) звук несет в себе императивное начало, поскольку человек, имея волю не смотреть, не осязать, не пробовать на вкус, не может не слышать [Пашина 1995: 76].

Особое внимание к диалектной звуковой картине мира обусловлено тем, что «именно диалекты могут дать нам особенно богатый и интересный звукоизобразительный материал, который может изучаться в рамках диалектной фоносемантики» [Швецова 2011: 5].

2. К вопросу о диалектной фоносемантике

В лингвистике последних лет весьма актуальным стало изучение диалектной картины мира (Е.Л. Березович, А.С. Герд, В.Е. Гольдин, С.М. Белякова, О.И. Блинова, Е.В. Иванцова, Р.Ф. Касаткина, В.Д. Лютикова, С.Е. Никитина, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Н.А. Закуткина, О.А. Радченко, К.И. Демидова Т.А. Демешкина, Н.И. Коновалова и др.).

Закономерность и важность изучения диалектной концептосферы обусловлены тем, что языковое сознание диалектоносителей отличается стабильностью и наиболее отчетливо и полно отражает константы традиционной народной культуры. Носителями традиционных (базовых) представлений о звучащем мире является *диалектная коллективная языковая личность* (в нашей работе – носители пермских говоров), объединенная одним говором, единым образом жизни с общими социальными, экономическими и религиозными установками.

Коллективная языковая личность, в том числе диалектная, в последние десятилетия является предметом пристального внимания лингвистов (С.Е. Никитина, Е.А. Земская Т.И. Ерофеева, Т.И. Вендина, Е. Нечипорович, Т.В. Кочеткова, К.Ф. Семенов, В.Д. Лютикова, Е.В. Иванцова, В.В. Красных, С.В. Зубарев, В.Н. Полякова, И.В. Голубева, И.В. Зыкова и др.).

По мнению С. Е. Никитиной, существенным признаком коллективной языковой личности является производство общих текстов [Никитина 1993: 13]. В качестве таких общих для диалектоносителя текстов могут рассматриваться не только фольклорные тексты, но и сам диалект (номинация звучаний окружающего мира), который является сверхтекстом, отражающим языковую картину мира деревенского жителя.

«Сверхтекст – это ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью автономных словесных текстов, которые в культурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного интегративного диссипативного словесно-концептуального образования как составляющая ахронического культурного пространства – национальной текстовой концептосферы» [Лошаков 2008].

Кроме того, само противопоставление «коллективная личность – индивидуальная личность» можно считать условным, поскольку типизация проходит на основе индивидуальных черт конкретных носителей языка; с другой стороны, индивидуальные личности усваивают типичные черты своей культуры как общественного (коллективного) явления [Леонтович 2007].

Исследование фоносемантической диалектной звуковой картины мира проводится на материале пермских говоров, которые «представляют собой вторичное образование, возникшее как синтез нескольких групп русских говоров: поморской, новгородской, вологодско-вятской и владими́ро-поволжской» [Полякова 1998: 4–31]. Однако, несмотря на сравнительно позднее формирование, сохраняют архаичные черты на всех языковых уровнях [Русские говоры Пермского региона 1998].

Звуковое пространство пермской народной культуры фрагментарно описано в контексте обрядовой практики и календарного цикла [Подюков 2001, 2004, 2004а; Чагин 1998; Черных 2002, 2006 и др.]; «звуковая» лексика получила системное описание относительно недавно [Вершинина 2013].

Различного рода звучания в диалектной речи рассматриваются в рамках этнолингвистики, фольклористики, лингвокультурологии, однако все они носят фрагментарный характер. В большинстве работ, посвященных «звуку» и «звучащему», доминирующим аспектом является семиотический: звук рассматривается как знак каких-либо явлений (природного, антропогенного, обрядового характера). Несмотря на то, что спектр описываемых звуков достаточно широк (голос человека, голоса животных, крик, свист, антропогенные и природные звуки

и шумы в обрядовой магии и различных фольклорных жанрах), семиотический поход к их изучению является своего рода «ограничивающим» фактором, поскольку не позволяет создать исчерпывающую классификацию осмысляемых обыденным сознанием звуков.

Диалектологические исследования, в том числе и работы по пермским говорам, оставляют в стороне проблему русской диалектной звукоизобразительной лексики. В современной фоносемантике ставится вопрос о выделении самостоятельного направления в изучении звукоизобразительности – диалектной фоносемантике [Бродович 1985, 1989; Казиева 2009; Швецова 2011 и др.]. В России диалектная фоносемантика развивается в рамках Петербургской фоносемантической школы, созданной С.В.Ворониным. О.И. Бродович и С.В.Воронин выделяют такие важнейшие черты диалектной звукоизобразительной лексики, как гипервариативность и интердиалектный характер [Бродович 1985].

Гипервариативность диалектного звукоизобразительного слова обусловлена двумя факторами: 1) вариативность диалектного слова как такового; 2) гипервариативность звукоизобразительного слова вообще.

В диалектной системе как бы сосредоточивается максимальный набор средств экспрессивного выражения. Замечено также, что незвукоизобразительные ряды беднее, чем звукоизобразительные.

По мнению Н.Н. Швецовой, подключение к вопросу о вариативности слова фоносемантической диалектной лексики дает много интересных фактов. Если говорить о незвукоизобразительной лексике, то вариант в одном говоре – это вариант-синоним, а синонимия – это неполное тождество. Синонимические же ряды звукоизобразительных слов дают нам примеры, семантика которых либо вообще не отличается, либо отличается только *фоносемантически*. Нащупать дифференциальный семантический множитель в таком ряду много сложнее, чем в синонимическом ряду незвукоизобразительного слова [Швецова 2011: 54].

Н.Н. Швецова, исследуя английскую диалектную звукоизобразительную лексику, устанавливает:

1) диалектная лексика особенно богата звукоизобразительными образованиями, которые могут быть субкатегоризированы в рамках универсальной классификации звукоизобразительной лексики;

2) звукоизобразительные образования в диалектной лексике нередко содержат ряды, состоящие из слов, отличающихся друг от друга на одну/две фонемы при тождественной семантике. Эти ряды могут быть объединены на основе метода построения звукоизобразительных моделей;

3) звукоизобразительные ряды, включающие многочисленные лексемы (свыше 10, порой до 40 и более), организуются в фоносемантические поля;

4) внутри фоносемантических полей совокупности диалектных реализаций, имеющие тождественную семантику при незначительном формальном различии, представляют собой группы вариантов, инвариантом которых служит звукоизобразительная гиперлексема [Швецова 2011: 11].

Исследование диалектного материала для описания звуковой картины мира целесообразно еще и потому, что наблюдатели диалектной речи отмечают не только высокий процент экспрессивно-окрашенной лексики, но и большую ее устойчивость по сравнению с так называемой нейтральной лексикой [Коготкова 1979]. Таким образом, именно диалектная лексика обеспечивает репрезентацию традиционной звуковой картины мира.

Осознанный человеком звук является отражением менталитета носителей традиции. Рассматривая звуковое бытие той или иной языковой общности, отраженное в языке, исследователи делают выводы не только о характерных особенностях ритуальной практики, но и специфике восприятия человеком окружающего мира.

Так, «звуковая «палитра» карпатской народной культуры отличается от звукоряда восточнославянской традиции». Восточнославянская традиция насыщена различными «немузыкаль-

ными» звуками, которые воспринимаются как опасные и страшные. Это мир естественных, природных звуков: мир шуршит, шепчет, воет, скребется, пищит, свистит, хохочет, плачет, скрипит, хлопает в ладоши, ухает и т.д. От этих звуков нужно отгородиться молчанием или другими берегами, и, конечно, нет и речи о том, чтобы им подражать или использовать в музыкальной практике. Мир карпатской мифологии музыкально организован; именно он является для людей источником музыкальных знаний и музыкальных инструментов [Левкиевская 1999: 305].

Е.С. Новик выявляет специфику восприятия народами Сибири окружающего звукового пространства: «В центре всей системы отношений к звукам природы стоит слушающий и его интерпретации, т.е. имеет место ситуация, прямо противоположная системе естественного языка, все категории которого ориентированы на говорящего». «Крики животных, скрип дерева, стрекот насекомых и т.д. подвергались интенсивной идентификации, которая вела к семиотизации природных звуков. В результате они расценивались не как «шум» (в информационном смысле), а как «голоса», за каждым из которых стоит определенное лицо» [Новик 1999].

Гура А.В. показывает, что «акустические проявления животных часто служат характеристикой психических свойств, которыми народное восприятие наделяет тех или иных животных. Голоса одних животных получают положительную интерпретацию, а голоса других – отрицательную. Так, щебет ласточки воспринимается как проявление веселья или беззаботности, бляение барана – тупости, крики чибиса – беспокойства и любопытства» [Гура 1997: 80]. Наделение различных животных теми или иными психическими характеристиками связано с менталитетом этноса.

Нередко звук выступает как основание для идентификации локальной группы: тирольский йодль, горловое пение северных народов, африканские барабаны, курские соловьи, охотничьи манки, русские вытницы и кликуши и пр. Так, колокольный звон всегда сопровождал русского человека по всей его жизни:

рождение, венчание, смерть, праздники и беды. Каждый знаковый момент жизни отмечался особым видом звона: благовест, перебор проводной (погребальный), звоны будничные, свадебные (разгонные), встречные, праздничные (великие, средние, красные и трезвон).

Русский православный колокольный звон (связан исключительно с православием) заметно отличается от европейского карильонного звона (часто выступает как эстетически-ориентированное звучание). Основной характеристикой русского колокола уже не одно столетие служит такое многомерное понятие, как благозвучие [Гусева 2011].

Изучение диалектов показывают, что идеографическое описание лексического диалектного материала позволяет выявить степень полноты и адекватности отображенной в языке действительности и, как следствие, особенности категоризации мира диалектоносителями.

На наш взгляд, описание фоносемантической диалектной звуковой картины мира целесообразно проводить в рамках диалектной фоносемантики на уровне фоносемантических полей.

3. Звуковая картина мира

3.1. Звуковое пространство народной культуры

3.1.1. Значимость звука и его исследования в народной культуре. Исследованию звука и звучащего мира, окружающего человека, посвящены многие работы фольклористов и диалектологов. Однако системному и целостному описанию звучащий мир деревни подвергается редко. Основные исследования звука предпринимаются в рамках этнолингвистики, фольклористики и семиотики.

Природные шумы, звуки животных, музыки, речи, а также тишины и молчания рассматриваются с точки зрения семиотики и мифологии на материале различных фольклорных жанров и фрагментов обрядности [Мир звучащий и молчащий 1999].

Отмечается, что культурные функции и значения неодинаковы для природных звуков и звуков, создаваемых человеком. Человеческий голос, речь определяется как основной код культуры, а магический дискурс отличается особым (крик, зов, пение, шепот, свист, голошение, смех, икота) голосовым поведением, так называемой ритуальной речью [Толстая 1999: 9–10].

Несмотря на то, что спектр описываемых в исследованиях звуков достаточно широк (голос человека, голоса животных, крик, свист, антропогенные и природные звуки и шумы в обрядовой магии и различных фольклорных жанрах), семиотический поход к их изучению, в некотором смысле, является сужающим фактором, что не позволяет создать исчерпывающую классификацию осмысляемых диалектоносителями звуков.

В рамках семиотического подхода С.М. Толстая выделяет следующие аспекты изучения звука:

1) формальный – изучение природы и принадлежности (или происхождение) семиотизируемых звуков, их семиотизацию и сопоставительную характеристику;

2) функциональный – каталогизация сведений о типичных «вхождениях» разных звуковых знаков в ритуальные и мифологические контексты; анализ и систематизация самих этих функций в их отношении к структуре обрядов и текстов и их содержанию (продуцирующие, апотропейные, лечебные и т.п. функции звуков); изучение звукового фона отдельных обрядов;

3) семантический – семантизация воспринимаемых человеком <...> основана на их «вербальном» прочтении, уподоблении осмысленным звукам человеческой речи;

4) прагматический – восприятие природных звуков зависит от того, кому, какому «отправителю» приписывает их народное сознание [Толстая 1999].

3.1.2. Звуковой пейзаж. Звуковое пространство. Во многих работах воссоздается звуковое окружение человека. Т.В. Цивьян восстанавливает русский «звуковой пейзаж» и этапы его семиотизации: человек «в хаосе звуков, воспринимаемых как некий

нерасчлененный шум (нечто вроде настройки оркестра перед концертом) – придает нерасчлененному звучанию статус знаковости: каждый звук помещается в свое время и место и связывается с определенным объектом – звук становится сигналом-указателем, дешифрующим ситуацию [Цивьян 1999: 150–151].

Спектр описываемых звуков составляет звуковое пространство традиционной культуры. Наиболее пристальному вниманию подвергается голос. Причём голос, принадлежащий не только человеку, но и животным, птицам, мифологическим существам, природе и пр. Голосу, под которым понимается всякий семиотизируемый звук, посвящено издание «Голос и ритуал» [1995]. Выделим основные группы звуков, составляющие звуковое пространство традиционной культуры.

Звуковое поле календаря: шумы, стук, стрельба, битье посуды, хлопанье бичами, звон колокольчиков и колоколов, трещотки, лязганье, звук от ударов вальками по белью, битье металлическими предметами друг об друга, игра на музыкальных инструментах, в частности, удары в бубен, звуки трубы, вязание (звяканье спицами), хлопанье в ладоши и др.; голос человека говорение, крик, пение, вскрики (гукание, гэканье, уханье и под.), чмокание, выгье, различные виды звукоподражаний (лай, пение петухом и др.); «голоса» природы: эхо, кукование, кваканье, птичье пение, собачий лай, гром, шелест листвы, стрекот сверчков, свист сурка и др.; «на природные» звуки и шумы, стоны, крики, вой, вздохи, шелест, говорение, приписываемые предкам и нечистой силе, разговоры домашних животных, растений и др.» [Агапкина 1995: 9].

Обрядовые звуки: звон церковного колокола, стрельба, стук, треск, свист и т.д. Специфика звуковой символики в скотоводческой обрядности определяется использованием пастушеских орудий труда, – рожка или трубы, кнута, колокола (или колокольчиков) для скота [Плотникова 1995: 12]. Реже используются здесь подражания голосам животных и птиц.

Звуки мифических существ. Практически все виды ночных домашних звуков (шорох, стук, треск, скрип, вой, плач, вздохи, стон, свист, топот, звуки шагов, окликание домочадцев по име-

ни и т.п.). Как результат порчи, наведенной строителями, воспринимались непонятные звуки в новом доме: впервые заночевавшие в нем слышали грохот, стук, шум, металлический звон, музыку, вой.

Устойчивый набор звуковых характеристик приписывается лешему: подражает голосам животных, пугает диким криком, ревом, гоготом, свистом, заманивает в чашу жалобным стоном, детским плачем, хлопает в ладоши, ухаает, окликает человека по имени или аукает, подражая эху. Некоторым духам приписывались звуки незримо выполняемой работы: домовые, черти, души умерших якобы молотят по ночам в сарае, шуршат метущим веником, пересыпают зерно, бьют молотом по наковальне в кузнице. Преимущественно женские демонические существа (кикимора, русалка, домовиха, богинка) производят звуки прядения и тканья [Виноградова 1995: 21].

«Голос из магнитофона и голос икоты / пошибки / порчи, который говорит / «ухает» в икотницах, принадлежит одному и тому же существу – дьяволу, обладающему способностью к самым разным звуковым реализациям, ибо он – великий подражатель» [Никитина 1999: 326]. «Среди резких, нарушающих покой и размеренность жизни звуков особое место занимает свист – явление, неизменно связываемое в народных представлениях с призывом зла, лиха, беды, нечистой силы» [Плотникова 1999: 283].

Вещие звуки представлены в звуковых гаданиях. «Стараясь угадать, каким будет возраст жениха, прислушивались к особенностям лая: хриплый лай – старый муж, звонкий – молодой муж, басовитый – вдовец. По толкованию в разных локальных традициях: неясные звуки гудения, гула, завывания, а также колокольный звон, унылое пение, треск падающего дерева, глухие удары топора – предвещали смерть; хлопанье дверьми, шум, беготня – пожар; цокот копыт, веселое пение, звуки гармошки, бубенчиков – свадьбу; выстрелы, крики, визг – войну; звуки сыплющегося зерна – богатую жизнь в замужестве, а шарканье метлы – бедную [Виноградова 1995: 25–26].

Анализ звукового пространства традиционной культуры показал, что различные области традиционной культуры имеет свои звуковые меты:

1) звуковое поле календаря включает все звуковые коды (голосовые и неголосовые звуки человека, звуки животных, звуки природы);

2) в звуковом поле обряда актуализированы звуки музыкальных инструментов и пение; звуки животных и звуки природы находятся на периферии этого поля;

3) звуковое поле мифических существ включает все звуковые коды (голосовые и неголосовые звуки человека, звуки животных, звуки природы; звуковым маркером этого звукового поля является заумная, ритуальная речь);

4) звуковое поле вещей звуков включает все перечисленные звуковые коды.

Наиболее семиотически нагруженными в звуковом пространстве традиционной культуры являются крик, человеческий голос, звуки природы и звуки животных (биосфера).

3.1.3. Звукоподражания в народной культуре. О роли звукоподражаний в обрядовой практике говорит В. Усачева: «голоса животных, птиц, насекомых, будучи воспроизведенными человеком, приобретают статус выделенного элемента культуры, который входит составной частью в различные обрядовые тексты» [Усачева 1999: 85].

Считается, что значение звукоподражаний в формировании человеческой культуры настолько велико, что в рамках биоакустики (независимо от лингвистического и философского решения вопроса) выдвигается гипотеза о том, что «голоса животных путем имитации с охотничьими целями включались в словарный запас, тем самым способствуя формированию языка» [Ильичев 1985; Морозов 1987; Силаева 1998].

Как замечает Э.Е. Алексеев, и голосовые звукоподражания, и охотничьи манковые инструменты оказываются своего рода «языком доместикации». На воздействующем эффекте звуков

основаны командные выкрики оленеводов, управляющих перемещением и психологическим состоянием стада, приемы успокаивания особи и стада при помощи особых возгласов и даже специальные напевы, предназначенные для «звуковой терапии» (для того, чтобы заставить матку кормить осиротевшего ребенка) [цит. по: Новик 1999].

Е.С. Новик выделяет звукоподражания: 1) «натуралистические» (иконические): точное подражание оригиналу (крик, вой, свист и т.п.); для воспроизведения некоторых из них существуют специальные инструменты (охотничьи манки и пр. используются в утилитарных целях); 2) «символические»: похожи на оригинал, но передают лишь общее звуковое впечатление. Воспроизводятся либо с обычной речевой интонацией («образные слова»), либо мелодически интонируются и разрастаются в особые звукоподражательные напевы [Новик 1999].

А.В. Гура выделяет звукоподражания: 1) фонетические (типа «кар», «ку-ку», «кукареку»); 2) лексико-фонетические (образования, в основе которых лежит народно-этимологическая интерпретация голосов животных и птиц: крик вороны: «украл», крик петуха: «Катерино!») [Гура 1988, 1993].

Т.В. Цивьян, отмечая важную роль звукоподражаний, выделяет несколько способов передачи звука: 1) копирование звуков, 2) условно-фигуративное изображение, 3) пересказ, т.е. обозначением / изображением с помощью слова». «Разделение «описания» (шуметь, стучать, реветь и под.) звуков и их «изображения» (ономатопея) не случайно: ономатопеические фигуры в загадках столь многочисленны и разнообразны, что по ним был составлен особый словарь» [Цивьян 1999].

Самое пристальное внимание в исследованиях уделяется звучанию человеческого голоса и голосам животных и птиц. «По своей природе коды культуры универсальны, но характер их проявления, удельный вес, метафоры, в которых они реализуются, могут быть неодинаковыми в зависимости от определенной культуры, нации, эпохи, сферы» [Демидова 2012].

Богатейшая традиция описания значения звука в традиционной культуре одновременно является в определенном смысле «деконструкцией» идеи о «просто» звуке, который и служит основой всех звуковых культурных кодов.

Кроме того, анализ научной литературы показывает, что на сегодня отсутствуют системные исследования, которые бы представляли звуковую картину мира в целом (в той степени целостности, в какой человек способен воспринять звучащий мир).

3.2. Звуковое пространство, эксплицированное в языке

Нередко звуковое пространство, исследуемое в лингвистике, рассматривается в контексте языковой картины мира. Основной тенденцией данного направления является стремление систематизировать те или иные пласты лексики в соответствии с источниками звучания.

Познавательные способности человека обуславливаются каналами восприятия: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Слух становится одним из базовых каналов восприятия, обеспечивающих возможность коммуникации с внешним миром. Способность человека слышать, воспринимать информацию, передаваемую по акустическому каналу, обуславливает сам факт существования языка. В связи с этим интерес к систематизации мира звуков вполне понятен.

Звуки, звучащие объекты, типы звучаний, отраженные в языке в качестве составляющей языковой картины мира или семантического поля, классифицируются многими лингвистами (Л.М. Васильев, И.Г. Рузин, А.Н. Тихонов и др.).

Л.М. Васильев, исследуя семантику глаголов слухового восприятия, замечает: «рассмотренный класс глаголов тесно связан по ассоциации с полем звучания <...> связь проявляется в том, что объектную позицию в конструкциях с глаголами слухового восприятия занимают, как правило, названия звуков или их источников, в том числе звуков речи» [Васильев 1981: 63–66].

Н.Н. Моисеев выделяет в окружающей действительности три группы объектов, издающих звуки: 1) естественные природные

объекты, живые и неживые; 2) артефактные объекты; 3) человек, его внутренний мир и социальные отношения [Моисеев 1990: 156].

И.Г. Рузин выделяет три типа звучаний, основывая классификацию на источниках звучания: 1) звуки неживой природы и артефактов; 2) звуки, издаваемые человеком; 3) звуки живой природы [Рузин 1993: 17].

Типология денотативного пространства акустической сферы действительности Ю.В. Казарина бинарна: звуки живой и неживой природы. Существенным представляется выделение «общих денотативных зон» в сферах живой и неживой природы (звуки, производимые в процессе движения, падения, полета и т.п.) и между звучаниями зоофактов и антропофактов (звуки, производимые голосовыми связками животного и человека, а также вообще живым организмом). Значимой является постановка вопроса о национальной специфике русской акустической картины мира [Казарин 2000: 164–165].

Подобная модель представлена С.В. Стефановской [Стефановская 2009: 119, 121]: 1) живой звучащий мир; 2) неживой звучащий мир», которые детализированы в тех же категориях, что и типологии, представленные выше.

Современные исследователи нередко опираются на такие двух-трехчленные классификации, часто еще более обобщая их. Н.Н. Евтугова рассматривает немецкое номинативное поле концепта «звук» и выделяет два типа источника звука: 1) голосовые источники звука (не только голос человека, но и всех живых существ, включая насекомых); 2) неголосовые (артефакты, техника, музыкальные инструменты и пр.) [Евтугова 2010].

Н.А. Курашкина выделяет шесть субполей семантического поля «звук»: 1) «продуцирование звука»; 2) антропофоны (звуки, издаваемые человеком) как репрезентация антропозвукоферы; 3) технофоны (звуки неодушевленных предметов) как репрезентация технозвукоферы; 4) зоо- и натурофоны (звуки природных явлений и представителей животного мира) как репрезентация биозвукоферы; 5) «восприятие звука» (слышать/слушать); 6) нулевая фонация как репрезентация молчания и тишины [Курашкина 2007].

И.А. Шаронов разделяет звукоподражательные слова на четыре группы: 1) слова, однозначно выявляющие объект-источник звучания (*хрю-хрю, кар-кар, ква-ква, дин-дон, брр, апчи*); 2) слова с устойчивой и хорошо известной носителям языка формой, но имеющие ассоциации звучания с разными объектами-источниками (*пых-пых; буль-буль, дзинь, имяк*); 3) слова без четких ограничений на денотативную область источников звука (*ух* «резкий низкий звук (от удара, выстрела, разрыва)», *бац* «короткий сильный и резкий звук»); 4) необычные звуковые сочетания, также не имеющие ассоциативных связей с источником звука: *бим, бам, пинь-пинь-пинь*. Семантически И.А. Шаронов подразделяет оноματοпы на 1) слова, не передающие эмоций человека: «*Кхе-кхе! А-пчи!*»; 2) слова, передающие эмоции человека. «*Тю!* – удивленно присвистнул старик» [Шаронов 2009: 160–161].

Можно отметить стремление исследователей к детализации основных групп звучания. Н.А. Мишанкина реконструирует когнитивную модель представления звука в сознании носителей русского языка в виде пространственной модели: 1) *вертикаль*: *верх* (звучание небесное (гром), звучание птиц) – *низ* (звучание земное (шум)); 2) *горизонталь*: на этом уровне последовательно действует принцип антропоцентризма: центром мира является сам *человек* (голосовое, вербальное звучание), далее *дом* – пространство взаимодействия человека с другими живыми или близкими объектами (звучание домашних животных, детей, тонное звучание артефактов и музыкальных инструментов); *двор* – пространство воздействия человека, область адаптированная им для жизни (звучание дворовых животных, бытовых артефактов); *лес* – неосвоенное пространство, взаимодействие с объектами которого опасно и нежелательно (звучание диких животных, инструментов, механизмов) [Мишанкина 2002: 3, 11]. Автор реконструирует именно «пространство» звука.

Е.В. Тишина выделяет группы оноματοпов, обозначающих 1) лингвифонии (речевая деятельность человека), 2) зоофонии (фонии птиц, насекомых, животных), 3) антропофонии (эмо-

циональные выкрики человека, произвольные и непроизвольные звуки, в том числе телесные), 4) натурофонии (звуки природы), 5) технофонии (звуки технических средств) [Тишина 2010].

На наш взгляд, основной проблемой данных типологий является то, что человек в системе звучащего мира представлен в одном ряду с другими звучащими явлениями. Однако именно человек членит звуковое пространство и эксплицирует его в языке, а потому не может не занимать в нем особого места. Частично данный момент учитывается в типологии С.С. Шляховой, которая в пространстве фоносферы выделяет био- и социосферу [Шляхова 2005, 2006], рассматривая социосферу как семиотическую (resp. «человеческую») систему.

Таким образом, звуковое пространство, эксплицируемое в языке, обнаруживает такую же категоризацию звучащего мира, как и традиционная культура: звуки живой природы (голосовые и неголосовые звуки человека, звуки животных, звуки природы) и звуки неживой природы (артефакты). Однако языковые модели звукового поля актуализируют семантическую группу *технофонии* (технофоносфера), отражая выход человеческого сознания из биосферы в социосферу (ноосферу).

Ухо диалектоносителя не «слышит» или не хочет слышать звуков техногенной цивилизации (редкие указания на сельскохозяйственные механизмы, радио и телевидение), что отражает консервативность диалектной картины мира, с другой стороны, указывает на сохранность в диалектах традиционных когнитивных моделей.

Языковая система более тщательно фиксирует изменения фоносферы, отражая в звуковом пространстве мира звуки технического прогресса. В то же время звуковое пространство на глубинном уровне (языковая метафора) находится в поле традиционных когнитивных моделей: 1) вертикаль: *верх – низ*; 2) горизонталь: *человек, дом, двор, лес* [Мишанкина 2002].

3.3. Конкретизация понятия *языковая звуковая картина мира*

Немногочисленные исследования, в которых экспликация в языке звуковой картина мира или ее фрагментов является основным предметом исследования [Ежова 1999; Антонова 2003; Шляхова 2006, 2012; Евтугова 2010; Стефановская 2009, 2012 и др.], не содержат системного «списка» свойств звуковой картины мира. Внимание исследователей сосредоточено на конкретном звуковом фрагменте мира или на материале, в то время как системные свойства звуковой картины мира остаются за рамками повествования. В данном разделе конкретизируется понятие *языковая звуковая языковая картина мира*, в основе которой лежат понятия *языковая* и *диалектная картины мира*.

Звуковая языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о звучащем мире, один из способов концептуализации действительности. Основным языковым средством экспликации звуковой картины мира является ономотопея (первичные звукоподражания и звукоподражательная лексика).

Диалектная звуковая картина мира – это схема восприятия звучащей действительности, сложившаяся на протяжении многих веков существования социума, ограниченного определённой территорией и природными, экономическими, хозяйственными условиями жизни. Диалектная звуковая картина мира понимается как фрагмент диалектной языковой картины мира.

Диалектная звуковая картина мира – один из вариантов национального образа звучащего мира, отраженного в совокупности территориальных коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций. Совокупность диалектных звуковых картин мира представляет собой континуум естественных звуковых картин мира в пространстве конкретного языка.

Для диалектной звуковой картины мира характерны следующие *основные черты*: 1) один из локальных способов концептуа-

лизации мира; 2) «субстратом», внешней средой для звуковой картины мира языка является фоносфера; 3) «фундаментом» языковой звуковой картины мира является звукоизобразительная система языка (эксплицируется в языке преимущественно посредством ономотопеи); 4) системность и специфика звукоизобразительных систем различных языков отражает характер категоризации звукового пространства различными локальными и этническими группами; 5) установка на иконичность, изобразительность речи (стремление к мотивированности номинаций реализуется за счет иконичного характера базовых эксплицирующих единиц); 6) естественный характер (звуковая картина мира создается на основе естественных звучаний реального мира); 7) гипер- и поливариативность (обусловлены артикуляторными характеристиками языка, прагматикой звучания для данного социума, изобразительным характером базовых эксплицирующих единиц); 8) уникальность (обусловлена неповторимым звуковым ландшафтом, в котором осуществляется познавательная деятельность каждого человеческого коллектива); 9) приоритетность эмпирико-событийного знания, связанного со звучащей действительностью (звучания всегда связаны с жизнью природы и человеческого тела, трудовой деятельностью и пр.); 10) большая зависимость от внешних условий бытия (звук возникает и воспринимается только в конкретных ситуациях жизнедеятельности человека); 11) метафизический характер, онтологичность (обусловлены существованием и осмыслением звука «с начала времен»; мифологическое присвоение звуку функции инструмента «со-творения» мира); 12) архаичность, мифологический характер миропонимания (высокая семиотическая нагруженность звука как такового, выведение его в сферу сложных семиотических систем, в том числе в сферу мистического, магического, мифологического дискурса); 13) отсутствие кодификации.

Остальные свойства, характерные для языковой картины мира в целом, относительно звуковой картины мира будут проверяться дальнейшим анализом материала: необходимый уровень системности (целостность); антропоцентризм, антропомет-

ризм и антропоморфность; реликты синкретизма живого и неживого; консерватизм; парцеллирование объектов познания; детализированность; наглядно-образное и «вещное» восприятие концептов; субъективизм, оценочность; второстепенная роль абстрактного; «пессимизм», неагентивность, пассаеизм.

Это позволит нам выявить базовые свойства не только диалектной звуковой картины мира, но и звуковой картины мира как таковой. «Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики» [Зализняк: электр. ресурс].

«Звукоизобразительность является связующим звеном между интра- и экстралингвистическими сущностями рассматриваемой системы, и в этом заключается ее роль как системообразующего признака» [Швецова 2011: 21].

4. Фоносфера и фоносемантическая звуковая картина мира

4.1. Фоносемантическая картина мира: к постановке проблемы

Поливариативность языковой картины мира обусловлена существованием множества ее вариантов (наивная и научная, универсальная и идиоэтническая, статическая и динамическая, индивидуальная и пр.), связанных с различными подходами к концептуализации и категоризации мира. Сегодня предлагается еще один способ категоризации действительности [Шляхова 2005, 2014; Дрожащих 2006; Михалев 2009, 2014; Вершинина 2013; Шестакова 2013] – фоносемантическая картина мира, под которой понимается часть языковой картины мира, эксплицированной в языке фоносемантическими средствами, основное из них – иконическая (звукоподражательная (ономатопея) и звуко-символическая) лексика.

Соотносимыми с понятием *фоносемантическая картина мира* понятиями являются понятия *звуко-цветовая картина мира* [Прокофьева 2007], *фоносемантическое поле* [Михалев 1995], *иконическое пространство языка* [Дрожащих 2006], *фо-*

носемантическая звуковая картина мира [Шляхова 2005; Вершинина 2013; Шестакова 2013], которые являются вариантами экспликации фоносемантической картины мира на основании разных фоносемантических кластеров: звуко-цветовые ассоциации (Л.П. Прокофьева), морфемотип (А.Б. Михалев), консонантная инициаль (Н.В. Дрожжанин), фоносемантические маргиналии, шире – ономатопоея (С.С. Шляхова, М.Г. Вершинина, О.В. Шестакова).

Различные фоносемантические кластеры формируют звукоизобразительную систему языка, лежащую в основе фоносемантической картины мира, которая, в свою очередь, является фрагментом языковой картины мира (рис. 1).

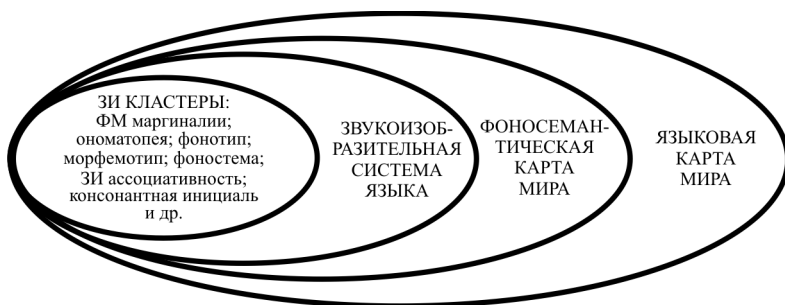

Рис. 1

Говоря о фоносемантической картине мира как о фрагменте языковой картины мира, мы, конечно, делаем уступку традиционной лингвистике. Если дерево вырастает из семени, то нельзя говорить, что семя является фрагментом дерева, оно – его основа, суть, единственная возможность рождения, эволюции и существования. О первичной примарной мотивированности и системном отражении мира на уровне различных фоносемантических кластеров (или фоносемантической картины мира) говорят многие исследователи. Это указывает на *универсальный характер* рассматриваемого феномена.

По мнению А.Б. Михалёва, «теория фоносемантического поля открывает путь для систематизации всей лексики любого

языка и, соответственно, его семантического пространства как одного из слоёв языковой картины мира, в том числе протоконцептуального пространства языка» [Михалёв 2009].

«Базисные концептумы образуются с помощью имитативных свойств речевых звуков, символизирующих признаки и действия проприо- и экстероцептивных сфер жизнедеятельности человека. В свою очередь, они порождают новые концепты, формируя, таким образом, всю концептуальную систему языка» [Михалев 2014: 102].

Л.П. Прокофьева считает, что звуко-цветовая картина мира формируется посредством механизмов синестезии и синестемии и представляет собой универсальное образование, отражающее архетипические черты мифологического мышления на основе бессознательной способности человека ассоциировать звуки и цвета.

Универсальная основа способности человека к полимодальному восприятию (в виде ассоциирования и метафор) базируется на национальном (подсознательном) свойстве отражать специфику взгляда на мир через конкретный язык [Прокофьева 2007].

Исследуя звукосимволическую семантику начальных согласных («дентальная», «лабиальная», «велярная» лексика) в древнеанглийском и ие. языках, Н.В. Дрожащих приходит к выводу о том, что «структурированное в виде моделей иконическое пространство языка в единстве материального и концептуального содержания представляет собой своего рода *текст* – «языковое предание, идущее из глубины веков» (Х.-Г. Гадамер), а лексикон в целом может быть рассмотрен как совокупность «текстов» словарных статей, организованных по алфавитному принципу. «Совокупная словарная статья» передает единое топологическое содержание – архаическую систему представлений о генезисе и последующем развитии мира, общества и человека, т. е. космо-, социо- и антропогенетический коды, параллельные информации о самоорганизации и саморазвитии языка» [Дрожащих 2006: 16].

В работах С.С. Шляховой, посвященных исследованию фоносемантических маргиналий (первообразные междометия, звукоподражания, глагольно-междометные формы и т.п.), установ-

ливается, что фоносемантические маргиналии (ФМ) представляют собою системно-структурное образование, развивающееся во взаимосвязи и взаимозависимости с внутренней (языковая система) и внешней (внеязыковая звучащая реальность) средой ее существования.

ФМ рассматриваются как линейные системы в современной синхронии и статике и как нелинейные – в диахронии и динамике. ФМ являются теми «языковыми окаменелостями», которые в своей структуре и функционировании сохраняют признаки всех стадий развития языка, как в генезисе и диахронии, так и в современной синхронии. В онтогенезе ФМ являются переходным моментом между имитацией жестов и ситуаций и речевыми фактами, между лепетом и словесной речью, а в целом между безъязычным и языковым периодом развития. В филогенезе – переход от проторечи к абстрактному языку, от жестовой речи к звуковому языку.

ФМ-система понимается как базовая подсистема звукоизобразительная система языка и как периферийная подсистема языка в целом. Зона ФМ-системы понимается как зона перетекания биосферы в семиосферу, преобразования не-семиотического звука в семиотический. Феномен «фоносемантические маргиналии» понимается как «начало» человеческой речи («проторечь»), как протосемиотический знак, подвергаемый культурно-языковой семиотизации [Шляхова 2005].

Так, в семантике русской и немецкой ономотопеи эксплицируется подавляющее большинство сфер окружающей действительности за исключением некоторых узких специальных областей экономики, права, истории, религии и т.п. В семантике ономотопов (через семантические переходы) восстанавливается *целостная картина бытия человека* во множестве аспектов его проявления [Шестакова 2013; Шляхова, 2014].

Идиоэтническая специфика фоносемантической картины мира представлена, например, на уровне ономотопеи в русском и немецком языках, что проявляется в незначительных колебаниях в численности того или иного типа звучания или семантиче-

ского перехода, которые в самом общем виде отражают менталитет этноса, его авто- и гетеростереотипы. Так, экспликация понятий, связанных с *техникой*, в немецком языке более чем в 3 раза превышает данные по русскому языку. Семантика *интенсивность* в немецком языке в 10 раз превышает экспликацию этой группы в русском языке. В русском языке в 2–4 раза больше, чем в немецком, представлены группы *религиозные обычаи* (православие как базовый компонент традиционной культуры); *сверхъестественное* (базовые категории *душа* и *судьба*; убежденность в непреодолимости судьбы) и пр. [Шестакова 2013; Шляхова 2014].

Корреляция ономастов в сопоставляемых языках в фоносемантическом, семантическом и количественном аспектах говорит о непротиворечивом отражении объективной реальности и указывает на универсальный характер экспликации в языке фоносемантической картины мира [Шестакова 2013].

Можно даже говорить о социолингвистичности фоносемантической картины мира. Исследуя звуковую картину мира в пермских говорах, М.Г. Вершинина приходит к выводу о том, что фоносемантическая диалектная звуковая картина мира оказывается значительно «беднее» картины мира носителя традиционной культуры, которая ориентируется на человека «духовного», стремящегося подавить человека «физиологического».

По мнению автора, иконическая природа ономастопеи ограничивает возможности отражения всего спектра человека «внутреннего», духовного. В фоносемантической звуковой картине мира *homo faciens* (делающий) противопоставлен *homo existimans* (думающий) диалектной картины мира, *homo naturalis* (природный) – *homo socialis* (общественный); *homo practicus* (практический) – *homo spiritualis* (духовный); *homo loquens* (говорящий) – *homo cantantes* (поющий), *homo ludens* (играющий), *homo folklore* (фольклорный); *homo physiologica* (физиологический) – *homo mentales* (психический) [Вершинина 2013].

Однако фоносемантическая картина мира подчиняется фоносемантическому закону доминантности изоморфизма, который гласит, что в звукоизобразительных системах любых двух

языков изоморфические черты доминируют над алломорфическими [Газов-Гинзберг 1965; Воронин, 1982]. Таким образом, фоносемантические картины мира любых языков мира будут иметь больше сходных черт, чем различных, что и показывают упомянутые выше исследования.

Более того, различные фоносемантические кластеры (ономотопея; «дентальная», «лабиальная», «велярная» и пр. лексика; фонестема; морфемотип; редупликаты) являются носителями общего семантического пространства [Шестакова 2013; Дрожачих 2006; Михалёв 1995, 2008; Зимова 2005; Джукаева 2010; Колева-Златева 2008].

Таким образом, фоносемантическая картина мира характеризуется теми же свойствами, что и языковая картина мира, поскольку являет собой способ концептуализации мира и отличается системностью, конкретностью, целостностью, поливариативностью, космологичностью и антропоморфизмом. Для фоносемантической картины мира также характерно единство стабильности и изменчивости, универсального и идиоэтнического.

На наш взгляд, фоносемантическая картина мира является не фрагментом языковой картиной мира, а ее ядром, протоконцептуальным базисом, первоэлементом, минимальным порождающим всех языков, «штивом складного веера» языков.

Исследования фоносемантической картины мира могут «стать ключом к осмыслению истоков концептуализации и категоризации в масштабе общечеловеческой истории. Дополнить и уточнить всю картину семиогенеза помогут дальнейшие аналогичные исследования других языковых семей и, шире, ностратической макросемьи языков» [Михалев 2014: 102].

4.2. Фоносемантическая звуковая картина мира

Фоносемантическая звуковая картина мира является фрагментом фоносемантической картины мира. Для исследуемого нами объекта не сегодня в науке не существует устоявшегося термина: *фоносфера* [Шляхова 2006], *звукосфера* [Курашкина 2007], *звуковая картина мира* [Стефановская 2009], *акустиче-*

ская картина мира [Казарин 2000; Максимов 2010], *фонетическая картина мира* [Казарин 2000], *фоносемантическая картина мира* [Шляхова 2006], *саундшафт* [Мишанкина 2002; Возьянов 2009], *саундскейп* [Schafer 1977; Colombijn 2007; Возьянов 2009], *звуковое пространство* [Голос и ритуал, Мир звучащий и мир молчащий], *звуковое поле* [Агапкина: электр. ресурс], *звуковой пейзаж* [Цивьян 2000], *звуковой ландшафт* [Полищук 2003], *звуковой мир* [Ежова 1999; Стефановская 2012] и др. Практически все термины употребляются как синонимичные.

Терминологический разнобой отражает, с одной стороны, неразработанность данного вопроса в лингвистике, с другой – «точки отсчета» в интерпретации. Н. А. Мишанкина использует термин *саундшафт*, который указывает направление исследования, ориентированное на воссоздание пространственной модели распространения звука [Мишанкина 2002]; Ю.В. Казарин – *фонетическая* и *акустическая картина мира* – исходит из акустических и фонетических параметров звучания [Казарин 2000]; Т.В. Цивьян – *звуковой пейзаж* – восстанавливает народнопоэтическое звуковое пространство загадки [Цивьян 2000], С.С. Шляхова – *фоносемантическая картина мира* – изучает языковую картину мира, отраженную в языке посредством фоносемантических единиц [Шляхова 2006] и пр.

Термины *саундшафт*, *саундскейп* и их переводы *звуковой пейзаж*, *звуковой ландшафт* коррелируют с терминологией М. Шафера, который исследует городской и сельский саундскейп, выделяя в нем Hi-fi (высококачественные природные звуки) и Low-fi (разрушающие человека техногенные шумы) [Schafer 1977].

В современных исследованиях понятие *звуковая языковая картина мира* не получает какого-либо специального толкования и системного описания. В нашей работе этот пробел частично восполняется. Понятия *фоносфера* и *звуковая языковая картина мира* не являются синонимичными. Обоснование понятия *звуковая языковая картина мира* оказывается недостаточным для описания принципиально значимых ее свойств. Введение термина *фоносфера* обусловлено исследовательскими задачами.

4.3. Фоносфера и языковая звуковая картина мира

Для описания системных свойств объекта недостаточно его рассмотрения «в самом себя и для себя», необходимо «погружение» объекта во внешнюю среду, которая и формирует свойства любой системы. Для звуковой картины мира внешней средой является фоносфера. В первую очередь следует отметить, что данные понятия используются в рамках разных направлений лингвистики: фоносфера – в естественнонаучных и фоносемантических исследованиях, звуковая картина мира как часть языковой картины мира – в когнитивной лингвистике. Тем не менее, они тесно взаимосвязаны и могут быть использованы в качестве дополняющих друг друга понятий.

Под *фоносферой* понимается «звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (часто неосознаваемые человеком), техническими и культурно-семиотическими (осознаваемые человеком) звуковыми системами» [Шляхова 2005].

Термин *фоносфера* создан по аналогии с такими терминами, как *биосфера*, *ноосфера*, *социосфера*, так как отражает, несмотря на фиксацию в языке, характер исследуемого объекта (звука), определяемый в естественнонаучном смысле. Иначе говоря, фоносфера предполагает исследование естественного, реального звука, отраженного в языке.

С.С. Шляхова определяет место фоносферы «на грани биосферы и социосферы»: она возникает «на уровне биосферы, через ноосферу становится частью семиосферы, образуя многочисленные звуковые коды (музыкальный, языковой, биоакустический и др.)» [Шляхова 2005].

В данном исследовании делается попытка выявления фоносферы через лингвофоносферу. Иначе говоря, мы исследуем фоносферу (совокупность звуков, окружающих человека и распознаваемых им), отраженную в лингвофоносфере (языке).

Фоносфера не может быть отражена в лингвофоносфере полностью, поскольку человек различает не все звуки, а только

те, которые обладают параметрами, доступными слуху, с одной стороны, и определенной значимостью для человека – с другой. Мы восстанавливаем фрагмент фоносферы, который человек «слышит». Та часть звукового окружения, которую человек «не слышит», также частично может быть определена через язык: те области звучания, которые отражены в языке в меньшей степени, могут создать представление о тех областях звучания, которые в меньшей степени распознаются человеком.

Определим различия, общие и специфические свойства фоносферы и языковой картины мира. *Общие свойства* фоносферы и языковой картины мира представлены в табл. 1.

Таблица 1

Фоносфера	Звуковая языковая картина мира
1. Системность	
Согласно системности мироздания	Согласно системности языка
2. Естественность	
Как природный феномен	Как естественным образом создаваемая система в рамках естественного человеческого языка
3. Зависимость от внешних условий бытия	
Звуковая структура мира возникает в ходе естественной эволюции, а также в результате жизнедеятельности человека	Звук возникает и воспринимается только в конкретных ситуациях жизнедеятельности человека

В то же время феномены фоносферы и языковой картины мира существенно *отличаются друг от друга* (табл. 2).

Специфические свойства фоносферы едва ли входят в компетенцию лингвиста, в то время как *специфические свойства языковой картины мира* определяются в категориях лингвистики и философии: 1) установка на иконичность, изобразительность речи; 2) метафизический характер, онтологичность; архаичность, мифологический характер миропонимания.

Таким образом, различий между фоносферой и звуковой картиной мира значительно больше, нежели сходства.

Звуковая картина мира предстает как фрагмент языковой картины мира [Стефановская 2009]; она антропоцентрична, как и языковая картина мира в целом. Фоносфера – вся совокупность окружающих человека звучаний, независимо от того, осознаются они человеком или нет.

Т а б л и ц а 2

Фоносфера		Звуковая языковая картина мира
Не зависит от сознания и не связана с ним	1	Один из способов категоризации мира в человеческом сознании
Внешняя среда – био- и социосфера	2	Внешняя среда – фоносфера
Существует в поле био- и социосферы	3	Существует в поле языка
«Субстрат» для звуковой картины мира	4	Фрагмент языковой картины мира
Основа – мироздание (Вселенная, мир)	5	Основа – звукоизобразительная система языка
Универсальность	6	Идиоэтничность, уникальность, этноцентричность
Единственность	7	Множественность
Инвариантность	8	Поливариативность
Несемиотичность	9	Семиотичность
Объективность	10	Субъективность, антропоцентричность
Непрерывность, «сплошность», континуальность	11	Лакунарность, фрагментарность, дискретность
Единицы системы – естественные и создаваемые человеком звуки и шумы	12	Единицы системы – языковые средства разных уровней

Человек из хаоса окружающих его звуков избирает лишь некоторые, либо доступные его слуху в силу акустических параметров звука (например, громкий звук), либо значимые для него по какой-либо иной причине.

Совокупность «слышимых» звуков представляется в виде определенной модели, которую можно выявить, опираясь на языковые факты, так как наиболее значимые явления действительности отражаются в языке.

«Сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств окружающую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные, обобщенные модели действительности» [Петренко 1988: 12]. Отбор звуков из всей совокупности окружающих человека звучаний и отражение их в языке является одним из способов концептуализации и систематизации пространства, а значит одним из фрагментов языковой картины мира.

Звуковая картина мира и фоносфера понятия близкие, но не тождественные. Звуковая картина мира – это фрагмент не только языковой картины мира, но и фоносферы одновременно, т.е. фрагмент реальности, отраженный в языке.

Одновременно, звуковая картина мира – это не только совокупность отобранных из окружающей действительности значимых звуков, но и определенная субъективная характеристика данных звучаний, их семиотизация. Это своего рода субъективное представление этноса об окружающей действительности; субъективность представлений о звучащем мире кроется как в наборе звуков, так и в способе их представления в языке.

Все существующие в различных языках звуковые картины мира в совокупности не могут представить фоносферу мира; в любом случае это будет лишь фрагмент фоносферы, который осознан человеком.

В нашей работе исследуется *фоносемантическая звуковая картина мира*, которая понимается как фрагмент языковой звуковой картины мира, выраженный фоносемантическими средствами. *Фоносемантическая диалектная звуковая картина мира* – это фрагмент диалектной звуковой картины мира, выраженный фоносемантическими средствами.

Нас интересует не столько субъективный компонент восприятия звучаний, сколько спектр и характер отобранных звуков реальности, которые обладают определенными параметрами, значимыми для восприятия человека.

Взаимоотношения между фоносферой и вариантами языковых картин мира представлено на рис. 2.

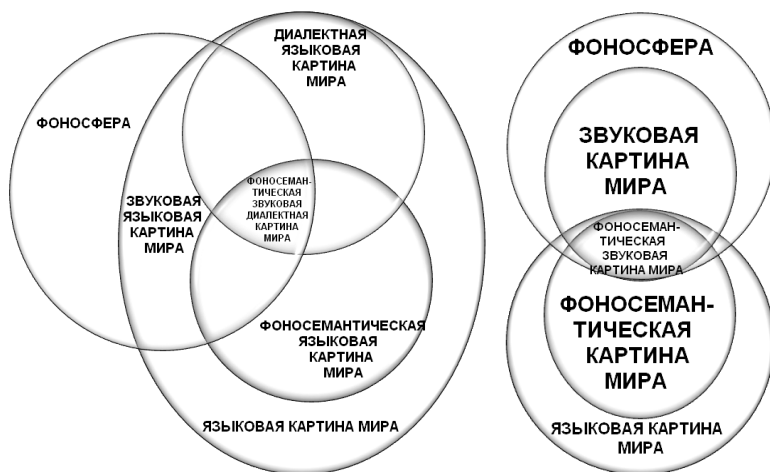

Рис. 2

На схеме видно, что фоносемантическая диалектная звуковая картина мира является фрагментом фоносферы, диалектной звуковой картины мира и фоносемантической картины мира.

Поскольку фоносфера является сложноорганизованным объектом, то представим структуру фоносферы в рамках трех координат – связи, изменения, пространство. Соответственно, выделим три вида моделей фоносферы. *Плоскостная модель* – теоретическая конструкция, которая представляет собой схему, где отображены связи между элементами, входящими в систему. *Динамическая модель* – теоретическая конструкция, описывающая изменение (динамику) состояний объекта. *Пространственная модель* – теоретическая конструкция, которая представляет элементы системы на основе их топологических свойств. Моделирование является эффективным методом изучения объектов, не данных в непосредственном наблюдении (фоносфера).

4.4. Плоскостная модель фоносферы

Все описываемые звуки окружающего мира можно классифицировать, используя различные параметры: характер звука, определенные параметры звучания и пр. Структура фоносферы

определяется источником звука. Исходя из данного дифференцирующего признака, все звуки могут быть разделены на две основные группы: звуки естественные и звуки неестественные (искусственные). Естественные звуки относятся к биофоносфере, так как представляют собой естественные природные звучания. Искусственные, соответственно, – к социофоносфере, так как источниками звуков являются объекты, созданные человеком.

Бинарного членения фоносферы придерживаются практически все исследователи звуковой картины мира. В нашем понимании бинарное членение источника звука («живые» и «неживые») допустимо, но не до конца верно, так как существует разница между звучаниями камня и приспособления, изобретенного человеком.

На наш взгляд, фоносфера должна члениться не на две, а на три основные сферы: биофоносфера, социофоносфера и антропофоносфера как «переходная» сфера от биологического звука-шума к социальному звуку-знаку. С одной стороны, человек – существо биологическое, которое производит естественные звуки. С другой стороны, осмысленная речь – явление социальное. Именно фоносфера человеческой речи является метой перехода от биосферы к ноосфере (семиосфере). Согласно реконструкциям Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова древние индоевропейцы считали, что дар речи, наряду с «двуногостью», отличает людей от животных» [Гамкрелидзе 1984]. Простейшие действия при помощи предметов – также в большей степени относятся к социальным звукам, чем к биологическим. В конце концов, социофоносфера – порождение человека.

Кроме того, категоризация звуковой картины мира будет зависеть от «точки отсчета» и интерпретатора. М. Шафер приводит примеры контекстного декодирования звука: 1) в акустике – какие звуки – физик, инженер; 2) в психоакустике – как они воспринимаются – физиолог, психолог; 3) семантика – что это значит – лингвист, коммуникатор; 4) эстетика – поэт, композитор.

Так, *колокол тревоги*: 1) акустика – быстрая амплитуда модуляции; узкополосный шум на частоте 6000 герц, 85 децибел; 2) психоакустика – внезапное возбуждение; непрерывная трель;

громко; снижение интереса при условии слухового утомления; 3) семантика – сигнал тревоги; 4) эстетика – страшно, неприятно, некрасиво. *Звучание флейты*: 1) акустика – недалеко от чистых тонов с некоторыми присутствием четных гармоник; варьируется от 500 до 2000 герц, 60 децибел; 2) психоакустика – смена тонов, контур мелодический, чистые тона; умеренно громкий; 3) семантика – соната Баха; побуждение «сядь и послушай»; 4) эстетика – музыкальные, приятные, красивые (перевод наш. – С.Ш., М.В.) [Schafer 1977: 150].

В построении моделей фоносферы мы исходим из критерия «источник звучания».

4.4.1. Биофоносфера. Термин «биофоносфера» образован по аналогии с термином «биосфера» в понимании В.И. Вернадского. Биофоносфера является акустической стороной биосферы. «*Вещество биосферы <...> проникнуто энергией; оно становится активным, собирает и распространяет в биосфере полученную в форме излучения энергию, превращает ее в конце концов в энергию в земной среде свободную, способную производить работу*» [Вернадский 1987: 37].

В наивной картине мира вся биосфера представляется «живой»: многие природные объекты антропоморфизируются (растения, скалы и пр.). Основываясь на понимании биосферы как материи, преимущественно «живой» и саморазвивающейся, сложившейся без вмешательства человека и породившей его, мы относим к биофоносфере все звучания, производимые данной материей. Биофоносфера – «естественно складывающиеся системы звуковых сигналов» [Шляхова 2005].

Биофоносфера по своему составу неоднородна, так как источниками звука являются различные объекты биосферы, согласно которым можно выделить *атмофоносферу* (звуки осадков, движения воздуха), *гидрофоносферу* (звуки воды), *литофоносферу* (звуки почвы, элементов почвы – минералы, живые организмы, вода, газы) и сферу *живых существ*.

Внутри гидрофоносферы можно выделить *океанофоносферу* (звуки моря и океана), *потамофоносферу* (звуки рек), *лимонофоносферу* (звуки озер), *болотофоносферу* (звуки болот), *гляциофоносферу* (звуки льда и ледников).

Внутри биофоносферы можно выделить «живое», способное двигаться и «говорить» (*зоофоносфера*, *нтропофоносфера*) «неживое».

Зоофоносфера включает звуки птиц (*орнитофоносфера*), насекомых (*энтомофоносфера*), земноводных и пресмыкающихся (*герпетофоносфера*), рыб (*ихтиофоносфера*), млекопитающих (*териофоносфера*), червей (*гельминто-* и *нематофоносфера*), пауков (*арахнофоносфера*), клещи (*акарофоносфера*), ракообразных (*карцинофоносфера*), муравьев (*мирмекофоносфера*).

К «неживым» (с достаточной долей условности, так как в традиционной культуре все объекты биосферы так или иначе антропоморфизируются) относятся звуки растений (*фитофоносфера*): водоросли (*альгофоносфера*), грибы (*микофоносфера*), лишайники (*лихенофоносфера*), мхи (*бриофоносфера*), растения (*флорофоносфера*), деревья (*дендрофоносфера*).

Выделенные группы неоднородны по своему составу: одни части фоносферы распознаются в большей степени, другие – в меньшей.

Биосферная плоскостная модель фоносферы согласно научной картине мира выглядит следующим образом (рис. 3).

4.4.2. Социофоносфера. Это система искусственных звучаний. Социофоносфера могла возникнуть только вследствие воздействия человека на биосферу. В естественно-научной парадигме данная сфера называется ноосферой. Ноосфера, в понимании П. Тейяра де Шардена, представляет собой качественно новое состояние концентрации сознания, которое образует особую пленку или сферу духа, «мыслящий пласт», покрывающий Землю. Подобно биосфере, это – еще одна земная оболочка, покров, разворачивающийся «над миром растений и животных – вне биосферы и над ней» [Тейяр де Шарден 1965: 181].

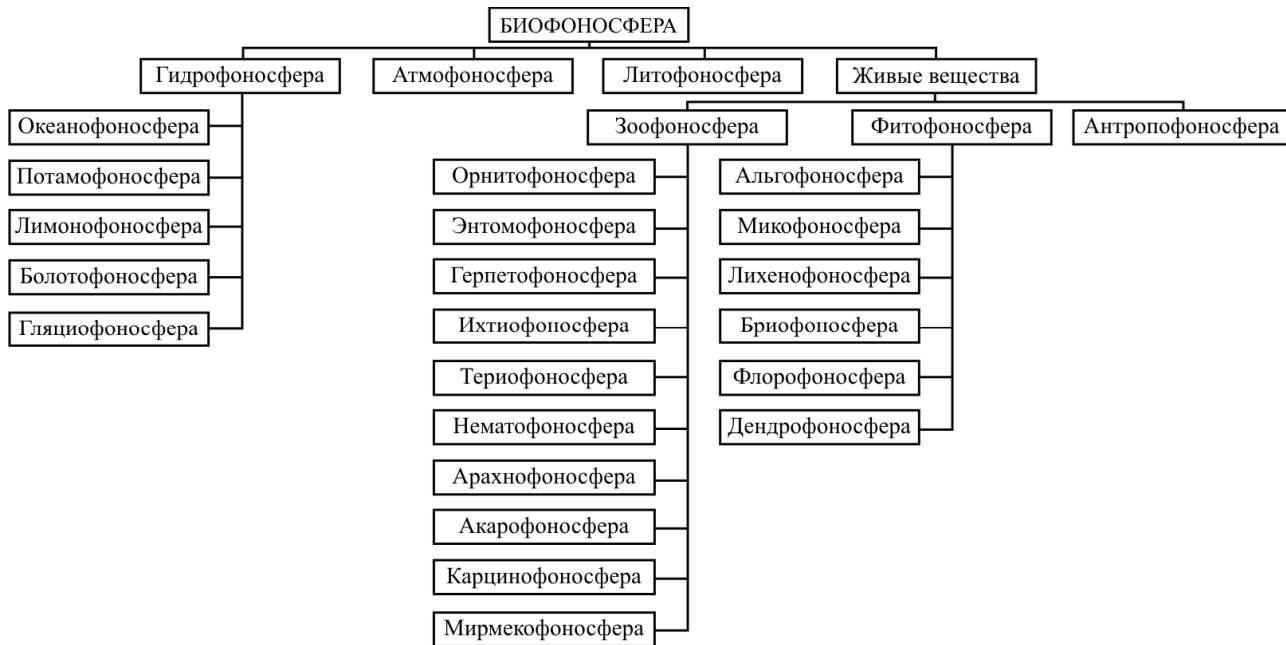

Рис. 3

Это не просто мириады крупинок мысли, а единая мыслящая оболочка, образующая субстанцию мысли, в которой множество индивидуальных мышлений группируется и усиливается в акте единого мышления. Ноосфера, следовательно, не простая сумма индивидуальных рефлектирующих сознаний людей, а качественно новый сверхиндивидуальный феномен, охватывающий целиком все человечество. Поэтому ноосфера как целое больше, чем простая сумма образующих его элементов [Олейников 1999].

Наряду с термином *ноосфера* употребляются термины *интеллектосфера* (А. Гумбольдт), *техносфера* (А.И. Ферсман), *пневматосфера* (П.В. Флоренский), *семиосфера* (Ю.М. Лотман).

«Ноосфера, подобно человеку, её носителю и творцу, имеющему тело, душу и дух, также имеет трёхчастное строение. Её тело – Техносфера, объединяющая все средства переработки энергии и вещества, транспорта и коммуникаций, созданные совокупной мыслью человечества. Её душа – Социосфера, включающая всю совокупность отношений между людьми и общественными структурами <...> её Дух – Идеосфера, сфера идеальных продуктов деятельности человечества, таких, как искусство, наука, религия, мифологические формы сознания» [Режабек 2003].

Гуц А.К., Коробицын В.В., Лаптев А.А. выделяют пять основных уровней в иерархической структуре развития общества: биосфера, этносфера, социосфера, психосфера, антропосфера. Социосфера является одним из уровней. На нижнем геобиотическом уровне общество людей представляет собой подсистему экологической системы; на этническом уровне – это структурированный коллектив индивидов, способных к единым реакциям на внешние воздействия (стереотипам поведения). На третьем, социальном уровне характеристиками общества становятся: сознание, обучение, развитие. Более высокие уровни – психосфера, антропосфера (роль гениев на развитие) [Гуц 2000; Терентьева 2013]. На наш взгляд, здесь отсутствуют единые основания типологии: психосфера может входить в поле антропосферы, а этносфера – в социосферу или наоборот.

В работе мы остановимся на термине *социосфера* как оппозиции природному началу, привлекая для аргументации характеристику свойств социумных объектов, выделенные В.И. Терентьевой. Факторами и характеристиками больших социальных целостностей являются: 1) индивиды и группы, техноприродные ниши, субъективные, социальные и культурные формы и решения, психологические ментальности (сознание), качество жизни, события; 2) локусы, режимы синхронии, механизмы развития, исторические динамики, локальные вызовы и ответы, стратегии, тенденции; 3) общества, социетальные вызовы и ответы, типы динамических стратегий, тренд-структуры, мегатенденции; 4) типы, стадии и фазы развития обществ и макроисторические события и др. [Терентьева 2013].

Можно выделить две основные группы социофоносферы: материальная культура и духовная культура. В рамках материальной культуры выделяются *технофоносфера* (технические шумы и звучания) и *сигналофоносфера* (специальные звуковые системы); в рамках духовной культуры – *музыкафоносфера* (музыкальные звуки) и *мифофоносфера* (звучания, которые приписываются мифическим существам).

Данное поле звуков может быть более дифференцировано, так как социальная сфера звучания интенсивно развивается и социофоносфера постоянно пополняется новыми звучаниями, а подчас и целыми системами.

4.4.3. Антропофоносфера. «Человечество, как живое существо, неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее биосферой. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту» [Вернадский 1987: 473]. Звуки человека могут быть отнесены к биофоносфере. С другой стороны, человек – существо социальное и определенные области звучания в большей степени относятся к социофоносфере (трудовые действия и пр.). Звучания человека мы выделяем в отдельную груп-

пу, которая является, своего рода связующим звеном между миром естественных явлений и искусственных.

В составе антропофоносферы можно выделить две основные группы: звуки, производимые человеком как биологическим существом и звуки человека социального. Такое членение также обладает определенной условностью, так как не всегда можно точно провести границу между этими типами звуков. Так, чихание – звук биологического существа (чихают животные, птицы), однако, наделяя чихание божественным происхождением [Богданов 2001], человек переводит его в сферу духовной культуры.

По способу и характеру производства звуки человека можно поделить на голосовые и не голосовые. Так, к голосовым звукам можно отнести звуки речи (*лингвофоносфера*), пения (*музыкафоносфера*), ритуального говорения (*мифофоносфера*) и некоторые рефлекторные звуки. Последняя группа относится к «человеку биологическому», а три первые – к «социальному». К не голосовым звукам относятся звуки человеческого тела (*соматофоносфера*) и звуки совершаемых человеком действий (*кинемофоносфера*).

Соматофоносфера включает в себя звуки, производимые человеком как биологическим существом: кровь и кровообращение (*ангиофоносфера*), кости (*остеофоносфера*), мышцы (*миофоносфера*), внутренние органы (*спланхнофоносфера*). Внутренние органы составляют *пищеварительную* (звуки ротовой полости, языка, пищевода, желудка, толстой и тонкой кишки), *дыхательную* (звуки носа, глотки, гортани, легких, бронхов), *мочевыделительную* (почки, мочеточник, мочевой пузырь, мочевой канал), *сердечнососудистую* (звуки сердца), *репродуктивную* (звуки половых органов) и *опорно-двигательную* системы. В целом составляющие данной сферы звучания нередко имеют пограничный характер.

Плоскостная модель биоантропофоносферы (соматофоносфера) согласно научной картине мира выглядит следующим образом (рис. 4).

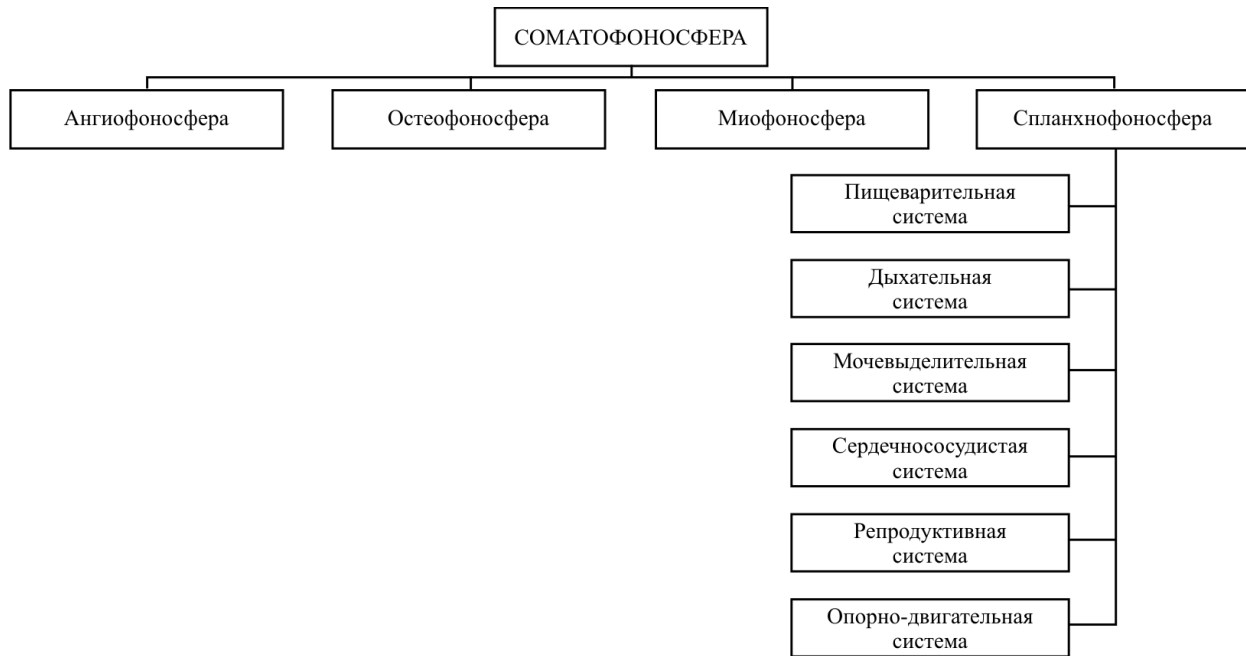

Рис. 4

4.4.4. Переходные области звучаний. Некоторые сферы звучания не могут быть определены однозначно по причине их переходного характера, что характеризует непрерывное движение и взаимодействие между собой сфер жизни и сфер звучания.

Антропофоносфера взаимодействует с другими сферами: гидрофоносферой (плеск при купании и пр.), фитофоносферой (срывание травы, растирание и пр.), зоофоносферой (подзывные и отгонные слова), сигналофоносферой (человек как источник и адресат сигнала), технофоносферой, музыкафоносферой.

Сферы звучания могут взаимодействовать между собой: зоофоносфера и натурфоносфера/фитофоносфера, сигналофоносфера и музыкафоносфера (различные музыкальные инструменты восходят к сигнальным устройствам, нередко, пастушеским). На вторичный характер музыки косвенно указывает тот факт, что в основе музыкальных звуков лежат звуки природные.

Орнитологические представления этноса преформируются в музыкальный код культуры [Панюков 2003; Мальчевский 2009; Шляхова 2012].

В настоящее время достаточно часто приводятся различные данные о негативном влиянии технических шумов на развитие организмов; система сигнальных звучаний, отвечающая коммуникативной функции, также является позднейшей относительно системы звучаний биосферы и выросла из нее.

Как отмечает Т.С. Коготкова, ситуативная прикреплённость, неподготовленность говорящего вызывают «приблизительность» употребления, порождающую языковое своеобразие диалектного слова, диффузию его семантики, когда отдельные, частные смыслы слова так взаимно проникают друг в друга, что их трудно расчленишь на самостоятельные значения [Коготкова 1979: 303].

Общая плоскостная модель фоносферы (согласно научной картине мира) представлена на рис. 5.

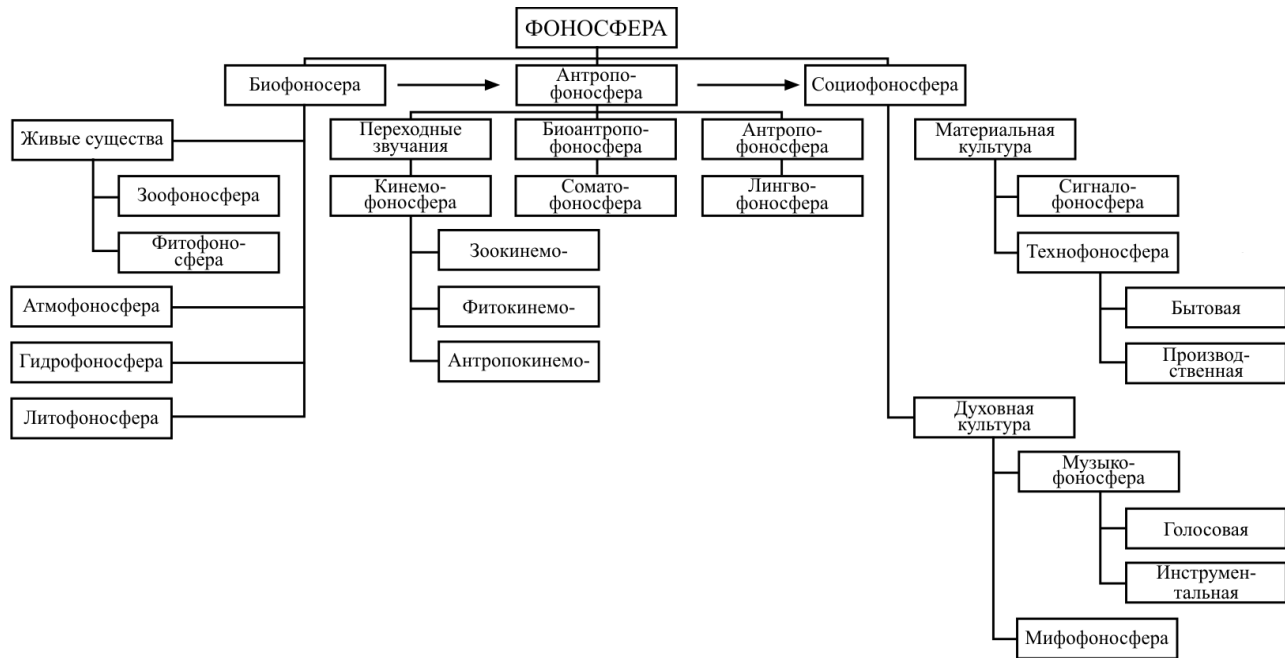

Рис. 5

4.5. Динамическая и пространственная модели фоносферы

4.5.1. Динамическая модель фоносферы. Антропофоносфера, по-видимому, занимает промежуточное положение между биофоносферой и социофоносферой, так как человек может быть источником как естественных звучаний, так и искусственных. Кроме того, он создает социофоносферу. Здесь модель фоносферы представлена не как бинарное противопоставление «живой»/«неживой» звук, а как эволюционная модель преобразования звука от естественного (звук-шум) к искусственному (звук-знак).

Динамическая модель фоносферы представлена на рис. 6.

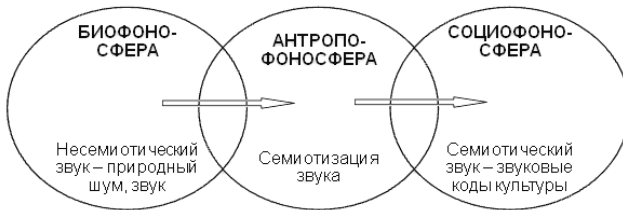

Рис. 6

Соотношение этих областей можно рассматривать как этапы эволюции источника: 1) звук, существующий вне человека; 2) звук, порождаемый человеком; 3) звук, издаваемый всевозможными артефактами, созданными человеком.

М. Шафер говорит (перевод наш. – *С.Ш., М.В.*) о «революциях» в звуковом ландшафте, которые были связаны с изобретением телефона, фонографа и радио, что привело к «шизофонии» (schizophonia). По М. Шаферу schizophonia (греч. schiz «раскол, отделение», phone «голос») – это отделение природного звука от электроакустического (звук от голоса).

До электроакустических революций любой звук был естественным и уникальным (никакой звук нельзя было повторить или произнести дважды), возможный только «здесь-и-сейчас» (в одно время в одном месте).

После изобретения телефона, фонографа и радио звук был освобожден от исходного момента времени и точки пространства (повторное буквальное воспроизведение, преодоление большого расстояния), что является противоестественным [Schafer 1977: 89–90].

Эта же модель демонстрирует процесс семиозиса звука: естественный (несемиотический) звук, шум > семиотизация > звуковой код культуры (звук-знак).

М. Шафер говорит о трех графических системах (акустика, фонетика и нотная запись), с помощью которых возможна письменная фиксация звука [Schafer 1977: 123]. Существующие на сегодняшний день способы фиксации звука соотносятся с выделенными нами областями фоносферы: акустика (биофоносфера), фонетика (антропофоносфера) и нотная запись (социофоносфера).

4.5.2. Пространственная модель фоносферы. Эта модель позволяет увидеть соотношение элементов фоносферы относительно друг друга.

Изучение фоносферы и семиофоносферы возможно посредством изучения лингвофоносферы. Иначе говоря, изучение осмысляемого, интерпретируемого звука, воссоздание звуковой картины мира из фоносферы в целом становится возможным только через лингвофоносферу.

В лингвофоносферу попадают не все звуки фоносферы, а только те, которые по той или иной причине значимы для человека. Области, представленные в звуковой картине мира, могут быть структурированы так же, как области фоносферы в целом (рис. 7). При этом в звуковой картине мира будет отражаться степень распознаваемости той или иной области звучания.

Для традиционных сообществ, ориентированных на гармоничные отношения с природой, вполне естественным будет доминирование биосферы (рис. 8). Эта теоретическая модель подтверждается представленным выше анализом звукового пространства традиционной культуры («деревенская, сельская» когнитивная парадигма), которое включает преимущественно биосферные звуки. Это же подтверждает и наш материал.

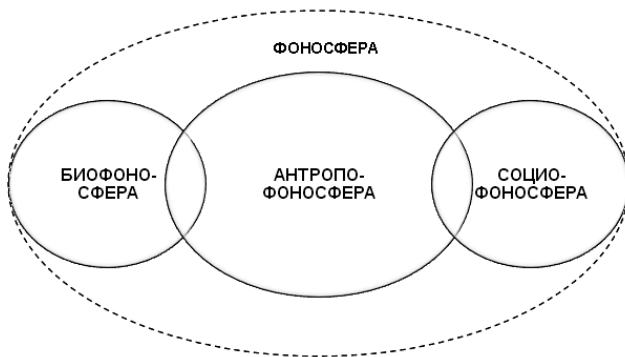

Рис. 7

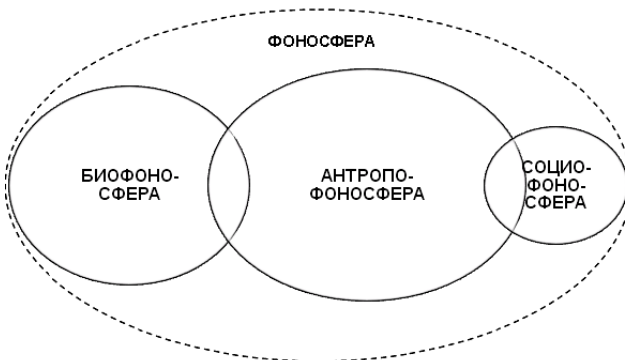

Рис. 8

Национальный язык в целом расширяет звуковое пространство этноса. Для индустриального мира («индустриальная, урбанистическая» когнитивная парадигма) вероятно доминирование социофоносферы (рис. 9).

В то же время можно предположить «равноправие» доминирующих в вариантах сфер с антропофоносферой, поскольку человек – мера всех вещей и «глобальная метафора». Это подтверждается отражением в русской языковой метафоре «деревенской, сельской», традиционной когнитивной парадигмы в категоризации звучащего мира [Мишанкина 2002].

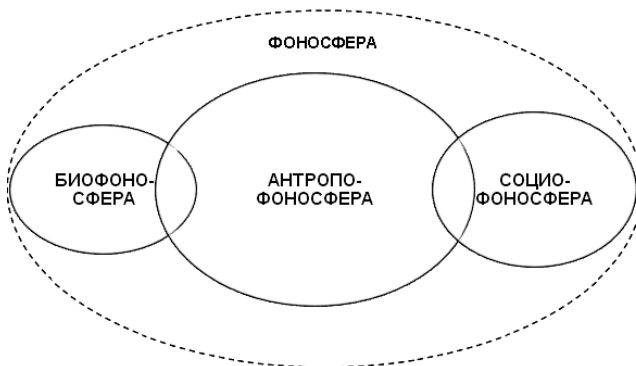

Рис. 9

Экологи, психологи и биоакустики говорят о звуках (природные, естественные) и шумах (созданные человеком) [Schafer 1977; Wrightson 1999; Colombijn 2007; Шипунов 1980]. «В древности не было ничего, кроме тишины. Шум родился в XIX в. С появлением машины. Сегодня шум царит над человеческой чувственностью» [Schafer 1977: 119]. Для нас это означает выделение одной из сфер материальной культуры социофоносферы (технофоносфера) из биофоносферы.

В любом случае характер соотношения сфер звучания в звуковой картине мира будет напрямую зависеть от внелингвистических факторов.

5. Звукоизобразительная система (ЗИС) языка как основа фоносемантической звуковой картины мира

5.1. ЗИС языка, звуковая картина мира и фоносфера

Экспликацией фоносферы в языке выступает звуковая картина мира, которая, обладая всеми системными свойствами языковой картины мира в целом, имеет следующие дифференцирующие системообразующие свойства:

- 1) внешняя среда – фоносфера;

2) внутренняя среда – звукоподражательная подсистема звукоизобразительной системы (ЗИС) языка, эксплицируемая ономапопеей;

3) иконичность, реализуемая за счет иконичности базовых эксплицирующих единиц (ономапопей).

На наш взгляд, наиболее адекватное описание ономапопея получает в рамках фоносемантики. Предмет фоносемантики – звукоизобразительная система (ЗИС) языка, состоящая из звукоподражательной и звукоименической подсистем, которые эксплицируются в языке звукоподражательными и звукоименическими словами [Воронин 1982].

Звукоподражательность (ономапопея) – имитации звуковой стороны объекта, явления или действия (*чихать, хлопок, греметь, жужжать*) – эксплицирует в языке акустический денотат. *Звукоименичество* – символизация означаемого звуковым жестом, способом артикуляции, синестетическими и ассоциативными связями и пр. (*ни бе, ни ме* «тупой, бестолковый»; *ручками хлопок-хлоп* «бесцельно проведенное время, безделье») – эксплицирует в языке неакустический денотат.

Ономапопея является базовой единицей ЗИС языка, ЗИС языка является «фундаментом» языковой звуковой картины мира. Системность и специфика ЗИС различных языков отражает характер категоризации звукового пространства этносами или отдельными локальными группами.

Адекватным и объективным критерием для определения единицы ЗИС языка является ее примарная мотивированность (осознаваемая или утраченная), причем различия уровней функционирования этих единиц не является препятствием включения их в единый класс [Воронин 1982].

Согласно фоносемантическому закону кросс-уровневой контактности ЗИС языка образует особый класс, который составляют единицы различных уровней языка. Главным критерием для включения единицы в класс звукоизобразительных является ее примарная мотивированность, под которой подразумевается не утраченная или восстанавливаемая связь между языковым выражением и внеязыковыми факторами, положенными

в основу номинации той или иной единицы. Следует пояснить, что примарно мотивированными могут считаться не только те единицы, связь которых с внеязыковыми явлениями ощущается на современном этапе существования языка, но также единицы, утратившие данную связь, которая, однако, восстанавливается посредством фоносемантического анализа.

Звукоподражательная подсистема ЗИС языка включает акустические и артикуляторные ономотопы [Воронин 1982] и ономотопы говорения [Шляхова 2003]. С.С. Шляхова для обозначения аномальных языковых форм типа *хлоп*, *бряк* (первичные, первообразные звукоподражания) вводит термин *фоносемантические маргиналии*, которые понимаются как «начало» человеческой речи («проторечь»), как протосемиотический знак, подвергаемый культурно-языковой семиотизации [Шляхова 2006: 5].

Взаимоотношения между звукоизобразительной системой языка, языковой, звуковой, фоносемантической картинами мира и фоносферой представлены на рис. 10.

Рис. 10

Первичные звукоподражания формируют слой ономотопетических слов (ономотопей) в языке, которые составляют звукоподражательную подсистему ЗИС языка. В свою очередь, звукоподражательная подсистема является основой звуковой картины мира, эксплицированной в языке, как фрагмента языковой картины мира в целом. Таким образом, ономотопея является основным средством экспликации звуковой картины мира в языке. При этом звуковая картина мира, представленная в языке, охватывает лишь часть фоносферы: только те сферы звучания, которые осознаются человеком.

5.2. Фоносемантическое поле как репрезентация фоносферы

В лингвистике полевое описание языка осуществляется на уровне семантических, морфосемантических, ассоциативных, грамматических, синтагматических и пр. полей. В рамках фоносемантики выделяется еще один принцип описания языкового материала – фоносемантическое поле. С точки зрения содержания, фоносемантическое поле отличается от лексико-семантического (объединяющего значения на основе их сходства между собой) и синтагматического (имеющего дело с отношениями смежности, сосуществовании значений) полей сложностью и динамичностью своей структуры. Оно строится и на объединении значений, и на их смежности и сосуществовании [Михалев 1995: 143].

Проводимые на диалектном материале исследования звукоизобразительных реализаций показали, что «четкие границы между полями <...> провести невозможно. В этом случае задача исследователя может сводиться к вычленению максимально большого количества ядер таких полей и к выработке системы понятий, которые могут характеризовать отношения между составляющими поля» [Швецова 2011].

Единицы, включаемые в фоносемантические поля, образуют фоносемантическое поле, не только потому, что они являются звукоизобразительными, но и потому, что они образуют фоносемантический континуум. «Некоторые группы входят в близкое окружение ядра в одном поле и в периферию в другом, что объединяет поле в более крупные группировки, но уже по их семантике: более общему мотиву номинации, генерализованному мотиву [Швецова 2011: 140]. Например, в поле *удар* ономотоп *бут* является ядерным, а в поле *соматофоносфера* – периферийным.

Важно отметить, что обычные лексические ряды характеризуются вполне конкретными «главными» представителями. Таковы доминанта в синонимическом ряду или «ядерные лексемы» в полевом пространстве. В случае с диалектной звукоизобрази-

тельной лексикой выявить основной (нейтральный, ядерный) член ряда представляется затруднительным. «Возникает вопрос о наименовании того общего, вариантами чего являются конкретные реализации. Поскольку это общее есть абстракция, для него предлагается термин *звукоизобразительная гиперлексема*», которая эксплицируется в языке фонетическими вариантами и фоносемантическими синонимами [Швецова 2011: 140–141].

Экспликация фоносферы в пермских говорах представлена в виде фоносемантических полей с ядерной и периферийными зонами на основании: 1) источников звучания, которые эксплицированы в языке акустическими и артикуляторными ономотопами [Воронин 1982] и ономотопами говорения [Шляхова 2003]; 2) морфемотипа [Михалев 1995]; 3) звукоизобразительной гиперлексемы [Швецова 2011].

«Язык звуков <...>, по-видимому, являет собой <...> нечто самостоятельное и не вполне тождественное ни коду акциональному, ни вербальному, ни собственно музыкальному. «Невербализованный» звук, семантика которого <...> обусловлена не словом, им озвучиваемым, а скорее тем, какое место занимает этот звук в структуре ритуала или календарного периода и какие задачи по ходу ритуала ему приходится решать» [Агапкина 1999], заслуживает пристального внимания.

Т.А. Агапкина называет такие звуки – звуками-знаками, а их совокупность – звуковым пространством, в котором выделяются: 1) звуки и голоса природы; 2) звуки и голоса, имеющие сверхъестественное происхождение; 3) «культурные» звуки. «Для звукового пространства понятие «слушать, распознавать звуки» оказывается не менее важным, нежели понятия «говорить» или «звучать». Звук выступает не только как элемент ритуала, но также как объект запрета или толкования» [Там же].

Описание звуковой картины мира пермских говоров позволит установить пространство слышимых диалектоносителем звуков.

Изучение структуры фоносемантических полей привело к выводу о прототипических центрах (значения *резать, бить, сжимать, округлое, звукоподражание, буккальная деятель-*

ность). «Выяснив связи этих семантических прототипов с производными значениями, можно описать протоязыковую картину мира, проследить ее развитие и сопоставить с современными когнитивными моделями» [Михалев 2009].

5.3. Ономотопея как основное средство экспликации звуковой картины мира в языке

В настоящее время звукоподражания исследуются в самых разных аспектах: *универсальность* [Шляхова 2006, 2012]; *грамматический статус* [Рябова 2012]; *функционирование* [Шляхова 2006, 2012]; *сравнение звукоподражаний в разносистемных языках* [Аваков 2007; Алиева 2010; Айвазова 2011; Нафиков 2011; Петкова 2011; Нуруллова 2013]; *проблема перевода* [Фетюхин 2000; Титова 2006]; *стилистические функции в художественном тексте* [Максимов 2004; Климас 2009; Севастянова 2011] и др. Направления исследований носят семиотический, семантический, онтогенетический, экспериментальный, стилистический, этимологический, типологический, фоносемантический характер.

Всплеск интереса к исследованию звукоподражаний вызван проблемами, поднятыми фоносемантикой, и выводами о возможной мотивированности языкового знака. Стремлением проверить характер мотивированности звукоподражаний и их универсальность был вызван ряд экспериментальных исследований с целью выявления характера восприятия носителями русского языка звукоподражательных слов неродственных языков [Сергеева 2002; Гололобов 2008; Кравцова 2009; Панькина 2009; Вашкявичус 2011]. Результаты данных экспериментов наглядно демонстрируют существование связи между звукоподражанием и имитируемым звуком, т.е. между фоносферой и языковой картиной мира.

Е.В. Панькина считает, что «иконические свойства межъязыкового характера, по-видимому, имеют универсальную природу (или, по крайней мере, приближенную к универсальной)» [Панькина 2013: 161; 2009]. Подобное исследование на материале русского и китайского языка было проведено В.Ю. Вашкявичус: «Звукоподражания <...> во многом обнаруживают сходство между со-

бой, что свидетельствует об использовании сходных принципов их образования в языках, важнейшими из которых являются звуковая корреляция и языковой иконизм» [Вашкявичус 2011: 5].

Специфические черты онома톱ов обусловлены особенностями строения того или иного языка, а универсальность звукоподражания – характером отражаемого в языке акустического или артикуляторного денотата.

Можно говорить о том, что наличие мотивированности ономатопии внешним звучанием проверено экспериментально. Степень узнавания онома톱ов наряду со многими причинами связана с тем, что естественный звук имеет несколько акустических параметров, мотивирующих признаков (громкость, тембр, длительность и пр.), которые не целиком, а частично реализуются в звукоподражании. В связи с этим разными языками в основу номинации могут быть положены разные признаки звука.

В целом современные исследования ономатопии ориентированы на сопоставление звукоподражаний русского языка и других языков, исследование иконичности и звукоподражаний в разных аспектах в других языках. Что касается исследований ономатопии на материале русского языка, то можно отметить их относительную немногочисленность. Исследования ономаптоэтических систем других языков или сопоставительные исследования встречаются гораздо чаще.

В исследованиях русской ономатопии обычно затрагиваются отдельные аспекты звукоподражательности: экспрессивность единиц [Вакула 2011], функционирование в устной речи [Андреева 2012], словообразовательные возможности [Кученева 2000], звукоподражания как составляющая часть определенного лексическо-семантического поля [Пурицкая 2008] и пр.

В целом исследование русской ономатопии в настоящее время имеет тенденцию к комплексному осмыслению данного явления [Шляхова 2003, 2005, 2006]. Помимо многочисленных работ по русской, немецкой, коми-пермяцкой звукоизобразительности [Шляхова 2011, 2012] С.С. Шляховой выпущен единственный на данный момент словарь звукоподражаний русского языка, который фиксирует ономаптоею русского языка [Шляхова 2003].

Н.А. Курашкина, во многом повторяя идеи С.С. Шляховой, исследует антропофоны (звуки людей) и орнитофоны (звуки птиц) в русском, английском и французском языках в контексте «звукосферы» [Курашкина 2007]. Е.В. Тишина на материале диалектной и праславянской лексики рассматривает тематические группы ономатопопов в синхронии и диахронии, словообразовательные возможности и специфику их фонетического состава. Е.В. Тишина иллюстрирует известные положения фоносемантики о характере мотивированности звукоизобразительной лексики, предпринимая «попытку классификации ономатопопов по степени проявления звукообраза» и демонстрируя тем самым этапы утраты примарной мотивированности [Тишина 2010: 9–10]. Данное исследование носит комплексный характер.

Анализ литературы показал, что ономотопея в русском языке изучена основательно, однако эти исследования не решают вопрос о звуковой языковой картине мира в целом. Кроме того, диалектный материал привлекается к изучению весьма редко.

Однако именно иконическая природа звукоподражаний обеспечивает им возможность отражения в языке звуковой картины мира, максимально приближенной к реальности.

Термин *ономотопея* в работе используется для обозначения звукоподражательной лексики в целом, а также отдельной звукоподражательной единицы (независимо от ее грамматического статуса). Для обозначения отдельной звукоподражательной единицы используются также синонимы *звукоподражание*, *ономотоп*.

В основе ономотопеи лежит реально существующий (существовавший) объект с определенными акустическими свойствами. В образовании ономотопа участвуют не только языковые (свойства конкретного языка), но и внеязыковые, экстралингвистические («универсальные», не зависящие от конкретного языка) факторы. При этом наибольшее влияние в образовании ономотопа имеет второй фактор – акустический денотат, так как именно внеязыковая действительность во многом определяет свойства ономотопеи.

Акустический денотат имеет несколько параметров звучания (высота, громкость, время, регулярность колебаний, частота звучания), которые обуславливают фонемный состав звукоподражательного слова. Так, высота звука объекта обуславливает выбор гласного звука: *i* в фонемном составе звукоподражания характерно в том случае, если звук-денотат имеет высокий тон (*тик-тик* «о цыплятах»), регулярность колебаний звука-денотата может быть передана вибрантом (*тпр-тпр* «звук работающего двигателя») и т.п.

Можно говорить о том, что языковой звук в фоносемантике рассматривается не так, как в фонетике. Отличие, главным образом, состоит в универсальном характере звука, который принимается за единицу отсчета. Если в фонетике имели значение дифференциальные признаки того ли иного звучания (фонема), то в фоносемантике важными оказываются их универсальные характеристики (фонотип).

Основные свойства ономапопеи:

1) примарная (фонетическая) мотивированность, иконизм, произвольность знака;

2) вхождение в ЗИС данного языка в один из трех классов (акустические и артикуляторные ономапопы, ономапопы говорения), сюда же относятся подражания голосам животных и птиц, подзывные и отгонные слова;

3) часто наличие коннотаций (эмоционально-оценочный и экспрессивный компоненты);

4) образность семантики (метафоричность, архетипичность, мифологизм, синкретизм);

5) конкретность семантики (обширная синонимия, хронотоп «здесь-и-сейчас»);

6) семантика простейших психофизиологических процессов (живое гесп. звучащая и действующая плоть);

7) фонетическая, морфологическая и семантическая гипервариативность [Воронин 1982; Шляхова 2003, 2006].

Очевидно, что базовые свойства ономапопеи совпадают с выделенными ранее свойствами диалектной звуковой картины мира (иконичность, конкретность и образность семантики, по-

ливариативность), что закономерно, поскольку именно онома-топы прежде всего эксплицируют в языке звучащую действительность.

Базовые свойства онома-топии совпадают с основными свойствами не только диалектной звуковой картины мира, но и диалектной картины мира в целом, что указывает на архаичность этой картины мира и этих единиц, тяготеющих к иконичности. Следовательно, именно диалектный материал онома-топии дает исследователю возможности более глубокого проникновения в сущность звуковой картины мира, эксплицированной в языке.

Раздел II. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЗВУКОВАЯ КАРТИНА МИРА

В разделе представлены методика исследования, структура фоносферы и ее экспликация в народной речи в виде фоносемантических полей; фоносемантическое описание ономотопии производится на основе звукоизобразительной гиперлексемы, эксплицированной в языке фонетическими вариантами и фоносемантическими синонимами, представленных в виде фоносемантических моделей.

В главе уточняется понятие *фоносемантическая диалектная звуковая картина мира*. Устанавливается, что диалектная звуковая картина мира носит антропоцентричный характер. Выявляются ядро и периферия, звуковые лакуны и звуковые доминанты фоносемантической диалектной звуковой картины мира.

1. Методика исследования

Основанием включения единицы в материал исследования является их примарная мотивированность, которая устанавливается при помощи нескольких критериев: 1) вхождение единицы в звукоподражательную подсистему ЗИС языка [Шляхова 2003, 2005]; 2) наличием звукоизобразительной этимологии в этимологических словарях; 3) соответствие критериям выделения фоносемантического поля.

Данные единицы формируются в фоносемантические поля, основными признаками которого являются: 1) примарная мотивированность единиц, составляющие поле; 2) принцип содержательного и формального единства; 3) формальный критерий организации поля – морфемотип; структура морфемотипа обусловлена мотивотипом, лежащим в основе номинации; 4) фоносемантический критерий организации – звукоизобразительная (ЗИ) гиперлексема; 5) образуется сеткой денотативных координат (источник звука), представленных в плоскостных моделях фоносферы.

Иконичность (критерий 1), содержательное и формальное единство (критерий 2) и общность морфемотипа (критерий 3) исследуемых нами слов обусловлена их вхождением в звукоподражательную подсистему ЗИС русского языка [Шляхова 2003, 2005], т.е. включенность в класс ономотопов.

Единицами звукоподражательной подсистемы является оноματοпея (критерий 1, 2, 3, 5): акустические и артикуляторные ономатопы и ономатопы говорения.

Морфемотип (критерий 3) – инвариант, допускающий вариативность консонантных элементов в пределах фонотипа с практически свободной вариативностью гласных [Михалев 1995]. Морфемотип удара по стеклянному, металлическому включает взрывной и сонорный носовой и гласный (PLOS+ VOC+NAS), которые могут варьироваться: *бом, бон, дон, бум, бам* и пр.

Звукоизобразительная гиперлексема (критерий 4) – семантизированная модель (инвариант) как совокупность фоносемантических реализаций одного и того же фоносемантического задания, реализующаяся через ряды фонетических вариантов и фоносемантических синонимов. Структурно ЗИ гиперлексема состоит из инициали (передает значение мотивотипа, лежащего в основе номинации), гласного и финали (дополнительные семы, конкретизирующие процесс). Инициаль практически всегда постоянна или изменяется в пределах одного фонотипа, финаль более подвержена изменениям, что и отражается в гиперлексеме [Швецова 2011: 159–160].

Под вариантами фоносемантических реализаций понимаются слова, которые воспринимаются говорящими как соответствующие одному и тому же денотату (удар, звон, треск, смех и пр.) и отличающиеся друг от друга на одну или две фонемы. Если варьирующие фонемы принадлежат к одному фонотипу, то мы имеем дело с *фонетическими вариантами* одной лексемы, а если к разным, то мы имеем дело с *фоносемантическими синонимами* [Там же: 159]. Границы между ними подвижны: ряды фонетических вариантов будут являться фонетическими синонимами.

Фонетические варианты и фоносемантические синонимы представлены в виде модели на уровне фонотипа (см. Список сокращений). Построение обобщенной модели не всегда возможно, поскольку в основу номинации может быть положен любой из признаков денотата (фоносемантический закон множественности номинации).

Так, ЗИ гиперлексема ДЫХАНИЕ реализована при помощи:

1) фонетических вариантов *дыхать*, *пышкать*, *сдышать*, *дохнуть* (один фонотип: (PLOS+VOC+FRIC^{ГЛ});

2) фоносемантических синонимов (разные фонотипы) *вышкать* (FRIC+VOC+FRIC^{ГЛ}), *ширкать* (FRIC^{ГЛ}+VOC+R), *брехать* (PLOS+R+VOC+FRIC^{ГЛ}).

Далее выделяется ЗИ доминанта данной ЗИ гиперлексема, соотносимая со звуковыми свойствами денотата (денотативный комментарий): в данном случае – глухой фрикативный отражает движение воздуха при дыхании.

На примере слова ПОРХАТЬ покажем разницу между традиционным и фоносемантическим описанием слова. В толковых словарях слово *порхать* получает толкование «легко перелетать с места на место».

Этимология указывает на возможное звукоизобразительное происхождение слова: праслав. **рѣх-* наряду с **рых-* обычно сближают с **porx-* (см. *порох*). Укр. форма на -и-, возм., является новообразованием от **ономатопозитического** (выделено нами – С.Ш., М.В.) **рѣх-* Ср. лит. *spùrzdū, spurzdėti* «трепыхаться, биться» [Фасмер: электр. ресурс].

Этимологии родственных слов *порхать*, *порох*, *перхать* отражают различные признаки, положенные в основу номинации, однако большинство из них являются звукоизобразительными (выделено полужирным):

1) укр. *nírхати, néрхати*, блр. *nýрхаць* наряду с укр. *nóрхати*, словен. *prhati, prhniti* «**порхать**, разлетаться»;

2) чеш. *prchati, prchnouti* «бежать, **брызгать**», слвц. *prchat'* «бежать», польск. *piezchać, pierzchnąć* «удрать, быстро убежать»;

3) укр., блр. *nóрох* «пыль; прах», др.-русск. *порохъ* «пыль»;

4) сюда же *порóха* «первый выпавший снег», *порóша* – то же, укр. *порóша*;

5) др. ступень вокализма: словен. *pršéti* «**моросить**», чеш. *pršetí* «идти (о дожде), сыпаться (градом) (перен.)», слвц. *pršat'*, польск. *pierszyć* «**моросить**»;

б) родств. др.-инд. *pṛṣan-*, ж. *pṛṣatī* «**пестрый**, пятнистый», др.-исл. *fors* «водопад», лтш. *pārsla* «о **хлопьях** пепла, шерсти», лит. *apsipurslōti* «**заслюнявиться**, запачкаться», *puṛlos* «**брызги** изо рта», хетт. *papparš-* «**брызгать, опрыскивать**» [Фасмер: электр. ресурс].

Этимологическая часть позволяет предположить звукоизобразительное происхождение слова, однако ни то, ни другое описание не отражает связи между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком денотата, что позволяет сделать фоносемантическое описание.

ЗИ гиперлексема ПОРХАНИЕ представлена фонетическими вариантами: PLOS/FRIC+VOC+R+PLOS/FRIC: *пуркаться, пурхаться, зафуркать*. ЗИ доминанта – фрикативный и вибрант, которые отражают звуки «трепыхания» крыльев.

Фоносемантический анализ показывает, что признаком, положенным в основу номинации, является звук крыльев и перьев, которые являются определяющими признаками птиц (способность летать). Крылья удерживают птицу в воздухе, с помощью перьев птицы передают сигналы, маскируются от хищников и пр.

В языке птиц насчитываются десятки звуковых сигналов (бедствия, предостережения, пищевые, ухаживания, спаривания, агрессивные, стайные, гнездовые и пр.). ЗИ гиперлексема ГОЛОСА ПТИЦ представлена фонетическими вариантами, которые являются ФС синонимами:

а) PLOS+VOC+PLOS(+VOC)(+R): *пит-нить-нить, кукуша* «сойка», *коковать, кукукать* «куковать», *кокушка* «кукушка», *кокуш, кукован, туткать, туткун* «самец кукушки», *кокорёнок* «птенец кукушки», *кокорчить* «стрекотать (о сороке)», *токовщик* «глухарь»;

б) PLOS+VOC+R(+FRIC)(+PLOS): *гаргать, выргать* «каркать (о вороне)», *тюргать* «издавать звуки (о тетереве)», *куркать* «о голосе куропатки», *покеркивать* «о голосе коростели», *накёркивать* «стрекотать (о сороке)», *крыш-крыш* «имитация голоса глухаря»;

в) FRIC+VOC: *фуу* «крик филина», *ухать* «кричать (о филине)»;

г) AFFR/PLOS(+VOC)+FRIC+VOC+R(+PLOS): *чувьрь* «имитация пения птицы», *гивиргать*, *начувьркивать*, *начувьргивать*, *чувьрять*, *цвиргать* «петь», *чувьргать* «о голосе глухаря» и пр.

Выделить ЗИ доминанту не представляется возможным, так как человек не слышит многие высокие обертоны в голосе птиц (уходящие в ультразвуки), равно как и быстрые трели (модуляции, громкости и высоты звуков, превышающие 10 изменений в секунду). Птичье щебетание часто состоит из модуляций порядка 100–400 изменений звука в секунду. Ультразвуковые обертоны голоса у певчих птиц простираются до 50 000 колебаний в секунду. Пение некоторых видов целиком состоит из ультразвуков. Возможности птичьего голосового аппарата в плане ритмических модуляций в 50–100 раз превышают возможности слуха человека [Морозов 1987: 60–62, 70].

Итак, описание фоносемантических полей базируется на основе звукоизобразительной гиперлексемы по следующей схеме: 1) название поля / субполя / группы; 2) иллюстративная часть; 3) выделение ЗИ гиперлексемы; 4) выделение основных фонетических вариантов и ФС синонимов на уровне ФС моделей; 5) денотативный комментарий (соотнесение звуковой структуры гиперлексемы с реальным звуком). В связи с ограниченностью объема в монографии представлены ФС модели не всех выделенных групп.

Далее выделяется ядро и периферия описываемых фоносфер, а также предлагаются некоторые фрагменты фоносемантической звуковой картины мира.

2. Биофоносфера в диалектной речи

2.1. Фоносемантическое поле «Атмофоносфера»

Семантическое поле *атмофоносфера* включает в себя акустические ономотопы, характеризующие атмосферные природные явления.

2.1.1. Гроза. Наиболее широко представлены звучания грозы: *Раз, два **взгрябнула** молния; Вышла из дома, вижу – молния как **рескнет!**; Грозы-то раньше сильнее **брескал**; Вчерась **буткало-буткало**, ниче не набуткало, а седни дождь будет*

ЗИ гиперлексема ГРЕМЕТЬ (ГРОЗА) представлена:

1. Фонетическими вариантами на базе взрывного и вибранта:

а) **PLOS^{ЗВ}+R**: *гр-р-р* «подражание грому», *погремёхивать* «греметь время от времени», *громушко* «гром», *грема* «молния»;

б) **PLOS+VOC+R**: *тыр-тыр-тыр, дыр-дыр-дыр; бургать, горгать, торгать, тургать, потургивать* «греметь», *потыркивать* «греметь время от времени»;

в) **PLOS+VOC+PLOS**: *стукать, постукивать, буткать* «греметь»;

г) **PLOS+R+VOC+FRIC**: *брескать, трохать* «греметь»;

д) **R+VOC+FRIC+PLOS**: *рескнуть* «ударить (о молнии)»;

е) **FRIC^{ЗВ}+VOC+R+PLOS**: *зуркнуть* «ударить», *вергать* «греметь».

2. ФС синонимами на базе фрикативных и аффрикат:

а) **PLOS+VOC+FRIC^{ПЛ}**: *ныхнуть* «сверкнуть (о молнии)»;

б) **FRIC^{ЗВ}+VOC+R+VOC+FRIC^{ПЛ}**: *зверескать, верескать, зверещать* «ударить, програть»;

в) **FRIC^{ПЛ}+FRIC^{ЗВ}+VOC+R+VOC+AFFR**: *сверчать* «греметь»;

г) **AFFR+VOC+R+PLOS**: *чургать* «греметь»;

д) **PLOS+R+VOC+PLOS**: *взгрябнуть* «ударить (о молнии)»;

е) **AFFR+VOC+LAT**: *чалнуть* «сверкнуть, ударить (о молнии)» (< к.-п. *чалотны* «трещать, бить, хлопать»).

Гроза – атмосферное явление, при котором внутри облаков или между облаком и земной поверхностью возникают электрические разряды – молнии, сопровождаемые громом. Акустические ономотопы, имитирующие звук грома, объединены наличием мотивотипа Р, воспроизводящего раскатистый громкий звук. При отсутствии вибранта громкость и диссонантность звучания отражается сочетаниями удвоенных фрикативных, звонких взрывных и аффрикат. ЗИ доминанта – взрывной (аффриката) и вибрант.

В единице *пыхнуть* воспроизводится не звук, а зрительное ощущение от вспышки света (звукосимволизм), которое основано на соотношении сверкания молнии с ономатопами горения (ср. *пыхать*, *пышкать* «гореть»).

Многочисленность номинаций звуков грозы, грома может косвенно указывать на значимость в мифологии славян культа Перуна, который позволял осмыслить звук, вызывающий опасение и страх. В народном сознании гроза – милость и кара Божья одновременно. Этимология слова *гроза* также указывает на мотив страха: исходное значение «гром», затем «гроза» и далее «страх, ужас» [Шанский 2004].

Коннотации ономатопов не связаны с категориями «плохой/хороший», «приятный/неприятный», что говорит о «естественном» характере звука: *Брескало, как позапрошлый год; Вчерась буткало-буткало, ниче не набуткало, а седни дождь будет.*

Однако в контексте нередко реализуется коннотация «опасный, вызывающий страх»: *Чула ли, седни буткало ночью? Так буткало, так буткало – все думала я, что кто-то из ружья паздернул; А так-то ниче к грозе-то, тольки не люблю, когда верескат шибко, страшно; Как, матушка моя, зверещит, ровно как горох рассыпался; так грянуло, что одну женщину ошпенькало – она даже говорить не могла.*

Ономатопы с семантикой «гроза» соотносятся с антропофоносферой: *Девка маленькая че-то зверещала в избе-то, дак я до смерти испужалася; Моя бабка чуть что, сразу бургать начинат.*

Страх, связанный с грозой, объясняется характером реального звука, слишком громкого, чтобы его нельзя было не услышать, знаковым характером звука, который предвещает опасность, и мифологическими представлениями о грозе как Божьей каре: *Один дом строил, дождик пошел, крышу не успел заккрыть. Давай маткаться, Бога-то давай маткать. Как зверескало – и все сгорело, дом-от!*

2.1.2. Ветер. Семантическая группа «ветер» характеризует звучания воздуха: *Ветер по крыше ходит, тоже говорят ша-*

баршиит, *Вышла, а ветер как фуркнет*, *я скоря за огород да в подъезд и др.*

ЗИ гиперлексема ДУТЬ (ВЕТЕР) представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) **FRIC^{ГЛ}+VOC+R**: *фуркнуть*, *фурить* «дуть резко, сильно»;

б) **FRIC^{ГЛ}+VOC+(PLOS+VOC)+R+(VOC+FRIC^{ГЛ})**: *шабаршиить* «дуть, шурша»; *фарафонить* «сильно дуть».

2. ФС синонимами:

а) **FRIC^{ГЛ}+FRIC^{ЗВ}+VOC +FRIC^{ГЛ}**: *свистодуй* «ветер», *свистеть* «сильно дуть»;

б) **FRIC^{ГЛ}+VOC+LAT +PLOS**: *холпить* «сильно дуть», *холпина* «ветер».

Ветер – это горизонтальное (относительно земли) движение воздуха. ЗИ доминанта – глухой фрикативный, который отражают акустический параметр «невысокая громкость» и движение воздуха.

2.1.3. Огонь. Звучания огня представлены ономатопами: *Загремит, завоссият, осветит кругом; залетит громовая стрела в амбары, дак сразу **пыхат** всё; Губу берёзовую выварит в пече; выварится – обухом исколотит, к ей причикат – она **пыхат**; Прошлое лето угланы церковь зажгли. Из окон так и **пыхало**; Так он **пыиёт** и **пыиёт**, а с иконушкой выдёшь, он и прекращался; Ты не сожги пальто-то, отодвинься от печки, а то **пыхнёт**, перед-то оденёшь, а заду-то не будёт; Лучина-то на прялки около кудели воткнута была. Я песни запела да и не заметила, как лучина прогорела, дак только **спышкало**, я куделю вниз сразу на пол бросила, села на неё и др.*

Данные корни восходят к ономатопоэтическому образованию и связаны со звуком дыхания или движения воздуха [Фасмер 1986]. *Лучина-то у нас домашина с **прозвиздом** горит.* Ономатопы *прозвизд* и *прозвиздонить* (< звукоподр. *gvizd-: zvizd- [Фасмер 1986: 87]) этимологически связаны со свистом; здесь фиксируются акустические свойства исходного звука (высота, резкость, отрывистость).

ЗИ гиперлексема ГОРЕТЬ (ОГОНЬ) представлена:

1. Фонетическими вариантами на базе глухого фрикативного:

а) PLOS+VOC+FRIC^{г.л.}: *пыхать, спышкать* «вспыхивать, внезапно загораться»;

б) FRIC^{г.л.}: *шаять* «гореть».

2. ФС синонимами:

а) AFFR+VOC+FRIC^{г.л.}: *чиинуть* «вспыхнуть»;

б) FRIC^{зв.}+VOC+R+PLOS: *варганить* «гореть с треском»;

в) FRIC^{зв.}+FRIC^{зв.}+VOC+FRIC^{зв.}+PLOS: *прозвизд* «треск при горении»;

г) PLOS+R+VOC+FRIC^{г.л.}: *тресь* «издать звук, треск (об угле)».

Огонь – совокупность раскалённых газов и плазмы, выделяющихся в результате нагревания горючего материала до определённой точки при наличии кислорода. ЗИ доминанта отражения горения (газы и плазма) – глухой фрикативный, треска при горении – вибрант, звонкий фрикативный.

Звуки ВЕТРА и ГОРЕНИЯ, ОГНЯ связаны со звуком движения воздуха, дыхания (*пыхать, пышкать*) и соотносятся с антро- (тихий, шуршащий звук переносится на звуки человеческих действий), фито- и зоофоносферой (звук вспархивающей птицы переносится на звук дуновения ветра и метафорически – на интенсивное человеческое действие).

Ономатопы, передающие звучания ветра и горения, в антропофоносфере эксплицируют звуки человеческого дыхания: *Здесь тепло стало, люди дак – набыхали, **напыхали**; Старик **напыхался** холодным-то воздухом, вот и болеет; **Напышкал** в рукавицы-то, руки согрелись, тепло стало; Я зубами маялась. Я закрылась, чтобы **пыхом**-то теплым надыхать, заснула; Мария-то вам ничё не скажёт, она **пыхтунья** такая, не шибко с кем разговариват.*

Ономатоп *шабаршить* (о ветре) связан с теми фрагментами фоносферы, в которых зафиксирован тихий, шуршащий, плохо различимый звук, шум: 1) антропофоносфера: *Думаю, ты спишь – я тамо **сшабарчат** не смею, чтобы не состукать, тебя не раз-*

будить; 2) социофоносфера: *Наденут шабарченки и бегут играть*; 3) фитофоносфера: *Лён жёлтенькой, сухой будет, дак шабарстит*; колды прямо с вешалов мнём его.

Ономатопы *фуркнуть, фурить* (о ветре) включают сему «звук интенсивного движения воздуха» и этимологически связаны со звуком, производимым вспархивающей, порхающей птицей: *Птица вылетела из трубы и зафуркала по избе*. Онома топ *свистодуй* «ветер» прямо соотносится с человеческим свистом, что указывает на связи атмо- и антропофоносферы.

Среди звучаний атмосферы наиболее ощутимым для человеческого уха являются звучания грозы: 70 % от всех звучаний атмосферы (рис. 11).

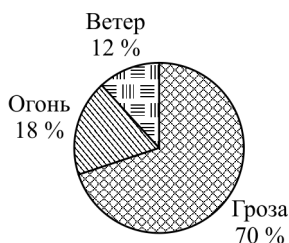

Рис. 11

Таким образом, звуковая характеристика атмосферы является слабовыраженной, однако дает представление о том, какое место она занимает в сознании диалектоносителя. Гроза, ветер, огонь и их звуковая характеристика не имеют выраженной положительной или отрицательной оценки и воспринимается человеком как естественная часть окружающего пространства.

Большая часть онома топов функционирует одновременно в нескольких слоях фоносферы. Это связано с тем, что в основе онома топей лежит не конкретный звук, а определенные акустические параметры, характерные для звуков различной этиологии.

2.2. Фоносемантическое поле «Гидрофоносфера»

2.2.1. Вода, жидкость. Группа звучания воды представляется достаточно развернутой: *На реке только буры-бары; Там фонтан выбуриват – тут и есть начало Камы; Река бугром сделалась, поднялась кверху, вздулась; в русле воды нет, а по берегу, по пожням разлилась, выбурият; За лесом ключ-гремяч*

выпадает; Дождик, только *шлепкотня* на пруду стоит; Иной раз посмотришь где-нибудь *сбулькаться* крупный хариус на реке-то, пойдешь – не берёт и др.

Единицы данной группы чаще всего являются ФС синонимами, так как воспроизводят различные параметры звука одного источника посредством разных фонотипов.

ЗИ гиперлексема БУЛЬКАТЬ (ВОДА) представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) **PLOS+VOC+LAT**: *гыл-гыл* «звуки выливающейся из горла сосуда жидкости», *булькоток*, *булькать*;

б) **FRIC^{зв}+VOC+LAT**: *жулькать*, *жульчать* «хлюпать»;

в) (**FRIC^{гл}+LAT+VOC+PLOS**): *шлепкотня*, *лпнуть*.

2. ФС синонимами:

а) **PLOS^{гл}+VOC+NAS**: *кануть*;

б) **PLOS^{зв}+R+VOC+SON**: *гремяч*.

ЗИ гиперлексема БУРЛИТЬ (ВОДА) представлена фонетическими вариантами на базе взрывного и вибранта: **PLOS^{зв}+VOC+R(+LAT)**: *бур-бур-бур*, *буркать*, *буры-бары*, *выбуривать*, *выбурять*, *бурлить*.

ЗИ гиперлексема КАПАТЬ (ВОДА) представлена фонетическими вариантами на базе глухого взрывного: **PLOS^{гл}+VOC+PLOS^{гл}**: *капелька*, *каплюшка*, *капочка* «капля», *капкать*, *покапывать*.

Основным свойством жидкости является способность неограниченно менять форму под действием механических напряжений. Кавитация (лат. *cavita* «пустота») – процесс парообразования и последующей конденсации пузырьков воздуха в потоке жидкости, сопровождающийся шумом и гидравлическими ударами, образование в жидкости полостей (кавитационных пузырьков, или каверн). ЗИ доминанта: отражение пластичности жидкости – латеральный; кавитации (гидравлические удары) – взрывной и вибрант.

2.2.2. Дождь. Система звучаний метеорологического характера представлена звуками падающего града, дождя, льда. Звучания дождя реализуются в ономатопах *дожжать*, *дожжить*,

дожжеть, подожжать, дажживать, дожжжа, дожжжание; о небольшом дожде – *борить, дрезжить*; об интенсивном, но непродолжительном дожде – *гыжнуть*; сильный дождь – *хлестнуть*; действие, следствие дождя – *причикать, пришлепать, кануть* (*Дождик, дождик, лей, на меня и на людей, на милого моего не кань ни разу одного*).

Единицы с корнем *дожжж-*, скорее всего, имеют звукоподражательную основу, так как в этимологических словарях зафиксировано большое количество звуковых значений (Брюкнер отмечает значения «громыхать, стучать, шуметь»). То же можно сказать о *борить* (< к.-п. *бор-бор* «подражание глухому журчанию ручья») и *кануть* (этимологически – звук падающей капли). Онома топ *гыжнуть* (< к.-п. *гыж-гыж* «звуки царапания») является первичным, вероятнее всего, для зоо- или антропофоносферы.

ЗИ гиперлексема ДОЖДИТЬ (ДОЖДЬ) представлена:

1. Фонетическими вариантами: **PLOS^{3B}+VOC+FRIC^{3B}**: *дожжать, дожжеть, дожжеть* «идти (о дожде)», *дожжжа, дожжжание* «дождь», *дажживать, гыжнуть* «пройти (о слабом дожде)».

2. ФС синонимами:

а) **PLOS^{ГЛ}+VOC+NAS**: *кануть* «капать»;

б) **PLOS^{3B}+VOC+R**: *борить* «идти (о небольшом дожде), моросить»;

в) **PLOS^{3B}+R+VOC+FRIC^{3B}+FRIC^{3B}**: *дрезжить* «моросить»;

г) **FRIC^{ГЛ}+LAT+ VOC+(FRIC^{ГЛ})+PLOS^{ГЛ}**: *хлестать, пришлепать*;

д) **AFFR+VOC+PLOS**: *причикать* «прибить (о дожде)».

Дождь – вода, образующаяся при конденсации водяного пара, выпадающая из облаков и достигающая земной поверхности в виде капель жидкости. В зависимости от объема осадков, выпадающих за определенный промежуток времени, по интенсивности различают слабые, умеренные и сильные (ливневые) дожди. Наш материал указывает, что внимание диалектоносителя обращено, прежде всего, на слабые и затяжные дожди. ЗИ доминанта: движение жидкости отражается латеральным, удары капель о землю – взрывным, шум – фрикативными.

2.2.3. Град. Звучания падающего града реализуются в онома-топах: *Град как пошёл хлестать – все окна повыбивало!; Град-от долго шалял, вон лук лежит, так и не встал; Успела огурцы закрыть, а то бы нашиваткало их градом-то, все бы выбило.*

ЗИ гиперлексема ГРАД представлена фонетическими вариантами на базе взрывного и глухого фрикативного:

- а) **FRIC^{гп}+LAT+VOC+FRIC+PLOS**: *хлестать*;
- б) **FRIC^{гп}+VOC+LAT+VOC+PLOS**: *шаляпать*;
- в) **FRIC^{гп}+LAT+VOC+PLOS**: *шлепать*.

Град – вид ливневых осадков в виде частиц льда. ЗИ доминанта: ливневый характер звучания отражается латеральным, удары о землю – взрывным, шум – глухим фрикативным.

2.2.4. Лёд. Фоносемантическая группа звуки льда (*Лед-от мерзнет и бум-бум, побумкиват; Скоро лёд по реке пойдёт, труси-тряси будут на всю округу слышны*) отражает преимущественно явление ледохода – движения льда на реках и озёрах под действием течения или ветра.

ЗИ гиперлексема ЛЕД (СВЯЗАННЫЙ СО ЛЬДОМ) представлена ФС синонимами:

- а) **PLOS^{зв}+VOC+SON^{LAB}**: *бум-бум, побумкивать*;
- б) **PLOS^{гп}+R+VOC+FRIC^{гп}**: *труси-тряси*;
- в) **VOC+FRIC^{гп}**: *ухать* «звуки ледохода».

Различные фонотипы отражают разный характер звучания, положенный в основу номинации: удар, трение, диссонанс. ЗИ доминанта – взрывной (удары) и фрикативный (трение).

Среди звучаний гидросферы наиболее ощутимыми являются звучания дождя (40 %) и воды (36 %) (рис. 12).

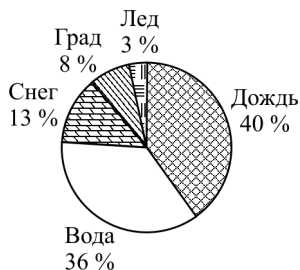

Рис. 12

Значимость ВОДЫ в бытовом и мифологическом сознании также общеизвестна: синкретичность воды как животворящего и опасного начала. Вода – одна из фундаментальных стихий мироздания: первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса; среда, агент и принцип всеобщего зачатия и порождения (аналог материнского лона и чрева, а также оплодотворяемого мирового яйца); плодотворяющее мужское семя, заставляющее землю «рожать»; как «влага» вообще, как простейший род жидкости – эквивалент всех жизненных «соков» человека; водная бездна – олицетворение опасности или метафора смерти; живая (животворящая небесная) и мёртвая (нижняя, земная солёная) вода [Аверинцев].

Звукоподражательный корень *бур-*, изначально звук бурления воды, неритмичный и достаточно интенсивный, в дальнейшем реализует семантику неупорядоченности и интенсивности при метафорическом переносе на действие или говорение человека: *буры-бары* «о быстром беспорядочном движении»; *взбуривать* «сердиться, порицать» (*Председатель на ие пошто-то взбуриват*).

Через звуки воды реализуются значения «говорить невнятно», «говорить о незначительном» (*Ты че там булькаешь, помолчи уж, старый; Не осудите меня, я набулькаю вам че надо и не надо; Когда ко слову подойдет, тогда и булькнешь*) и «мешать, размешивать» (*Побулькай в чугушке-то, чтоб не пригорело*).

Ономатоп *гыжнуть* «о ДОЖДЕ» отмечены в антропофоносфере (*Старуха была, маленько дома-то гыжгалась по хозяйству; Мы пойдем гыжнём пол-лога*) и характеризует связь гидро- и антропофносферы.

Звучания падающего ГРАДА (*нашваткало их градом-то, все бы выбило*) соотносятся с зоофоносферой: *Пчелы нашваткали, дак вся шея оплыла, все лицо*. В данном случае происходит перенос на основе сходства по интенсивности звука и действия, так как согласно коми-пермяцкому происхождению данная единица восходит к звуку удара, стуку.

Оценочная характеристика звучаний гидросферы в целом нейтральная (признаки «плохой/хороший» в прямом значении не отмечены). Тем не менее, наблюдается коннотация интенсивного действия воды (*Там фонтан **выбуриват** – тут и есть начало Камы; В русле воды нет, а по берегу, по пожням разлилась, **выбурят***), которая в дальнейшем реализуется в метафоре выразительного взгляда (*Скажешь че не в поправу, дак так и **выбурит** глаза*).

Таким образом, звуковая характеристика гидросферы означена звучаниями воды, дождя, града, которые соотносятся с другими фрагментами фоносферы.

2.3. Фоносемантическое поле «Литофоносфера»

Литофоносфера (звуки почвы, элементов почвы – минералы, органические вещества) представлена незначительно: *шавкать* «о камне», *порховка* «земля», *пурхаться* «грести землю». Следует говорить о звуковой невыраженности данной сферы.

ЗИ гиперлексема ЗЕМЛЯ (СВЯЗАННЫЙ С ЗЕМЛЕЙ) представлена:

1. Фонетическими вариантами: **PLOS^{ГЛ}+VOC+R+FRIC^{ГЛ}**: *пурхаться, порховка*.

2. ФС синонимами:

а) **FRIC^{ГЛ}+VOC+FRIC^{ЗВ}**: *шавкать*;

б) **PLOS^{ГЛ}+VOC+PLOS^{ГЛ}**: *тятать* «рыхлить, полоть».

ЗИ доминанта – глухие согласные, так как почва является преимущественно «мягкой» материей.

Почва – поверхностный слой литосферы, обладающий плодородием и представляющий собой полифункциональную гетерогенную открытую четырёхфазную (твёрдая, жидкая, газообразная фазы и живые организмы) структурную систему, образовавшуюся в результате выветривания горных пород и жизнедеятельности организмов [Ивлёв 2005]. Её рассматривают как особую природную мембрану (биогеомембрану), регулирующую взаимодействие между биосферой, гидросферой и атмо-

сферой Земли. Теоретически литосфера может быть представлена любым из типов звучания, так как включает твердые предметы, жидкость, газ и пр.

2.4. Фоносемантическое поле «Живые организмы»

2.4.1. Фитофоносфера. Несмотря на то, что растительный мир занимает важное место в картине мира носителей традиционной культуры, фитофоносфера (звучания растений) занимает периферийное положение в модели фоносферы пермских говоров. Здесь не выявлено первичных звукоподражаний, а все единицы звукоподражательного происхождения отмечены в других сферах звучания: *Горох с тиеницей вместе убирала. Он уже **выпукивает** – выскакивает из стручков, если поздно; Мужик-то мой на **пукалке** дрова возит. Это трактор такой.*

Тем не менее этимологические словари в некоторых случаях фиксируют растения в качестве источника звука. Так, М. Фасмер приводит значения глагола *пукать*: «лопаться, испускать газы», блр. «упасть с шумом», болг. «лопаться, прорваться», словен. «трещать, извергаться», чеш. «лопаться, трескаться; распускаться (о почках)».

Периферийное положение фитофоносферы относительно прочих сфер звучания объясняется тем, что звук редко является мотивирующим признаком при номинации растений. Однако если звуковой признак все же присутствует, то следует говорить о его высокой значимости.

Ономатопы с семантикой «действия РАСТЕНИЙ»: *выпукивать*; *почкиковать* (Сучочки, которые отмирают, они вот и почкикуют громко); *затикать* (Солома затикает, ой страшно).

Звуки растений осознаются человеком тогда, когда фиксируют предельный момент в развитии растения. Естественное состояние растительного мира – не издавать громких звуков. Появление в акустическом окружении человека нетипичного звука сигнализирует о каком-либо важном моменте (созревание плода, отмирание или высыхание). При этом ономатопы фиксируют высокий и отчетливый звук.

Отмечены «звуковые» номинации РАСТЕНИЙ и ГРИБОВ: *У скрипуна розовый такой цветочек. Вот сорвёшь его, начнёшь мять, он и скрипит; Скрипуном натрёшь пол, дак он блестит и весь жёлтый, красивый; Полевой скрипун в полё растёт, сочной, скрипучий; Руку натрать полевым скрипуном надо, раз скрипит дак; Горькие губы (грибы) – скрипуны, скрипун не берут; Скрипун подвид грузля (груздя): белой, сухой, не мохнатой; лизнёшь, дак весь язык извертит; Скрипуны у нас не берут, это белый груздь, они как скрипят. Червяк их не ест, и мы тоже не едим.* В данном случае звуковая характеристика растения является дифференциальным признаком.

Звучания растений фиксируются, если объект взаимодействует с атмо-, зоо- или антропосферой, т.е. звук является следствием какого-либо действия. Растения не совершают активных действий, но если движение придается извне, то фитосфера наделяется звуковыми свойствами.

В говорах встречаются единицы, характеризующие взаимодействие фитосферы с воздушной стихией (ветром): человек осознает звук шуршания, шелестения. Процесс ВЫСЫХАНИЯ ТРАВЫ сам по себе не обладает звуковой характеристикой, но обозначается ономатопами: *Сено-то в стожъях и бывает. Вот там за Камой и подиураат. Как это подиураат? Ну, подсыхат в вёдреные дни; На пол брошу сено-то, подиураится к вечеру-то; Отава-то утром от холода заиурала.* Предположение о том, что мотивирующим признаком здесь является шуршание, источником которого является взаимодействие фито- и атмосферы, подтверждает наличие у ономатопа *подиураат* значения «высушить ветром»: *Ничего, если сырая трава в зарод попадет, ветер сено подиурает и всю влагу по стожярам вытянет.*

Растительный мир «звучит» наиболее отчетливо и различимо при взаимодействии с антропосферой, что позволяет предположить антропоцентричный характер фитофоносферы: *Пойдёшь за соком за берёзовым, по берёсту проведёшь ножом, дак счи-кат только, раздваивается; Лошадь не хваталася, дак я извыкла опять в наберушке овса носить: я иду, пошабаркиваю овсом*

в наберухе-то – она и подойдёт; Лён жёлтенькой, сухой будет, дак **шабарстит**; колды прямо с вешалов мнём его; Косить-то всей семьей ходили. У меня коса бриткая была, махну – только трава **поширкивает**. В данном случае эксплицируются два типа звука: высокий резкий отрывистый (удар) и тихий продолжительный шум (шуршание, шорох).

ЗИ гиперлексема РАСТЕНИЯ представлена ономатопами удара, скрипа, шуршания:

1. Фонетические варианты: **PLOS^{гЛ}+VOC+PLOS^{гЛ}**: *выпукивать* «выскакивать с шумом (о горохе)», *тикать* «издавать звуки (о соломе)», *топтун* «подорожник», *тютюка* «плод растения», *дудка, дутка* «полый стебель растения, приспособляемого для извлечения звука»;

2. ФС синонимы:

а) **AFFR+VOC+PLOS^{гЛ}**: *почикивать* «трещать, щелкать (о сучках)», *счикать* «лопнуть (о коре)»;

б) **FRIC^{гЛ}+VOC+R**: *подиурать, подиуриться*, «подсохнуть (о сене)», *зашурать* «пожухнуть»;

в) **FRIC^{гЛ}+PLOS^{гЛ}+R+VOC+PLOS^{гЛ}**: *скрыпучий* (о дереве), *скрипун, скрыпун* «растение, гриб»;

г) **FRIC^{гЛ}+VOC+PLOS^{ЗВ}+VOC+R**: *шабарстеть, шабарковать* «шуршать», *шабаркунчик* «растение, плоды которого, высыхая, издают звуки»;

д) **FRIC^{гЛ}+LAT+VOC+PLOS^{гЛ}**: *хлопанушка, ошлепан, ошлёпок*;

е) **LAT+VOC+PLOS^{гЛ}**: *облапок, лупенник*;

ж) **PLOS+VOC+LAT+VOC+PLOS**: *балаболка, колокольник* и др.

ЗИ доминанта – глухие фрикативные (шуршание, трение) и взрывные (удары, перемещения).

Через ономатопею в номинации растений и грибов носители традиционной культуры наделяют беззвучный растительный мир свойствами живых существ, часто антропоморфизуя его. Так, растения и грибы наделяются способностью говорить: *Балаболка – это по-вашему «купальница», а также «болтунья»; Картофки отцветут, дак вверху балаболки получают, как помидорки зеленые.*

В экспликации фитофоносферы выделяются два типа звучания: высокий резкий отрывистый (удар), характеризующий какой-либо предельный момент развития растения или вмешательство человека, и тихий продолжительный шум (шуршание, шорох), характеризующий взаимодействие фитосферы с ветром или человеком.

Согласно словообразовательной модели русского макрокосма Т.И. Вендиной, наиболее развитой системой номинаций является «Растительный мир», затем «Животный мир», «Ландшафт» и «Небо и небесные тела».

«Такая картина иерархии словообразовательно структурированных семантических сфер языка дает представление об элементарных формах жизни и хозяйствования и, думается, свидетельствует прежде всего о земледельческих приоритетах русского человека, его психологических связях в первую очередь с растительным миром. Образ жизни (*modus vivendi*) не мог не сказаться на образе мышления (*modus cogitandi*). Существование тесных эмоционально-когнитивных и аксиологических, потребностно-мотивационных связей русского народа с окружающим его миром вело к актуализации в каждой семантической сфере своих характерных мотивировочных признаков и оценок» [Вендина 1998: 10].

Фоносемантическая картина мира (на наш взгляд, более архаичная) не актуализирует растения в той степени, в какой представлены растения в словообразовательной картине мира (более поздней). Доминанты фоносемантической звуковой картины мира, вероятно, указывают на связь с животным миром и охотничьи приоритеты (более древние) человека.

«Акустическая характеристика – один из важных компонентов общей картины животного мира, существующей в традиционном народном восприятии. Однако среди разных групп и видов животных такая характеристика распределена неодинаково. В целом животные персонажи наделяются в народных представлениях определенными звуковыми признаками в соответствии с тем, как человек воспринимает реальных животных,

окружающих его в природе. Однако это восприятие преломляется сквозь призму мифологического сознания: классификация животного мира по тем или иным, в том числе и акустическим, признакам подчинена внутренней логике мифологического сознания, которая подчас существенно отличается от логики бытового сознания современного человека, а тем более от логики научной, положенной в основу зоологической классификация видов животных» [Гура 1995: 15–16].

2.4.2. Зоофоносфера. Субполе «зоофоносфера» выражено значительно (416 единиц) и занимает предельно близкое к антропофоносфере место. Животное (птица, насекомое и др.) обладает способностью издавать «голосовые» звуки и совершать «звучащие» действия, которые нередко становятся мотивирующим признаком номинаций животных (птиц, насекомых и др.): *гогочка* «курица», *пипка* «цыпленок», *лаянка*, *тявка* «собака», *бзык* «жужжащее насекомое».

Субполе «зоофоносфера» включает группы *орнитофоносфера* (птицы), *герпетофоносфера* (земноводные и пресмыкающиеся), *энтомофоносфера* (насекомые), *ихтиофоносфера* (рыбы). Наиболее обширны группы *птицы* и *животные*, менее обширно поле *насекомые*, практически не представлены поля *земноводные* и *рыбы*.

Орнитофоносфера и териофоносфера представлены двумя основными группами: *домашние птицы / животные* и *дикие птицы / животные*. Звуковая сфера домашних животных и птиц более выражена количественно и детализирована по сравнению со звуками диких животных и птиц.

Группы ДОМАШНИЕ ПТИЦЫ И ЖИВОТНЫЕ детализированы не только по принадлежности голоса какому-либо животному или птице, но и по характеру звучания: *Ну чё кокочет?*; *Курочка закококала – видно, ичушко снести хочет*; *Маленька цыпушка болеет, зачикат-зачикат и все*; *Петух-то захарчел у их да и сдох*; *Собака аргат, кто-то идет*; *Заяц летел впереди – собака скоко викала, викат бежит*; *тихонько викают оне, когда зайца увидят дак*; *Собака-то взыват и только*.

ЗИ гиперлексема ДОМАШНИЕ ПТИЦЫ представлена онома topами удара, диссонанса и тона:

1. Фонетическими вариантами:

а) PLOS^{гл/зв}+VOC+PLOS^{гл}: *кокотать, кококать, кутачить, куткать* «кудахтать» *гогочка, кокорка, кутя, тютька, кутька* «курица», *кокатся* «клеваться», *гоготать, гогочить, коко* «яйцо», *кукарёнок, кипнята, пип, пипка, тип, типка, типушки* «цыпленок, цыплята»; *тютькаться кути-кути, куть-куть-куть, тип-типушки, типу-типу, тип-тип-тип, тю-тю-тю* «подзывные слова для цыплят»;

б) PLOS^{гл}+FRIC^{зв}+VOC+GUTT: *заквохтать, квоктать, квокнуть*, «закудахтать», *квокши* «курица»;

в) PLOS^{гл}+LAT+VOC+PLOS^{гл}: *клоктать, клоктунья, клоктушка, клипуха*;

2. ФС синонимами:

а) FRIC^{зв}+VOC+PLOS^{гл}: *викать*;

б) AFFR+VOC+PLOS^{гл}: *зачикать*.

ЗИ доминанта – глухой взрывной и гласный.

ЗИ доминанта – глухие согласные (относительная негромкость звука), гласные и звонкие согласные (голос).

ЗИ гиперлексема ГОЛОС КОШКИ представлена фонетическими вариантами и фоносемантическими синонимами:

1. Фонетические варианты:

а) (PLOS+)**VOC+R+GUTT**: *аркаться, ургать, уркать, тургать*;

б) SON+**VOC+R+GUTT**/FRIC: *мургать, мыргать, мыркать, мырзить, мяргать, мургать, нанюргивать*;

в) SON+**VOC+FRIC+GUTT**: *мявгать, мявкать, мявгать, помявгать, помявкать*;

г) FRIC+VOC+**R**: *хурчать, форскать, фырскать*;

д) PLOS/AFFR+VOC+**R+VOC+PLOS**: *гарабать, царануль, царапунка, царапистой*;

е) **GUTT+VOC+SON+GUTT**: *расхинькаться, каньгать*;

ж) PLOS+VOC+FRIC/PLOS: *кыса, кысарка, кыть-кыть, кыскасть, кавкать*;

з) **GUTT+VOC+SON/FRIC+VOC+R/FRIC+GUTT**: *кувяркать, кунявкать, куняргать.*

2. ФС синонимы:

а) **R+VOC+FRIC**: *реветь*;

б) **PLOS+VOC+R**: *бурлить*;

в) **PLOS+R+VOC+FRIC**: *прыщ*;

г) **FRIC+R+FRIC**: *шихануть*; д) **PLOS+VOC+R**: *турить*.

ЗИ доминанта четко выражена выбрантом, который передает мурлыкание кошки и громкость звучания, и заднеязычным.

ЗИ гиперлексема ГОЛОС СОБАКИ представлена фонетическими вариантами и фоносемантическими синонимами:

1. Фонетические варианты:

а) (**PLOS+**)**VOC+R+GUTT**: *аргать, аргаться, взургать, огаркать, заургать, поуркать, ургать, аркотня*;

б) **FRIC+VOC**: *вывикивать, викать, повикать, взвывать, взыть*;

в) **FRIC/PLOS+VOC+FRIC**: *захаветь, хаветь, тявка, истывать*;

2. ФС синонимы:

а) **LAT+VOC+SON**: *злаять, лаянка*;

б) **PLOS+VOC+PLOS**: *запикать*.

В качестве ЗИ доминант можно выделить фрикативный, имитирующий шум, и гласный и вибрант, которые воспроизводят громкость голоса собаки.

ЗИ гиперлексема ЗВУКИ, ИЗДАВАЕМЫЕ КОРОВОЙ, представлена фонетическими вариантами и фоносемантическими синонимами:

1. Фонетические варианты:

а) **SON+VOC+GUTT/AFFR**: *взмкнуть, змычать, мучать*;

б) **SON+VOC+R(+VOC+FRIC)**: *мурзить, муравкать*;

в) **PLOS+VOC+PLOS+VOC+ERIC**: *бутышкать, будышкать*.

2. ФС синонимы:

а) **PLOS+VOC+FRIC+VOC+R**: *растыфыриться*;

б) **FRIC^{ЗВ}+FRIC^{ЗВ}+VOC+PLOS**: *жвакаться*;

в) **PLOS+VOC+R+FRIC+PLOS**: *кырскать*;

г) PLOS+VOC+R/FRIC: *торнуть, бахнуть*;

д) PLOS+FRIC+VOC: *ксыня*;

е) R+VOC+FRIC: *заревкать*;

ж) PLOS+R+VOC+ SON: *гремяха*.

ЗИ доминанта – носовой сонорный или гласный, имитирующий протяжный звук, издаваемый коровой.

ЗИ гиперлексема ЗВУКИ, ИЗДАВАЕМЫЕ ОВЦОЙ/КОЗОЙ, представлена фонетическими вариантами и фоносемантическими синонимами:

1. Фонетические варианты:

а) SON+VOC+FRIC+GUTT: *мявгать, нязгать*;

б) PLOS^{3B}/SON+VOC+R+GUTT: *баргать, торкать, помыргать*;

в) PLOS^{3B}+VOC+PLOS/LAT/FRIC: *забакать, баленька, балька, баля, баля, бали-бали, баль-баль, бальки-бальки, баля-баля, бяшка, бяши-бяши*;

2. ФС синонимы:

а) R+VOC+FRIC: *урева*;

б) SON+VOC+FRIC: *маська, маси-маси, маси-маси, масеньки, мась-мась, маська-маська*.

ЗИ доминанта – звонкий взрывной, гласный или сонорный, имитирующие наличие тона.

ЗИ гиперлексема ЗВУКИ, ИЗДАВАЕМЫЕ СВИНЬЕЙ, представлена фонетическими вариантами и фоносемантическими синонимами:

1. Фонетические варианты:

а) R+VOC+FRIC: *рехать, срюхать, рюшка, рюха, рюшка, рюхтя*;

б) FRIC+R+VOC(+PLOS): *хрюня, хряк, хрюкало*.

2. ФС синонимы:

а) FRIC+VOC+PLOS: *фыкать*;

б) PLOS^{3B}+FRIC^{3B}+VOC+PLOS^{3B}: *дзюд*;

в) VOC+FRIC: *усь*, г) PLOS+FRIC^{3B}+VOC: *гзя*;

д) FRIC^{3B}+VOC: *зю*.

ЗИ доминанта – фрикативный, имитирующие наличие шума, и вибрانت (специфическое хрюкание свиньи).

ЗИ гиперлексема ЗВУКИ, ИЗДАВАЕМЫЕ ЛОШАДЬЮ, представлена фонетическими вариантами и фоносемантическими синонимами:

1. Фонетические варианты:

а) **FRIC+VOC+R+FRIC**: *сфорскать, форскать, фырскать*;

б) **PLOS+PLOS+R**: *тпрунька, тпруканье, тпрунька-тпрунька*;

в) **AFFR+VOC+PLOS**: *счакать, цокотить*.

2. ФС синонимы:

а) **FRIC+R+VOC+AFFR**: *захрычкасть*;

б) **PLOS+R+VOC+FRIC**: *прыщать*, в) **VOC+FRIC+PLOS**: *ивгать*.

ЗИ доминанта – фрикативный, имитирующие шум, вибрانت (громкость), и взрывной.

В группе ЛЕСНЫЕ (ДИКИЕ) ПТИЦЫ встречаются ономатопы, характеризующие голоса как нерасчлененный, обобщенный звук, типичный для всех птиц, обитающих в лесу: *У меня вот на задах тут межа, и мы косим бурьянчик такой. Приду, сяду тут. И птичка летат: «Чивырь, чивырь». Дак у нее, наверно, гнездышко тут. Я все думала, что это Люсина душа прилетела, со мной говорит; Птички в лесу гивиргают; Тишина такая стоит, токо птички начервичивают; В лесу тихо, только одна какая-то птица начиликиват; Весна придет, птицы начувыркивают; Как соловьи под утро чувырять начнут, дак никакого сна нету; Летом-то птички целый день под окошком цвиргают.*

Даже если голос приписывается конкретной лесной птице, он может носить обобщенный характер: *Филин к ведру так уж шибко хорошо начувыркиват, наговариват; В лес зайдешь, жуланы начувыркивают.*

Редко встречаются ономатопы, характеризующие голос животного (*подголосничать* «выть (о волке)»; *взрэхать* «реветь», *свистеть* «издавать звук, похожий на свист» (о медведе), или действие, сопровождаемое звуком (*На лося идешь – доски теши. Может хрястнуть сразу насмерть; Сохатой-от..., токо щелкоток идёт; бьёт копытом деревину*).

Голоса птиц представлены бесконечным количеством фоносемантических реализаций по причине трудности воспроизведения речевыми средствами птичьих звуков, а также разнообразием их звучания.

В пермских говорах отмечается разнообразие звуков, издаваемых дикими животными, насекомыми: ВОЛК: *подголосничать, исцарапать*; МЕДВЕДЬ: *взрэхать, свистеть, исчавкать, трёскасть, трёскачься, трёси, счушкать, рывкать, рюх-рюх, рох-рох, рох-х*; ЛОСЬ: *брызнуть, шебаршашать, хрястнуть, щелкоток, свистёт*; ГРЫЗУНЫ: *скыркасть, шиши*; БЕЛКА: *джир-джир, джурум-джурум, джирскасть* (все из к.-п.); ЗАЯЦ: *гырз-гырз, боботать, бу-бу-бу, бо-бо-бо*; БУРУНДУК: *тяв-тяв*; ЗЕМНОВОДНЫЕ: *храпать, тюкнуть* «об укусе змеи», *хрр* (лягушка); РЫБЫ: *сбулькать, сбулькаться, хлобыстать*; НАСЕКОМЫЕ: *бумчать, бунчать, бунжать, бунчатъ, бынгать, кузнечить, перишить, пикаться, пиньгать, пинькать, шабарчетъ, сапнуть, шабаркннуть, базднуть, бзык, жуужа, жуужга, жуужга, жуужга, жуужелка, щелкунчик, лёля, пискун, пынка, шоршень, жуужготня, чик-чик, тиньгать, пеньжить, жуужжёлка*; ЧЕРВИ: *скрып-скрып* и пр.

Однотипно структурируются звучания одного животного или одного вида. ЗИ гиперлексема ГОЛОС МЕДВЕДЯ представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) R+VOC+FRIC^{гп}: *взрэхать, рюх-рюх, рох-рох, рох-х, рывкать*;

б) AFFR+VOC+FRIC: *исчавкать, счушкать*.

2. Фоносемантическими синонимами:

а) FRIC^{гп}+FRIC+VOC+FRIC^{гп}: *свистеть*;

б) PLOS+R+VOC +FRIC^{гп}: *трёскасть, трёскачься, трёси*.

ЗИ доминанта – глухой фрикативный.

ЗИ гиперлексема ЗВУК, ИЗДАВАЕМЫЙ ЗАЙЦАМИ, представлена фонетическими вариантами PLOS^{зб}+VOC: *боботать, бу-бу-бу, бо-бо-бо*. ЗИ доминанта – редуцированный взрывной.

ЗИ гиперлексема ЗВУК, ИЗДАВАЕМЫЙ БЕЛКАМИ, представлена фонетическими вариантами PLOS^{3B}+FRIC^{3B}+VOC+R: *джир-джир, джурум-джурум, джирскать*. ЗИ доминанта – звонкость согласного.

ЗИ гиперлексема ЗВУК, ИЗДАВАЕМЫЙ ЛОСЕМ, представлена ФС синонимами:

- а) PLOS+R+VOC+FRIC: *брызнуть*;
- б) FRIC+VOC+PLOS+VOC+R: *шебаршать*;
- в) FRIC+R+VOC+FRIC: *хрястнуть*;
- г) FRIC+VOC+LAT+PLOS: *целкоток*;
- д) FRIC+FRIC+VOC+FRIC+PLOS *свистеть*.

ЗИ доминанта – фрикативный и вибрант.

ЗИ гиперлексема ЗВУК, ИЗДАВАЕМЫЙ ГРЫЗУНАМИ, представлена ФС синонимами:

- а) PLOS+VOC+R: *скыркать*;
- б) FRIC+VOC: *ишии*.

ЗИ гиперлексема НАСЕКОМЫЕ представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) PLOS+VOC+SON+AFFR/FRIC/PLOS: *бумчать, бунчать, бунжать, бынгать, пиньгать, пинькать, пынка, тиньгать, пеньжить, пикаться*;

б) FRIC^{3B}+VOC+FRIC^{3B}: *жуужа, жуужга, жуужелка, жуужготня*.

в) FRIC^{3B}+VOC+PLOS: *шабарчить, саннуть*;

в) FRIC+VOC+PLOS^{3B}+VOC+R: *шабарчить*;

Простейшим способом генерации звуков насекомыми являются удары (*взрывные, аффрикаты*) частями тела по субстрату. Самым распространённым способом генерации звуков является использование стридуляционных аппаратов, при работе которых специальный «скребок» (*фрикативный*) трётся о «пилку» ребристой поверхности покровов насекомого [Тыщенко 1986].

Характер ЗООФОНОСФЕРЫ позволяет говорить о том, что звуки мира живых существ (кроме человека), как и все прочие звуковые сферы, организуются антропоцентрично. Наиболее эксплицированными являются те сферы, с которыми человек

непосредственно контактирует. По степени удаленности от ядра фоносемантической картины мира звучания животного мира располагаются следующим образом: голоса и звуки домашних животных и птиц – диких животных и птиц – насекомых – земноводных – рыб.

Человек постоянно контактирует с животными, в том числе на звуковом уровне. В связи с этим зоофоносферу отличает высокая степень взаимосвязи с антропофоносферой:

1) ономаины, этимологически связанные с голосом человека, чрезвычайно активно функционируют в зоофоносфере: **мыргать** этимологически связано с говорением («фыркать», арханг., *мы́ргнуть* «проворчать», псковск., *мы́рнуть* «неохотно ответить»; связано с *ма́ргать*. Ср. с *мыркнуть*. «ворчать, напевать под нос», *мамы́ркнуть* «пищать, разевать рот», укр. *мі́ркнути* «бормотать», укр. *мо́ркнути* «бормотать»).

В зоофоносфере: *Да чё ты мыргаишь? Есть хочешь?; Тьфу, опять, кошка, ты мыргаишь!; Кошка мыркат* ведь, когда спать лягёшь; *Ну да не мыргай, сейчас напою тебя. Шибко, видно, коро-ва-то пить хочет, то и мыргат; Чё ты мыргаишь, Чапа? Это же свои, не тронь их; Козлуха-то помыргал, помыргал* и побежал дальше. В антропофоносфере данные единицы также активны, но часто обретают пейоративные коннотации: *Нынче не поют, а мыр-гают, а мы важно пели; Вечерами сядет мама за прялку и мыр-гат себе под нос песни; Ещѐ попробуйте у меня мыргните;*

2) из зоофоносферы (*У меня нонче клоктунья двенадцать цыплят вывела, пока все еще бегают; Така уж клоктушка хорошая – оберегат своих цыпушек; на каждого кинется, если что*) переходят в антропофоносферу (*Заклоктала* девка: *наелась; когда переест или всухомятку наестся, и вот клохчѐт* или *замерзнет; Хоть и болели, дак некогда было клоктать-то – кому надо, работай только знай*);

3) представляют собой синкретичное образование: *нявгать нявдывать, нявжить, нялгать* «мяукать, говорить в нос»: *Вот и кунявкат, вот и кунявкат! Раскунявкалась – котят потеряла; Ребенок лежит, нявгат, никто к нему не идет.*

Часто люди и животные в фоносемантической звуковой картине мира «звучат» одинаково: **Заклоктала** девка; *наелась; когда переест или всухомятку наестся – и вот клокчет, или замерзнет; Хоть и болели, дак некогда было клоктать-то – кому надо, работой только знай*).

Оценочная характеристика зоофоносферы зависит от того, какому живому существу принадлежит голос и в каких обстоятельствах он производится. Так, ПТИЧЬЕ ПЕНИЕ в лесу приятно слуху диалектоносителя: *Птички в лесу гивиргают; Тишина такая стоит, токо птички начервичивают; Весна придет, птицы начувыркивают; Летом-то птички целый день под окошком цвиргают*. В редких случаях птичье пение воспринимается как раздражитель: *Как соловьи под утро чувырять начнут, дак никакого сна нету*.

Голоса ДОМАШНИХ ПТИЦ в целом воспринимаются как естественные и прагматически информативные: *Курица, это она не поёт нечё, только керкаёт. Утка терчкаёт; Квохчет курица-та ходит – парунья, знать; Петух у меня куткат, гаркат, курочку пригаркиват; В конюшне холодно, в сарае-то, дак курочек дома держим, вот они и натарачивают; Курица начнет локтать, значит, хочет на яйца садиться, выпаривать; Слышу, закеркали гуси-то, я и побежала туды скорей; стоят, го-гоцут, есть просят*.

Голоса ПТЕНЦОВ чаще воспринимаются как положительные (*Цыплята-то цвиргают, как птички. Летом-то птички целый день под окошком цвиргают*), что поддерживается наличием ласкательных обращений к птенцам (*Много хищной-то птицы развелось, им молодняка жорить-де надо, тащат яйца и писклят; Пойду тинушкам зёрен насыплю, поклюют пусть*).

Как отрицательные звуки птенцов воспринимаются при продолжительном или слишком громком писке: *Совсем больной цыпленок, с ночи тилекает, покоя не дает; Ну, сейчас расшивгаются цыплята-то*.

Ономатопы, характеризующие голоса некоторых ЛЕСНЫХ ПТИЦ, часто развивают значения с отрицательной коннотацией: *Вороны выргают, дождь будет; Она все выргат да выргат; Ку-*

кушки *кокуют*, да куропатки *куркают*; *Робята разлетелись, я одна вот тожно кокую*; как не горё. Восприятие голосов вороны и кукушки как неприятных подтверждается наличием мифологических представлений о вредности этих птиц.

В общем благоприятном лесном «шуме» дифференциация голосов лесных птиц все же происходит и оказывается настолько значимой, что закрепляется в номинации той или иной птицы: *креча, кукуша, синка*. «Пение птиц (ритмическое повторение системы звуковых сигналов) является одним из проявлений биоориентации, формой общения» [Подюков 2006]. Звуковая имитация голосов птиц, животных, насекомых довольно часто используется в обрядах календарного цикла, реже – в обрядах по случаю [Усачева 1995: 30].

Ономатопея широко используется в ОХОТНИЧЬЕМ ПРОМЫСЛЕ. Чуткий слух, способность точно распознавать звуки окружающей среды являются залогом успешной охоты. Высокая роль, отведенная звучанию и способности услышать, отражается на «охотничьем» лексиконе. Так, одно из значений термина *отслушать* «не услышать голоса собаки из-за расстояния или шума ветра» демонстрирует значимость звуковых сигналов: *Отслушаешь собаку, можешь потерять, ее зверь уводит* [Картоотека словаря охотничьей речи Прикамья]. Далее все примеры, связанные с охотничьим промыслом, приводятся без указания на источник. Термин *подслух* «процесс предварительного, разведывательного слушания»: *Косачи токуют на открытых местах. А глухарь, он же среди леса токует. У него тока такие, что если ты летом не знаешь, что тут ток, так ты не поймёшь ничего. Обычно узнают, специально ходят на подслух*.

Будучи информативными, звуки, служащие ориентации охотника во время промысла, фиксируются в речи в виде онома-топов (первообразных звукоподражаний и звукоподражательной лексики). Именно поэтому, посредством анализа онома-топов можно определить, что именно и как именно слышит охотник. Так, если обычный человек слышит, что медведь «рычит», то охотнику доступны звуковые нюансы, которые передаются че-

рез звукоподражание: *Вдруг слышу: рох-х. Поглядел – медведь! В кустах-то тожо чё-то: рох-рох.*

Особое место в аудиальной палитре занимает звуковое поведение лесных птиц, в первую очередь, голосовое: *Интереснее всего глухарь токует. Я даже брал сына малого на подслух, жену один раз. Это очень же интересно.*

Голос глухаря представлен самым разными звукоподражаниями, в том числе первообразными: *Глухарь – он как скрипит: крыш-крыш; Глухарь так керкает – кхр-кр; Собака на его лает, а он ее дразнит – кечкат, кеч-кеч-кеч; Глухарь сначала ишиелкат, потом кышкат – вот как коробок спичек, ки-ки-ки.* Глухариную песню в целом характеризуют такие ономотопы, как *крешкать, ургать*: *Глухарь-от крешкать начинает, накликает, что ли; Глухари ишо токо ургать зачали, он уж стрелил и спугнул их* [СПГ: 479].

Слуху становятся доступны мельчайшие детали звукового поведения глухаря, даже щелчки клюва – *чумкать, итомкать*: *Глухарь чумкает, ну, одним словом, щёлкает клювом* [СПГ: 535]; *Бывает слышно, как глухарь итомкает где-нибудь на опушке* [СПГ: 561].

На основе анализа зафиксированных ономотопов можно выделить такие значимые звуковые доминанты глухариной песни: 1) щелкающий звук *токать, тюкать, кеч-кеч-кеч*. Первая песня у глухаря – *тэк! тэк! Как токает*; 2) глухой скрежещущий звук *скиркать, скрежить* и 3) шум, шуршащий звук *ки-ки-ки, кышкать*.

Голос самца отличается от голоса самки: *Глухарки... коткают, но уже немножко звук другой – кэт-кэт*. Так, слух охотника улавливает различные нюансы голосового поведения птицы. Для сравнения приведем несколько орнитологических описаний голоса глухаря.

«Во время тока самцы издают звуки, напоминающие щелканье и точение ножа на камне. Самки квохчут» [Бёме, Кузнецов 1981: 22].

«Слышать голос глухаря можно только на току, в остальное время птицы чрезвычайно молчаливы. Токовая песня короткая, всего несколько секунд, ее можно условно подразделить на две части. Первая часть «щелканье»: сухие двойные щелчки, которые сначала следуют с некоторым интервалом, затем все быстрее и быстрее и сливаются в сплошную щелкающую трель. Всё «щелканье» слышится примерно как «тк... тк... тк – тк – тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк» и без всякой паузы переходит во вторую фазу песни, которую называют «скрежетанием», «точением» или «скирканием», и передать это буквами невозможно, длится эта фаза 3 секунды... Вся песня звучит несколько странно и имеет какой-то «механический» характер... Потрявоженный собакой глухарь издает особый скрипучий звук... Глухарка в подобной ситуации низко вхохчет: «ок... ок...» [Рябицев 2001: 155].

«Песня глухаря состоит из своеобразного щелканья, звучащего как глухое «ка-ду... ка-ду...», сливающегося затем в короткую трель, и последующего скрежещущего звука «скжищи-скжищи-скжищи» («точение»), во время которого птица совершенно не слышит» [Флинт, Бёме, Костин, Кузнецов 1968: 177].

Описание охотниками глухариной песни не уступает по точности характеристике орнитологов. Более того, охотники распознают как отдельную часть песни издаваемый птицей шум, шуршащий звук (*ки-ки-ки*), который не отмечается в описаниях орнитологов. Охотник не менее, а иногда и более чутко слышит нюансы голоса птицы.

Такая чуткость прагматически обусловлена, поскольку от способности улавливать различия в характере песни птицы нередко зависит успех охоты. Так, нюансы голосового поведения глухаря становятся информативными: *Молодые глухари отличаются тем, что у них нет скрежета, только щелkanie. Поэтому они все время как щелкают, хорошо слышат.*

Не менее точно охотник распознает и голос тетерева. «Весной самцы на току издают булькающие или как бы бормочущие звуки, имеющие слегка меланхолический оттенок...» [Рябицев 2001: 155]. Выделяется несколько характерных звуков голоса тетерева:

1) «бормотанье», звуки, «напоминающие воркование голубя» [Бёме, Кузнецов 1981: 34], «...можно различить в нем повторение одной и той же глуховатой фразы: «карру-кукарру-каррррррр» [Рябицев 2001: 152];

2) громкий резкий звук – *трубнить, тюргать*: *Косач играет когда – трубнит, далеко слышно; Вечером тоже тетерева прилетают на ток, тюргают. Но тетерок уже нет.* При этом голоса самцов отличаются от голосов самок: *Тетерки идут на ток пешком или летят. Идут и коткают – кот-кот-кот;* «время от времени бормотание прерывается звонкими выкриками «ку-каррр» и экспрессивными шипящими звуками, которые принято весьма точно изображать как «чуффышшшш...» [Рябицев 2001: 152];

3) глухой хриплый звук – *пышкать, чуфыкать, чуфышкать*: *Сначала тетерев чуфышкает, потом идет бормотание, – «своеобразный звук «чуффши»* [Флинт, Бёме, Костин, Кузнецов 1968: 174].

«Голос самки – квохчущее мелодичное «кок, кок...» [Рябицев 2001: 153]: *Тетерки идут на ток пешком или летят. Идут и коткают – кот-кот-кот.*

Так, охотник улавливает разницу между голосами тетерок и тетеревов, а также между различными этапами пения тетерева.

Помимо ономатопов, изображающих голоса глухаря и тетерева, в речи охотника встречается множество звукоподражаний, имитирующих голоса уток.

Важным оказывается специфический голос птицы в период спаривания. По данному критерию имитируемые голоса можно разделить на обычный, нормальный – *крячат*: *Утки летают и крякуют*, – и призывный крик селезня *шарпать, швяк, швякание*: *Утка зовёт покрякивает, а селезень отвечает – сипло так шипит, шарпает; У селезня крик сипловатое такое шипение, с обрывом – ш-швяк, ш-швяк, швяканье.*

Кроме того, голос утки изображается в таких ономатопоэтических номинациях:

1) *крикунок, крикуша* [Фасмер II: 376–377], *крякаш, крякуша, кряковая утка* [Преображенский I: 400–401] «утка кряк-ва», «голос самки – общеизвестное кряканье, как у домашней утки. У самца вместо кряканья – приглушенный бархатистый звук «шааак» или «швааарк» [Рябицев 2001: 62]: *Есть у нас, только большие бывает чернять, крикуша, дальше чирочки;*

2) *чурок, чир* (преобразованное *чирок* связывается с *чирикать* [Фасмер IV: 366]): *Много уток: чурки, селезни, гагара, черни. Чурки – они маленькие уточки, по берегам реки живут;*

3) *свистунок* [Преображенский III: 261] «чирок-свистунок»: «...чистые свистовые звуки, обычно повторяемые несколько раз подряд, «трик, трик...» [Рябицев 2001: 69].

Названия птиц вообще часто имеют звукоподражательное происхождение: *кулик* [Фасмер I: 410–411], *сокера* (вероятно, от *сокотать* «болтать (по-сорочьи), гоготать» [Фасмер III: 709], *хлёст* (от *клет*, которое связывается с *клеск* [Фасмер I: 218]). Это обусловлено тем, что именно голос становится главным различительным признаком птицы, ее вида, ее поведения, ее состояния.

Наряду с голосами птиц, важную роль играют и изображения звуков животных: *Медведь только свистит и керскает, как сорока*. Так, слуху охотника доступны нюансы их звукового поведения: *Зайчики тоже бобочут: бо-бо-бо, по веснам да чё. Оне вон как бобочут. Он весной бобкатся, когда бегат за зайчихой; Сохатой-от..., токо щелкоток идёт, бьёт копытом деревину* [СПГ: 565]; *Он сначала на четвереньках так ходит, пробует, потом ему где-то понравилось, он набок присаживается и вот так раз хррхрхр – брусничит. И овес тоже аж слышно, как лыщет – шъуич-шъуич-шъуич... (о медведе).*

Важную роль в процессе охоты играет звуковая коммуникация охотника с собакой, как речевая: *Скажешь собаке – ту-ту-ту, и она вперед*, – так и аудиальная. Термин *отслушать* характеризует особое внимание охотника к собаке, способность по лаю определить, что она поймала зверя или какого зверя гонит: *Отслушаешь собаку, поймешь, что она зверя задержала; Собака гонится*

по нюху. Зверь не боится ее. А догоняет, начинает греть, цели добилась, дает знать хозяину. На белку гонится – одним лаем, на птицу – иначе лаем, на медведя лаем как на человека.

Так, в речи охотников функционируют ономапоты, имитирующие голос собаки: *вывывать, туткать*: В зависимости от зверя собака *выывает* по-разному. Белку так *тявкает*, на лось, когда стоит, *грубо лаем*, когда он побежал, она *взвизгивает*; На белку собака не *туткает*, она сразу лаем. А медведя найдёт – *завоет, затуткает, а потом залаем*. Различение нюансов лая собаки также становится необходимым условием успешной охоты.

Помимо звуков птиц и животных, в речь охотника эксплицируются звучания различных приспособлений, которые также являются неотъемлемой частью процесса охоты: 1) выстрел – *голк* [Преображенский I: 139], *стукнуть, жгагать*: *Иду и чую, что сзади меня где-то вдали, видно из оружия, понесся голк, а немного погодя передо мной воткнул подстреленный глухарь*; 2) звук манка – *пикулька, пис, писк, писка, пискать* [Преображенский II: 62]: *Рябчики на пикульки ловятся; Делают свисток, пис называется – свистит как рябчик же. Из глухариного пера делают. Палочку приделывают, вырезают чуть-чуть дырочку. Палочку к дырочке поставят; У отца такой писк был, он посвистит, и тетёрки прямо сами летят на писк-от. А он токо бух-бух – убиват*.

Таким образом, охотник в лесу настроен на «слушание», а сам производит только три рода звуков: речевая коммуникация с собакой, выстрелы и звуки, подражающие голосам обитателей леса. Иначе говоря, звуковое поведение самого охотника минимализировано.

В то же время аудиальное восприятие охотника, обусловленное спецификой его деятельности, характеризуется стремлением к детализации и нюансировке, к максимальной точности фиксации в речи звука птицы или животного. От чуткости слухового восприятия охотника зависит успех охоты.

Достаточно выражена оценочная характеристика звуков ЖИВОТНЫХ, НАИБОЛЕЕ ПРИБЛИЖЕННЫХ К ЧЕЛОВЕКУ, таких как кошка и собака: *Тьфу, опять, кошка, ты **мыргаешь!**; Ещё поуркай, помявкай! Натереблю как следуёт, дак узнашься!*

Звуки, издаваемые кошкой или собакой, нередко интерпретируются через приписывание животному человеческих эмоций или поведения: *Коты вон в огороде **аркаются**. Опять соседский, наверно, пришел; Че **заканьгала-то**, кошечка?; Вот и **кунявкат**, вот и кунявкат! Раскунявкалась – котят потеряла; Если забереешь у кошки-то котят, то она ходит и **мяргат**, плачет; Кот-то **мургат** на её, злится, шерсть поднимат; Кошечка лежит на коленках да все **нанюргиват-нанюргиват**; До того она у меня, собачка Дуська, перед ей **выплясывает, вывикивает**; Он **повикат**, повикат, больно ему, а потом ничё, перестанёт.*

Нередко голоса животных воспринимаются как говорение: *Кошка легёт со мной на печь и начинат **уркать**, по-нашему, сказки **сказывать**; Липа (собака) **огаркаёт**, облаёт. Кто идёт, все равно **скажёт**. Через приписывание животным эмоций человека, поведения и говорения происходит антропоморфизация зоофоносферы.*

Голос коровы характеризуется нейтрально (*У меня токо корова отелилась, теленок-от **змычал** – она зглянула на его и изурочила; Я издалёка слышу, когда моя корова **мурзит**; Теленок **мучит** – пить просит*); овец – нейтрально (*Овечка **нязгает**, надо напоить; Овцы-то **баргают**, есть видно хотят*) или отрицательно (*Я овец-то у себя не держу: всю дорогу они **баргают**, аж голова болит, да и ухаживать за ними надо, а я-то одна ведь*).

Отрицательная оценка нередко возникает при переносе голоса животного на голос человека: *Напились вчера мужики, до полночи **баргали**; Ну что ты **забакала**, как овечка.*

Таким образом, наиболее выражена оценка голосов домашних животных, через которую животные нередко наделяются эмоциями и поведением, свойственными человеку (антропоморфизируются). Восприятие голосов домашних птиц не отмечено явно положительными или отрицательными коннотациями.

Оценочная коннотация в ономатапах голосов лесных животных выражена незначительно; голоса опасных животных характеризуются как устрашающие: *Вижу: медведица – рюх-рюх. Запугала собаку; Медведь раненый встал на дыбы, взрехал; Вот мы хлеба жали, а потом слышим, где-то медведь свистит. Спорим, а он уже у изгороди.*

Специфичным для данной сферы звучания можно считать наличие особой переходной группы ПОДЗЫВНЫЕ и ОТГОННЫЕ СЛОВА. Многие считают, что данные слова «в своем большинстве являются производными от названий животных (существительных), иногда, в более позднее время, – от глаголов, реже от звукоподражаний» [Германович 1954: 326], «значительная группа слов представляет собой усеченное (в результате быстрого повторения) название животного» [Жбанкова 1959: 417], «слова эти являются ничем иным, как особой звательной формой, образовавшейся путем усечения начальной формы существительных» [Дагуров 1959: 155].

Звукоподражательная природа подзывных слов очевидна в случае обращения к домашней птице: *тип-типушки, типу-типу, куть-куть, котю-котю, тиги-тиги, тига-тига (Куть-куть, иди сюда, рыжая. Ко мне, ребята, детки, идите ко мне / Курицу надо звать куть-куть, гусей тиги-тиги, а козу юлю-юлю).*

Подзывания животных в пермских говорах нередко восходят к коми-пермяцкому языку: для свиней *дзюд-дзюд* восходит к к.-п. *дзуту-дзуту*; подзывное для овец *баля, баль* – к к.-п. *баля* – овца (*Баль-баль-баль, бали-бали, идите сюда*), для коз – *мась, маси* (*Мась-мась-мась, зову козочек*).

Нередко проявляется универсальность системы подзывных и отгонных слов: онома топ может употребляться как обращение (причем к разным животным) и как отгонное слово: к овцам, козам, (*Усь-усь-усь, дочки, бежите сюда, домой*), собакам (*Я собак зуськал, они крепко залаяли тогда*), *усь* как крик при науськивании собаки, так и в качестве отгонного в измененной форме *вусь* (*Кричат гусям: вусь отсюда!*). Отгонные слова как

отпугивающее средство представляют собой неблагозвучный звукокомплекс: *Гыш отседова!*; *Ну-ко, Серко, прыщ отсюда!*; *Ну, ну! Пошли отсюда! Кыш-ныш, говорю!*

ЗИ гиперлексема ОТГОННЫЕ ЗВУКИ представлена фонетическими вариантами: PLOS/ FRIC+VOC+FRIC: *кыш-ныш* «курицам», *вусь, гыш* «гусям»

На материале субполя «зоофоносфера» очевидна гипервариативность звукоподражательной подсистемы: «вариативность <...> повышается в диалектной лексике за счет того, что она литературно не зарегистрирована. В диалектах наблюдается большой процент звукоизобразительных образований, которые сами по себе гипервариативны <...> Взрыв вариативности в звукоизобразительных образованиях обусловлен также и различным набором фоносемантических средств, привлекаемых информантами для реализации одного и того же семантического задания» [Швецова 2011].

Диалектная речь содержит большое количество единиц для обозначения одного и того же звука: например, писк цыпленка – *цвиргать, типать, тилекать, шивгать* и пр. Наличие разных единиц для обозначения одного и того же звучания объясняется законом множественности номинаций, в соответствии с которым в основу названия одного и того же денотата могут быть положены его разные признаки. Можно предположить, что один и тот же звук воспринимается по-разному: наряду с универсальным компонентом (высота писка цыпленка, передаваемая высокочастотным И) актуализируются другие параметры данного звучания.

Гипервариативность ономотопеи проявляется в ее «широкозначности». Так, *ургать* обозначает звуки, издаваемые глухарем, рычания, лая собаки, урчания кошки или речи человека (*Ох, как заургала девка-то, шибко злая, видно*). Эти звучания не всегда имеют одинаковые параметры, однако на основе одного из доминирующих параметров звука реальности становится возможным обозначить звуки разных источников одним и тем же ономотопом.

Следует также отметить высокую продуктивность данной сферы звучания. Большое количество единиц, которые этимологически восходят к звучаниям зоофоносферы, в дальнейшем переходят в другие сферы звучания. Так, голосовые проявления человека нередко соотносятся со звучаниями, издаваемыми животными (например, тихо пение обозначается единицей *мур-гать*, которая восходит к звуку, производимому кошкой). Высокая продуктивность данной сферы обуславливается гипервариативностью звукоподражательной подсистемы и вариативностью диалектов в целом.

Растительный мир играет важную роль в жизни носителя традиционной культуры. Растения на протяжении столетий позволяли человеку не только выживать, но и обеспечивать себе относительный комфорт: служили пищей, лекарством, материалом для строительства и изготовления орудий труда, предметов быта и музыкальных инструментов. Несмотря на то, что растительный мир занимает важное место в картине мира носителей

Рис. 13

традиционной культуре, ФИТОФОНОСФЕРА (звучания растений) занимает периферийное положение (11%) в модели фоносферы пермских говоров.

Среди звучаний, производимых ЖИВЫМИ ОРГАНИЗМАМИ, наиболее выраженными являются звучания животных – 53 % и птиц – 29 % (рис. 13).

2.5. Ядро и периферия биофоносферы

В фоносемантическом поле «биофоносфера» в нашем материале зафиксировано 490 единиц, образующих три фоносемантических поля (*атмофоносфера, гидрофоносфера, живые организмы*), которые распределяются следующим образом (рис. 14).

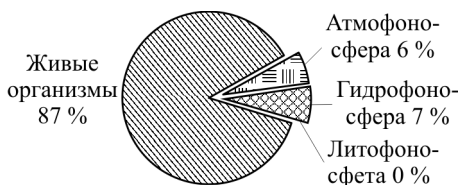

Рис. 14

Очевидно, что наиболее внимательно диалектоноситель относится к звукам, издаваемым живыми организмами (87 %). Наименее выраженными являются звучания литосферы (> 1 %), которые слабо осознаются человеком.

Если соотнести между собой все звучания биосферы (табл. 3), становится очевидно, что наиболее отчетливо распознаются звуки животных (44 %) и птиц (25 %). Растения (9 %), которые слабо отмечены звуковыми свойствами, человек слышит лучше, чем звуки дождя (3 %) и воды (3 %), которые звучат. Звуки грозы (5 %) и насекомых (6 %) человек слышит чуть лучше, чем звуки воды.

Таблица 3

Сфера звучания	Количество единиц	%	Ранг
Животные	220	44	I
Птицы	120	25	II
Растения	44	9	III
Насекомые	27	6	IV
Гроза	23	5	V
Дождь	16	3	VI, VII
Вода	14	3	VI, VII
Ветер	4	< 1	
Огонь	6	< 1	
Град	3	< 1	
Снег	5	< 1	
Лед	1	< 1	
Земноводные	2	< 1	
Рыбы	3	< 1	
ВСЕГО	490	100	

Структура биофоносферы человека традиционной культуры по данным языка представлена на рис. 15.

Рис. 15

Наиболее распознаваемыми среди всех звучаний биосферы являются звучания живых существ, которые составляют ядро семантического поля «биосфера». Периферией являются остальные звучания (менее 10 %).

3. Антропофоносфера в диалектной речи

3.1. Фоносемантическое поле «Соматофоносфера»

Человеческое тело в русской культуре понимается как особая знаковая система, как «обитель души», как объект социального контроля, связанный с репрезентацией обнаженного тела, «разъятия» тела и пр. [Тело в русской культуре 2005]. Так, в народной культуре чихание воспринимается как результат божественного промысла и творения [Богданов 2001], что проявляется в современных гаданиях – «чихалки», «чесалки», «икалки» и пр.

Соматофоносфера включает семантические поля «звуки тела» и «рефлекторные звуки», содержащие субполя и группы.

3.1.1. Звуки тела. Всего в субполе «звуки тела» зафиксировано 70 единиц, которые объединены наличием семы «звуки, связанные с процессами, происходящими в теле человека». Данные звучания являются «естественными», биологическими, то есть мало поддающимися контролю человека. Семантическое поле включает субполя *действия тела, действия различных частей тела, действия боли и болезни, жизнь и здоровье.*

Группа «биологические ДЕЙСТВИЯ ТЕЛА» характеризует естественные состояния человеческого тела. Данное субполе немногочисленно, однако дает представление о наиболее естественных для человека звучаниях: мочеиспускание *чискать, писькать, ссать, сикать, пись-пись, с-с-с-с*; выпускание газов *рёпать, пердеть; застукаться* «о начале родов».

ЗИ гиперлексема МОЧЕИСПУСКАНИЕ представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) PLOS^{ггл}+VOC+FRIC^{ггл}: *писькать*;

б) FRIC^{ггл}+(VOC+PLOS^{ггл}): *сикать, ссать*.

2. ФС синонимами: AFFR+VOC+FRIC^{ггл}: *чискать*.

ЗИ доминанта – глухой фрикативный и глухой взрыв.

ЗИ гиперлексема ГАЗООБРАЗОВАНИЕ представлена фонетическими вариантами:

а) PLOS^{ггл}+VOC+R: *пердеть*;

б) R +VOC+PLOS^{ггл}: *репать*.

ЗИ доминанта – вибрант и глухой взрыв.

Группа «действия различных ЧАСТЕЙ ТЕЛА» характеризует процессы, происходящие в различных частях тела:

1) ЖИВОТ: *гура-вара, голь-голь, гургать, уркать* (об урчании в животе), *спучкать* (о резком звуке в животе);

2) СЕРДЦЕ: *бут-бут-бут, ток-ток, голкать, запостукивать, строчить*;

3) КОСТИ, СУСТАВЫ: *хребостеть, щелкать, щёлкать, хрупоток, хрусток* (сочленение суставов), *раскол*;

4) КОЖА: *исседаться* (трескаться), *царапаться, зацарапаться, похватывать, сербеться, сербиться, сербить* (чесаться), *цытушка, сарапушка, сербёжь* (зуд);

5) КРОВЬ: *выссикнуть*.

Данные процессы характеризуют не патологии, а небольшие отклонения от естественного состояния тела. Эти звуки ощутимы для человеческого уха именно в связи с некоторыми отклонениями от нормы.

Относительно естественными для человека являются стук сердца (стук в голове будет восприниматься как неестественный), урчание в животе, хруст суставов, звук скобления, трения

по коже и др. Относительно естественными данные звуки мы называем потому, что в состоянии абсолютной нормы тело не издает звуков, которые могли бы привлечь внимание человека.

ЗИ гиперлексема СЕРДЦЕ представлена:

1. Фонетическими вариантами ониматопов удара:

а) **PLOS+VOC+PLOS**: *бут-бут, запостукивать, ток-ток*;

б) **PLOS+VOC+LAT+PLOS**: *голкать*.

2. ФС синонимами диссонанса: а) **PLOS+R+VOC+AFFR**: *строчить*.

ЗИ доминанта – взрывной.

ЗИ гиперлексема КОСТИ представлена ониматопами хруста и шелканья:

1. Фонетические варианты: **FRIC^{гп}+R+VOC+PLOS**: *хребостеть, хрупоток, хрусток*.

2. ФС синонимы: **FRIC^{гп}+LAT+VOC+PLOS**: *щелкать, щёлкать*.

ЗИ доминанта: ударная природа отражена взрывным, шум – глухим фрикативным.

ЗИ гиперлексема КОЖА представлена ониматопами треска и чесания:

1. ФС синонимы:

а) **FRIC^{гп}+R+VOC+PLOS**: *сербеться, сербиться, сербить, сербёжь*;

б) **FRIC^{гп}+VOC+R+VOC+PLOS**: *царапаться, сарапушка*.

ЗИ доминанта – взрывной и глухой фрикативный.

Группа «действие БОЛИ И БОЛЕЗНИ» включает в себя ониматопы, характеризующие болезненные ощущения человека. При этом для разных болезней характерно различное звуковое осмысление, характеризующее болезнь через:

1) удар: *тыкать* (о сильной боли), *юкать* (о периодической боли), *лякнуть* (ЭПИЛЕПСИЯ), *шачкнуть* (СЕРДЕЧНЫЙ ПРИСТУП), *тюкать, тюкнуть* (*сердечный приступ*), *щелкать, щёлкать, щелкаться* (о ГОЛОВНОЙ БОЛИ), *колоти* (КОЛИКИ, резь);

2) шум: *бунчать, ишишанать, швориться* (о шуме в голове и головной боли), *перешуметься* (о прекращении головной боли);

3) скрежет, хруст, скобление: *грызть* (о ГРЫЖЕ), *скоблиться* (мучиться от боли);

4) разрезание: *порезовать* (о болях в пояснице или ПАРАЛИЧЕ);

5) бульканье: *взбулдындывать* (об эпилепсии);

6) различные артикуляторные и голосовые звуки: *прихинькать* (о ПРОСТУДЕ, недомогании), *отрыгнуть* (о вернувшейся болезни), *кнычить*, *конюкать*, *мозжать* (мучиться от боли), *айньки*, *айки* (о боли).

Отмечены первичные звукоподражания, характеризующие ощущения человека, связанные с болезненными ощущениями в голове и ушах: *чи-чи-чи*, *чик-чик*, *чок-чок-чок*, *швор-швор*.

ЗИ гиперлексема БОЛЬ представлена ономатопами удара, шума, скобления, хруста, разрезания, бульканья, артикуляторных звуков человека, которые представлены фоносемантическими моделями, представленными ранее. Можно говорить о том, что тело как объект биосферы в состоянии нормы практически не издает звуков, значимых для человека. Звуковую характеристику тело обретает при отклонении от нормы (болезнь).

Всего в субполе «ЗВУКИ ТЕЛА» (рис. 16) преобладающими являются «звуки различных частей тела» (40 %) и «звуки боли и болезни» (47 %).

В данной группе отмечены метафорические характеристики БОЛИ и БОЛЕЗНЕЙ через звучания, которые, с одной стороны, дают представление о наборе «неприятных» звуков, с другой – характеризуют тело человека как потенциально «звуковой» объект.

Рис. 16

Через ономатопы метафоризируется ЖИЗНЬ и ЗДОРОВЬЕ человека. Так, пошатнувшееся здоровье характеризуется через звук, связанный с водой (*исхлябанный* «о пошатнувшемся здоро-

вье»), или через рефлекторные звучания человека (*ухнуть* «утратить здоровье»). Крепкое здоровье ассоциируется с ударом: *колотуша* «здоровый человек». При этом жизнь в целом также характеризуется через удар: *протюкать* «прожить в труде». Тяжелая, трудная жизнь – через скрип: *скрипать* «тяжело жить».

Субполя «действие боли и болезни», «жизнь и здоровье» отличаются от остальных полей тем, что включают, в основном, метафорические единицы. В данном случае важным является то, какие именно ономотопы используются для характеристики нарушений и нормы в существовании человеческого тела, к каким звучаниям восходят данные ономотопы. Фоносемантическая характеристика сферы здоровья и жизни позволяет говорить о противопоставлении удара (относительно положительно коннотируемого звучания) и шлепающего звука и скрипа (отрицательно коннотируемых).

Человеческое тело как объект биосферы в состоянии нормы практически не издает звуков, ощутимых человеком на слух. Звуковую характеристику тело обретает в случае появления отклонений от нормы (болезнь).

Удар представляется универсальным звучанием, так как через удар характеризуется как крепкое здоровье человека, так и различные проявления болезни и болезненных ощущений. Естественной сферой распространения звука удара является сердце, проявление звук удара в других сферах является отклонением от нормы. Так, удар развивает нередко противоположные коннотации: *ударить* «об инсульте», *колотуша* «о здоровом человеке». Относительно положительные коннотации возникают, видимо, потому, что удар в часто связан с трудом, способностью трудиться, а значит – жить.

Хруст соотносится с суставами и костями и развивает семантику боли. Звук трения связан с кожей человека и также развивает семантику боли. Звук булькающей, хлюпающей жидкости характеризует, как отклонения в состоянии здоровья (урчание в животе), так и явные нарушения (пошатнувшееся здоровье).

3.1.2. Рефлекторные звуки. Субполе «рефлекторные звуки» (418 единиц) включает три группы: 1) рефлекторно-эмоциональные звуки, 2) рефлекторные звучания, связанные с дыханием и нарушением дыхания, 3) рефлекторные звучания, связанные с поглощением пищи и воды. Звучания как реакция организма в ответ на внешнее раздражение.

Ономатопы группы «РЕФЛЕКТОРНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЗВУКИ», характеризуется наличием сем «рефлекторный звук» и «эмоция». Данные звуки, с одной стороны, являются спонтанной реакцией организма человека на внешнее воздействие, с другой – эмоциональной реакцией. Единицы данного поля характеризуются наличием семы «звук, возникающий вследствие физического или эмоционального дискомфорта».

В подгруппе «СТОН» отмечены ономатопы, содержащие семы «негромкий звук», «высокий звук». Стон – протяжный звук, издаваемый при сильной боли, страдании.

ЗИ гиперлексема СТОН(АТЬ) представлена фонетическими вариантами и ФС синонимами на базе сонорного:

- а) FRIC^{гл}+FRIC^{гл}+VOC+SON: *стонать, становиться*;
- б) SON+ VOC+ R+ GUTT^{гл}: *замаркать*.

ЗИ доминанта – носовые звуки.

Лексические единицы подгруппы «ПИСК, СЛАБЫЙ ЗВУК» включают семы «тихий звук», «высокий звук», «короткий, непродолжительный звук»: *Человек умер и не **взнюргнул**; Встала я за ёлку, меня не видно – и ни **пикульки**; Ольга такая **пискуша**, дак чё заревела?* В ЗИ гиперлексеме ПИСК звукоизобразительная доминанта – высокочастотный И.

В подгруппе «ВИЗГ» отмечены единицы с семой «громкий, высокий звук»: *Девка маленькая че-то **зверещала** в избе-то, дак я до смерти испужалася; Когда пляшут на свадьбе-то, дак **ивкают** и руками так **щелкают**; Игровицик-то играет, мы песни поём и шлёп, шлёп вениками-то друг друга да игровицика. Дак **верескотня** одна; Внуки приехали, целый день **визготня** такая.*

ЗИ гиперлексема ВИЗГ (ВИЗЖАТЬ) представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) $\text{FRIC}^{\text{ЗВ}} + \text{VOC} + \text{GUTT}$
 $\text{FRIC}^{\text{ЗВ}}$: *визгуха, визгуша, визжалец, виз-*

жалка, визжёлка «тот, кто визжит», *визготня* «визг»;

б) $\text{FRIC}^{\text{ЗВ}} + \text{VOC} + \text{R} + \text{VOC} + \text{FRIC}^{\text{ГЛ}}$ *зверещать, верескотня.*

2. ФС синонимами $\text{SON} + \text{VOC} + \text{FRIC}^{\text{ЗВ}} + \text{GUTT}$: *нюзгать* «визгун».

ЗИ доминанта – звонкий фрикативный.

Подгруппа «ОХАНИЕ и ЗВУКИ ИСПУГА» включает единицы, имитирующие негромкий, интенсивный выдох, а также звуки-реакции человека на испуг: *Сохнула она и оглянулась, видит: человек выходит из церкви в белом савине и за ней; Тогда на пожаре нарохалась, вот и заикаюсь с тех пор; Сглазить большие могут, говорят, все кто черные. Могут позавидовать или чё не понравится. Человек только съёкнет, и все.*

ЗИ гиперлексема ОХАНЬЕ (ОХАТЬ) представлена:

1. Фонетическими вариантами: $(\text{SON/R}) + \text{VOC} + \text{GUTT}^{\text{ГЛ}}$: *ёхать, съёкнуть, сохнуть* «охнуть», *переухаться* «испугаться»; *перерахаться, перерахаться* «испугаться».

2. ФС синонимами: $\text{FRIC} + \text{VOC} + \text{LAT} + \text{VOC} + \text{GUTT}^{\text{ГЛ}}$ *перешелохаться* «испугаться».

Большая часть единиц образована от ономастов *ох, ах, ух*, характеризующих рефлекторный выдох, эмоциональную реакцию. ЗИ доминанта – фрикативный и заднеязычный, чаще глухой.

Подгруппа «КРИК» включает в себя ономасты с семей «громкий, продолжительный звук» и тесно связана с группой «плач»: *Ребята, перестаньте базланить, а то в ушах уже шумит; Бригадир-от у их шибко базластый; говорит на том конце, а слышат все; Я зареву, дак скажут: вот забазлала, заревела, базло.*

Дифференциальной семей выступает «громкость звука», в связи с чем громкий плач также отнесен к данному группе:

1) плакать: *базланить, закултыкать, запеть, кречкать, куваргать, кыркать, хайланить*;

2) кричать, шуметь: *блажить, гамить, зареветь, заухать, зевать, ивкать, каркать, реветь, скричать, ужгать, ухать, ухаться, ухнуть, хайлать, хайлить, шабалить, шумнуть*;

3) кричащий: *базлан, базыка, хаилило, чивизга*;

4) крик: *ук*;

5) крикливый: *базластый, блажной, хайлистый*

Характерными являются единицы, содержащие корни *баз-, култык-, креч-, кувярг-, кыр-, хай-, блаж-, гам-, рев-, ив-, крик-, уж-, ук-, шаб-*. При этом корни *култык-, кувярг-* передают синкретичный звук «крик+плач», а единицы *петь, ухать* и однокоренные им характеризуют связь данной сферы звучания с другими сферами и переходят в данную сферу либо на основании признака «громкость» (пение в представлении носителей традиционной культуры должно быть громким), либо на основании выраженного эмоционального компонента. Звук А (самый открытый, с максимальным раствором рта) является характерным при изображении крика.

ЗИ гиперлексема КРИК (КРИЧАТЬ, ОРАТЬ, ГРОМКО ПЛАКАТЬ) представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) **PLOS^{зв}+(LAT+)+VOC+FRIC**: *базланить* «плакать», *блажить, базластый, блажной* «крикливый», *базло, базлан, базыка* «крикун»;

б) **GUTT^{гл}+(VOC+)(FRIC+VOC+)R**: *кречкать, кувяргать, кыркать* «громко плакать», *каркать* «кричать»;

в) **R+VOC+FRIC**: *зареветь, реветь*;

г) **GUTT+(VOC+)R+VOC+AFFR/GUTT**: *скричать, раскорячиться*

д) **(FRIC+)VOC+FRIC+(GUTT^{гл})**: *зевать, ивкать*;

е) **GUTT^{гл}+VOC(+SON)**: *хайланить, хайлать, хайлить, хайлистый, хаилило*;

ж) **VOC+GUTT^{гл}**: *ухать, ухаться, ухнуть, заухать, ук*;

2. ФС синонимами:

а) **GUTT^{гл}+VOC+LAT+ GUTT^{гл}**: *закултыкать*;

б) GUTT/FRIC+VOC+SON: *шумнуть, гамить*;

в) FRIC+VOC+PLOS+VOC+LAT: *шабалить*, «кричать, блажить».

Крик – это громкий, интенсивный, напряженный звук голоса. ЗИ доминанты: громкость передается посредством звонкого взрывного или заднеязычного, напряженность – через вибрант, а голосовой характер, тон – через гласный.

Крик во многих языках (и славянских, и неславянских) означает и «плакать» и используется в этом значении в метаязыке родин и в фольклорных текстах [Седакова 1995: 27]. Негативная оценка крика возникает как реакция на повышенную громкость звучания: *Че ты базлашь, хайло-то расшеперил? Не базлай; Ну, опять начали базлатъ, хайло-то драць-то; Недоростки бегают, ревут, базлают*. Этимология слов *крик, кричать* включает мотивы *смех, хрип, скрип, треск, звук птицы*: звукоподражание, родственное лит. *krūkšti* «пронзительно кричать, визжать», *kriksėti* «покрикивать», лтш. *krika* «смеющийся», *krīklis* «крикун», греч. *κρίκε* «трещи, громко смейся», кимр. *crych* «хриплый»; греч. *κρίζω* «трещу, скриплю, громко смеюсь», *κρίνυ* «сова», др.-исл. *hriksja* «скрипеть», др.-исл. *skríkia* «крик птицы», др.-англ. *scríc* «дрозд» [Фасмер].

Переключка этих мотивов в словах с исследуемой семантикой отражает, с одной стороны, иконичность этих слов, с другой, – синкретизм древнего мышления, сохраняющийся в словах иконичного происхождения.

Подгруппа «ПЛАЧ» весьма многочисленна, включает в себя единицы, содержащие семы «протяжный звук», «звук различной громкости, продолжительности и периодичности»: *Сарынь... забазланят когды, дак и унять не можно; Трудно мне пришлось и в прошлом годе. Я и соседка моя базнали; Вот вредна внуцка: опять бяргат; Ну-ко, ну-ко, чё ты грюпашь...; Загряпала... ре-вунья Надя...*

ЗИ гиперлексема ПЛАЧ (ПЛАКАТЬ) представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) PLOS+VOC+GUTT¹¹: *пикать, пикулить*;

б) **SON+VOC+R+GUTT**: *мургать, нюргать, няргать, рас-
куняргаться*;

в) **FRIC+VOC+SON**: *венькать, каньгать, хинькать, хан-
PLOS*

жить, ханьгать, хиньгать,

г) **PLOS^{3B}+VOC+FRIC^{3B}**: *базланить, базнать, базонить,
базлать*;

д) **GUTT^{ГЛ}+(VOC+)FRIC^{3B}+(VOC+)(R+)GUTT**: *кувякать,
кувяргать, кавкать, хавкать, хвыкаться*;

е) **GUTT^{ГЛ}+(VOC+)LAT+(PLOS+)VOC+GUTT^{ГЛ}**: *култыкать,
всклёктывать, склактывать*;

ж) **PLOS^{3B}+FRIC^{3B}+VOC+R+FRIC**: *дзярскать, джярскать,
джирскать*;

з) **GUTT^{ГЛ}+VOC+SON**: *хайлить, хайланить*;

и) **PLOS^{3B}+(SON+)VOC+R**: *бяргать, гмырить*;

к) **GUTT^{3B}+R+VOC+PLOS^{ГЛ}**: *грюпать, гряпать*.

2. ФС синонимами:

а) **SON+VOC+PLOS^{3B}+R**: *нёдрить*;

б) **SON+VOC+FRIC**: *нявгать*;

в) **SON+VOC+SON**: *изнямгать*;

г) **PLOS^{3B}+VOC+SON**: *диньгать*.

ЗИ доминанты – высокий гласный, сонорный (участие голоса); звонкий взрывной и вибрант (интенсивность и громкость). Количество звуковых доминант указывает на синкретичность плача, который сочетает в себе несколько значимых параметров звучания. Гласный доминирует при изображении негромкого плача, звонкий взрывной и вибрант – громкого.

Подгруппа «плакать»: *гавчать, венькать, кувякать, кувяр-
гать, култыкать, кыркать, пикать, прыскать, трапать*. Характер данных онематопов позволяет говорить о сложной, синкретичной природе плача, который содержит не только звук голоса, но и дополнительные артикуляторные призвуки (прерывистость, повторяемость), а также характерную для плача разновысотность.

Подгруппа «**плакать негромко**»: *пикать, кавкать, каньгать, кежгать, крятаться, мургать, нюргать, няргать, пикулить, хинькать, куняргать, хавкать, ханжить, ханьгать, ханькать, хвыкаться, хиньгать*. ЗИ доминанты: гласные звуки И, У в сочетании с сонорным согласным и/или глухими согласными.

Наличие звука А в большей степени характерно для единиц подгруппы «**плакать громко**»: *базланить, базнать, базонить, дзярскать, джярскать, джирскать, забазланить, забазлать, нявгать, навтыться, рявкать, хайлить, хайланить, хайлать*.

Подгруппа «**назойливо плакать, капризничать**»: *бяргать, гмырить, мыргать, изнямгать, диньгать*; подгруппа «всхлипывать»: *всклёктывать, грюпать, кавкать, склактывать, склёктывать*. Данные ономотопы фиксируются также в зоофоносфере, так как рефлекторные звуки являются естественными, обусловленными биологически, и свойственные как для человека, так и для животного.

Негативная семантика плача возникает в том случае, когда звуки характеризуются либо повышенной громкостью, либо продолжительностью и монотонностью: *Ребята, перестаньте базланить, а то в ушах уже шумит; Чего базонишь-то, до смерти надоел; Вот вредна внуца: опять бяргат; Внуца гулять зовёт мать, а ей некогда. Дак она вот за ей ходит и гмырит, и гмырит; Ребенок всю дорогу кежгат, никакого покою*. При этом данный звук воспринимается как негативный в том случае, если человек слышит, а не производит его. Звуки собственного плача негативной оценки не имеют: *Больно было, но я только всклектывала, не ревела, старалась терпеть*.

Отчетливо прослеживается негативная характеристика человека, плачущего громко: *базлан, бярга, орун, ревма, гымза, ревлиый, ревустой, уревленный*. В то время как номинации плачущих маленьких детей (*кежгунёнок, стонотка*) такой оценки не имеют (наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов).

Характерно, что в этимологии слова *плакать* доминирует мотив удара: лит. *plàkti, plakù, plakiay* «колотить; сбивать», *plòkis* «удар», лтш. *placinât* «наводить, точить, отбивать», греч.

πλήσσω (**plākjō*), *πλήγνῶμι* «бью, поражаю», буд. *πλήζω*, пф. *πέπληχα*, *πέπληγα*, *πληγή*, дор. *πλBγά* «удар», лат. *plango*, *planxi* «бить себя в грудь, громко сетовать», ср.-ирл. *lēn* «стенание» (**plakno-*), д.-в.-н. *fluohhōn* «проклинять, ругаться», гот. *faiflōkun* «оплакивали». В славянских языках первоначальное значение – «бить (себя в грудь)» в знак скорби [Фасмер: электр. ресурс; Шанский 2004]. В народе известен «плач растений» (выделение соков при рассечении коры), который также связан с идеей удара, рассечения.

Подгруппа «СМЕХ»:

1) смеяться: *гагать*, *гыдгать*, *гыркать*, *забрычкать*, *ивгаться*, *каркать*, *наивкивать*, *посикать*, *посмехиваться*, *прычкать*, *рыгать*, *схохотать*;

2) смеющийся: *гагара*.

ЗИ гиперлексема СМЕХ (СМЕЯТЬСЯ) представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) **GUTT+VOC+(PLOS+)GUTT**: *гагать*, *гыдгать*, *игогониться*, *гагара*

б) **GUTT (FRIC)+VOC+R**: *гыркать*, *каркать*, *зыргать*

в) **R+VOC+GUTT**: *рыгать*

г) **(FRIC)+VOC+ GUTT**: *ивгаться*, *наивкивать*, *севкать*

д) **PLOS+R+VOC+AFFR**: *брычкать*, *прычкать*

е) **GUTT^{PL}+VOC**: *хи-хи*, *хо-хо*, *хэ*, *схохотать*.

Смех – характерный прерывистый голосовой звук. ЗИ доминанта: взрывные и заднеязычные, вибрант и гласные (высота); вибрант и редупликации элементов (прерывистый и резкий характер звучания).

Смех воспринимается как резкий и громкий звук. В связи с этим не случайно, что данные единицы нередко соотносятся с криком или метафоризируются на основании акустического признака «громкий»: *Бабушка-то громкоголосая у них. Целыми днями каркает на ребят, что и голоса не лишится. Рядом стоишь, так мне даже дурно становится от её крика; Один катается по полу, другие каркают – шутят да хохочут.*

Смех в целом воспринимается как естественный: *Я тут-то и сдохотала, уж больно смешно рассказыват; Она как забрычкала, и я за ней засмеялась.* Негативные значения появляются в том случае, когда звуки отличаются повышенной громкостью или несвоевременностью для того или иного коммуникативного акта: *Она сидит и **посикает**, а ведь роботать надо; Я им дело рассказываю, а они **гыркают** стоят; Робята сегодня все **каркают** и каркают, спать старикам мешают.*

Рис. 17

Среди рефлексивно-эмоциональных звуков наиболее значимым (рис. 17) являются звуки, характеризующие плач (51 %), крик (23 %) и смех (10 %). Характерно, что номинации плача в пять раз превышают номинации смеха, что косвенно подтверждает представление о «пессимизме» русского этноса.

Таким образом, для субполя «рефлексивно-эмоциональные звуки» характерно повышенное внимание к звукам плача, крика, смеха. Наиболее многочисленна группа «плач», что объясняется сложной организацией естественного звука как эмоциональной реакции.

Субполе «РЕФЛЕКТОРНЫЕ ЗВУЧАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ДЫХАНИЕМ И НАРУШЕНИЕМ ДЫХАНИЯ» включает группы «дыхание», «зевота», «икота», «чихание», «кашель, хрип». Дыхание является биологическим звуком, однако смежность процессов дыхания и производства голоса, а также то, что процесс дыхания является основой для проявления всевозможных артикуляторно-рефлекторных звуков, позволяет отнести дыхание в субполе «рефлекторные звуки».

Группа «ДЫХАНИЕ»:

1) дышать: *вдыхать, дышать, задыхать, здыхать, пышкать, сдыхать;*

2) тяжело дышать: *вышкать, отпыхивать, поздыхивать, пычкать*;

3) шумно дышать: *ширкать*;

4) задышаться, задохнуться: *дохнуть, задохнуть, задыхиваться, сдыхать*;

5) запыхаться: *задохнуть, обрехнуть*;

6) надышаться: *набыхать, напыхать, напыхаться, насдыхаться, нахлебаться, нахьюкаться, наширкаться*;

7) отдышаться: *отдыхиваться, продыхаться, пропыхаться, пропышкаться*;

8) вздыхать: *издыхать*

ЗИ гиперлексема ДЫХАНИЕ (ДЫШАТЬ) представлена:

1. Фонетическими вариантами: PLOS+VOC+GUTT^{ГЛ}: *дыхать, здыхать, пышкать, сдыхать,дохнуть, дух, дых, здыхание, пых, сдых*.

2. ФМ синонимами:

а) FRIC^{ГЛ}+VOC+R: *ширкать*;

б) FRIC+VOC+FRIC^{ГЛ}: *вышкать*;

в) PLOS+R+VOC+GUTT^{ГЛ}: *обрехнуть*.

Дыхание – процесс втягивания и выпуска воздуха, негромкий. ЗИ доминанта – глухой фрикативный и заднеязычный.

Ономатопы дыхания отличаются единообразием. При нормальном состоянии организма звук дыхания редко ощущается человеком и становится ощутимым преимущественно в случае отклонения или нарушения дыхания, в связи с чем тяжелое, шумное, затрудненное или интенсивное дыхание характеризуются чаще, чем нормальное. Звук нормального дыхания чаще передается через корни *дых-, дыш-, пых-, пыш-, пыч-*; отклонения – через корни *дох-, бых-, выш-, шир-, брех-, хлеб-, хьюк-*.

Среди рефлекторных звуков, связанных с дыханием, наиболее значимыми (рис. 18) являются звуки дыхания (56 %) и кашель, хрип (34 %).

Дыхание в мифологии разных культур – это жизнь, душа, сила, дающая жизнь, дух мира, сила духа, нечто преходящее, несущественное и ускользающее. Вдох и выдох – ритм жизни и

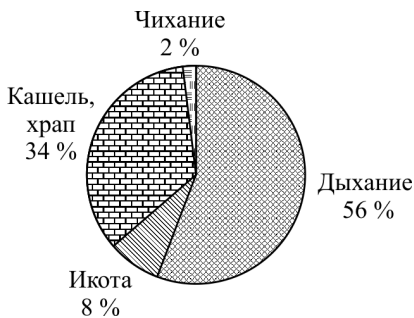

Рис. 18

смерти, появление и погружение во Вселенную. Кашель также активно отмечен в русских поговорках: *Кашель да чихота, своя охота, кашель – на охотника. Кашляй век: греха в том нет. Кашляй помалу, чтоб на год (навек) стало. Хоть плюнь, хоть дунь, хоть чихни, хоть кашляни* (откликнись). *Живет в избе, а кашляет по-горничному.*

Звук дыхания, тихий, равномерный, постоянный, становится ощутим для человека по причине отклонений от нормы, нарушений. В связи с тем, что дыхание – один самых естественных постоянных процессов данный звук обладает высокой значимостью и развивает значения «жизнь/смерть».

Дыхание как естественный процесс не обладает выраженной оценочной характеристикой: *Жарко беда, вдыхать нечем даже; Хорошенькой беда был, любой, захворал – в жаре не мог дышать.* Ономасты дыхания развивают значения «курение, сон», а также «смерть» – крайняя степень нарушения дыхания. КУРЕНИЕ как процесс вдыхания и выдыхания дыма: *пучкать.* СОН – состояние, в котором человек не совершает практически никаких действий, отличается от смерти только тем, что человек дышит: *сдыхать* (крепко спать). Отклонения от нормы в процессе дыхания во время сна находят свое отражение в языке: *пришепнуть, хрымгать, схрапать, хуры-хары.* Дыхание является признаком жизни, в связи с чем СМЕРТЬ понимается как утрата дыхания: *выздохнуть* «умереть».

Группы «ИКОТА», «ЧИХАНИЕ», «КАШЕЛЬ» объединяют единицы, характеризующие выраженные нарушения дыхания. Наименее выраженная по количеству единиц группа, характеризующая нарушение дыхания – «чихание».

Группа «ЧИХАНИЕ» включает ономотопы, объединенные семей «форсированный выдох через нос»: *Дыханья нету: чихота-то еще найдет / Чкаю-чкаю – и голова болит.*

ЗИ гиперлексема ЧИХАНИЕ (ЧИХАТЬ) представлена фонетическими вариантами AFFR+(VOC)+GUTT^{гл.}: *чкать, чихота.* Чихание – форсированный выдох через нос. ЗИ доминанта: аффриката и заднеязычный.

Группа «ИКОТА»: *Заклоктала девка; наелась; когда перест или всухомятку наестся – и вот **клокчет**, или замерзнет; Уедешь – будет тебе целый день **кулыкаться**; вспоминают когда, всегда **икашь**.*

ЗИ гиперлексема ИКОТА (ИКАТЬ) реализуется:

1. Фонетическими вариантами: GUTT^{гл.}+(VOC+)**LAT**+(**PLOS**+) VOC+GUTT^{гл.}: *клоктать, заклоктать, клыкать, клыктать, кулыкаться, кутыкать.*

2. ФС синонимами: GUTT^{гл.}+VOC+R: *керкать, VOC+GUTT^{гл.}: заика.*

Икание – короткие и интенсивные дыхательные движения, возникающие в результате серии судорожных толчкообразных сокращений диафрагмы». ЗИ доминанта икания – заднеязычный, редупликация К.

Данные ономотопы соотносятся с зоофоносферой (*Запарится, **заклокчет** курила – дак парунья; Прошлой год держала кур, ходили они по двору, квокиш, **клоктали***), а также входят в фоносемантическое субполе «рефлекторно-эмоциональные звуки», характеризующие плач, крик, и в фоносемантическое субполе «говорение» (*Хоть и болели, дак некогда было **клоктать-то** – кому надо, работай только знай*). Перенос происходит на основе признака «периодичность». Это подтверждается тем, что некоторые единицы, характеризующие икоту, имеют также значение «кашлять».

Группа «КАШЕЛЬ, ХРИП»:

1) кашлять: *бухать, хыркать, кавычать, кергать, куликать, хамгать, хрымгать, хрыпать, хыркать;*

2) прокашляться: *перекашляться;*

3) кашлять, хрипеть, кряхтеть: *кергать, керкать, керскать, крекать, кречкать, хыркать, харчить, хоркать, хыргать*;

3) кашляющий: *кашлюн, кашлюнья, кергунья*;

4) продукты кашля: *харкотина*;

5) хрипы: *гармонь, храпотня*;

6) человек с хриплым голосом: *харчоба*;

7) хриплый: *хрупучий*.

ЗИ гиперлексема КАШЕЛЬ (КАШЛЯТЬ), ХРИП (ХРИПЕТЬ) реализуется:

1. Фонетическими вариантами:

а) $GUTT^{ГЛ}+(VOC+)R$: *хыркать, кергать, керкать, хрыпать, керскать, харчить, хоркать*;

б) $GUTT^{ГЛ}+VOC+FRIC$: *кавычить, кашлюн*.

2. ФС синонимами:

а) $PLOS+VOC+GUTT^{ГЛ}$: *бухать*,

б) $GUTT^{ГЛ}+VOC+LAT+VOC+GUTT^{ГЛ}$: *куликать*,

в) $GUTT^{ГЛ}+VOC+SON$: *хамгать*.

Кашель – это звук, возникающий вследствие форсированного выдоха через рот, а также хрип. Данные ономотопы имитируют движения артикуляторного аппарата человека при кашле. ЗИ доминант – глухой заднеязычный.

Группы «икота», «чихание», «кашель» объединяют единицы, характеризующие нарушения дыхания. В целом звук на физиологическом уровне является сигналом нарушения здоровья человека, в связи с чем оценивается как негативный и неприятный: *Он ртом хыркат, пугает рыбу, а остальным бредень надо волокчи; Вот и расхыркают по полу, чтоб невеста подметала; Куда ты корзину-то ухрымостила, найти не могу*. Рефлекторный звук, сопровождающий кашель, характеризует не только нарушение дыхания, но и нарушение здоровья в целом.

В целом можно говорить о том, что субполе рефлекторные звуки, с одной стороны, воспринимаются как нормальные (дыхание), с другой – характеризуют нарушения, которые являются признаком нездоровья.

Субполе «РЕФЛЕКТОРНЫЕ ЗВУЧАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОГЛОЩЕНИЕМ ПИЩИ И ВОДЫ» включает в себя меньшие по объему группы «поглощение пищи», «поглощение воды», «сосание», «звуки движений губ», «звуки движений зубов», «звуки горла».

Группа «СОСАНИЕ» (*Мать-то даст грудь, дак только чуп-чуп-чуп сосет да причмокиват; Насоскать надо было ребенка, а худо сосал-то*) включает ономатопы:

- 1) сосать: *соскать, ссать, тюпать, чёпать, чупкать*;
- 2) кормить грудью: *насосить, насоскать, пососить*;
- 3) чмокать: *тронгать, чупать, чупнуть*;
- 4) всасывать: *вызюрживать*;
- 5) тот, кто сосет: *дудень, сосун*;
- 6) соска: *додонька*;
- 7) чмокающие звуки при сосании: *чувыр-чувыр, чуп-чуп*.

ЗИ гиперлексема СОСАНИЕ (СОСАТЬ) представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) **FRIC**^{гп}+(VOC+)**FRIC**^{гп}: *соскать, ссать, сосить*;

б) $\frac{\mathbf{AFFR}+\mathbf{VOC}+\mathbf{PLOS}^{\text{гп}}}{\mathbf{PLOS}^{\text{гп}}}$: *тюпать, чёпать, чупкать, чу-*

пать, чуп-чуп.

ЗИ доминанта – аффриката или редуплицированный глухой фрикативный.

Группа «звуки, связанные с ДВИЖЕНИЯМИ ГУБ» связана с предыдущим полем, однако включает в себя ономатопы, характеризующие ПЛЕВАНИЕ, ПРЫСКАНИЕ, ФЫРКАНИЕ – то есть движения, обратные процессу всасывания:

- 1) плюнуть: *оплюнуться*;
- 2) прыскать: *пырскать*;
- 3) фыркать: *сфыкать*;

4) слюнявить: *обмуслякать, сосулить*. Ономатопы имитируют характерные движения губ при плевании, фыркании и пр.

Группа «ПОГЛОЩЕНИЕ ПИЩИ». Ономатопы, характеризующие данный процесс, отражают различные параметры звука, производимого при еде:

1) имитируются характерные ДВИЖЕНИЯ ГУБ: *амуамуа, смякать, охминать, охминачить, лямать, чамкать*;

2) ДВИЖЕНИЯ ГОРЛА: *адгать, возглонить, проглотать*;

3) ХРУСТ ПРИ ЖЕВАНИИ: *нахрупкать, похрупывать, хрумать, хрумкать, хрустать, мурзить*; звук, связанный с поглощением жидкой пищи: *шлёпать, нахлёбывать*.

Можно выделить подгруппы:

1) ЕСТЬ: *бузовить, замазгаться, люхать, нямать, нячкать, сопеть, шлёпать*; *жорать, мякать, хамкать*; *боткать, бузгать, бузгать, лопать, лужбить, лупить, толкать, тунгать, тыркать, хлебать, чёпаться, швыряться*;

2) есть много: *адгать, охминать, охминачить*;

3) есть немного: *почивкать*;

4) есть быстро: *иссопеть, поляпать, схрпать*;

5) есть медленно: *лямать, чамкать*;

6) есть жидкое: *боткать, бузгать, нахлёбывать, соскать, хвырыздать*;

7) ГЛОТАТЬ: *возглонить, проглотать*;

8) ЖЕВАТЬ: *мумлить, начавкать, пожвакать, чавкаться*;

9) чавкать: *лячкать, чамгать*;

10) жевать с хрустом: *нахрупкать, похрупывать, хрумать, хрумкать*;

11) КУСАТЬ, ГРЫЗТЬ: *мурзить, хрустать, шамкнуть*.

Исходя из достаточно разветвленной системы данного субполя, можно говорить о высокой значимости данной сферы звучаний.

ЗИ гиперлексема ЖЕВАТЬ (ЖЕВАНИЕ) представлена фонетическими вариантами:

а) $\frac{\text{SON}+\text{VOC}+\text{SON}}{\text{AFFR}}$: *амуамуа, мумлить, смякать, схамкать, охминать, лямать, чамкать, чамгать, нямать*;

б) $\frac{\text{AFFR}+\text{VOC}+\text{FRIC}}{\text{SON} \quad \text{AFFR}}$: *чавкаться, лячкать, почивкать, нячкать*.

ЗИ доминантами для группы «жевание» выступают либо сонорный губно-губной звук, имитирующий движения губ при

жевании, либо аффриката, имитирующая движения челюсти и губ при жевании и сопровождающий их звук.

ЗИ гиперлексема ГРЫЗТЬ, ХРУСТЕТЬ представлена фонетическими вариантами $\text{FRIC}^{\text{гл}} + \text{R} + \text{VOC} + \frac{\text{PLOS}^{\text{гл}}}{\text{FRIC}}$: *нахрупать, похрупывать, хрумать, хрумкать, хрустать, схропать*. ЗИ доминанта – вибрант.

ЗИ гиперлексема ГЛОТАТЬ (ГЛОТАНИЕ) представлена фонетическими вариантами:

а) $\text{GUTT}^{\text{зв}} + \text{LAT} + \text{VOC} + \text{SON} / \text{PLOS}$: *возглontить, проглontать*;

б) $\text{VOC} + \text{PLOS}^{\text{зв}} + \text{GUTT}^{\text{зв}}$: *адгать*.

ЗИ доминанта – звонкий заднеязычный взрывной.

ЗИ гиперлексема ЕСТЬ выражена также фонетическими вариантами:

а) $\frac{\text{SON} + \text{VOC} + \text{PLOS}}{\text{AFFR}}$: *налопаться, налупить, начёпаться, поляпать*;

б) $\text{PLOS}^{\text{зв}} + \text{VOC} + \frac{\text{PLOS}}{\text{FRIC}}$: *бузовить набузоваться набыз-гаться набузгаться наботкаться, боткать, бузгат*;

в) $\text{PLOS}^{\text{гл}} + \text{VOC} + \frac{\text{SON}}{\text{R}}$: *натолкаться, натунгаться, натыркаться*.

Группа «ПОГЛОЩЕНИЕ ЖИДКОСТИ» также представляется развернутой и синкретичной. Ономатопы характеризуют различные звуковые параметры процесса поглощения жидкости: втягивание жидкости, сопровождаемое характерным звуком (*джюргать, дзюргать, зюргать, поджургивать, чуркать, чурскать*), процесс глотания (*гулкать, глохтать, халкнуть*), характерный звук жидкости (*пуль, буль, чильс*).

Выделяются группы:

1) ПИТЬ: *гулкать, зюлить, култыкать, лёчкать, лычкать, сопеть, чавкать, шушкать; чурскать, лакать, сосать, глонуть*;

2) захлебнуться: *захлебаться*;

3) пить понемногу, выпить немного: *джюргать, дзюргать, зюргать, поджургивать, чуркать, чурскать; журнуть, зюргнуть, отчурскнуть, тюркнуть, чуркнуть, чурскнуть, чурснуть*;

4) пить много: *дулить, жучить, лущить, лопать, хлопать, шолать*;

5) пить жадно: *жабать, жёгать, жухнуть, жучкать*;

6) выпить / ПИТЬ СПИРТНОЕ: *глохтать, жуужжать, жулькать, зюзьгать, зюгнуть, лычкать, рлыть, халкать; долбануть, клюнуть, тюляпнуть, халкнуть*;

8) НАПИТЬСЯ ПЬЯНЫМ: *набузыриться, нагулкатся, надрыскаться, надулиться, нажуужжаться, нажулькаться, назюзьгаться, наколдыриться, налопать, налычкаться, напичкаться, натренькаться, натреньгаться, натулькаться, натюнькаться, наузгаться*;

9) тот, кто пьет много: *дудень, зюль, зюля*.

ЗИ гиперлексема ПИТЬ представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) **GUTT+(VOC)+LAT**: *гулкать, култыкать, глонуть, глохтать*;

б) **GUTT+LAT+VOC+PLOS**: *захлебывать, хлобыстать, хлопать*;

в)
$$\frac{\text{SON+VOC+(AFFR)}}{\text{(PLOS)}} \text{ лануть, лёчкать, лычкать, лакнуть};$$

г) **(PLOS+)FRIC+VOC+R**: *джюргать, дзюргать, зюргать, поджургивать, журнуть, зюргнуть*;

д) **FRIC^{3B}+VOC+LAT**: *жулькать, зюль, зюля*;

е) **FRIC+VOC+FRIC**: *зюзьгать, соснуть, жуужжать, шушкать, жухнуть*;

ж) **FRIC^{3B}+VOC+PLOS**: *зюгнуть, жабать, жёгать*;

2. ФС синонимами: **AFFR+VOC+R**: *чуркать, чурскать*.

ЗИ доминанта в зависимости от параметра звучания – фрикативный, заднеязычный, аффриката (при имитации звука всасывания, втягивания жидкости), латеральный (при имитации акустических свойств жидкости).

Группы «звуки, связанные с ДВИЖЕНИЯМИ ЗУБОВ», «звуки, связанные с ОЩУЩЕНИЯМИ В ГОРЛЕ» включают в себя единицы, характеризующие звуки, связанные с ЗУБАМИ и ГОРЛОМ, но не связанные с процессом поглощения пищи и жидкости:

- 1) скрипеть: *гырскать, крычигать, скыркаать*;
- 2) шелкать, лязгать: *сигать, чакать*;
- 3) неприятное ощущение в горле: *заклюка*.

Среди рефлекторных звучаний, связанных с поглощением пищи и воды, наиболее значимыми (рис. 19) являются синкретичные звучания: поглощение жидкости (47 %) и пищи (34 %) и звуки сосания (10 %).

Звуки СОСАНИЯ представляются амбивалентными в сознании носителя традиционной культуры и характеризуют, с одной стороны, удовольствие, получаемое ребенком от поглощения пищи, с другой – семантику «все до последнего».

Звуки сосания изначально связаны с младенцем и воспринимаются как естественные, в связи с чем нередко развивают положительную семантику: *Иди сюда скорей, я тебя чупкать* (целовать) *буду*. Сосание выступает мотивирующим признаком номинации растений: *Во время войны ели чупки, цветки сладки у клевера*. Ономатопы с корнем *сос-* в некоторых случаях развивают семантику «взять все, ничего не оставить», что может быть связано с процессом обсасывания в значении «доедать, обсасывать кости»: *Он всю меня обсосал, ни копейки не оставил*.

Звуки ПЛЕВАНИЯ развивают семантику «избавление от чего-либо» и характеризуют небрежное отношение человека к чему-либо, пренебрежение.

Рис. 19

Скрип, стук, срезет ЗУБОВ характеризуют отклонения от нормы, так как не связаны с процессом поглощения, в связи с чем наделяются негативной семантикой: *Я пиво маленько отведаю и не хочу, зубами **крычигаю***. Скрежет связан с негативной семантикой в других сферах: *Чё ты адской-то машиной **скыр-кашь**?* Стук зубов также является ненормальным звучанием, так как характеризует реакцию тела человека на внешнее раздражение, не связанное с едой: *От страха у меня зубы **чакали**; От холода у него даже зубы **чакали**; Такая трясушка её взяла, аж зубы-то **чакают да чакают***.

Звуки плеваная, скрипа и скрежета зубов воспринимаются диалектоносителями как негативные, так как не отвечают основным функциям, связанных с этими органами.

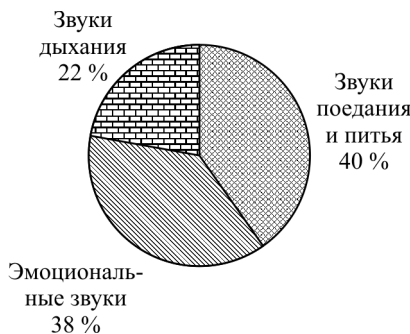

Рис. 20

Все звучания сферы «РЕФЛЕКТОРНЫЕ ЗВУКИ» (рис. 20) являются одинаково значимыми для человека, так как разница между процентной выраженностью субполей не столь значительна.

В то же время количественный анализ внутри фоносемантических субполей «рефлекторно-эмоциональные звуки», «рефлекторные звуки, связанные с дыханием», «рефлекторные звучания, связанные с поглощением пищи и воды» позволяет выявить наиболее значимые звучания среди рефлекторных звуков. Можно считать, что духовное (эмоциональные звуки) и материальное (поедание) одинаково значимы для диалектоносителя.

Негативную семантику развивают единицы, отражающие слишком громкие звучания (крик, плач, смех), звучания, маркирующие отклонения от нормы (кашель), звучания органов ротовой полости, «используемых не по назначению». Относительно нейтральную семантику имеют ономотопы, характеризующие

незначительные отклонения от нормы и естественные проявления человеческого организма: дыхание, икота, звуки поглощения и пр. Выраженную положительную семантику имеют единицы, характеризующие процесс сосания, ассоциируемый с сосанием младенца.

В фоносемантическом поле «соматофоносфера» в нашем материале зафиксировано 488 единиц, образующих два субполя (*звуки тела и рефлекторные звуки*).

Наиболее внимательно диалектоноситель (рис. 21, табл. 4) относится к рефлекторным звукам плача (16 %), крика (7 %), звукам, сопровождающим процесс поглощения жидкости (15 %) и пищи (11 %), звукам дыхания (11 %) и нарушения дыхания – кашель, хрип (7 %), а также звучаниям, которые связаны со звучаниями тела в целом (6 %) и болезненными ощущениями (6 %).

Рис. 21

Количественная выраженность звучаний объясняется тем, что данные звуки сопровождают человека всю жизнь и связаны с функционированием тела человека как биологической единиц. Они служат естественным сигналом, сообщаящим о нормальном функционировании организма человека (еда, питье, дыхание) или

Таблица 4

Субполе, группа	Кол-во ед.	%	Ранг
Плач	79	16	I
Поглощение жидкости (всасывание-глотание)	76	16	I
Дыхание	56	11	II
Поглощение пищи (глотание)	55	11	II
Крик	36	7	III
Кашель, хрип	34	7	III
Звуки боли и болезней	33	6	III
Звуки частей тела	28	6	III
Сосание (всасывание)	17	4	IV
Смех	16	3	V
Визг	10	2	VI
Звуки движений губ, языка (плевание, прыскание)	8	2	VI
Икота	8	2	VI
Охание и звуки испуга	7	2	VI
Жизнь и здоровье	5	1	VII
Звуки движения зубов (разгрызание, скрежет)	5	1	VII
Испражнение	4	1	VII
Стон	4	1	VII
Писк, слабый звук	4	1	VII
Чихание	2	<1	VIII
Звуки горла (першение)	1	<1	VIII
ВСЕГО	488		

отклонениях (кашель, хрип, боль). Плач и крик, основные инструменты общения с миром ребенка, становятся также главным инструментом сообщения о нарушениях физических и эмоциональных.

3.2. Фоносемантическое поле «Лингвофоносфера»

3.2.1. Голосоведение. Всего в субполе «гласоведение» зафиксировано 83 единицы, которые объединены наличием семы «мелодичный звук, производимый голосом». Данные звучания представляются нам переходными между «естественными», биологическими, и социальными, так как данные звуки характе-

ризируют, с одной стороны, способность к интонированию как более естественному проявлению и, с другой стороны, речь как явление социальное. Семантическое поле включает в себя субполя «пение» и «мелодичный свист».

Группа «МЕЛОДИЧНЫЙ СВИСТ» включает единицы *подсвистывать, запосвистывать*.

ЗИ доминанта – глухой фрикативный.

Группа «ПЕНИЕ» представляется достаточно разветвленным и характеризует различные параметры пения: «петь», «петь громко», «петь негромко» и др.

Подгруппа «**петь**» включает в себя ономатопы *басить, возгудать, выгудывать, гавкать, голосить, голосовать, зазубенить, затергать, заухивать, зурпать, накричать, наухивать, понюргивать, потонакивать, потонакивать, разгудать, рязать, рязнуть, спикать, стихарить, тетерить, ухать, чиканить*. Особенностью данной группы можно считать тот факт, что наряду с имитацией мелодичности посредством корней *нюрг-, тон-, пик-, чик-*, характеризующих высокий, тонкий звук, явно прослеживается имитация громкости: *бас-, бос-, гуд-, гав-, ух-, крич-, ряз-, рях-*.

Характерно, что подгруппа «**петь громко**» включает в себя много однокоренных единиц: *вздымачивать, взрывкать, возвезать, возгудать, возжигать, выть, заухаривать, заухать, зваривать, зрявкать, зухнуть, кадергать, лаборявкать, назваривать, пореветь, поухать, разухать, репать, рязкать, ухать, ухарить*. Данный факт указывает на то, что пение в понимание носителя традиционной культуры должно быть громким.

Негромкое пение представлено такими единицами, как *глаголить, куныркать, мургать, муркать, мурлить, намургивать, нюргать, няргать, турлыкать, чувиргать*. Ономатопы данной группы имеют однокоренные единицы в зоофоносфере, которые имитируют звуки животных и птиц.

ЗИ гиперлексема ПЕТЬ передается фонетическими вариантами:

а) PLOS^{3B}+VOC+FRIC/PLOS: *басить, гавкать, возгудать*;

б) (R+)VOC+FRIC/GUTT: *рывать, ряхнуть, пореветь, рывкать, ухать, ухарить*;

в) FRIC+VOC+R: *зваривать, назваривать*;

г) SON+VOC+R: *мургать, муркать, мурлить, намургивать, нюргать, няргать*;

д) PLOS+VOC+R: *затергать, тетерить*.

ЗИ доминанта четко не определяется.

Традиционная диалектная картина мира придает большое значение голосоведению, включенного в обрядовую и ритуальную практику. Фоносемантическая звуковая картина мира актуализирует говорение.

Изучение ГОЛОСОВЕДЕНИЯ происходит обычно в рамках исследований музыкальной традиции и песенного фольклора. Часто такие исследования происходят на стыке этнолингвистики, этнографии и различных музыковедческих дисциплин, так как объект исследования носит синкретичный характер, сочетающих текстовое содержание, музыкальное выражение и обрядовую функцию.

«С естественнонаучной точки зрения голос – это результат деятельности определенных человеческих органов (легких, гортани и пр.). С позиции народной анатомии голос представляется скорее самостоятельным органом человека, частью целого человеческого организма, имеющим важное значение для здоровья и жизни человека. <...> Голос обладает известной автономией, способностью быть отделяемым от своего носителя (наряду с ногтями, волосами, зубами) и в связи с этим мыслится как объект вредоносной магии» [Левкиевская 1995: 38–40].

В традиционной культуре магические функции имело не только человеческая речь, не только звуки, издаваемые человеком и животными (свист, пение, лай и под.), но также звуки природы (вой ветра, треск деревьев) и шумы (стук, щелканье, звон) [Валенцова 1995: 283].

Т.А. Агапкина выделяет значимые элементы (словесные, акциональные и предметные) этнокультурного феномена «закликание весны» и «жаворонки». В ряду выявляемых значимых

элементов также определяется звуковое выражение: «как правило, носители традиции отличали «кликанье весны» от пения в собственном смысле слова» [Агапкина 2000: 102].

Сигналы-кличи и разного рода голошения известны многим народам, и в каждой культуре они трансформируются в песенно-музыкальный ряд (обычно в виде припевов в народных песнях): русские ауканье [Лобанов 1997], причитания по *горЯм* в лесу [Никитина 2002], кличи, возгласы, гойканье и (а)уканье пастухов, охотников и скотоводов [Финченко 1986, Плотникова 1999, Швецов 1989], заклички [Виноградов 2009]; шотландский и альпийский (тирольский) пастушеский йодель (йодль, йодлер, йодлинг) [Хангги 2011]; грузинский криманчули [Алексеев 1986]; персидский и азербайджанский тахир и пр. [Шляхова 2012].

Все эти названия – звукоподражательные: *ауканье* (< *ау*), *гойканье* (< *гой*), *закличка* (< *кликать, клич*), *Jodeln* (< звукосочетания типа *Hodaro, Iohodraeho, Holadaittijo* и т.п.), криманчули (основной вклад в экстатическое звучание вносит виртуоз-тенор – *гамквани* < груз. *кивили* «крик, визг»). Эти специфические жанры выступают в трудовой, коммуникативной, магической, ритуальной функциях [Шляхова 2012].

М.А. Лобанов лесные кличи Северо-Западной России определяет как жанр, промежуточный между вокальной и инструментальной народной музыкой. Гукание представляется ритуальным возгласом, «пережитком коллективного заклинания» [Лобанов 1997].

Изначально прагматическая функция данных фольклорных жанров обусловлена качеством громкости для достижения эффективной коммуникации, что отражается в актуализации фоносемантических синонимов с семантикой «петь громко». Основными параметрами ПЕНИЯ в фоносемантической картине мира являются громкость и слаженность.

Пение в понимание носителя традиционной культуры должно быть громким. Громкость является признаком хорошего, правильного исполнения (положительные коннотации): *Эта поет здорово, голосует, голос хороший, тянет громко; Идём,*

Наталья, ряхнем им писню-то; Мы раньше так ухали, что лес драло; Как взрывают, так и огонь погасят – вот как пели; На возах баб по пять сидим да заухаривам писни-те; кто не поет, дак я ссаживала их.

Негромкое пение маркируется носителями традиционной культуры нейтрально (*Я одна хожу по избе да и глаголю песни потихоньку*) или с некоторым оттенком пейоративности (*Щас уж голосу-то нет, сама собой когда хожу, мурию*). Естественным является также пение на несколько голосов: *Оне хорошо на праздни-ке сбаривали песни старинны-те; Давайте сначала припоёмся.*

Характер ономастов пения позволяет говорить о том, что пение в представлении носителей традиционной культуры должно быть громким и слаженным. Звуки пения как наиболее мелодичные воспринимаются носителями традиционной культуры в целом положительно.

Характерно, что ономасты данной группы соотносятся с зоофоносферой: имитация звуков животных и птиц. Е.С. Новик считает, что для генезиса музыкального фольклора имитации звуков сыграли гораздо более существенную роль, чем звукоподражания для формирования языка [Новик 1999]. В народной культуре музыка как часть звукового окружения человека мыслится естественной и неотъемлемой частью бытия человека традиционной культуры. Естественность, «отприродность» музыкального ряда поддерживается формированием звукоизобразительной лексики на основе зоофоносферы. Уподобление человеческого голоса звукам, издаваемым птицами, животными, насекомыми часто используется в обрядах календарного цикла, реже – в семейных. Цель подобной имитативной магии – «вызвать успешное разведение домашних животных, птиц, пчел, а вместе с ним благополучие семьи». Также «звукоподражательный элемент присутствует в лечебной магии, в ритуалах, направленных на снятие порчи, сглаза, в обрядах-оберегах и других» [Усачева 2008: 127].

Природные шумы, звуки животных, музыки, речи, а также тишины и молчания рассматриваются с точки зрения семиотики и мифологии на материале различных фольклорных жанров

и фрагментов обрядности [Мир звучащий и молчащий 1999]. Отмечается, что культурные функции и значения неодинаковы для природных звуков и шумов и звуков и шумов [Толстая 1999: 9–10], создаваемых человеком (акустическая оноματοпея).

Человеческий голос, речь определяется как основной код культуры (речевые ономаты), а магический дискурс отличается особым (крик, зов, пение, шепот, свист, голошение, смех, икота) голосовым поведением, так называемой ритуальной речью (артикуляторная оноματοпея).

3.2.2. Говорение. Субполе «говорение» (555 единиц) включает группы: «артикуляторные особенности говорения», «акустические особенности говорения», «интеллектуальные способности говорящего», «качество производимой информации», «содержание говорения», «речь с наличием эмоционального компонента», «речь с наличием рефлекторных звуков». Данное субполе является обширным и характеризует звучания, издаваемые человеком при помощи артикуляторного аппарата и голоса, характеризующиеся коммуникативной функцией.

В первую очередь внимание носителей диалектной речи привлекает сама звучащая речь и ее особенности, в частности артикуляторные и акустические характеристики звучащей речи.

Группа «**АРТИКУЛЯТОРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРЕНИЯ**».

ЗИ гиперлексема **НЕВНЯТНО ГОВОРИТЬ** передается через:

1. Фонетические варианты:

а) **PLOS+VOC+PLOS**: *бобгать, бокотать*;

б) **PLOS+VOC+SON**: *бунгать, бончать, бумкать, бунчать, бынгать, гунчать, гумнить*;

в) **PLOS+VOC+R**: *бурдить, быркать, боргать, бургать*;

г) **FRIC+(VOC+)R**: *хрымгать, выргать, воркунья, харчить*;

д) **FRIC+(VOC+)FRIC**: *вазгать, шавкать, швыкать, хухнуть, сюськать, шеверталко*;

е) **(PLOS+)VOC+R**: *иргать, туросить, уркать*.

2. ФС синонимами:

а) SON+VOC+R: *мургать*,

б) SON+VOC+FRIC: *мявгать*.

ЗИ доминанта: взрывной, фрикативный, вибрант, имитирующие общий шум и диссонанс при невнятном говорении.

Группа «АКУСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРЕНИЯ».

ЗИ гиперлексема ГОВОРИТЬ ГРОМКО передается через:

1. Фонетические варианты:

а) FRIC+VOC+SON: *хайдула, хайлистый*;

б) PLOS+VOC+R

SON FRIC: *баргать, каркать, кыркать, горло-хват, мяргать, базластый*.

г) R+VOC+AFFR

FRIC: *рочкать; рявкать*.

ЗИ доминанта – широкий гласный А, вибрант.

ЗИ гиперлексема ГОВОРИТЬ БЫСТРО передается через фонетические варианты: PLOS+(FRIC+)VOC+R: *бурсить, джиргать, трынгать, тыркать*.

ЗИ доминанта – вибрант как быстро перемежающиеся удары.

Группа «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО», «КАЧЕСТВО ПРОИЗВОДИМОЙ ИНФОРМАЦИИ». Внимание уделяется интеллектуальным способностям говорящего и качеству производимой информации:

1) необдуманное, невразумительное, нескладное говорение: *голдонить, клинить, ляпать*;

2) спонтанная, неуместная и непродуктивная речь: *шлепать*;

3) говорение с указанием на сомнительное качество информации, характеризующей интеллект говорящего: *барахвостить, баршиить, белесить, боронить, бякать, варакосить, клочить, клячкать, колоколотить, кутить, ляпкать, мотачить, пездрить, сбельхивать, чавкаться*;

4) необдуманная, невразумительная речь: *балабурда, бездельщина, лакша, лепеца, сулема*.

Группа «СОДЕРЖАНИЕ ГОВОРЕНИЯ». Большое значение в народной культуре придается содержанию речи:

1) пустословие: *балабонить, балакать, баландить, балан-тресить, барахвостить, боронить, боришить, ботать, бунь-кать, ватолить, жовнить, лепкать, лязгать, раздабардывать, трынгать, трясти, шабаршиить, шаргать, шуметь;*

2) многословие: *балантрочить, баландить, бренчать, растатырживать, расчебурдывать, разлепёшивать, торкать, трекать, тыркать.*

ЗИ гиперлексема ПУСТОСЛОВИТЬ, МНОГОСЛОВИТЬ отражается через различные виды ударов и представлена фонетическими вариантами:

а) $\frac{PLOS+VOC+SON}{R}$: *балабонить, балакать, баландить,*

балантресить, барахвостить, боронить, боришить, бунькать, балантрочить, баландить;

$\frac{PLOS}{PLOS+VOC+R+SON}$
г) $\frac{FRIC}{\uparrow \quad \uparrow} FRIC$: *бренчать, брюхотить торкать, трекать, тыркать, растатырживать, раздабардывать, трын-гать, трясти, шабаршиить, шаргать.*

д) $\frac{PLOS+VOC+PLOS}{FRIC}$: *ботать, ватолить;*

е) $SON+VOC+PLOS$: *лепкать, разлепёшивать.*

ЗИ доминанты – взрывной, сонорный, вибрант.

Группа «РЕЧЬ С НАЛИЧИЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА»:

1) назойливое прошение: *заговаривать, скарлыкать, ско-лотыжничать;*

2) требование эмоционального отклика – жаловаться: *вень-гать, венькаться, клоктать, клячить, ханьгать;*

3) уговаривать – настойчивое, назойливое воздействие: *раз-говорить, убайкать;*

4) назидать, учить: *наговаривать, натакивать;*

5) советовать, поучать: *басенькать, натакать, натыриши-вать, тачить;*

6) сопереживать: *сожалевать;*

7) убеждать: *обаять, разговорить, убайкать*;

8) лгать: *ботлить, бруснуть, бурхвостить, вывезживать, лопать, свистеть, хвастать, хлопать*;

9) ругаться, бранить: *аргаться, ейвиться, рохать, рыкаться, рвякать, скырлыкать, шкариться, ягать*;

10) осуждать: *переширкивать*;

11) клеветать, оклеветать: *забалтывать, закапывать, набачивать, бздить, нахлюзничать, хаять*.

ЗИ гиперлексема БРАНЬ (РУГАТЬ(СЯ)) отражается через различные виды ударов и представлена фонетическими вариантами и ФС синонимами:

1. Фонетические варианты:

а) (PLOS+)VOC+R: *аргаться, барбызить, скырлыкать, шкариться*;

б) R+VOC+GUTT/FRIC: *рыкаться, рвякать, рохать*;

в) (FRIC+VOC+)PLOS+VOC+(FRIC+)PLOS: *оботкать, шебутить, гузгать, тьякаться; бузовать, бузистер*;

2. ФС синонимы:

а) AFFR+VOC+FRIC: *отчахать*

б) AFFR+VOC+PLOS+VOC+AFFR: *отчебучить*.

В качестве ЗИ дминанты выступают вибрант, который имитирует громкость и интенсимность, и взрывной, который моделирует «ударную» природу звучания.

Группа «РЕЧЬ С НАЛИЧИЕМ РЕФЛЕКТОРНЫХ ЗВУКОВ». Довольно многочисленна группа, основу которой составляет лексика с семой «наличие рефлкторных звуков»:

1) говорение в сочетании с плачем: *бяргать, гмырить, мыргать, растовновывать, турасить*;

2) говорение в сочетании с криком: *возгласить, всклокотать, загайкать, заягать, зрявкать, зухать, кыркаать, мергать, набатькать, раскувергаться, рынуть, хайкать, шабалить*;

3) говорение в сочетании со смехом: *подфунивать*.

ЗИ гиперлексема РЕЧЬ С ПЛАЧЕМ представлена фонетическими вариантами и ФС синонимами:

1. Фонетические варианты:

а) PLOS+VOC+R: *бяргать, турасить*;

б) (PLOS+)SON+VOC+R: *змьрить, мьргать*,

2. ФС синонимом: PLOS+VOC+FRIC: *растовновывать*.

ЗИ доминанта – вибрант, имитирующий громкость.

ЗИ гиперлексема РЕЧЬ С КРИКОМ представлена фонетическими вариантами:

а) GUTT+LAT+VOC+FRIC: *возгласить, всклокотать*,

б) (SON+)VOC+GUTT: *заягать, зухать, загайкать, хайкать*;

в) PLOS/SON/FRIC+VOC+R+GUTT: *кыркать, мергать раскувергаться*;

г) R+VOC(+FRIC): *зрявкать, рынуть*.

ЗИ доминанта – заднеязычный и вибрант.

Субполе «ГОВОРЕНИЕ» является весьма обширным, развернутым и неоднородным по количеству представленных единиц (табл. 5):

Таблица 5

Субполе, группа	Кол-во ед.	%	Ранг
Содержание речи	231	42	I
Артикуляторные и акустические особенности	80	14	II
Говорение в сочетании с рефлекторными звуками	66	12	II
Номинации человека по говорению	70	13	II
Номинации речи, единиц говорения, речевых жанров	38	7	III
Наличие собеседника/слушателя	30	5	IV
Характеристика говорящего	18	3	V
Интеллектуальные способности	10	2	VI
Подражание говорению	5	1	VII
Наличие/отсутствие интереса в разговоре	5	1	VII
Номинации коммуникативного акта по характеру говорения	2	> 1	VII
ВСЕГО	555		

В фоносемантической картине мира наиболее значимым признаком, характеризующим процесс говорения, является признак

«содержание речи» (40 %). Внимание носителей диалектной речи в первую очередь привлекают сама звучащая речь и ее особенности, в частности АРТИКУЛЯТОРНЫЕ И АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ звучащей речи. Слова, фиксирующие отклонения в артикуляции говорящего, маркируются отрицательно (*бунгать, вазгать, кваркать, мургать, мявгать, нямгать, хрымгать*). Артикуляторные особенности речи, выходящие за пределы нормы, воспринимаются как недостатки и маркируются отрицательно.

С точки зрения акустических свойств, отрицательно воспринимаются повышенная громкость (*баргать, блазнить, каркать, кыркать, мяргать*), быстрое, торопливое говорение (*бурсить, джиргать, трынгать, тыркать, чекотать, щепенькать*).

Особое внимание уделяется ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ СПОСОБНОСТЯМ говорящего и качеству производимой информации.

Положительно оценивается интеллектуальное превосходство говорящего: *щелкать* (*Девки-те много ноне знают: чё делают, щелкают!*).

Отрицательно оцениваются:

1) необдуманное, невразумительное, нескладное говорение: *голдонить, клинить, ляпать*;

2) спонтанная, неуместная и непродуктивная речь: *шлепать*;

3) говорение с указанием на сомнительное качество информации, характеризующей интеллект говорящего: *баршить, боронить, бякать, варакосить, клочить, клячкать, колоколить, кутить, ляпкать, пездрить, чавкаться*;

4) необдуманная речь: *балабурда, лепеца*.

Большое значение в народной культуре придается СОДЕРЖАНИЮ РЕЧИ. Отрицательно оценивается малосодержательное говорение:

1) пустословие: *балабонить, балакать, баландить, боронить, боршить, ботать, бунькать, лепкать, лязгать, трынгать, трясти, шабаршить, шаргать, шуметь*;

2) многословие: *баландить, бренчать, нащекалдывать, растатыркивать, разлепёшивать, торкать, трекать, тыркать*.

Наиболее выражена оценочность в лексике, указывающей на наличие и качество содержания речи, а также на то, какое воздействие оказывает говорение на адресата.

Отрицательно маркированы слова условно «эгоистической направленности»:

- 1) назойливая просьба: *заговаривать, скарлыкать*;
- 2) требование эмоционального отклика – жаловаться: *веньгать, венькаться, клоктать, клячить, ханьгать*;
- 3) уговаривать – настойчивое, назойливое воздействие: *разговорить, убайкать*.

Условно «альтруистическая» (наличие компонента рациональности, пользы для адресата) лексика воспринимается положительно:

- 1) учить: *наговаривать, натакивать*;
- 2) советовать: *натакать, натыршихивать, тачить*;
- 3) убеждать: *обаять, разговорить, убайкать*.

Отрицательно оценивается говорение, предполагающее искажение информации:

1) лгать: *ботлить, бруснуть, вызвезживать, лопать, свистеть, хвастать, хлопать*; номинации человека и речевые жанры: *хлопуша, хлопунья*

- 2) давать прозвище: *охобачивать*.

Лексика с ярко выраженным эмоциональным компонентом воздействия на адресата, объединенная семой «ругать», подразделяется на подгруппы «ругать кого-либо» и «ругаться с кем-либо» и оценивается отрицательно. В первом случае предполагается одностороннее воздействие:

- 1) ругаться: *аргаться, ейвиться, рохать, рыкаться, рвякать, скарлыкать, шаркаться*;
- 2) отчитать сильно: *оботкать, отчахать, отчебучить*;
- 3) наказать: *надолбить*.

Ономатопы второй подгруппы предполагает обоюдное взаимодействие:

- 1) ругаться, ссориться, браниться: *барбызить, брыкаться, гузгаться, ругиваться, тьякаться, шаргаться*;

- 2) поссориться: *расшумаркаться*;
- 3) скандалить: *бузовать, шебутить*;
- 4) сварливый, любящий скандалить человек: *шебутной*;
- 5) человек, который любит скандалить: *лайка, тьякун*.

Лексика с семой «осуждать» маркирована отрицательно:

- 1) осуждать: *переширкивать*;
- 2) (о)клеветать: *забалтывать, набачивать, бздить, хаять*;
- 3) жанры: *оговор*.

Резко отрицательно в народной культуре оценивается бранная речь: *выхавкать, кухнуть*.

В группе «РЕЧЬ С НАЛИЧИЕМ РЕФЛЕКТОРНЫХ ЗВУКОВ» маркируется отрицательно:

- 1) говорение с плачем: *бяргать, гмырить, мыргать, тура-сить*;
- 2) говорение с криком: *возгласить, всклокотать, загай-кать, заягать, зрявкать, зухать, кыркать, мергать, хайкать*;
- 3) говорение со смехом: *подфунивать*.

Слова со значением «шутить, подшучивать» приобретают отрицательную окраску, связанную с семантикой легкомысленности и пустого времяпрепровождения: *керкать, подграивать*. Резко отрицательно оценивается речь, содержащая насмешки, издевки: *гравиться, грать, граянье*.

Количественное преобладание пейоративных оценок показывает, что внимание носителей пермских говоров в большей степени сосредоточено на недостатках речи, чем на ее достоинствах.

Негативно оцениваются отклонения в артикуляции говорящего; громкое, торопливое, необдуманное (спонтанная и неуместная речь), малосодержательное и избыточное, настойчивое и назойливое, «эгоистичное», содержащее искаженную и недостоверную информацию говорение; говорение, целью которого является эмоциональное подавление адресата; экспрессивное говорение, содержащее рефлексорные человеческие звуки (плачь, крик, смех).

Мелиоративные (положительные) коннотации позволяют составить представление о народном риторическом идеале: ка-

чественная артикуляция, интеллектуальное превосходство над собеседником, «альтруистичное» говорение (наличие пользы для адресата).

Итак, в фоносемантическом поле «лингвофоносфера» (рис. 22, табл. 6) в нашем материале зафиксировано 637 единиц, образующих два субполя: *голосование* (12 %) и *говорение* (88 %). Речь человека является основным объектом наблюдения диалектоносителя.

Рис. 22

Таблица 6

Субполе, группа	Кол-во ед.	%	Ранг
Содержание речи	231	36	I
Артикуляторные и акустические особенности	80	13	II
Пение	70	11	II
Номинации человека по говорению	70	11	II
Говорение в сочетании с рефлекторными звуками	66	10	II
Номинации речи, единиц говорения, речевых жанров	38	6	III
Наличие собеседника/слушателя	30	5	IV
Характеристика говорящего	18	3	V
Интеллектуальные способности	10	2	VI
Номинации по пению	8	1	VII
Подражание говорению	5	<1	VIII
Наличие/отсутствие интереса в разговоре	5	<1	VIII
Номинации коммуникативного акта по характеру говорения	2	<1	VIII
Характеристика пения/голоса	2	<1	VIII
Свист	2	<1	VIII
ВСЕГО	637		

Таким образом, ядром лингвофоносферы является содержание речи. Акустико-артикуляторные особенности речи, сочетание речи с рефлексорными звуками, номинации человека по его речи, а также пение являются значимыми категориями в сознании диалектоносителя. А такие параметры коммуникации, как интерес в разговоре, название коммуникативного акта, а также номинации и характеристика пения являются периферией лингвофоносферы.

3.3. Фоносемантическое поле «Кинемофоносфера»

Кинемофоносфера (звуки действий) включает три семантических поля «звуки, связанные с движениями», «звуки, связанные с перемещением в пространстве», «звуки, связанные с поведением человека и коммуникацией между людьми». Всего зафиксировано 865 ономатопов, которые объединены семьей «звук, проявляющийся вследствие производимых человеком действий».

Данные звучания частично являются «естественными», так как совершаются человеком как биологическим существом, т.е. не всегда осмысленно (различные спонтанные действия), частично – социальными, т.е. осмысленными, контролируемыми (трудовые звуки, звуки, связанные с коммуникацией и пр.). Данное семантическое поле – самое обширное, что указывает на повышенное внимание человека к данной звуковой сфере.

3.3.1. Движение. Субполе «звуки, связанные с разного рода движениями» включает в себя ономатопы, характеризующие удар, трение, скобление и пр.

Группа «УДАР» включает подгруппы: «удар по живому (причинение вреда живому существу)», «удар по неживому», «автоудар (причинение вреда себе)», «ломание, причинение ущерба», «отрубание», «трудовые удары».

Подгруппа «УДАР ПО ЖИВОМУ» представлена звукоподражательными корнями:

1) «удар без приспособления»: *баздах, баздер, баздор, баздыр, балыз, бач, бот, буже, буз, бузг, бут, буч, геб, греб, долб,*

дребалыз, ёр, клюк, коть, коч, лок, перк, раз, сач, стак, тарс, тоньг, торц, трус, туж, туз, тырз, фок, хляб, чак, чеб, чек, чиб, чик, чирс, шас, шиб, шмат, шмоч, шмяк, шор, шпён, шуур и др.;

2) «удар с помощью приспособления»: *жак, жачк, жечь, жжжонь, зуд, кол, колот, лёп, лов, люч, паздёр, тяп, хез, хвос, хлест, хлыс, храп, хрест, чебур, чел, чух, шак, шах, шачк, шелеш, щелк* и др.

Выделены «универсальные» корни (*здан, жар, кок, жог, луп, свис, хлобыс, хобач, хобаши, шворк, шорк*), зафиксированные в обеих группах. Отмечены корни, не встречающиеся в других сферах: *баздах, баздер, баздор, баздыр, балыз, булын, булынд, геб* и др.

С подгруппой «удар по живому» непосредственно связана группа единиц, характеризующих АВТОУДАР (упасть, стукнуться): *бульзнуть, лячнуться, мякнуться, наячиться, пошкать, расилепать, торнуться, тяпнуться, хабарыснуться, хлопнуть, хлыстнуться, хрбалыснуться, хряснуться, шабаркнуть, шишикануться, шорнуться, щелкануться, расшибать*.

Подгруппа «УДАР ПО НЕЖИВОМУ» включает ономотопы с семей «удар, наносимый человеком по предмету»: *бакнуть, брызнуть, гробнуть, жёгнуть, торкнуть, торнуть, тыркнуть, хряпнуть; батить, бенгать, боркать, ботить, брячать, бузгать, буткать, буцкать, жгутить, жгучить, жёгать, клацкать, клевать, кокать, сочкнуть, стукатить, стукаться, торкать, трангать, тюкать, храпать, хропать, хряпать, хряскасть, хрястать, чакать, чеканить, чекманить, чибать, чикать, юкать* и др.

Отмечены также номинация удара *шмот* и звукоподражания, имитирующие звук удара: *бот-бот, бунты-банты, стуки-бряки, тор-тор-тор, туры-тары, хресь, хроп, швар*. Отмечаются «универсальные» корни, которые имитируют звук любого удара, такие как *кок, чик* и др. В то же время отмечаются звукоподражательные корни, которые характеризуют именно звук нанесения удара по предмету: *хряс, клац* и др.

В целом можно говорить о том, что система обозначений ударов по неживому достаточно развита и значима для носителя традиционной культуры. Данный факт подтверждается наличие

подгруппы ономастов, характеризующих процесс ПРИЧИНЕНИЯ УЩЕРБА вследствие нанесения ударов: разломать, разрушить, ломать: *исхрястать, испрахать, притоптать, прихрпать, разбомбить, разгромоздить, разгрохать, расхрпать, расхрямать, расщёлкать, перечакать, прихлопать, ухайдакать; речгать.*

Значимой является подгруппа «ТРУДОВОЙ УДАР», которая включает в себя единицы, характеризующие удар как элемент трудового акта: 1) бить лен: *хвостать*; 2) окучить(вать): *тяпать, истяпать*; 3) прополоть тяпкой: *вытюкать*; 4) (вы)молотить: *зудить, назбучивать, насбачивать, охобачивать, побуткать*; 5) глушить рыбу: *ботать, обушить, рёхать*; 6) точить, ударяя: *цакать, кочкать*; 7) ткать: *щёлкать*; 8) работать в кузнице: *колоть, уколачивать*; 9) рубить: *бочкать*; 10) нарубить: *натяпать, начипать*; 11) отрубить: *тянуть, оттянуть*; 12) обработка льна: *колоти́ха*; 13) молотьба: *молоченьё*; 14) косить: *гыжнуть, кошить, кошить, лупачить, натюкать, натяпать, тяпать*; 15) прессовать сено: *ботить, рястать*; 16) взмах косы: *тяпок*; 17) движение косы: *швырк*; 18) стук при тканье: *бары-бары* и др.

ЗИ гиперлексема УДАР представлена многочисленными фонетическими вариантами и ФС синонимами и хорошо описана в фоносемантической литературе [Воронин 1982; Шляхова 2003, 2004; Шестакова 2013 и др.]:

- а) удар: PLOS/AFFR+VOC+PLOS/AFFR: *тук, тяп, чик, чак*;
- б) удар с грохотом: FRIC/PLOS/AFFR+R+VOC+PLOS: *бряк, хрон, хряп, бряк*;
- в) серия ударов, дрожание: PLOS+(VOC+)R: *бур, тыр, дыр*;
- г) диссонанс с шумовым неударом: FRIC^{тл}+VOC+R(+PLOS): *хруп, шабар, шур, хрусь, фур*;
- д) удар с последующим тоновым неударом: PLOS(+SON)+VOC+SON: *бом, бон, бам, бум*;
- е) удар с последующим чисто шумовым неударом: PLOS/AFFR(+VOC)+FRIC^{тл}: *бац, буц, бах, бух, чох* и др.

Этимология слова *удар* включает семантику, которая типична для звуковой картины мира (синкретичность): связано

с *деру́*, *драть*, *раздор*, причем отражает ие.*dōg-, ср. греч. *δῆρις* ж. «спор», др.-инд. *dāras* «трещина, щель, дыра», *dṛṇāti* «раскалывается» [Фасмер].

В целом корни, имитирующие УДАР, часто развивают семантику ИНТЕНСИВНОСТИ (*Бзданите-ка еще. Пару-то больше будет. Тока не выскакивайте на улку-то; Лупачить* зачнешь литовкой, если она хороша; *Прибежал токо из школы – давай ити сбачивать; Человек идёт покосом свою поstattь, целой день и сбачиват; Рыбу-ту сботкала в кучу, она испортилась; Из толстой крупы ити сварим и сбуживам, хлебам, едим в великото говеньё; Вы вперед идите садитесь, туто вас вон как навбуживат; Борматуху долбанем, к телевизору сядем; Ведро воды хлобысь на стену, где огонь был), а также коннотации «тяжелый», «трудный», «плохой»: *Как раньше-то хлесталися: косили, жали, да всё руками; Я весь свой век хлесталась в колхозе; Пятьдесят восемь рублей за нее вторкал; Дороги-то расторкали после дождя*). Многие звукоподражательные корни (*хлест-*, *тор-*, *торк-*, *хлоп-*, *шиб-*) развивают семантику «УБИТЬ».*

Специфическим для данной сферы является наличие групп «коммуникативные акты с наличием ударов» и «участник данных коммуникативных актов»: 1) драка: *будкотня, драча, вачканы*; 2) трепка: *почесовка, теребачка, теребычка*; 3) побои, тумачи, наказание: *збучки, тычки, ботканцы*; 4) побитый: *натюканый, набутканый, избаздаханный*.

Звукоподражания с семантикой УДАРА ПО ЖИВОМУ нередко развивают негативную семантику. Это позволяет предполагать, что в сознании диалектоносителя удар по живому существу воспринимается как неестественный. УДАР ПО НЕЖИВОМУ в целом воспринимается нейтрально. Отрицательная коннотация проявляется в том случае, когда удары отличаются повышенной громкостью, интенсивностью или несвоевременностью: *Чё ты там клацкашь? Дверями, девка, не хрястай, а то беда будёт: вор придёт. Выйдёт безовсё в ограду и давай дрова хрястать; Рассердятся, дак ниче не жаль, Егорушка два тюрика исхрястал, как хряснет – и все, как мякнет!*

В целом можно говорить о том, что удар по неживому значим для диалектоносителя, что порождает наличие ономатопов, характеризующих процесс ПРИЧИНЕНИЯ УЩЕРБА вследствие нанесения ударов: разломать, разрушить, ломать: *исхрястать, испрахать, притоптать, прихропать, разгрохать, расхропать, расхрямать, расщёлкать, перекачать, прихлопать*.

Таким образом, удары по неживому воспринимаются как нейтральные, однако развивают отрицательную семантику в случае нанесения ущерба вследствие данного удара. Удары по живому чаще оцениваются отрицательно.

Ономатопы ТРУДОВЫХ УДАРОВ наиболее точно имитируют звук-эталон и передают его характерные особенности. Так, битье льна производит интенсивный, но не слишком громкий удар (*хвост*), процесс заточки – высокий и звонкий звук (*цак*), процесс окучивания и прополки – короткие негромкие удары (*тяп, тюк*) и т.д. Можно предположить, что данные удары, имеют особую функциональную значимость для диалектоносителя, в связи с чем ономатопы, имитирующие данные удары, обладают высокой степенью иконичности. Отсюда и невыраженная оценочность – трудовые удары, в основном, воспринимаются нейтрально.

В целом семантическое поле «удар» весьма обширно, так как включает в себя удары, характеризующиеся разной функциональностью. От сферы реализации удара и степени его интенсивности нередко зависит восприятие его носителем традиционной культуры либо как нейтрального звучания, либо как негативного. Удары, наносимые живому существу, часто воспринимаются как негативные, так как несут в себе семантику «причинение вреда», что наиболее отчетливо выражено в группе «автоудар». Удары, наносимые человеком по предмету, часто являются нейтральными звучаниями. Однако в случае, если удар обладает повышенной громкостью или интенсивностью, которая сопряжена с угрозой «ущерба», данное звучание воспринимается как отрицательное. Удары, связанные с прагмати-

ческой функцией, трудовые, выраженной оценочности не имеют, так как сопровождают тот или иной трудовой процесс, которые не несет опасности, не наносит ущерба.

Группа «РАЗРЕЗАНИЕ». Ономатопы группы содержат сему «действуя чем-то острым, разделять на части»: *обреньгать, общелкать, откарлыжить, острегнуть* (отрезать) и *карскать, кыжгать, бызнуть, зудить* (жать). Ономатопы со значением «жать» представляют собой трудовые звучания.

Группа «ТРЕНИЕ» включает единицы с семой «звук при трении»:

1) (на)тереть: *чиркать, шаборанить, шаборонить, шворить, шворкать, ширгать, шоргать, шорить, шоркать, шоркаться; начиркать, нашоркать;*

2) оттирать (-еть): *отишаркивать, отишоркать, ошабаркать, сошворить, сошворкать, сшоркать;*

3) шуршание, трение, ШОРОХ: *шабаркотня;*

4) действие по глаголу *шаркнуть*: *шар;*

5) звук трения: *шарки-шабарки, шабарки-шарки, шворшвор, шир-шир-шир, шор-шор-шор, шур-шур.*

ЗИ гиперлексема ТРЕНИЕ представлена:

1. Фонетические варианты:

а) **FRIC+VOC+R**: *шар, шорить, начиркать, шир-шир-шир, шор-шор-шор, шур-шур;*

б) **FRIC+VOC+R+PLOS**: *чиркать, ширгать, шоргать, шоркать, шоркаться, нашоркать, отишаркивать, отишоркать, сшоркать;*

в) **FRIC+VOC+PLOS+VOC+R+PLOS**: *шаборанить, шаборонить, ошабаркать, шабаркотня*

г) **FRIC+FRIC+VOC+R**: *шворить, шворкать, сошворкать, сошворить, шворшвор.*

2. ФС синонимы: **FRIC+VOC+R+PLOS – FRIC+VOC+PLOS+VOC+R+PLOS**: *шарки-шабарки, шабарки-шарки.*

ЗИ доминанта – глухой фрикативный, имитирующий трение.

Специфичным для данного субполя является высокая степень иконичности составляющих его ономатопов.

Отмечены также группы лексики, которые характеризует трение как трудовой процесс:

1) (вы)МЫТЬ, (на)тереть, (вы)СТИРАТЬ: *кичкать, шабаркать, шаборанить, шварять, шворкать, шворить, шоргать, шоркать; вышаргивать, надрапать, нашоркать;*

2) *разрыхлять: прошварить;*

3) ПИЛИТЬ: *ширикать;*

3) натирать на терке: *тереться, исшоркать;*

4) веник для подметания: *шабарканый;*

5) звук пиления: *шир-шир.*

К группе «трение» приближена группа «ШУРШАНИЕ, ШУМ»:

1) шуршать, шуметь: *сшабарчать, шабаркать, шабаркаться, шабаркнуть, шабарковать, шабарчать, шебарчать, шабаршийть, шабаршийться, шарабошиться, шебашиться, шебутить, шубушиться;*

2) легкий шум, шелест, шорох: *шабаркотня, шабаркоток, швор-швор, шуркоток.*

ЗИ гиперлексема ШУРШАНИЕ представлена:

1. Фонетические варианты:

а) **FRIC+VOC+PLOS+VOC+R+PLOS**: *сшабарчать, шабаркать, шабаркаться, шабаркнуть, шабарковать, шабарчать, шебарчать, шабаршийть, шабаршийться, шарабошиться, шабаркотня, шабаркоток,*

б) **FRIC+VOC+PLOS**: *шебашиться, шебутить, шубушиться;*

2. ФС синонимы:

а) **FRIC+FRIC+VOC+R**: *швор-швор,*

б) **FRIC+VOC+R+PLOS**: *шуркоток.*

ЗИ доминанта – глухой фрикативный, имитирующий трение.

Звукоподражания, восходящие к звуку ТРЕНИЯ, встречаются в других сферах звучания, в которых реализуют, в основном, семантику негромкого звука: *Наширкалась студеного воздуха и захворала; На полу спать-то – наширкатся можно студеного, захворать; Ширкунчики круглые, они наширкивают и набрякивают, к дуге привяжешь их дак; Так меня не любяют бабы-то, переширкивают, семерят; На лошаде был шабаркун, шабарчит, колокольцы – два на дуге, запотенькиват.*

В некоторых случаях ономотопы трения обретают семантику удара: *Как поленом шоркнёт его, так тот и пал; Он плётку схватил и два раза по спине меня шоркнул; Он как шорнет по столу.* Здесь актуализирован признак «интенсивность», который характерен для процесса трения.

В целом можно говорить о том, что звук трения представляет собой негромкий, а значит не раздражающий, периодический шум, который нередко сопровождает трудовое действие. Звук шуршания воспринимается нейтрально, а переносы в другие сферы происходят на основании интенсивности звука или его невысокой громкости.

Группа «СКОБЛЕНИЕ, СГРЕБАНИЕ» представлена небольшим количеством единиц, имитирующих звук скобления: 1) скоблить: *наскоблить, шаркивать*; 2) побриться: *оскоблиться*; 3) операция (аборт): *скоблёржка*.

Выявлены также ономотопы, восходящие к звуку скобления, характеризующие трудовые действия:

- 1) собирать: *скоблить*;
- 2) строгать: *перестрагивать, стружить*;
- 3) отделять кору от дерева: *шкурить, шкуриться*;
- 4) чистить рыбу: *соскобнуть*;
- 5) окучи(ва)ть: *обарабатывать, царапать*;
- 6) грести сено: *копошить, гербовать, грабить, догербовать*;
- 7) рыбачить: *гребтись*;
- 8) инструмент для строгания: *стружок*;
- 9) сгребание сена: *гребево, греб*;
- 10) человек, сгребаящий сено: *грёбатель*;
- 11) орудие для сгребания сена: *пехло, пехолка*.

Звук СКОБЛЕНИЯ воспринимается в целом как нейтральный и развивает дополнительные значения на основе признака «очищение, сгребание», «многократное действие» и «кропотливый, небыстрый»: *Я солдат-то скоблённый, всю войну отстукал; страшная была война – всех искалечила и меня не оставила* (значение «опытный»); *Скоблится в город жить-то ехать* (значение «пытаться»); *У нас одна скоблится учиться* (значение «пытаться»).

Звуки трения, скобления, очищения в целом воспринимаются как естественные, не вызывающие особого раздражения, в связи с чем в других сферах реализуется признак «негромкий». В отдельных случаях эксплицируется сема «интенсивный», что связано с характерным, порой резким, движением, вследствие которого происходит данный звук.

Звуку скобления, характеризующего процесс счищения, близок звук СРЫВАНИЯ: *бруснить, брусновать, бруснуть, лучить, набрюснуть, обрускивать, обруснуть, обрыскивать, окышкать, освистать, сгать.*

Особую группу «ПЛЕСК, ШЛЕПАНИЕ» составляют звуки, появляющиеся вследствие взаимодействия человека с водой. Данная группа соотносится с гидрофоносферой:

1) плескаться: *балакаться, балькаться, барабаться, бздаваться, лякаться, палькаться, палякаться, пулькаться, харкнуть;*

2) брызгать(ся): *бразгаться, брызгать, фурскаться; запрыскать, популькать, порскать;*

3) шлепать: *лячкаться;*

4) налить: *набузгать, набызгать, напыскать;*

5) окунуться: *култыхнуться;*

6) полоскать: *жулькать, похмырькать;*

7) звукоподражания *були-бали, пульки-пальки, номинации шлепень, шлепотня.*

ЗИ гиперлексема ПЛЕСК, БУЛЬКАНЬЕ представлена:

1. Фонетические варианты:

а) **PLOS+VOC+LAT(+GUTT)**: *були-бали, балакаться, балькаться, палькаться, популькать, палякаться, пулькаться, пульки-пальки,*

б) **LAT+VOC+PLOS+GUTT**: *лякаться, лячкаться,*

в) **PLOS+R+VOC+FRIC+GUTT**: *бразгаться, брызгать, запрыскать,*

г) **PLOS+VOC+ FRIC+GUTT**: *набузгать, набызгать, напыскать.*

2. ФС синонимы:

- а) **GUTT+VOC+LAT+PLOS+VOC+FRIC**: *култыхнуться*,
- б) **FRIC+LAT+VOC+PLOS**: *шлепень, шлепотня*.
- в) **FRIC+VOC+LAT**: *жулькать*,
- г) **FRIC+SON+VOC+R+GUTT**: *похмыркать*,
- д) **PLOS+VOC+R+VOC+PLOS**: *барабаться*,
- е) **PLOS+FRIC+PLOS**: *бздаваться*,
- ж) **GUTT+VOC+R+GUTT**: *харкнуть*,
- з) **PLOS+VOC+R+FRIC+GUTT**: *порскать*,
- и) **FRIC+VOC+R+FRIC+GUTT**: *фурскаться*.

ЗИ доминанта – латеральный, имитирующий плеск воды, взрывные и гуттуральные, которые имитируют удар по воде, а также фрикативные, которые, по все видимости, имитируют движение воды, шум.

ЗИ доминанта: отражение пластичности жидкости – латеральный; кавитации (гидравлические удары) – взрывной и вибрант.

Со звучанием воды (жидкости) и ударом связана группа «ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЦЦИ»:

- 1) готовить: *ляткать, лячкать, хухрать*;
- 2) размешивать, взбивать: *булькать, перепулькать, перешаркивать, расшлёпать*;
- 3) хлеб, похлебка: *балялька, барабулька, ботка, калябушка, кашлёпочка, лепишка, ляпка, ляпушка, ляпчик, ляпчики, поляпки, поляпушки, похлебень, хлопанцы, шлёпанцы*.

Ономатопы приготовления пищи часто связаны со звучаниями воды (жидкости). Звукоподражания *люп-ляп, лючи-лячи, лючки-лячки* употребляются для характеристики небрежно сделанного (пейоративная семантика). С другой стороны, метафорическая номинация *ляпа* (красивый человек) отражает мелиоративную семантику.

Группа «РАБОТА» выделяется отдельно, так как представляет собой сферу, реализующую различные звучания, которые нельзя квалифицировать однозначно. Включает единицы, содержащие сему «делать», которые восходят к звукам удара, трения, скобления, и актуализируют различные звуковые парамет-

ры тех или иных звучаний в коннотации той или иной единицы. Характер звука-прототипа во многом обуславливает семантические оттенки единиц данного субполя.

Семантика **монотонной** работы реализуется через звук скобления: *поскрепать*. Семантика **«быстро»** реализуется через звук трения: *шары-бары, швыр, шир, шульк, шур, шуром, фур, фурк*. **Интенсивная**, энергичная работа характеризуется через удар: *отдубасить, отстукать, отчебужить, оттюрить, бахать, взбаживать*. Работа **медленная** характеризуется через звуки трения, и шлепаяния *гамазгаться, гамазиться, гыжгаться, ширкаться, шлёпать, шлёпаться, шышлить*. Работа **тяжелая** – через удар, скобление и другие звуки: *бузовить, бурсить, бухать, попухивать, пырхаться, трубенить, хобачить, хрпать, царапаться, шпарить, нахлестаться, утенькаться, ухамангаться, уханькаться, ухаться, ухрпать*.

Субполе «РАБОТА» включает в себя единицы, содержащие сему «делать», и представляется нам синкретичным образованием. Эти ономатопы восходят к звукам удара, трения, скобления и актуализируют различные звуковые параметры звучаний в коннотации той или иной единицы.

Рассмотрев фоносемантическое субполе «звуки, связанные с разного рода движениями», можно сделать несколько выводов:

1) в целом данные звуки редко оцениваются однозначно. Осмысление того или иного звука зависит от особенности его реализации в той или иной ситуации;

2) отрицательные коннотации обретают звуки, которые так или иначе отклоняются от нормы: повышенная громкость, интенсивность, нечленораздельность (шлепание, плеск);

3) оценка звука во многом зависит от характера действия. Наиболее негативно оцениваются удары, наносимы человеком живому существу.

Семантическое поле «звуки движения» – самое обширное, что указывает на повышенное внимание человека к данной звуковой сфере. Наиболее значимыми среди звуков, связанных с движениями, являются удары (табл. 7).

Таблица 7

Субполе, группа	Кол-во ед.	%	Ранг
Удар по живому (причинить вред живому существу)	252	39	I
Удар по неживому	89	13	II
Работа	58	9	III
Грудовые удары	33	6	IV
Трение, трудовые звуки (трение)	43	6	IV
Скобление, царапание, трудовые звуки (скобление)	23	5	IV
Плеск, шлепание,	32	5	IV
Приготовление пищи	38	6	IV
Причинение вреда себе (удариться)	21	3	
Шуршание, шум	17	3	
Срывание	14	2	
Ломание, причинение ущерба	12	1	
Разрезание, трудовые звуки (разрезание)	8	1	
Отрубание	4	> 1	
ВСЕГО	644	100	

3.3.2. Перемещение в пространстве. Субполе «звуки, связанные с перемещением в пространстве» включает субполя «передвижение», «падение», «толкание», «бросание, кидание», «хватание, отдавание». Обширное поле, включающее в себя единицы, которые объединены семьей «перемещение в пространстве кого-, чего-либо».

Группа «ПЕРЕДВИЖЕНИЕ» объединяет ономотопы, характеризующие способы и характер передвижения самого человека. Единицы данной группы нередко имитируют тот или иной признак передвижения человека через звуки.

ИДТИ, ЗВУК ШАГОВ: *начакивать, утарапкаться, учапать, сопать, оттопать, поркать, тыки-тыки, турки-парки, тупы-тапы, тупы-тупы* и др.. БЫСТРОЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ: *бузы-базы, буты-баты, прыск, топ-топоты, тунги-банги, шурры-шары, шурки-шарки, а также глаголы дрызнуть, лупцевать, мызнуть, мыкнуть, притрепать, сфырскать, трандёхать, ускрянуть, ушарить, форкануть, форкнуть, шваркнуть, шмык-*

нуть, шуховать. Восходят либо к частым ударам (диссонансу), имитирующим топот, либо к интенсивному звуку (удар, выдувание и пр.).

Характерное ШАРКАНИЕ ПРИ ХОДЬБЕ передается через ономатопы *рашкать, шоргать, шарчить, шваркать, скыркатся, ширкать, шуркать, шаборкатня*, которые восходят к звуку трения и развивают семантику ПЕРЕДВИЖЕНИЯ «С ТРУДОМ»: *карабкаться, камазгаться, шаврать, швабровать, шванькать*.

Имитация ходьбы осуществляется на основе специфических отклонений от нормы: быстрая, медленная, затрудненная ходьба. Быстрая ходьба изображается через звуки, имеющие параметр «интенсивный», медленная, затрудненная – через трение и скобление. Нормальный процесс передвижения человека изображается через звуки частых ударов.

ЗИ гиперлексема ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ПРИ ПОМОЩИ НОГ представлена:

1. Фонетические варианты:

а) **PLOS+VOC+PLOS**: *оттоптать, тупы-тапы, тупы-тупы, топ-топоты, буты-баты, тыки-тыки*;

б) **FRIC +VOC+R+(FRIC)+(GUTT)**: *сфырскать, форкнать, форкнуть, шоргать, ширкать, шуркать, шурки-шарки, шуры-шары, ушарить, шарчить*;

в) **FRIC+(FRIC+)VOC+R(+GUTT)**: *шваркнать, шваркать, шаврать*;

г) **PLOS+VOC+R+GUTT**: *поркать, турки-парки*;

д) **FRIC+(VOC+)PLOS+VOC+R+GUTT**: *скыркатся, шаборкатня*.

2. ФС синонимы:

а) **AFFR+VOC+GUTT**: *начакивать*;

б) **FRIC+VOC+PLOS**: *сопать*;

в) **AFFR+VOC+PLOS**: *учапать*;

г) **PLOS+VOC+R+VOC+PLOS**: *утарапкаться*;

д) **PLOS+VOC+R**: *бузы-базы*;

е) $\frac{\text{PLOS+R+VOC+FRIC+GUTT}}{\text{SON}}$: *прыск, дрызнуть*;

- ж) PLOS+VOC+SON+GUTT: *тунги-банги*;
 з) LAT+VOC+PLOS: *лупцевать*;
 и) SON+VOC+FRIC: *мызнуть*;
 к) SON+VOC+GUTT: *мыкнуть*;
 л) PLOS+R+VOC+PLOS: *притреть*;
 м) PLOS+R+VOC+SON+PLOS: *трандэхать*;
 н) FRIC+PLOS+R+VOC+SON: *ускрянуть*;
 о) FRIC+SON+VOC+PLOS: *шмыкнуть*;
 п) FRIC+VOC+FRIC: *шуховать*;
 р) R+VOC+FRIC: *рашкать*;
 с) PLOS+VOC+SON+VOC+FRIC+GUTT: *камазгаться*;
 т) PLOS+VOC+R+VOC+PLOS+GUTT: *карабкаться*;
 у) FRIC+FRIC+VOC+PLOS+R: *швабрать*;
 ф) FRIC+FRIC+VOC+SON+GUTT: *шванькать*.

ЗИ доминанта – фрикативный, имитирующий шум, который сопровождает передвижение, и взрывной, который воссоздает ударную природу шага.

Группа «ПАДЕНИЕ» включает ономатопы с семей «устремляться сверху вниз под действием собственной тяжести», восходящим к звукам, имеющим компонент «интенсивный» (удар, резкий выдох и др.): *агах, балдых, бзык, бачь, култых, хлесь, хлесь, хрясь, баздохнуться, баздыркнуться, бузнуться, бултыхнуть, буткнуться, култыпнуть, лёпнуться, лячнуться, ряхнуться, соскукотать, старгать, торнуться, тюлябнуться, урдыхнуться, хлестнуться, хлобыстнуться, хлопнуть, хлызнуться, хроннуть, хроннуться, хрястнуться, шмотнуться*. Все эти ономатопы имитируют резкий интенсивный звук, что передает специфику физического действия.

ЗИ гиперлексема ПАДЕНИЕ представлена:

1. Фонетические варианты:

- а) PLOS+VOC+ $\frac{\text{LAT}}{\text{FRIC}}$ +PLOS+VOC+ $\frac{\text{FRIC}}{\text{R}}$: *балдых, бултых-*

нуть, баздохнуться, баздыркнуться, култых, култыпнуть;

б) $\frac{\text{FRIC}+\text{LAT}+\text{VOC}+\text{FRIC}(+\text{PLOS})}{\text{R}}$ $\frac{\text{PLOS}}{\text{SON}}$: *хлесь, хлѣсь, хрясь, хлестнуться, хлызнуться, хрястнуться, хлопнуть, хроннуть, хроннуться.*

в) PLOS+VOC+R(+GUTT): *старгать, торнуться*

$\frac{\text{FRIC}}$

г) PLOS+VOC+ $\frac{\text{AFFR}}{\text{PLOS}}$: *бачь, бузнуться, буткнуться.*

2. ФС синонимы:

а) VOC+GUTT+VOC+FRIC: *агах;*

б) PLOS+FRIC+VOC+GUTT: *бзык;*

в) LAT+VOC+PLOS: *лѣпнуться;*

г) LAT+VOC+AFFR: *лячнуться;*

д) R+VOC+FRIC: *ряхнуться;*

е) FRIC+LAT+VOC+PLOS+VOC+FRIC: *хлобыстнуться;*

ж) PLOS+VOC+LAT+VOC+PLOS: *тюлябнуться;*

з) VOC+R+PLOS+VOC+FRIC: *урдыхнуться;*

и) FRIC+SON+VOC+PLOS: *шмотнуться.*

ЗИ доминанта не определяется однозначно, так как падение эксплицируется прежде всего через удар, а удар в языке имитируется практически всеми возможными средствами.

Группа «ТОЛКАНИЕ» включает единицы с семой «толчком перемещать в каком-либо направлении» (*тор, грабастануть, огремонить, рахнуть, сфуркать, торнуть, шачкать, шачнуть, шачкнуть, шахнуть, швыркнуть, шматануть, шурануть, шуровать, шурнуть, шухнуть, юкнуть*), которые также восходят к звукам удара.

ЗИ гиперлексема ТОЛКАНИЕ представлена:

1. Фонетическими вариантами:

а) $\frac{\text{PLOS}+\text{VOC}+\text{R}}{\text{FRIC}}$: *тор, торнуть, сфуркать, шурануть, шуровать, шурнуть;*

б) $\frac{\text{FRIC}+\text{VOC}+\text{AFFR}}{\text{FRIC}}$: *шачкать, шачнуть, шачкнуть, шахнуть, шухнуть.*

2. ФС синонимы:

- а) GUTT+R+VOC+PLOS+VOC+FRIC+PLOS: *грабастануть*;
- б) GUTT+R+VOC+SON: *огремонить*;
- в) R+VOC+FRIC: *рахнуть*;
- г) FRIC+FRIC+VOC+R: *швыркнуть*;
- д) FRIC+SON+VOC+PLOS: *шматануть*.

Группа «БРОСАНИЕ» включает единицы с семей «взмахом заставляя лететь, падать что-либо, находящееся в руке», которые также восходят к звукам удара и интенсивного выдувания: *швырк, батать, гыжнуть, выухать, колотить, лячить, нашваркать, пушить, хабарыснуть, хроннуть, фуркать, брякнуть, бухнуть, фурнуть, шугануть, расхыркать, нулькнуть*.

ЗИ гиперлексема БРОСАНИЕ представлена:

1. Фонетические варианты:

- а) **(FRIC+FRIC+VOC+R(+GUTT))**: *швырк, нашваркать, расхыркать, фуркать, фурнуть*;
- б) **PLOS+VOC+FRIC**: *пушить, бухнуть*.

2. ФС синонимы:

- а) **PLOS+VOC+PLOS**: *батать*;
- б) GUTT+VOC+FRIC: *гыжнуть*;
- в) VOC+FRIC: *выухать*;
- г) **PLOS+VOC+LAT+VOC+PLOS**: *колотить*;
- д) LAT+VOC+AFFR: *лячить*;
- е) **FRIC+VOC+PLOS+VOC+R**: *хабарыснуть*;
- ж) **FRIC+R+VOC+PLOS**: *хроннуть*;
- з) **PLOS+R+VOC+GUTT**: *брякнуть*;
- и) **FRIC+VOC+GUTT**: *шугануть*;
- к) **PLOS+VOC+LAT+GUTT**: *нулькнуть*.

ЗИ доминанта – фрикативный и взрывной, имитирующие интенсивность действия и движение воздуха.

Группа «ХВАТАНИЕ, ОТДАВАНИЕ» включает единицы, характеризующие процесс присвоения и отдавания чего-либо, которые имитируют звуки удара и царапания: 1) (с)хватать(-ить): *вычебнуть, забарабать, пригарабить, прицапать, сапать, скребать, хопать*; 2) дать: *брыднуть, вторкать*; 3) хватание: *хоп*.

Таким образом, семантика передвижения в пространстве как самого человека, так и чего-либо внешнего по отношению к человеку реализуется через звуки удара, трения и скобления.

Наиболее значимыми среди звуков, связанных с перемещением в пространстве, являются звуки передвижения (шум и удар) и падения (удары) (табл. 8).

Таблица 8

Субполе, группа	Кол-во ед.	%	Ранг
Передвижение	49	37	I
Падение	39	30	II
Голкание	17	13	III
Бросание	17	13	III
Хватание	10	7	IV
ВСЕГО	132		

3.3.3. Коммуникация и поведение человека. Субполе «звуки, связанные с поведением человека и коммуникацией между людьми» включает единицы с семой «коммуникативное действие» или «поведение»: группы «укачивание, пробуждение», «нарушение норм поведения», «игра», «танец», «беспокойство, суета», «шевеление, возня, вялые действия».

Группа «УКАЧИВАНИЕ, ПРОБУЖДЕНИЕ» составляют единицы, характеризующие процесс убаюкивания ребенка, пробуждения человека или процесс наблюдения за ребенком:

1) нянчиться: *боткать, люлькаться, лялькаться, ляльчиться, натурькивать, няниться, тютюшкать, уторкать, ухрпать*;

2) будить, разбудить: *кычкать, раскышкать*.

Лексемы с семантикой «нянчиться, водиться» являются звукоподражательными и восходят к звукам удара (*боткать, уторкать, ухрпать*), подражанию детскому языку или мелодичному звуку (*люлькаться, лялькаться, ляльчиться, натурькивать*). Имитация детского языка реализуется в назывании детей: *гагальята, кага, кагонька, кагочка, кагушка, лялечка, момзик*. Иногда в номинациях детей воспроизводится высокий звук, имитирующий высокий голос ребенка: *тютюсечка, чивра, ширик*.

В целом процесс наблюдения за ребенком воспринимается положительно или нейтрально (*У попа я день-деньской люлька-юсть с ребенком; ндравилось мне, только спать было неколды*). Иногда семантика «продолжительного, монотонного» действия, реализующаяся через удар, получает негативный оттенок: *...ночью с работы придет, устанет, а еще с ребенком возиться надо. Вот и боткай его в люльке*.

Ономатопы пробуждения связаны с отпугивающими словами, используемыми для отгона животных, птиц, что объясняется необходимостью произвести на спящего такое воздействие, которое заставило бы его проснуться. Так, ономатопы *раскышкать, кычкать* связаны с отпугивающим звукокомплексом *кыш!* Возможно, процесс пробуждения мифологически связан с процессом отпугивания нечистой силы.

В целом ономатопы укачивание, пробуждение восходят к звуку удара (воспринимаются нейтрально или отрицательно), к звукам детского языка (воспринимаются положительно или нейтрально) и звукам отпугивания.

Группа «ИГРА» включает единицы, имитирующие какие-либо действия, сопровождающие игру: *ляпать* (ударять рукой, загальть), и номинации игры по этому действию: *ляпки, оляпки*. Данные ономатопы, связанные со звуком шлепаяния, не имеют выраженных коннотаций, а значит данный звук, связываемый с процессом игры, воспринимается как обычный.

Группа «ТАНЕЦ» включает ономатопы, характеризующие движения и звуки, сопровождающие эти движения в танце: *вшалкивать, дробить, отколачивать, отшлепётывать, отъюлачивать, тынгать, ухандывать, щелкать*. Отмечены номинации: 1) танец: *щелкоток*; 2) праздник: *дритатуй*; 3) шум от пляски: *тунготок, хрустотня*.

Ономатопы с семантикой «танец» восходят к звукам повторяющегося удара, стука, который воспринимается как положительный: *вшалкивать, дробить, отколачивать, отшлепётывать, тынгать, щелкать*. Ср. танец: *плясня, щелкоток*; шум от пляски: *тунготок, хрустотня*.

Группа «НАРУШЕНИЕ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ» включает единицы, характеризующие процессы и явления, которые воспринимают им как отклонения от обычной коммуникативной нормы:

1) праздновать активно: *выжигать, гудеть, трубнить, хазавать*;

2) дурачиться, резвиться, хулиганить, дебоширить, шалить: *балахолиться, бармить, шарапужить*;

3) бойкий, наглый: *добойный, вышибанистый, хроровитый*.

Группа «ШЕВЕЛЕНИЕ, ВОЗНЯ, ВЯЛЫЕ ДЕЙСТВИЯ» включает единицы *гарамкаться, гараматься, загомозиться, гамазгаться, карабаться, карябаться, копышкаться, кыжгаться, нюньгаться, патраться*, которые восходят к звуку скобления, царапания и трения.

Ономатопы, характеризующие БЕСПОКОЙСТВО, СУЕТУ, а также человека, доставляющего беспокойство, восходят к самым разным звучаниям, к звуку скобления, трения (*гребтить, гребтиться*), свисту (*свистушка*), крику (*хай*) и др., которые соотносятся с разными параметрами способами выражения беспокойства и суеты:

1) шум: *зеркаток*;

2) хулиган, непоседа, несерьезный человек, проказник: *стрекотко, шалаболка, шурудилка, щеколда, щекотунья*;

3) беспокойный, шумный: *разухабистый, шабурной, шабутной, шумихливый*.

Ономатопы группы «шевеление, возня, вялые действия» (*гарамкаться, гараматься, загомозиться, гамазгаться, карабаться, карябаться, кыжгаться, нюньгаться*) восходят к звуку скобления, царапания и трения. ономатопы с семантикой «беспокойство, суета» восходят к звуку скобления, трения (*гребтить, гребтиться*), свисту (*свистушка*), крику (*хай*) и др.

В целом семантическое поле «звуки, связанные с поведением человека и коммуникацией между людьми» характеризуется неоднородностью (табл. 9), так как его составляют субполя, характеризующие различные параметры кинестетической коммуникации и поведения человека.

Таблица 9

Субполе, группа	Кол-во ед.	%	Ранг
Беспокойство, суета	25	27	I
Укачивание, пробуждение	24	26	I
Танец	14	15	II
Нарушение норм поведения	14	15	II
Шевеление, возня, вялые действия	10	12	III
Игра	4	5	IV
ВСЕГО	91		

Данные единицы получают ту или иную оценку носителями традиционной культуры в зависимости от сферы. Удар актуализируется в танце, звук шлепка – в игре, что характеризует высокую степень иконичности данных единиц. Ономотопы, характеризующие отклонения в поведении человека, восходят к самым разным звучаниям.

Специфическим для данной группы можно считать выделение особого звучания – имитации звуков детского языка, которые маркируются положительно и используются для коммуникации с детьми. Эти единицы, восходящие к речевым звукам переносятся на действие «водиться».

Итак, кинофоносфера организована неравномерно: наиболее отчетливыми являются звуки, связанные с разного рода движениями, прежде всего – разного рода ударами (74 %). Звуки перемещения в пространстве (15 %) и поведения и коммуникации (11 %) представлены менее значительно (рис. 23, табл. 10).

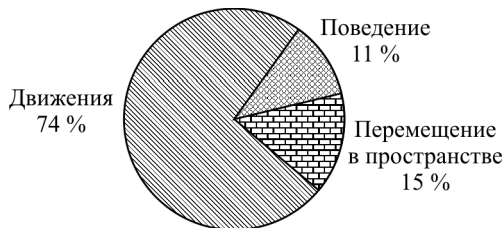

Рис. 23

Таблица 10

Субполе, группа	Кол-во ед.	%	Ранг
Удар по живому (причинить вред живому существу)	252	29	I
Удар по неживому	89	10	II
Работа	58	7	III
Передвижение	49	6	IV
Трение, трудовые звуки (трение)	43	5	V
Падение	39	5	V
Приготовление пищи	38	4	VI
Трудовые удары	33	4	VI
Плеск, шлепание	32	4	VI
Беспокойство, суета	25	3	VII
Укачивание, пробуждение	24	3	VII
Скобление, царапание, трудовые звуки (скобление)	23	3	VII
Причинение вреда себе (удариться)	21	2	VIII
Шуршание, шум	17	2	VIII
Толкание	17	2	VIII
Бросание	17	2	VIII
Срывание	14	2	VIII
Танец	14	2	VIII
Нарушение норм поведения	14	2	VIII
Ломание, причинение ущерба	12	1	IX
Хватание	10	1	IX
Шевеление, возня, вялые действия	10	1	IX
Разрезание, трудовые звуки (разрезание)	8	<1	X
Отрубание	4	<1	X
Игра	4	<1	X
ВСЕГО	867		

Данные звучания частично являются «естественными» (совершаются человеком как биологическим существом, т.е. не всегда осмысленно: различные спонтанные действия), частично – социальными (осмысленными, контролируемыми: трудовые звуки, звуки, связанные с коммуникацией и пр.).

Ядром кинемофоносферы являются удары, причем, если учесть, что многие другие действия (падение, шлепание, трудовые звуки и прочее) имеют ударную природу, то можно говорить о том, что удар – базовое, возможно, прототипическое, действие, которое совершает человек.

3.4. Ядро и периферия антропофоносферы

Общее количество единиц в антропофоносфере – 1981, которые образуют три фоносемантических поля: 1) *соматофоносфера*: субполя «звуки тела», «рефлекторные звуки»; 2) *лингвофоносфера*: субполя «голосоведение», «говорение»; 3) *кинемофоносфера*: субполя «звуки, связанные с движениями», «звуки, связанные с перемещением в пространстве», «звуки, связанные с поведением человека и коммуникацией между людьми». Количественная характеристика данных распределяются следующим образом (табл.11, рис. 24).

Рис. 24

Таблица 11

Семантические поле	Субполе	Кол-во ед.	%	%
Соматофоносфера	Звуки тела	70	4	24
	Рефлекторные звуки	416	21	
Лингвофоносфера	Голосоведение	78	4	32
	Говорение	552	28	
Кинемофоносфера	Звуки действий	865	43	44
	ВСЕГО	1981		100

Внутри поля «антропофоносфера» преобладают группы «звуки действий», хотя в целом можно считать, что звуки тела, звуки речи и звуки действий в равной мере распознаются диалектоносителем.

Ядро фоносемантического поля «антропофоносфера» (рис. 25) составляют звучания: *удар, содержание говорение, артикуляторные и акустические особенности говорения, рефлекторные звучания* (плач, звуки питья) и *пение* в целом.

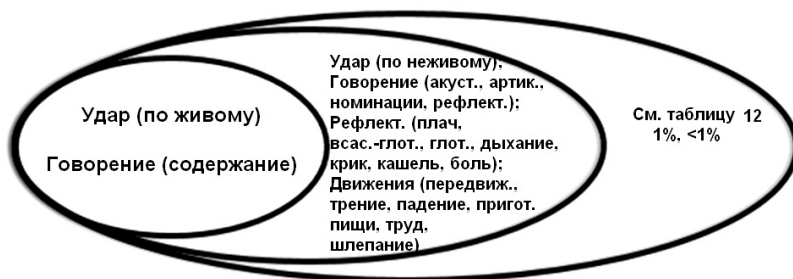

Рис. 25

На периферии семантического поля (табл. 12) «антропофоносфера» оказываются звучания: *биологические действия тела, рефлекторные звуки* (стон, писк, слабый звук, визг, оханье и звуки испуга, икота, чихание, звуки, связанные с движениями губ, звуки, связанные с движениями зубов, звуки, связанные с горлом), *говорение с точки зрения характеристики интеллектуальных способностей говорящего, с точки зрения наличия собеседника/слушателя, наличия/отсутствия интереса в разговоре*, а также звуки характеризующие *поведение человека* (игра, танец, нарушение норм поведения, шевеление, вялые действия, беспокойство) и *перемещение в пространстве* (хватание/отдавание, толкание, бросание).

Таблица 12

Субполе, группа	Кол-во ед.	%	Ранг
Удар по живому (причинить вред живому существу)	252	13	I-II
Содержание речи	231	12	I-II
Удар по неживому	89	5	
Артикуляторные и акустические особенности	80	4	

Продолжение табл. 12

Субполе, группа	Кол-во ед.	%	Ранг
Плач	79	4	
Поглощение жидкости (всасывание-глотание)	76	4	
Пение	70	4	
Номинации человека по говорению	70	4	
Говорение в сочетании с рефлекторными звуками	66	3	
Работа	58	3	
Дыхание	56	3	
Поглощение пищи (глотание)	55	3	
Передвижение	49	3	
Трение, трудовые звуки (трение)	43	2	
Падение	39	2	
Приготовление пищи	38	2	
Номинации речи, единиц говорения, речевых жанров	38	2	
Крик	36	2	
Кашель, хрип	34	2	
Звуки боли и болезней	33	2	
Трудовые удары	33	2	
Плеск, шлепание	32	2	
Наличие собеседника/слушателя	30	2	
Звуки частей тела	28	1	
Беспокойство, суета	25	1	
Укачивание, пробуждение	24	1	
Скобление, царапание, трудовые звуки (скобление)	23	1	
Причинение вреда себе (удариться)	21	1	
Характеристика говорящего	18	<1	
Шуршание, шум	17	<1	
Толкание	17	<1	
Бросание	17	<1	
Сосание (всасывание)	17	<1	
Смех	16	<1	
Срывание	14	<1	
Танец	14	<1	
Нарушение норм поведения	14	<1	
Ломание, причинение ущерба	12	<1	
Визг	10	<1	
Хватание	10	<1	
Шевеление, возня, вялые действия	10	<1	

Окончание табл. 12

Субполе, группа	Кол-во ед.	%	Ранг
Интеллектуальные способности	10	<1	
Разрезание, трудовые звуки (разрезание)	8	<1	
Номинации по пению	8	<1	
Звуки движений губ, языка (плевание, прыскание)	8	<1	
Икота	8	<1	
Охание и звуки испуга	7	<1	
Жизнь и здоровье	5	<1	
Звуки движения зубов (разгрызание, скрежет)	5	<1	
Подражание говорению	5	<1	
Наличие/отсутствие интереса в разговоре	5	<1	
Биологические звуки (испражнение)	4	<1	
Стон	4	<1	
Писк, слабый звук	4	<1	
Отрубание	4	<1	
Игра	4	<1	
Номинации коммуникативного акта по характеру говорения	2	<1	
Характеристика пения/голоса	2	<1	
Свист	2	<1	
Чихание	2	<1	
Звуки горла (першение)	1	<1	
ВСЕГО	1992		

4. Социофоносфера в диалектной речи

Социофоносфера включает семантические поля «технофоносфера» (субполя «звуки простых предметов» и «звуки сложных устройств и механизмов»), «сигналофоносфера» (звуки-сигналы), «музыкафоносфера» (музыкальные звуки) и «мифофоносфера».

4.1. Фоносемантическое поле «Технофоносфера»

Семантическое поле «технофоносфера» включает в себя звукоизобразительные единицы, содержащие сему «звук, производимый предметами рукотворного характера» и включает два субполя: «звуки простых бытовых предметов» и «звуки сложных устройств и механизмов».

4.1.1. Простые бытовые предметы: *Он ходит, дак токо тросточка позвениват; Вот бутылки-то как зачакали; Лукошки только бузгают, сеять пойдут дак; Ребята бидончики носят и звенят: балды-колды; В олук струну натянешь, битком по струне ударяшь, она потенькиват, позваниват; Бросила зеркало-то, испугалася, оно только сторкало; Бот-от фурскат, храпат, рыбу-ту и заганиват в мерёжу; А ворота-те иркают и иркают; Вон идет, котомка босит: набрал чего-то и стучит; Большая щука-та была, да сорвалася, крюк-от токо схрабастел; Надели брустяшки на ноги и в Сибирь погнали; Поскребеней-то мутовку поскоблить, поскрести.*

В некоторых случаях сложно оценить степень участия человека в производстве «технического» звука, в связи с чем данное поле тесно взаимосвязано с одним из полей антропофоносферы – «звуки, появляющиеся вследствие манипуляции человека с предметом»: *Щелкать-то* (прибивать набелками во время тканья) *все умеют, челнок гонять, а заправлять-то нет; Перестань, не ергай* дверями, *говорить не даёшь.*

К данному полю относятся ономатопы *балды-колды, бузгать, бузкать, захрабастеть, иркать, иргать, исцелкать, позвениват, потенькиват, рязгать, сбрынгать, сгыжгать, сторкать, схрабастеть, фурскать, храпать, ургать, колот, колотилка, колотуха, колотушка, нахлобучка, пахолка, поскредбня, стукалка, хлопцы* и др.

ЗИ гиперлексема ЗВУК ПРЕДМЕТА представлена:

1. Фонетическими вариантами:

- а) PLOS/R+VOC+FRIC+GUTT: *бузгать, бузкать, рязгать;*
- б) PLOS+VOC+GUTT: *пахолка, стукалка;*
- в) GUTT/PLOS+(VOC+)LAT+(VOC+)PLOS: *колотилка, колотуха, колотушка, колот, нахлобучка, хлопцы, балды-колды;*
- г) FRIC+(GUTT)+R+VOC+PLOS: *захрабастеть, схрабастеть, храпать, поскребня;*
- д) (PLOS+)VOC+R+GUTT: *иркать, иргать, сторкать, ургать;*

2. ФС синонимами:

- а) FRIC+VOC+LAT+GUTT: *исцелкать*;
- б) FRIC+FRIC+VOC+SON: *позвенивать*;
- в) PLOS+VOC+SON: *потенькивать*;
- г) PLOS+R+VOC+SON+GUTT: *сбрынгать*;
- д) GUTT+VOC+FRIC: *сгыжгать*;
- е) FRIC+VOC+R+FRIC+GUTT: *фурскать*.

ЗИ доминанта однозначно не выявляется, так как данная группа включает в себя звучания различных предметов. Тем не менее, по характеру звучаний можно сделать вывод, что основу данной группы ономастов составляют удар (фонетические варианты а, б, в) и трение, скрежет (фонетические варианты г, д).

Диалектоносителем распознаются такие звуки, как скрип, стук, звук падения, звон, громкий звук, грохот, треск, шум. При этом звон может считаться принадлежность именно социофоносферы, так как в биофоносфере данное звучание не фиксируется, а в антропофоносфере встречается только как характеристика голоса (*У меня голос был не **звонкий**, тут нужен был для причитаний человек с музыкальным даже голосом*).

4.1.2. Сложные механизмы и устройства. Субполе «Звуки сложных механизмов и устройств» включает группы:

1) ЗВУКИ ВЫСТРЕЛОВ И ВЗРЫВОВ: *базнуть, бухать, взверескать, дунуть* (*Ружье солью зарядил и думаю: **базну**, если полезет; Сильный бой в Карпатах проходил: пули свистят, бомбы летят, как **взверескает**, так земля трясется*);

ЗИ гиперлексема ЗВУК ВЫСТРЕЛА представлена фонетическими вариантами: PLOS+VOC+FRIC: *базнуть, бухать*; и ФС синонимами: PLOS+VOC: *дунуть*. Звук выстрела имеет ударную природу, ЗИ доминанта – взрывной.

2) ЗВУКИ РАЗЛИЧНЫХ УСТРОЙСТВ: *боркать, фукать, пышикать, чокать* (*Вы чего – **чокать** что-ли меня эку страшную и хохлатую хотите?; Меня Вовочка посадит, дак только мотоцикл **сгыркат** – уедем; Часы-то у меня что-то **боркать** стали громко; Куплю баллон, **нафукаю, попышкаю, мух и не станет***);

3) ЗВУКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗВУКОВЫХ УСТРОЙСТВ: *храбастеть* (*Радио седни че-то храбастит, заякивается, попустилося и говорить совсем*);

4) ЗВУКИ РАБОТАЮЩИХ МЕХАНИЗМОВ: ономатопы *гыркать, рёпать, ургать, пукалка* (трактор), *тужок* (*Самолет здесь был одинова, я сыздале смотрела: стал садиться-садиться, заургал – народ сбежался; Витьки-то машина застряла, уркат и уркат; Трактор рёнаёт стоит; Мужик-то мой на пукалке дрова возит; Дочь-то от Москвы до Перми на тужке целые сутки ехала*).

ЗИ гиперлексема ЗВУК РАБОТАЮЩЕГО МЕХАНИЗМА представлена фонетическими вариантами: (GUTT+)VOC+R+GUTT *гыркать, ургать*; и ФС синонимами R+VOC+PLOS: *рёпать*; PLOS+VOC+PLOS *пукалка*. В качестве ЗИ доминанты, по-видимому, можно выделить вибрант, который передает громкость звучания.

Среди звуков механизмов носителем традиционной культуры выделяются звуки выстрелов (удары), грохот, звуки интенсивного выдувания, щелчки, тарыхтение. Об относительно позднем появлении данной сферы звуковой реальности говорит то, что для изображения звуков предметов (*Парень посадит двух девок в колени, дак только поургивают санки-те*) используются единицы, функционирующие в других сферах звучания:

1) антропофоносфера (*Нина-то бы жила, так было бы с кем поургать. А то ведь с котёнком не поургашь*),

2) зоофоносфера (*Глухари ещё токо ургать зачали, он уже стрелил и спугнул их*). Ср. звукоподражание *уркать*, зафиксированное в этимологическом словаре М. Фасмера в значении «ворчать, бурчать», *урчать* – в знач. «кричать (о кунице или горностае)».

В фоносемантическом поле «ТЕХНОФОНОСФЕРА» выделяются (рис. 26) субполя «звуки сложных предметов, механизмов, устройств» (30 %) и «звуки простых предметов» (70 %).

Рис. 26

Звуки простейших устройств (ткацкий станок, ворота, мутовка) распознаются больше по сравнению со звуками сложных устройств и механизмов (фотоаппарат, ружье, самолет, трактор, пароход). Деревенский быт не включает большого количества различных механизмов и взаимодействия с ними.

Обыденное сознание отмечает ежедневные звуки бытового характера, которые сопровождают человека постоянно. Среди звуков механизмов носителем традиционной культуры выделяются звуки выстрелов (удары), грохот, звуки интенсивного выдувания, щелчки, тарыхтение.

Нередко единицы технофоносферы восходят к звукам, которые

1) воспринимаются носителями традиционной культуры как «неприятные» (*гыркать* «ворчать, жужжать», *Я им дело рассказываю, а они гыркают* (смеются) *стоят*);

2) характеризуют звук других сфер звучания как «плохой» (*Вчера Колька прямо на уроке рёйнул, и все услышали*);

3) развивают значения с оттенками «плохой», «неприятный», «мучительный»: *иргать* «скрипеть», *сгыжгать* «упасть» (*На молотилке робили – иргались всю ночь токо; Дня три гыжгался со снегом*).

Можно полагать, что «технические» звуки воспринимаются диалектоносителем как неприятные.

Незначительная численность единиц данного поля указывает на малозначимость подобных звучаний в звуковой картине мира диалектоносителя.

4.2. Фоносемантическое поле «Сигналофоносфера»

Более важную роль играют звуки сигнального характера. Данное семантическое поле включает субполя «звуки простых сигнальных устройств» и «сигналы сложных устройств».

4.2.1. Простые сигнальные устройства. ПРОСТЫЕ СИГНАЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА – всевозможные приспособления для извлечения звука-сигнала, используемого для коммуникации с людьми и животными. К таким сигналам относятся охотничьи и пастушьи звуки: *барабаниться, барабан, пискать, писк, струбить, храбаста (Пасли пастуки барабаном. Дощечка такая, чтобы головка была... Барабан повешашь и тутто **барабанишиша**. Коровы тожно идут, ревут. А привыкли. Только барабан учуют, они токо му-му; **Писк** на рябчика сам сделаешь из пера; Коров-то пасти труба была: **струбит**, они все домой; Раньше **храбаста храбастела**, лошадей-то пугали, из поля выгоняли.*

Звуки-сигналы как средство коммуникации с людьми реализуются в таких единицах как *тиньгать, стукалка (Если пожар, дак об рельсу **тиньгают**; В ночью время **стукалки** носили по деревне. Возле дома **стукнешь**, вроде, спите спокойно. Это от пожаров да от чудиков. Такая как коробка с ручкой, внутри на ремне шарик сделан).*

В качестве сигнала чаще всего выступает высокий звук, стук, гудение или звон. При этом самым распространенным сигнальным звучанием является звон, в основном звон бубенцов, колокольчиков, колоколов и др. Единиц, изображающих такой звон, отмечено много:

1) звук: *жили-жэ́ли (Коровы стоят – колокольцы-те токо **жили-жэ́ли**);*

2) издавать звук: *бриньгать, донгать, жольгать, запотенькивать, звонять, звоностить, колоколить, кудякать, пенькать, натенькивать, стенькать;*

3) источник звука: *балькун, барбуницы, боргунец, ботало, ботало, воркун, воркунец, воркунчик, галун, звончик, кокольцы, колкочи, колокол, колоколец, колоколо, колокольчи́ко, куклачи, прозвончик, треньгуньчик, шабаркун, шабаркунец, шабаркунчик, ширкунчик, шуркунец, шеркунец, шушунчик (На лошаде был **шабаркун, шабарчит, колокольцы** – два на дуге, **запотенькиват**; Семь лошадей ехали с **барбуницами**; Куклачи **брякают** – сваты подъезжают) и др.*

ЗИ гиперлексема СИГНАЛ представлена:

1. Фонетическими вариантами:

- а) **FRIC^{ЗВ.}+VOC+LAT**: *жили-жэли, жольгать*;
- б) **PLOS+R+VOC+SON**: *бриньгать, треньгунчик*;
- в) **PLOS+VOC+SON+GUTT**: *донгать, запотенькивать, пенькать, натенькивать, стенькать*;
- г) **FRIC^{ЗВ.}+FRIC^{ЗВ.}+VOC+SON**: *звонять, звоностить, звончик, прозвончик*;
- д) **GUTT+VOC+LAT+(VOC+)GUTT**: *колоколить, кокольцы, колкочи, колокол, колоколец, колоколо, колокольчицо*;
- е) **FRIC^{ЗВ.}/PLOS^{ЗВ.}+VOC+R+PLOS**: *воркунец, воркунчик, воркун, барбунцы, боргунец*;
- ж) **FRIC+(VOC+PLOS^{ЗВ.}+VOC+R+GUTT**: *шабаркун шабаркунец, шабаркунчик, ширкунчик, шуркунец, шеркунец*;
- з) **PLOS^{ЗВ.}+VOC+LAT**: *балькун, галун*.

2. ФС синонимами:

- а) **PLOS+VOC+PLOS**: *ботало*;
- б) **PLOS+VOC+PLOS**: *куклачи*;
- в) **PLOS+VOC+PLOS+VOC+PLOS**: *кудякать*;
- г) **FRIC+VOC+FRIC**: *шушунчик*.

ЗИ доминанты – вибрант, сонорный, звонкий фрикативный или звонкий взрывной имитируют звон, высокий громкий звук.

4.2.2. Сложные механизмы и устройства. Субполе «СИГНАЛЫ СЛОЖНЫХ УСТРОЙСТВ» включает звуки-сигналы различных механизмов (*Пароходы всю дорогу или дудкали, когда Кирьянова несли; Машина спипикала, мя давай отворачивать с дороги; Поезд-то как стюргал, лошади и помчались*). Диалектоносители распознают такие звуки, как гудение, продолжительное или короткое, однократное или повторяющееся.

Количество единиц, а также их характер (большая часть функционирует только в сигналофоносфере) указывает на специфичность данной сферы звучания для носителей традиционной культуры. Можно говорить о том, что звуки-сигналы – значимая область звучания, причем наиболее распространенный сигнал – звон, а сигнальное устройство – колокольчик.

В фоносемантическом поле «СИГНАЛОФОНОСФЕРА» выделяются (рис. 27) субполя «простейшие сигналы» (охотничьи и пастушьи звуки, пожарный колокол, колотушка сторожа) (18 %), «простые сигналы, граничащие с музыкальными звуками» (колокола и колокольчики) (77 %), «сигналы механизмов» (пароход, поезд, автомобиль) (5 %).

Очевидно, что наиболее значимыми являются простые сигналы, граничащие с музыкальными звуками (колокола и колокольчики), которые являются универсальным звуковым артефактом. С одной стороны, это прагматичные ботала и колокольцы для скота (чтобы не потерять), с другой – это праздничный церковный звон или колокольчики свадебного поезда.

Рис. 27

Синкретичность подобных звучаний связана с тем, что эти ономатопы встречаются в других фрагментах фоносферы: *пикать* (плакать; играть на музыкальном инструменте), *тюргать* (говорить, токовать (о тетереве), *дударь* (о болтливом и хвастливом человеке).

4.3. Фоносемантическое поле «Музыкафоносфера»

Семантическое поле «музыкафоносфера» включает три субполя: «звуки музыкальных инструментов», «звуки простейших духовых инструментов», «классическая и современная музыка».

4.3.1. Музыкальные инструменты. Субполе «ЗВУКИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ»: 1) струнных: *брянгать*, *брынгать*, *брендить* (*У его мандолинка была, дак он часто набрынгивал; Этот-то побрендит на балалайке, дак и попляшем*); 2) гармони: *жукнуть*, *пикать*, *скрипеть* (*В стары-то го-*

ды ходили с гармонью. Далеко слышно, как играет. А нынче не жукнет, не пикнет нигде; Больно уж он хорошо на гармошке пикает; Маленько скриплю на гармони-то, редко только).

ЗИ гиперлексема СТРУННЫЕ представлена фонетическими вариантами PLOS+R+SON: *брыньгать, брендить, трунькать, брунькать.*

ЗИ доминанта: удар по струне отражен взрывным, вибрация струны – вибрантом, тон – сонорным.

4.3.2. Простейшие духовые инструменты. Субполе «ЗВУКИ ПРОСТЕЙШИХ ДУХОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ»: *пикаться, пикулька, пикалка (Старик слепой был, он делал и горшочки, и пикульки из глины. Пикулька – птичка да и всё, свистит).*

ЗИ гиперлексема ДУХОВЫЕ представлена фонетическими вариантами по модели: (PLOS/SON+) VOC (+PLOS/(SON)).

ЗИ доминанта: тоновая природа звучания отражена гласным, согласные являются факультативными компонентами.

4.3.3. Классическая и современная музыка. Субполе «КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКА» (музыка, воспроизводимая инструментами): *боткаться, гыркать, стукалка-пукалка, буткотня, брюньги (Опять по радиу симфония – гыргают в одну мить, то да потому, надоело; Всякие эти стукалки-пукалки, их ведь не было раньше / Сейчас какая-то музыка: бут-бут-бут... только одна буткотня стоит – слушать нечѐ!; Как молотят – раньше так молотили).* «Сложную» музыку диалектоносители слышат как набор ударов и неприятных звуков.

В целом носителями диалектной речи распознаются звуки дребезжащих струн, высокие звуки всевозможных свистулек, различные акустические параметры звучаний гармонии. Несмотря на значимость музыкального кода для традиционной культуры, в обыденном сознании звучания музыкальных инструментов не актуализированы.

Незначительность поля «музыкофоносфера» в фоносемантической картине мира также «противоречит» значимости музыкального пространства для традиционной культуры.

По мнению А.В. Панюкова, «применительно к музыковедческому опыту коми традиционной культуры можно говорить о едином музыкально-акустическом коде, с помощью которого описывается и мир человека, и мир птиц, и мир инструментов» [Панюков 2006]. Музыковеды считают, что музыкальный инструмент со временем выделяется как самостоятельный компонент культуры из разного рода синкретических комплексов: эстетической, магической и трудовой деятельности, а также «сигнально-магически-плясово-трудовых комплексов» [Земцовский 1987: 126].

Во многих культурах музыка связана с «другим» миром, что позволяет рассматривать музыкальный код как канал связи с этим миром. Не случайно, музыкальный дар часто интерпретируется как сделка с Дьяволом [Шляхова 2012]. Источником песни часто считается внушение духов, обычно в виде сонного «видения». У нивхов в прошлом было представление об особом духе, который во время исполнения песни сидит на кончике языка певца. Поэзия без музыки долитературному периоду неизвестна [Мелетинский 1974].

«Природный компонент особенно явствен в ранне-традиционном пласте инструментальной музыки. Игра на инструменте часто воссоздает звуки природы и подражает голосам животных и птиц. Так, жители Курской области считают, что название многоствольной флейты (кугиклы) произошло от подражания крику чибиса: «кугу, кугу – вот и кугикалки» [Руднева 1975: 141].

О связи с природой свидетельствуют и названия некоторых наигрышей – «Комарья», «Утица», «Бычок», – и местные поверья, и поговорки. Так, про неумелые попытки игры на кугиках женщины часто говорят: «как лягушки в богне [болоте], так и вы граете» [Величкина 2005: 165].

Архаически игра на музыкальном инструменте тесно связана с физиологией человеческого тела. Так, русские кугиклы тесно связаны со стадиями взросления женского тела. Инструменты, будучи природными, но в то же время «очеловеченными» телами, прокладывают путь для «обуздания», упорядочивания,

превращения природной звуковой стихии в эстетическую (музыкальную) деятельность человека, маркируют переход из природного в культурное пространство [Величина 2005:173].

Несмотря на значимость музыкального кода для традиционной культуры, в обыденном сознании звучания музыкальных инструментов не актуализировано. Возможно, что прототипичность и синкретичность фоносемантической картины мира не позволяет дифференцировать музыкальный код как самостоятельный.

4.4. Фоносемантическое поле «Мифофоносфера»

Выделяется группа лексики, обозначающей звук, происхождение которого неочевидно. В данном случае в представлении носителя традиционной культуры связь между звуком и его источником нарушается или искажается. Звук в таком случае воспринимается как странный или опасный: *Под окошком чё-то состукало, потом опять тихо стало; В бане невозможно мыться. Только разденутся, и стукоток найдет по стенам.*

Данные ономатопы образуют отдельное семантическое поле «ситуативно-неуместные звуки (мифологизированные)».

Часто подобный звук интерпретируется как предвещающий ОПАСНОСТЬ (*Стали землю кидать на гроб, в могиле бень – забенькало, это не к добру*) или приписываются СУЩЕСТВАМ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА (*Хозяин рассердился да и застучал по крыше; Циркотня-циркотня – никого нету, это шишаки; Нечистой по стенам бузгат – это уж не к добру*).

Связь звука с источником – важный элемент семиотизации фоносферы, поэтому в отсутствие очевидного источника звуку приписывается магическое, потустороннее происхождение.

«Мифофоносфера» выделяется на основании звука, происхождение которого неочевидно. В фоносемантической диалектной звуковой картине мира данное поле немногочисленно (10 % всех звучаний). На наш взгляд, это обусловлено тем, что номинация языческие духов относится к незапамятным временам, следовательно, в эволюции ономатопа связь названия существа

и звукового денотата оказывается утраченной. Для восстановления этого фрагмента мира требуется дополнительный фоносемантический этимологический анализ.

Отсутствие души и тела у нечистой силы предопределяет неактуальность артикуляторной ономотопеи для фоносемантического поля «Мифофоносфера». Косвенно незначимость физиологической оболочки человека для нечистой силы обнаруживается в мифе о постоянном стремлении дьявола купить именно душу человека, при этом телу предлагается обычное существование до естественного физиологического конца.

Данная звукофера хорошо описана в этнолингвистических исследованиях. В фольклоре связь потустороннего и звука выражена явно.

Значимость звука в народной культуре связана и с практикой звуковых гаданий и примет. Функция гадания по звукам – установление контакта с потусторонними силами с целью получения информации о будущем [Виноградова 1999: 311].

А прикамских гаданиях значимыми звуками являются лай собак, скрип досок, стук, звон колокольчиков, пение и пр. Наиболее активно для слушания использовали места, традиционно связываемые с нечистой силой (овин, баню, амбар, конюшню). Гадание и начиналось с обращения к потусторонней силе или среде, с ней связанной, с установления с ней контакта. Гадающему было важно «перейти» в иномир, который и понимался как воплощение всех возможных в будущем ситуаций. Так, шли «слушаться» к нежилому дому – если казалось, что *доски скрипели*, к смерти; в баню – услышишь *звон колокольчиков* – свадьба скоро; к гумну: если слышалось, что *зерно пересыпают* – к богатству или к скорому замужеству; к овину или к церкви: если слышали пение – выйти замуж, а если услышат *стук* («*гвозди забивают*») – к смерти. [Подюков 2001].

Л.Н. Виноградова говорит о «звуковом портрете нечистой силы», который создает возможность «идентификации мифических существ, внешний облик которых принципиально невидим

или плохо различим в темноте», с целью «корректировки поведения человека при встрече с духами (прежде всего в интересах его самозащиты)» [Виноградова 1999: 197–198].

4.5. Ядро и периферия социофоносферы

Общее количество единиц, зафиксированных в поле «социофоносфера», – 203, которые образуют четыре фоносемантические поля: *технофоносфера*, *музыкафоносфера*, *сигналофоносфера*, *мифофоносфера*. Количественный состав фоносемантических полей социофоносферы представлен на рис. 28.

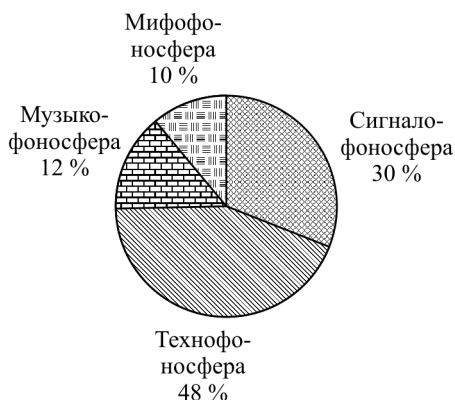

Рис. 28

Данные показывают, что технофоносфера (48 %) и сигналофоносфера (30 %) в точки зрения звука более значимы для носителя традиционной культуры, чем музыкафоносфера (12 %) и мифофоносфера (10 %).

Можно говорить о том, что звуки-сигналы – значимая область звучания, причем наиболее распространенный сигнал – звон, а сигнальное устройство – колокольчик. Общее соотношение распознаваемых диалектоносителями звуков социофоносферы выглядит следующим образом (табл. 13).

В целом можно говорить о том, что ядро семантического поля «социофоносфера» составляют звуки простых предметов

и простые сигналы, граничащие с музыкальными звуками; на периферии семантического поля оказываются простые сигналы и сигналы механизмов.

Таблица 13

Субполе	Кол-во ед.	%	Ранг
Звуки простых предметов	68	34	I
Простые сигналы, граничащие с музыкальными звуками	46	24	II
Звуки сложных механизмов, устройств	29	14	III
Музыкальные звуки	25	12	IV
Мифологические звуки	21	10	V
Простые сигналы	11	5	VI
Сигналы механизмов	3	1	VII
ВСЕГО	203		

Графически ядро и периферию звучаний социофоносферы можно представить следующим образом (рис. 29):

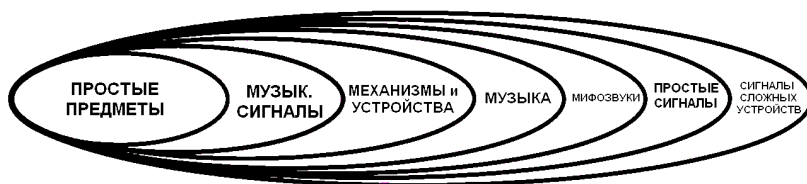

Рис. 29

Можно говорить о том, что для диалектоносителя наиболее значимыми оказываются звуки простых предметов и простые сигналы, граничащие с музыкальными звуками. Музыкальные звуки и звуки сложных механизмов отмечаются в равной степени.

5. Ядро и периферия фоносемантической диалектной звуковой картины мира

Анализ показал, что фоносфера пермских говоров представлена тремя базовыми сферами (рис. 30):

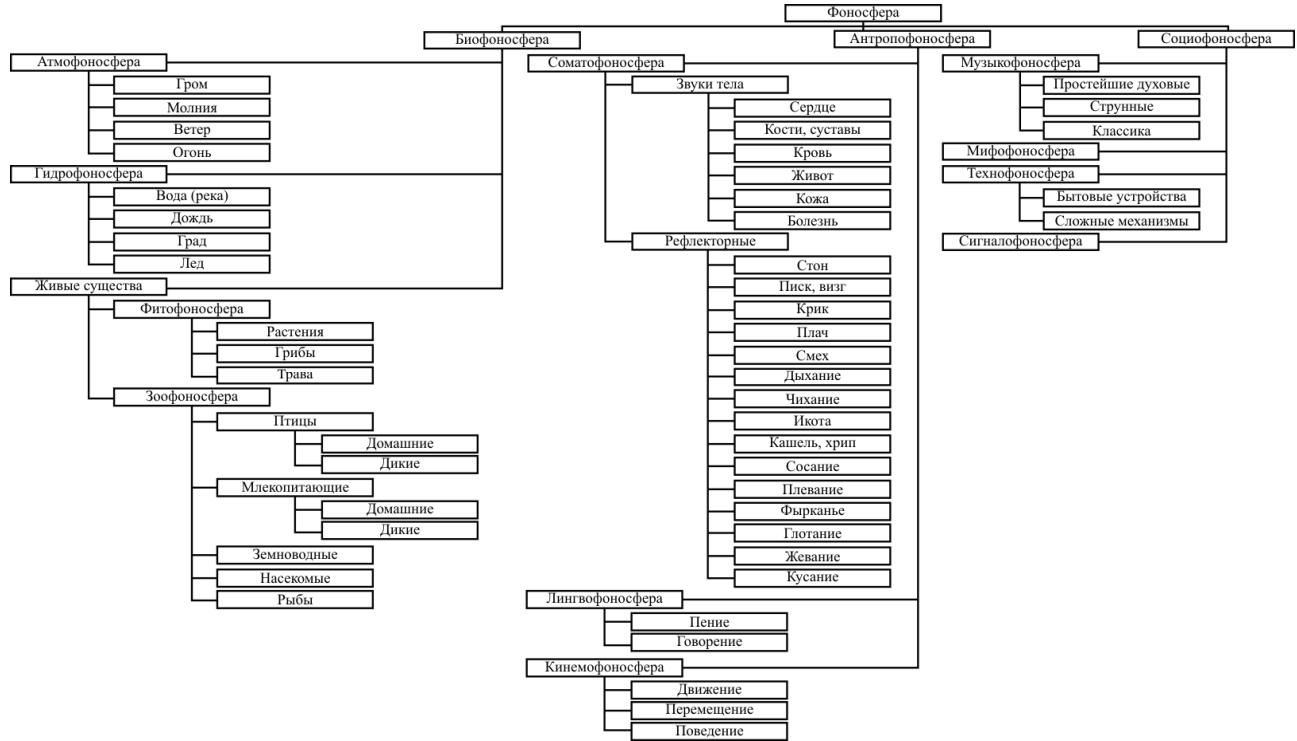

Рис. 30

1) биофоносфера тремя фоносемантическими полями: *Атмофоносфера*, *Гидрофоносфера*, *Живые организмы* (с субполями *Фитофоносфера* и *Зоофоносфера*);

2) антропофоносфера тремя фоносемантическими полями: *Соматофоносфера* (с субполями *Звуки тела* и *Рефлекторные звуки*),

Лингвофоносфера (с субполями *Голосоведение* и *Говорение*), *Кинемофоносфера* (с субполями *Звуки движения*, *Звуки перемещения в пространстве*, *Звуки коммуникации и поведения человека*);

3) социофоносфера четырьмя фоносемантическими полями: *Технофоносфера* (с субполями *Звуки простых бытовых предметов*, *Звуки сложных механизмов и устройств*), *Сигналофоносфера* (с субполями *Звуки простых сигнальных устройств*, *Сигналы сложных устройств*), *Музыкафоносфера* (с субполями *Звуки струнных музыкальных инструментов*, *Звуки простейших духовых инструментов*, *Классическая и современная музыка*), *Мифофоносфера*.

Полевая модель (ядро, околядренная зона и периферия) фоносемантической диалектной звуковой картины мира в целом представлена на рис. 31.

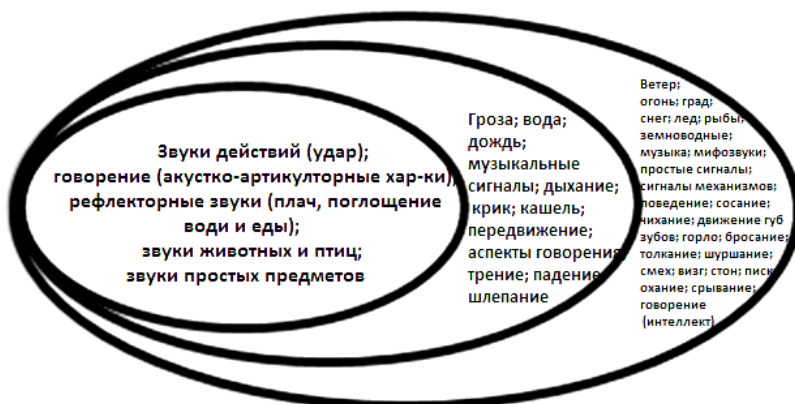

Рис. 31

В ядро фоносемантической диалектной звуковой картины мира входят звуки ударной природы (элементарные трудовые действия и простейшие приспособления), коммуникативные качества речи, звуки физиологической жизни человека (питание, питье, рефлекторные звуки) и звуки животных и птиц.

Это картина мира человека, который обеспечивает себе элементарное выживание в природном окружении.

6. Звуковые лакуны и звуковые доминанты в фоносемантической диалектной звуковой картине мира

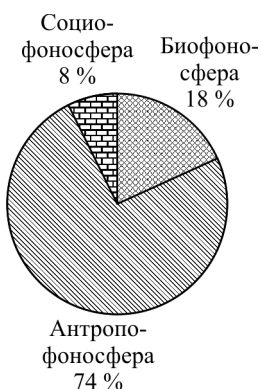

Рис. 32

Количество единиц, составляющих фоносемантическую звуковую картину мира диалектоносителя, неравномерно (рис. 32): биофоносфера (18 %), антропофоносфера (74 %), социофоносфера (8 %).

Представленное соотношение наглядно демонстрирует факт того, что звуковая картина мира носителя традиционной культуры антропоцентрична. При этом человек в большей степени ориентируется на природные звучания,

нежели на звучания социального характера, что говорит о большей близости человека традиционной культуры к естественным сферам жизни, нежели к искусственным, созданным им сами.

По данным экспериментов, наиболее узнаваемыми (47 %) оказываются звукоподражания, которые обозначают звуки, производимые человеком. В группе звучаний живой природы средний показатель идентификации составил 40 %, а в группе звуков неживой природы и артефактов – 30 %.

«Звукоподражания последней тематической группы оказываются сложными для восприятия по причине относительной абстрактности природных звучаний, кроме того, непосредствен-

но сами ономатопы часто оказываются многозначными, что затеняет их фоносемантическое значение» [Панькина 2009: 19]. Эти данные подтверждают наши выводы.

Гипотетически представленная «сельская» модель фоносферы (см. рис. 8) находит подтверждение в диалектном материале.

Можно говорить о том, что «деревенский» человек в большей степени вписывается в окружающую среду, нежели воздействует на нее, пересоздает ее. В то же время преобладание единиц антропофоносферы над остальными полями показывает, что диалектоноситель все же не до конца органичен с биосферой и не является абсолютное ее частью, так как концентрирует свое внимание не на внешнем звучании, а на самом себе (табл. 14, рис. 33).

Т а б л и ц а 1 4

Сфера звучания	Кол-во ед.	%	Ранг
Кинемофоносфера	865	31	I
Лингвофоносфера	552	21	II
Зоофоносфера	416	16	III
Технофоносфера	97	4	IV-V
Соматофоносфера	70	3	IV-V
Голосоведение	78	3	IV-V
Сигналофоносфера	60	2	
Гидрофоносфера	39	1	
Атмофоносфера	33	1	
Музыкафоносфера	25	1	
Мифофоносфера	21	1	
Литофоносфера	2	Менее 0,1	
ВСЕГО	2674		

Количественный анализ показывает, что наиболее значимы (в порядке убывания) *кинемофоносфера*, *лингвофоносфера*, *рефлекторные звуки (соматофоносфера)*, *зоофоносфера*.

В каждой из этих сфер звучания наиболее пристальное внимание (доминанты звучания) привлекают звучания «прагматического» характера:

1) *кинемофоносфера* – удар (прагматика быта: технология и устройство комфортности жизни; прагматика жизни: безопасность и здоровья);

2) *лингвофоносфера* – говорение с точки зрения содержания и артикуляторно-акустических характеристик (прагматика коммуникации);

3) рефлкторные звуки (*соматофоносфера*) – плач, крик (прагматика тела: здоровье, смерть);

4) *зоофоносфера* – звуки, издаваемые животными и птицами (прагматика освоения природы: преимущественное внимание к домашним животным и птицам).

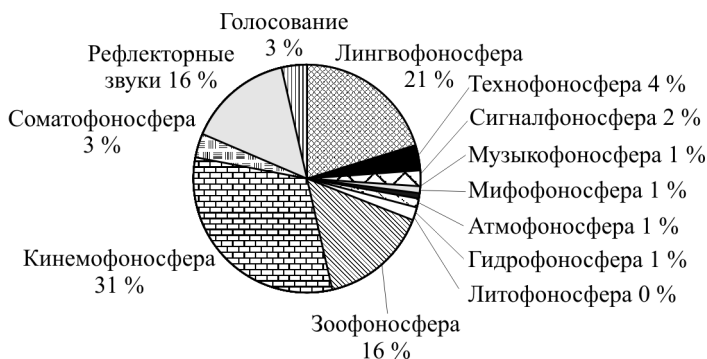

Рис. 33

На периферии, таким образом, оказываются звуки, которые менее всего представлены в фоносемантической диалектной звуковой картине мира: *литофоносфера*, *атмофоносфера*, *ихтиофоносфера*, *соматофоносфера* и *голосоведение*, а также практически все звуки *социофоносферы* (см. рис. 33).

Фоносемантическая звуковая картина мира диалектоносителя ориентируется на биосферу и антропосферу, причем на те области, в которых человек способен к активным действиям. Те сферы, которые «неподвластны человеку», выражены незначительно.

На основании выявленных ядерных и периферийных областей можно сделать вывод о наиболее активных и лакунарных зонах звучания в фоносемантической диалектной звуковой картине мира.

Звуковыми доминантами (представлены наибольшим количеством репрезентантов) биофоносферы являются:

1) отдельные зоны зоофоносферы: *териофоносфера* (млекопитающие) и *орнитофоносфера* (птицы);

2) отдельные зоны антропофоносферы (*соматофоносфера*): *опорно-двигательная*, *пищеварительная* (звуки ротовой полости, языка, пищевода, желудка, толстой и тонкой кишки) и *дыхательная* (звуки носа, глотки, гортани, легких, бронхов) система человеческого тела.

Относительно активными являются:

1) *атмофоносфера* (звуки осадков, движения воздуха);

2) некоторые области зоофоносферы: *энтомофоносфера* (звучания насекомых), *герпетофоносфера* (земноводные);

3) некоторые области фитофоносферы: *флорофоносфера* (звучания растений), *микофоносфера* (звучания грибов);

4) некоторые области антропофоносферы: *остеофоносфера* (кости), *мочевыделительная* и *сердечнососудистая* (звуки сердца) сферы;

5) некоторые области социофоносферы: *технофоносфера*, *мифофоносфера*.

Приближенными к лакуарности (представлены 1–2 единицами) являются:

1) *литофоносфера*;

2) отдельные зоны гидрофоносферы: *потамофоносфера* (звуки рек) и *гляциофоносфера* (звуки льда и ледников);

3) отдельные зоны зоофоносферы: *ихтиофоносфера* (рыбы);

4) отдельные зоны антропофоносферы (*соматофоносфера*): *ангиофоносфера* (кровь и кровообращение);

5) отдельные зоны социофоносферы: *музыкафоносфера*.

Звуковыми лакунами являются следующие области:

1) отдельные зоны гидросферы: *океанофоносфера* (звуки моря и океана), *лимнофоносфера* (звуки озер), *болотофоносфера* (звуки болот);

2) отдельные зоны зоофоносферы: *гельминтофоносфера* и *нематофоносфера* (черви), *арахнофоносфера* (пауки), *акарофоносфера* (клещи), *карцинофоносфера* (ракообразные), *мирмекофоносфера* (муравьи);

3) отдельные зоны фитофоносферы: *альгофоносфера* (водоросли), *лихенофоносфера* (лишайники), *бриофоносфера* (мхи), *дендрофоносфера* (деревья);

4) отдельные зоны антропофоносферы: *миофоносфера* (мышцы), *спланхнофоносфера* (внутренние органы): репродуктивная сфера.

Причины звуковой лакуарности, на наш взгляд, заключаются в следующем:

1) отсутствие звукового объекта на данной территории: *океанофоносфера*;

2) акустическая невыраженность того или иного звукового объекта, что, впрочем, не исключает возможности их звуковой квалификации (ср. например, «звуковые» названия грибов – *скрипун*, *пукалка*): *гельминтофоносфера* и *нематофоносфера* (черви), *арахнофоносфера* (пауки), *акарофоносфера* (клещи), *карцинофоносфера* (ракообразные), *мирмекофоносфера* (муравьи); *альгофоносфера* (водоросли), *лихенофоносфера* (лишайники), *бриофоносфера* (мхи); *ихтиофоносфера* (рыбы); *миофоносфера* (мышцы), *спланхнофоносфера* (внутренние органы);

3) отсутствие практической значимости звукового объекта или ее незначительность для носителя традиционной культуры: *гельминтофоносфера* и *нематофоносфера* (черви), *арахнофоносфера* (пауки), *акарофоносфера* (клещи), *карцинофоносфера* (ракообразные), *мирмекофоносфера* (муравьи); *альгофоносфера* (водоросли), *лихенофоносфера* (лишайники), *бриофоносфера* (мхи); *музыкафоносфера*;

4) безопасность отдельных объектов биофоносферы для человека: *гельминтофоносфера* и *нематофоносфера* (черви), *арахнофоносфера* (пауки), *акарофоносфера* (клещи), *карцинофоносфера* (ракообразные), *мирмекофоносфера* (муравьи);

5) опасность отдельных звуковых объектов для человека: *миофоносфера*;

6) общекультурная табуированность на определенные сферы жизнедеятельности (репродуктивная сфера) и культуры (*миофоносфера*).

Таким образом, несмотря на достаточно обширную сферу звучаний, отмечаемой носителями традиционной культуры, фоносфера, эксплицированная в фоносемантической диалектной звуковой картине мира, носит фрагментарный характер, несмотря на свою целостность.

7. Звукоизобразительные доминанты и продуктивные модели

7.1. Звукоизобразительные доминанты

В связи с тем, что в результате фоносемантического анализа нам удалось выявить звукоизобразительные доминанты, характерные для той или иной сферы звучания, представляется возможным обобщить полученные данные.

Взрывной звук (глухой и звонкий) в качестве ЗИ доминанты выступает в таких ЗИ гиперлексемах, как *гроза, вода, дождь, град, лед, растения, лошадь, сердце, кости, кожа, невнятное, быстрое, агрессивное говорение, передвижение, бросание и выстрел* – всего в нашем материале 16 гиперлексем, функционирующих во всех фоносферах.

ЗИ доминанта **взрывной звонкий** встречается в таких ЗИ гиперлексемах, как *заяц, крик, плач, смех, глотание, сигнал-звон, струнные инструменты* (всего 7 ЗИ гиперлексем), а **взрывной глухой** – *вода, испражнения, домашние птицы* (3).

Не менее продуктивным оказывается **вибрант**, который является звуковой доминантой в 20 ЗИ гиперлексемах в нашем материале: *гроза, огонь, вода, звуки, издаваемые свиньей, лошадью, звук испражнений, крик, плач, смех, разгрызание, невнятное, громкое, быстрое, агрессивное говорение, говорение в сочетании с плачем и криком, работающий механизм, сигнал-звон, струнные инструменты*. Вибрант в качестве ЗИ доминанты

имитирует повышенную громкость звучания, диссонанс, и также фигурирует во всех фоносферах.

Фрикативный как ЗИ доминанта встречается в гиперлексемах: *дождь, лед, плеск, передвижение при помощи ног, звуки, издаваемые свиньей, лошадью* (7); **фрикативный глухой**: *ветер, огонь, град, голос медведя, кости, кожа, дыхание, сосание, трение, шуршание* (10). **Звонкий фрикативный** в качестве доминанты выступает только в ЗИ гиперлексемах *огонь*. Так, фрикативный вообще имитирует удар, а глухой фрикативный – трение, хруст. Функционируют данные доминанты, главным образом, в био- и антропофоносферах.

Заднеязычный является ЗИ доминантой в таких гиперлексемах, как *голос кошки, икота, кашель, охание, крик, плач, смех, дыхание, питье* (9 гиперлексем), которые объединяет рефлексорный характер звучания.

Аффриката как ЗИ доминанта встречается только в 5 ЗИ гиперлексемах: *гроза, чихание, сосание, жевание, питье*. Так что можно предположить, аффриката в большей степени характерна для антропофоносферы и часто имитируют различные артикуляторные движения. Аффриката как ЗИ доминанта *грозы* имитирует удар.

Сонорный используется как ЗИ доминанта только в тех гиперлексемах, которые воспроизводят тоновое звучание: *голос козы, овцы, коровы, стон, плач, быстрое говорение, струнные инструменты* (5 ЗИ гиперлексем).

Гласный, наряду с сонорным, также воспроизводит тоновые звучания, такие как *голоса птиц, голос собаки, кошки, крик, плач, смех, громкое говорение* (7 ЗИ гиперлексем).

Латеральный выступает, прежде всего, как имитатор звучаний воды: *дождь, град, питье, плеск* (4 ЗИ гиперлексем).

Таким образом, можно говорить о том, наиболее продуктивными оказываются **взрывные** и **вибрант** в качестве ЗИ доминант (рис. 34). Косвенно это доказывает преобладание в фоносемантической звуковой картине мира ономатопопов «ударно-

го» происхождения и еще раз показывает, что удар – базовое звучание, которое, по-видимому, является первичным по отношению к остальным звучаниям.

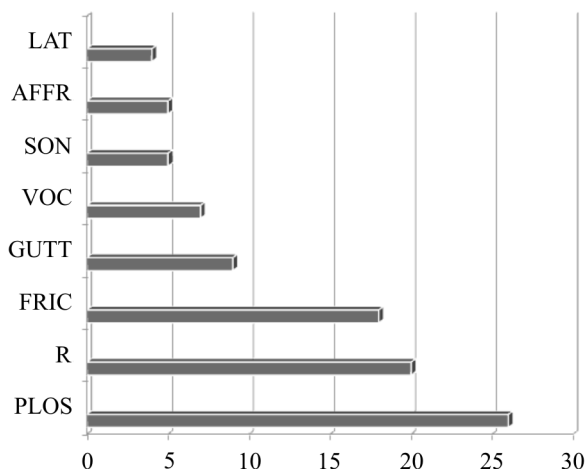

Рис. 34

Фрикативный, в свою очередь, показывает универсальность. Так, спектр имитируемых звучаний включает разного рода удары, а специфичной для **глухого фрикативного** будет функция воспроизведения шума (трения, дыхания и пр.).

Наш материал показывает, что за **заднеязычным, аффрикатой, сонорным и латеральным** ЗИ доминантами закреплены вполне определенные специфичные функции: голосовые рефлекторные звучания (заднеязычный), имитация артикуляторных движений речевого аппарата (аффриката), тонового звучания (сонорный) и воды (латеральный).

7.2. Продуктивные модели

Кроме выводов об общих и специфических функциях ЗИ доминант наш материал позволяет выявить и наиболее продуктивные ономатопозитические модели.

Модель **PLOS+VOC+PLOS** реализуется в 13 фонетических вариантах и 4 фоносемантических синонимах. Данная модель представляет собой реализацию ономотопа удара и фигурирует в таких гиперлексемах, как *гроза, вода, растение, домашние и дикие птицы и животные, сердце, рефлекторные звучания, говорение, удар, передвижение, падение и т.д.* Данная модель является наиболее продуктивной, что объясняется ее универсальным характером: подобная каноническая модель фигурирует также в английском, башкирском, индонезийском языках [Воронин 2006: 47].

Модель **PLOS+VOC+R** фигурирует в 12 гиперлексемах в качестве фонетических вариантов (*гроза, звук испражнения, плач, невнятное, громкое, быстрое, агрессивное говорение, речь с плачем, удар, толкание, падение и др.*) и 3 фоносемантических синонимов и имитирует звук, содержащий, наряду с диссонансом, тоновый неудар. Обычно это громкий, часто неприятный звук. Данная модель также является продуктивной и универсальной.

Регулярными также являются такие можели, как:

PLOS+VOC+FRIC (фонетические варианты: *огонь, дождь, плач, удар, плеск, бросание, выстрел* (7); и ФС синонимы: *гроза, речь с плачем*), которая обозначает удар с последующим чисто шумовым неударом. Данная модель также является канонической для английского, башкирского и индонезийского языков [Воронин 2006: 61] и может быть признана универсальной.

FRIC+VOC+FRIC (фонетические варианты: *насекомые, визг, сосание, питье, невнятное говорение, толкание* (6); и ФС синонимы: *ветер, земля, дыхание, передвижение, сигнал-звон*), которая обозначает чистый шум (в нашем материале как с тоновым звучанием, так и без). Данная модель также носит универсальный характер [Воронин 2006: 52].

FRIC+VOC+R (фонетические варианты (7): *ветер, дыхание, пение, невнятное говорение, удар, трение, передвижение*; и ФС синонимы: *растение*), которая обозначает чистый диссо-

нанс с элементами чисто шумового неударного и передает интенсивность относительно негромкого звучания. Также является канонической для нескольких языков [Воронин 2006: 57].

Помимо названных моделей частотным является редупликация фрикативных в начале **FRIC+FRIC+...** (*гроза, ветер, стон, трение, шуршание, передвижение, толкание, бросание, сигнал*), которая передает шум различной громкости.

В соответствии с выявленными моделями человеческое ухо в первую очередь слышит звуки ударной и шумовой (диссонанс) природы. Кроме того, полученные данные коррелируют с данными по другим языкам, что свидетельствует об универсальном характере базовых ономапов и, соответственно, об универсалиях человеческого восприятия.

8. Фоносемантическая звуковая картина мира: уточнение понятия

Проделанный анализ материала позволяет уточнить и конкретизировать понятие *фоносемантическая звуковая картина мира*, которая отличается от диалектной звуковой картины мира в целом. Помимо выделенных ранее свойств диалектной звуковой картины мира (глава I) фоносемантическая звуковая картина мира отличается следующими дифференцирующими системообразующими характеристиками:

1. Внешней средой (основой) фоносемантической звуковой картины мира является *фоносфера*, которая обуславливает ее состав и структуру. Фоносемантическая звуковая картина мира формируется на основе источников звучания фоносферы.

2. Внутренней средой (языковой базой) фоносемантической звуковой картины мира является *звукоподражательная подсистема* ЗИС языка, эксплицируемая ономапией. Базой звукоподражательной подсистемы ЗИС языка являются фоносемантические маргиналии (первичные, первообразные звукоподражания), которые понимаются как протосемиотический знак, подвергаемый культурно-языковой семиотизации.

3. Экспликация фоносемантической звуковой картины мира осуществляется за счет трех основных групп *ономатопов*: акустические и артикуляторные, ономатопы говорения. «Фундаментом» фоносемантической звуковой картины мира являются акустические ономатопы удара.

4. Системное свойство фоносемантической звуковой картины мира – *иконичность*, обусловленная иконичностью базовых эксплицирующих единиц (ономатопей). Если диалектная картина мира тяготеет к иконичности, то фоносемантической звуковая картина обладает этим свойством в полной мере, т.е. безусловно иконична.

5. *Свойствами ономатопеи*, которая обуславливает иконичность фоносемантической звуковой картины мира, являются:

1) примарная (фонетическая) мотивированность, иконизм, произвольность знака (связь между языковым выражением и внеязыковыми факторами, положенными в основу номинации);

2) экспрессивность;

3) образность семантики (архетипичность, синкретизм);

4) конкретность семантики (гипервариативность, хронотоп «здесь-и-сейчас»);

5) фонетическая, морфологическая и семантическая гипервариативность.

Базовые свойства ономатопеи совпадают с основными свойствами не только диалектной звуковой картины мира, но и диалектной картины мира в целом, что указывает на архаичность этой картины мира и этих единиц, тяготеющих к иконичности. Следовательно, именно диалектный материал ономатопеи дает исследователю возможности более глубокого проникновения в сущность звуковой картины мира, эксплицированной в языке.

6. Фоносемантическая звуковая картина мира представлена в языке *фоносемантическими полями*, которые формируются на основе звукоизобразительной гиперлексемы.

7. *Звукоизобразительная гиперлексема* – семантизированная модель (инвариант), которая является совокупностью фоносемантических реализаций одного и того же фоносемантического

задания, реализующегося через ряды фонетических вариантов и фоносемантических синонимов.

Под вариантами фоносемантических реализаций понимаются слова, которые воспринимаются говорящими как соответствующие одному и тому же денотату (удар, звон, треск, смех и пр.) и отличающиеся друг от друга на одну или две фонемы. Если варьирующие фонемы принадлежат к одному фонотипу, то речь идет о фонетических вариантах одной лексемы, а если к разным, то – о фоносемантической синонимии. Различные типы фонетических вариантов являются ФС синонимами.

8. Фоносемантическая диалектная звуковая картина мира пермских говоров представлена тремя основными звуковыми сферами – биофоносфера, антропофоносфера, социофоносфера, которые формируют 11 фоносемантических полей.

9. *Этноцентричность* фоносемантической звуковой картины мира отражается в системности и специфике ЗИС различных языков, указывая на характер категоризации звукового пространства этносами или отдельными локальными группами. Соотношение сфер звучания в фоносемантической звуковой картине мира будет напрямую зависеть от внелингвистических факторов (характера звуковой среды, фоносферы). Специфика фоносемантической звуковой картины мира локальных групп проявляется в *звуковых лакунах* и *звуковых доминантах* конкретной звуковой картины мира.

10. Необходимый уровень *системности (целостности)* фоносемантической звуковой картины мира выражается:

1) наличием четкой структуры данной системы (части звукоферы, соответствующие источникам звучаний, эмпирически вычленимы и дифференцированы), данная структура соотносится со структурой фоносферы;

2) фоносемантической звуковой картиной мира, которая является иерархической структурой, состоящей из больших и меньших по объему фоносемантических полей, которые, являясь составными частями системы, образуют одно целое;

3) характером взаимосвязи между элементами: элементы данной системы взаимосвязаны: между фрагментами фоносемантической звуковой картины мира существуют переходные группы, которые, являясь нестатичными, развивающимися образованиями, пополняют те или иные фрагменты звуковой картины мира за счет семантических переходов, совершающихся из одной сферы в другую;

4) данная система является целенаправленной, так как «обслуживает» один из ведущих каналов восприятия человека – слуховой, и обеспечивает возможность расчленения и систематизации фоносферы человеком посредством ее экспликации в фоносемантическую звуковую картину миру. Единый звуковой континуум, представляющий собой шум, эксплицируясь в языке, начинается расчленяться и дифференцироваться, т.е. происходит систематизация внешнего по отношению к человеку мира через его экспликацию в языке. Экспликация в языке предполагает определение основных свойств данного звучания, за которым закрепляется его функция (так, поле мифофоносфера возникает вследствие нарушения естественного механизма взаимосвязи «источник–звук»).

11. Фоносемантическая звуковая картина мира характеризуется *антропоцентризмом, антропометризмом, антропоморфностью*:

1) антропоцентризм выражается в преобладании звучаний антропофоносферы над всеми другими сферами звукофоносферы;

2) антропометризм проявляется в том, что все элементы фоносемантической звуковой картины мира ориентируются на человека. В то же время элементы антропофоносферы нередко интерпретируются через оноματοпы, восходящие к звукам биофоносферы, что указывает на синкретизм мышления;

3) антропоморфность проявляется в том, что объекты фито- и зоофоносферы наделяются свойствами человека, нередко речью.

12. *Консерватизм* фоносемантической звуковой картины мира связан с неприятием новых звучаний: слабая развитость технофоносферы; современная музыка оценивается резко негативно (*сту-*

калка-пукалка). На консерватизм указывает также слабая дифференцированность музыкального и мифологического пространства, что косвенно отражает синкретизм древнего мышления.

13. Фоносемантическая звуковая картина мира характеризуется *парцеллированием объектов познания, детализированностью*. Некоторые фрагменты предельно детализированы: отмечено 252 ономатопа удара, большая часть которых восходят к разным параметрам звука-эталона. При характеристике особенностей речи человека учитывается более 8 параметров («артикуляторные особенности говорения», «акустические особенности говорения», «интеллектуальным способностям говорящего», «качество производимой информации», «содержание говорения», «качество информации», «наличие эмоционального компонента», «наличие рефлекторных звуков» и др.).

14. Фоносемантическая звуковая картина мира характеризуется *наглядно-образным и «вещным» восприятием концептов*. Смерть осмысливается как следствие нанесение человеку удара (*приторкать, прихлопнуть*) или как отсутствие дыхания (*выздохнуть*). Состояние сна характеризуется только в том случае, если у спящего наблюдаются отклонения в дыхании во время сна, т.е. процесс сна осмысливается через храп: *схрапать*.

15. Свойства 13–14 порождают *второстепенную роль абстрактного*. Абстрактные единицы становятся частью фоносемантической звуковой картины мира в том случае, если абстрактное значение развилось у ономатопа: *скрипать* (тяжело жить), *царапаться* (тяжело работать). Таких единиц выявлено сравнительно немного: единицы, характеризующие понятия жизни и смерти через ономатопы, процесс и разные характеристики работы и др.

16. Фоносемантическая звуковая картина мира характеризуется своеобразным *«пессимизмом»*. Наиболее выраженной является отрицательная оценочность. Так, ономатопы говорения преимущественно характеризуют недостатки говорения (артикуляторные, акустические, содержательные, эмоциональные и пр.), в артикуляторной ономатопис преобладают номинации плача (по сравнению со смехом).

17. Для фоносемантической диалектной звуковой картины мира характерен *прагматизм*. Звуковое пространство мира осмысливается диалектоносителем исключительно сквозь призму прагматики, необходимости и важности для жизнедеятельности человека, что наиболее явно проявляется в звуковых доминантах и звуковых лакунах диалектной звуковой картины мира. Это свойство отличает фоносемантическую диалектную звуковую картину мира от диалектной картины мира как таковой.

Фоносемантическая диалектная звуковая картина мира оказывается созвучной русской этнической картине мира лишь в том, что в центре ее находится человек. Фоносемантическая диалектная звуковая картина мира оказывается значительно «беднее» картины мира носителя традиционной культуры, которая ориентируется на человека «духовного», стремящегося подавить человека «физиологического» (табл. 15).

Т а б л и ц а 1 5

Фоносемантическая картина мира	Русская языковая картина мира
Антропоцентричность, антропометризм, антропоморфность	
Человек – центральный элемент концептосферы	
«Внешний» человек (тело, действие, безопасность и здоровье): человек делающий, говорящий, практический, физиологический	«Внутренний» человек (душа, оценка результатов действия, совесть, судьба, справедливость): человек думающий, поющий, креативный, духовный
Природность, естественность	Социальность, моральность, эмоциональность, нравственность
Физиологичность.	Духовность.
Телесность > телесность	Телесность > духовность > телесность
Прагматизм, утилитарность	Универсальность
Иконизм	Иконизм > Символизм > Иконизм
«Ближайше-нужная вещьность»	Устремленность к «космическому»

«Признание в человеке двух противоположных начал, внешнего и внутреннего (тела и души), осознанное еще в Древней Руси, повлекло за собой рассуждения об их гармонии или дисгармонии, согласии или противоборстве. Особенно ярко тема единства и борьбы противоположных сущностей человека

представлена в русской паремиологии и художественном творчестве. Душа и тело в русских пословицах находятся в отношениях противостояния, активной борьбы, в которой одна из сторон может терпеть поражение: *Душа прохладу любит, а плоть – пар; Душа телу спорница; Плоть душе ворог; Душе с телом мука; Грешное тело и душу съело* [Никитина 2004: 281].

Концептосфера «человек» занимает центральное место в языковой картине мира (Н.В. Землякова, Л.Б. Никитина, О.В. Покровская, Н.Д. Федяева и др.), что обуславливает ее антропоцентричность, антропоморфизм и антропометризм. Это характерно и для фоносемантической звуковой картины мира.

Однако фоносемантическая звуковая картина мира, на первый взгляд, не отражает константы русского языкового сознания, которому присущи противоречивость, устремленность к идеалу и осознание его недостижимости, повышенное внимание к внутреннему миру человека, тенденция к крайностям, эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни и недостаточности логического и рационального подхода к ней, тенденция к «морализаторству», «предпочтение «неба» «земле», тенденция к пассивности или даже фатализму, ощущение неподконтрольности жизни человеческим усилиям. Для русского языкового сознания человек – существо сложное, неоднозначное; в нем живут в согласии и борьбе внешние и внутренние силы, телесное и духовное [Шмелев 1997; Никитина 2004].

«Фоносемантический» человек практический, делающий, «вещный», «телесный», физиологический, прагматичный, утилитарный: он актуализирует звуки тела и вещного мира, звучания полезного домашнего и лесного пространства.

Но «бессмертие человека в том, что больше его «природной» сути, – в мысли, вере, знании, самопознании, творчестве, свободе. Оно и в способности к преодолению зоны «ближайше-нужного», к отказу от пользы и выгоды, к отречению от благ и удобств, сулимых вещами и «вещным» уровнем. Поэтому масштаб человека нередко определяют его «удаленностью» от мира вещей или, по крайней мере, готовностью к ней» [Топоров 1993: 91].

«Удаленность» от мира вещей очевидна в ключевых концептах русской культуры и языковой картины мира – *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость, обида, попрек, собираться, добираться, постараться, сложилось, довелось, заодно* и др. [Зализняк 2005], которые лишь косвенно находят отражение в фоносемантической звуковой картине мира. Так, русский пессимизм в фоносемантической картине мира отражается в доминировании пейоративности.

Русский поэтический идеал человека – это существо высоко-нравственное, мыслящее, осознающее себя как природный феномен, познающее свое «я» и окружающий мир, чувствующее все нюансы отношений «мыслящего тростника» (Б. Паскаль) с «общим хором» и строящего эти отношения в соответствии с нравственными нормами. В русской литературе, русской философской мысли на первом месте – проблема внутреннего человека. Эта же проблема внутреннего человека находится в центре внимания наивной языковой философии: носители русского языка активно обсуждают, характеризуют, оценивают в первую очередь внутренний мир человека [Никитина 2004: 282].

Однако нельзя говорить о том, что фоносемантическая картина мира индифферентна к этническому сознанию: количество репрезентантов даже на «вещном» уровне того или иного звучания в языке отражает этническую специфику фоносемантической картины мира того или иного языка.

«Языковой тип «имен» вещей в ряде случаев поразительно тонко дифференцирует важное и неважное, первичное и вторичное, обязательное и факультативное, «свое» и «чужое» в мире вещей. <...> Когда вещь приобретает и символическое значение (плат, гребень, лента, пояс, кольцо и т.п.) или употребляется как символ (крест, венок, знамя, другие материализованные и включенные в парадигму знаки и т.п.), мир вещей подключается к сфере духовного и человеческого как особый язык и «символярный» [Топоров 1993: 92].

Природный звук, например, крик птиц, воспринимается мозгом и формирует звуковой образ птицы, который в свою очередь связывается с визуальным образом этой птицы. «Звуко-

вой образ – совокупность звуковых (речевых, музыкальных, шумовых) элементов, создающих посредством ассоциаций в обобщенном виде представления о материальном объекте, явлении, историческом событии, характере человека» [Князев 2002], которые воплощаются в звуковом знаке-символе.

Можно полагать, что фоносемантическая звуковая картина мира является базой для развертывания звуковой метафоры и ее понимания, которое обусловлено общим звуковым образом, заданным звуком-денотатом (рис. 35).

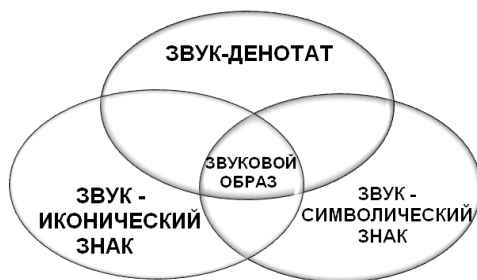

Рис. 35

На основе звука-денотата формируется понятие, эксплицированное в иконическом языковом знаке, который в функционировании превращается в знак-символ:

*Птицы смерти в зените стоят. / Кто идет выручать Ленинград?; / Чтоб выпустить **птицу** – мою **тоску** (А. Ахматова);*

*Имя твое – **птица** в руке (М. Цветаева);*

*О да, **любовь** вольна, как **птица**, Да, всё равно – я твой! (А. Блок);*

***Божье имя**, как большая **птица**, Вылетало из моей груди (О. Мандельштам);*

*Я так же беден, как природа, / И так же прост, как небеса, / И прозрачна моя **свобода** – / Как **птиц** полночных голоса (О. Мандельштам);*

*Скудный луч, холодной мерюю, / Сеет свет в сыром лесу. / Я печаль, как **птицу** серую, / В сердце медленно несу (О. Мандельштам).*

В нашем материале: *Птички чивиргают – сердце радуется; Пацанята, как птички, скочут, веселятся – забот нету дак; Ли-ко потка* (птица) *на лывину паздернулаь – я, говорит, барыня тута, не подходи.*

Далее может происходить обратный процесс: символ возвращается к своему истоку – природному звуковому денотату: *Я был скорее звуком, чем – / стыдно сказать – лучом / в царстве, где торжествует чернь, / прикидываясь зрачом* (И. Бродский).

Фоносемантическое физиологическое «вещное» тело в антропосфере семиотизируется, превращаясь в «космическое», поскольку «природа самосущностна и самодостаточна» [Топоров 1993: 91]:

А буква «А» – средь этих букв старик, / союз, чтоб между слов был звук раздельный. / По существу же, – это страшный крик, / младенческий, прискорбный, вой смертельный. / И если сдвоить, строить: ААА, / сложить бы воедино эти звуки, / которые должны делить слова, / то в сумме будет вопль страшной муки (И. Бродский);

Дано мне тело – что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим? / За радость тихую дышать и жить, / Кого, скажите, мне благодарить? / Я и садовник, я же и цветок, / В темнице мира я не одинок. / На стекла вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло (О. Мандельштам).

В нашем материале: *Сблюет человек, так это душа очищается; Икотка – так это бесы в человеке разговаривают; Хыркает-хыркает ночью-то, так-то домовой душит.*

Звучащий обыденный природный мир превращается в высокую духовную сущность. В антропосфере, говоря словами И. Бродского, «постепенно действительность превращается в Недействительность». Физиологический акт в антропосфере трансформируется в акт духовный:

Пью горечь тубероз, небес осенних горечь / И в них твоих измен горящую струю. / Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ, / Рыдающей строфы сырую горечь пью; Как детский поцелуй, спокойно дышит стих (Б. Пастернак);

*Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот, / И повинись, поэт, / Что
ничего кроме этих ахов, / Охов, у Музы нет* (М. Цветаева);

*Из гласных, идущих горлом, / выбери «ы», придуманное мон-
голом. / Сделай его существительным, сделай его глаголом, //
наречьем и междометием. «Ы» – общий **вдох** и **выдох!** / «Ы»
мы **хрипим**, **блюя** от потерь и выгод / либо – кидаясь к двери
с табличкой «выход». / Но там стоишь ты, с **дрыном**, глаза
навыкат* (И. Бродский).

Природный звук обретает сущность идеальную:

*В сухарнице, как **мышь**, копается **анапест*** (Б. Пастернак);

***Жужжанье** мухи, / увязшей в липучке, – не голос муки, /
но попытка **автопортрета** в звуке / «ж»* (И. Бродский).

В нашем материале: *Перед войной-то на крыше ровно брев-
на кто ворочал, так **грохотало**. Мама говорит: «К **войне** так
бывает».*

И наоборот, природный мир превращается в утилитарно-
вещный:

*Всю ночь **вода трудилась** без отдыха. / **Дождь** до утра
льняное **масло жег**. / И валит пар из-под лиловой крышки, /
Земля дымится, словно **щей горшок*** (Б. Пастернак);

*Созвездья погаси и больше не смотри / Вверх. **Упакуй луну**
и солнце **разбери**, / **Слей** в чашку **океан**, лес чисто подмети./
Отныне ничего в них больше не найти* (И. Бродский).

И вещи, и природа очеловечиваются через телесные звуки:

*Небу под снег хотелось, / **Улицу бил озноб**, / **Ветер дрожал**
за целость / **Вывесок, блях и скоб*** (Б. Пастернак);

*... и **подъезды**, чье небо воспалено **ангиной** / **лампочки**,
произносят «а»* (И. Бродский).

Иконическая природа ономотопеи ограничивает возможности отражения всего спектра человека «внутреннего», духовно-го. В фоносемантической звуковой картине мира *homo faciens* (делающий) противопоставлен *homo existimans* (думающий) русской картины мира, *homo naturalis* (природный) – *homo socialis* (общественный); *homo practicus* (практический) – *homo spiritualis* (духовный); *homo loquens* (говорящий) – *homo*

cantantes (поющий), *homo ludens* (играющий), *homo folklore* (фольклорный); *homo physiologica* (физиологический) – *homo mentales* (психический).

Однако дальнейшая эволюция семантики ономапов позволяет представить духовный мир человека и мир в целом во всей полноте его проявлений [Воронин 1982; Шляхова 2005; Шестакова 2013 и др.].

Рассмотрим фрагменты фоносемантической картины мира, которая сохраняет элементы протоконцептуального пространства языка на уровне различных видов ономапов.

Раздел III.

ФРАГМЕНТЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

В разделе представлены фрагменты фоносемантической картины мира, представленной на уровне биосферы, антропосферы и социосферы. Определяется необходимость исследования диалектного слоя языка в рамках фоносемантической этимологии, что позволяет установить иконическое происхождение многих лексико-семантических и тематических групп русского языка. Выявляется звукоизобразительная природа фитонимов, соматизмов, бытовой и хозяйственной лексики. Определяется семантическая и символическая значимость ономотопеи в быличках и анекдотах. Проводится мотивотипный анализ русской иконической лексики. Установлено, что индоевропейская база русской иконической лексики фиксирует как доминирующие мотивы номинации «разрезание, раскалывание, протыкание», «звук, звучание», «удар», «соединять, связывать», «хватать, сгребать». Материал показывает, что совпадение различных кодов (этимологический, семантический, мифологический, ритуальный, обрядовый, символический) позволяет с большой долей достоверности говорить о доминантности примарной мотивированности в номинации большого корпуса лексики в диалектной речи, а также выявлять отдельные элементы и фрагменты протоконцептуального пространства языка.

1. Постановка проблемы

Диалектный материал является весьма богатным для изучения семантических переходов и утраты примарной мотивированности.

Согласно концепции С.В. Воронина процесс денатурализации языкового знака происходит постепенно. Примарная мотивированность, замещаясь секундарной, ослабевает, хотя и не исчезает полностью [Воронин 1982: 187].

Диалектная ономотопея позволяет отследить процесс утраты примарной мотивированности, который выражается в постепенном изменении семантики ономотопа (ономотопозитического образования) от «конкретного» значения (примарно мотивированного) к «абстрактному» (мотивированность которого ослаблена или утрачена).

Ономатопоэтические образования, восходящие к одному денотату, в синхронии можно представить как некоторую последовательность единиц, расположенных по степени удаленности от конкретного «звукового» значения.

Так, в ономатопе ГАРАБ, сочетаются звонкий взрывной и вибрант (звукоизобразительная доминанта), которые имитируют звук скобления, царапания.

Далее в глаголе ГАРАБАТЬ «царапать» актуализируется действие, вследствие которого появляется звук царапания, а через ономатоп ГАРАБАТЬСЯ «скрестись, цепляться» (*Он долго лежал, потом стал гарабаться, выгарабался из-под моху-ту, где медведь-от его завалил, и пополз*) развивается абстрактное значение «сопротивляться трудностям» ГАРАБКАТЬСЯ (*Трудно, а чё, гарабкаться не будем – жить не будем*).

Сложная структура ономатопа включает и диссонанс, и удар, которые соответствуют акустическим параметрам денотата. Наличие диссонанса, выраженного вибрантом, обуславливает развитие отрицательно коннотированных значений «сопротивляться трудностям», «присваивать», «болеть».

Звук скобления, царапания, который имитирует ономатоп ГАРАБ, сопровождается характерными движениями (*Вон котко о стол ногу гарабат; не гарабайся, счас рыбку дам*), ср. ЦАРАП как звуковой жест [Фасмер IV: 289]. Таким образом, в ономатопах ЗАГАРАБАТЬ, ПРИГАРАБИТЬ развивается сема «присвоить» (*Опять уж всё себе пригарабил, хоть бы брату оставил маленько*).

Интенсивность мотивирующего звучания обуславливает наличие семы «интенсивности совершаемого действия» в таких единицах, как ГАРАБНУТЬСЯ «упасть» (*С крылечка гарабнулась, дак только кости сбацили; встать не могла*), ЗАГАРАБАТЬ «о приступе болезни, боли» (*Свекровку да золовушку загарабало, и так оне заболели, так заболели тифом, но не умерли же, жили потом долго еще*), которая на фонетическом уровне выражается в наличии звонкого взрывного (г).

Можно говорить о том, что характер семантических изменений ономотопа обуславливается, помимо собственно языковых факторов, параметрами звучания денотата.

Так, сам звук царапания, скобления воспринимается диалектоносителями как диссонансный. Именно поэтому в ономотопах «царапания», с ослабленной или утраченной примарной мотивированностью, развивается отрицательная коннотация: «вред», «болезнь».

Семантическая модель развития диалектного ономотопоэтического комплекса ГАРАБ представлена на рис. 36.

Рис. 36

Данная семантическая модель находит подтверждение в характере семантических переходов и мотивированности других ономотопов царапания, скобления.

Ономотоп ЦАРАП имеет сходную структуру, в которой вместо взрывного звонкого согласного – аффриката.

Ономотопоэтические дериваты актуализируют такие семы, как > чесать, повреждать кожу, наносить вред (*Глаза царапаются, не знаю, чем лечить; Вот нацарапала руку, делать ничего не могу*) > животное, причиняющее вред (*Кот царапистой больно у меня*) > убить (*У меня телку на днях волки исцарапали*).

Другая ветвь значений связана с развитием семы «труд»: окучивать (*Вчерась картошку царапать ходила*) > старательно работать (*Сколь царапался, а зерно всё равно не идёт*).

Третья ветвь – это сема «присвоения»: взять, присвоить (*Деньги она у меня в боковом кармане выцарапала*).

Отрицательная коннотация закрепляется в устойчивом выражении ЦАРАПАТЬ СТЕНЫ «мучиться бессонницей».

Сема «интенсивное действие» отсутствует, хотя первый и второй ономатопы различаются только одно согласной. По всей видимости, это связано с тем, что в структуре ономатопа отсутствует звонкий взрывной.

Для сравнения в литературном языке у ономатопоэтических образований с корнем ЦАРАП отмечаются такие значения, как *быстрое движение, быстрое действие; скрести; пробираться; присвоить; чертить, писать; выпить спиртного; наносить царапины, причинят боль, вред, результат; ссора*. При этом в диалекте отсутствуют значения «писать», «ссора», а в литературном языке нет единиц, имеющих сему «труд».

Семантическая модель развития диалектного ономатопоэтического комплекса ЦАРАП представлена на рис. 37.

Рис. 37

Семантика ономатопа САРАП развивается по схожей модели: > чесать, повреждать кожу, наносить вред (*Так больнушию руку рассаратила*) > болезнь (*Сарапушка – дак меж пальцами болит, сербит, пупыри*) > беспокойство (*Вовсе чисто чудо над имя: все уж отсенокосились давнушию, а оне не сарапаются*) > досада, растерянность (*Оставил мужику какому-тося свой че-*

модан, пришел, ни мужика, ни чемодана. Гыж-гыж сарап-сарап, с тем и остался).

При этом отсутствие в структуре ономотопа звонкого взрывного или даже аффрикаты обуславливает развитие семы «легкого, нетяжелого труда»: > работать, грести > работать нетяжело (*Татьяна-то словарь составляет – это тебе не пуп сарапать*) > болтать, пустословить (*Подите к соседке, она много знает, насарапат вам*).

Семантическая модель развития диалектного ономотопетического комплекса САРАП представлена на рис. 38.

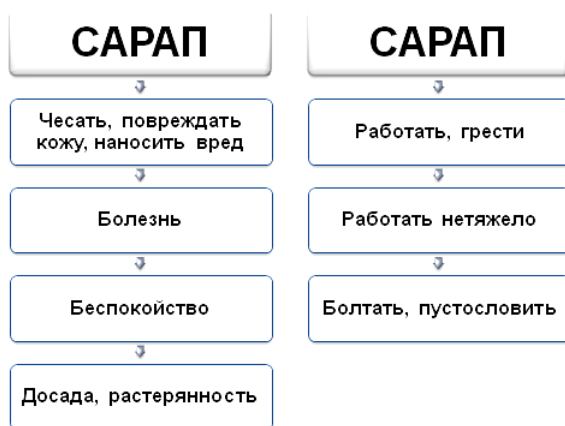

Рис. 38

Таким образом, значение, которое развивается у ономотопа по мере его денатурализации, отчасти обуславливается характером мотивирующего звучания.

Наблюдение над ономотопами царапания позволяет делать прогнозы: так, ономотоп КАРЯБ с высокой долей вероятности должен развить негативные коннотации, так как в его структуре присутствует вибрант, имитирующий диссонанс денотативного звучания. Ср. семантика *наносить вред, портить* ПОКАРЯБАТЬ «исцарапать» (*Ему всю морду-ту тогда покарябали*), КО-

РЯБАТЬ «искажать, портить» (*А почто-то песни наши по радио корябают*); семантика *жить тяжело* КАРЯБАТЬСЯ (*Да всяко карябаюсь, и болею, уж надо умереть в земле, а я все живу*).

Отсутствие в структуре ономатопа звонкого взрывного позволяет предположить, что сема «интенсивность звучания» не разовьется.

Для сравнения рассмотрим ономатоп ГЫЖ (*гыж-гыж* «подражание звукам, сопровождающим царапание, чесание»), в котором есть звонкий взрывной, но отсутствует вибрант. Семантика интенсивности развивается в ономатопах:

1) шумное, интенсивное действие: ГЫЖНУТЬ «разбросать с шумом в разные стороны» (*Я как гыжнула в ведро овес!*), СГЫЖГАТЬ «с шумом упасть» (*Горшок с подоконника сгыжгал, расколотился*), ГЫЖНУТЬ «о дожде» (*Гыжнуло только, и нету дождя-то*).

2) трудовое действие: а) интенсивное: ГЫЖНУТЬ «выкосить» (*Мы пойдём гыжнём пол-лога*); б) неторопливое: ГЫЖГАТЬСЯ «работать по хозяйству, неторопясь, возиться» (*Старуха была, маленько дома-то гыжгалась по хозяйству; В огороде гыжгался, поливал грядки, копал; Дня три гыжгался со снегом*).

Семантическая модель развития диалектного ономатопоэтического комплекса ГЫЖ представлена на рис. 39.

Рис. 39

Ономатоп СКРЕБ также восходит к звукоподражательному ие.*(s)kreb(h), где звуковая доминанта представляет собой сочетание взрывного и вибранта.

Конкретное, мотивированное денотатом, значение присутствует в таких ономатопах, как СКРЕСТИ (*Тут котёнок-от скребёт дак, падеру сказыват. Этой весной дак весь стул искоблил*); СКРЕБТИ (*Деревина сучьеватая, суковаткой-то и скребтёшь, руками царапашь*).

Действие, которое сопровождает звук скобления, скрежета, нередко является трудовым. Так, в ономатопоэтических образованиях, содержащих сему «скрежета» развивается семантика «действие, работа» (*Сами кожи ладили: извястку с водой разведешь, золы положишь, кожу складешь, задавишь; в извястке полежит – наперво скребешь косарем, потом кожу хорошо промоешь и кладешь в зольник, когда сутки держишь, когда боле...*) > «труд» (*Нам покосы не давали, дак все по кулигам косили, так и наскребли мало-помалу*) > «орудие труда» и «результат действия» ПОСКРЕБНЯ «небольшой кухонный нож для скобления чего-л.» (*Поскребей-то мутовку поскоблить, поскрести. Жуланова Сол. В сельнице есть нож, поскребенья называются, тесто с лопатки, с квашни оскребам*) и ЗАСКРЕБЫШ, ЗАСКРЕБЫШКО, ЗАСКРЕБОК «мучное изделие, испеченное из остатков теста» (*В ведре-то тесто останется, заскребешь и испекешь пирог али че; а пирог-от заскребышем называют*) > ПОСКРЁБЫШЕК сема «остаток» (*Овса – одни поскрёбышки. Вот не знаю, чем кобылу и кормить буду*) > «отсутствие» в ономатопе СКРЁБОМ «дочиста» (*Я недавно нахлебалася, не хочу есть. Дак ещё со скребом. Чисто все выхлебала, выскребла в чашке-то*).

Трудовое действие сопровождает семантика «удаление, избавление», которая реализуется в ономатопе ВЫСКРЕСТИ «уничтожить, вывести» (*Колдовство-то ведь не выскрести, оно всегда было; Забился у меня в дому, живет как вошь в коросте, не выскребешь*).

Семантика «остаток, последний» развивается в таких ономатапах как ЗАСКРЕБЫШ, ЗАСКРЕБЫШКО, ЗАСКРЕБОК, НАСКРЕБЫШ, ПОДСКРЕБЕНЬКА, ПОСКЕБНЯ, ПОСКРЕБЫШ со значением «последний ребенок в семье».

Семантика «вред» появляется в ономатопе СКРЕСТИ «грызть, портить» (*Кроты ли, кто ли картошку у меня жёлбили, скребли ино, грызли*); НАСКРЕСТИ (*Сосед все где-то с бабами баловал, дак болезнь себе наскреб*); СКРОБКИЙ «агрессивный». НАСКРЕСТИ НА (СВОЮ) ШЕЮ «получить заслуженное наказание» (*Ты наскребешь на свою шею, отстань от маленького*).

Семантическая модель развития диалектного ономатопоэтического комплекса СКРЕБ представлена на рис. 40.

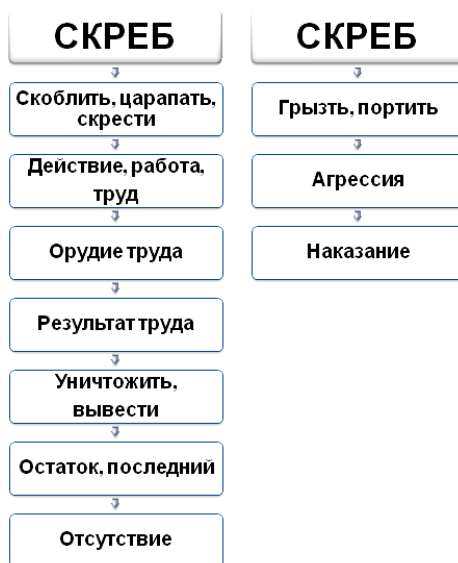

Рис. 40

Можно говорить о том, что ономатопы царапания, имеющие в своей структуре вибрант, развивают семантику «вред»; звонкий взрывной обуславливает семантику «интенсивное действие», «удар».

Изменение семантики ономатопа, наблюдаемое в синхронии, показывает утрату звукового значения и переход в сферу незвучащих номинаций.

Однако выявление иконического происхождения слова и забвение его звукоизобразительности наиболее целесообразно при помощи методов этимологической фоносемантики.

Этимологическая фоносемантика ставит своей задачей – выявить звукоизобразительный мотив номинации слова, его иконичность, объяснить характер связи между звучанием и значением этимона, смыкаясь здесь с этимологией, сравнительно-историческим языкознанием, семасиологией, лексикографией [Климова 1986, 1998, 1999; Воронин 1992, 1997; Бродович 1999].

Исследования в русле этимологической фоносемантики позволяют установить, что ономатопы и особенно звукоимитационные слова развивают множество значений вплоть до самых абстрактных, обладают высокой словообразовательной продуктивностью и отличаются широкой сферой бытования.

Так, этимологические связи, указывающие на иконичность (примарную мотивированность) слова, связанных с понятием времени, отражены во многих языках.

СУТКИ. Укр. обычно *доба*, но встр. и *сутки*; блр. *суткі, сутачны*. Ос. корень **tʰk-* (см. *ткать, тыкать*); су- (< ос. **sq-*) – приставка, обозначающая соединение, сближение. Таким образом, **sotʰkʰ* могло значить «стык», «стечение» и т.п. Ср. др.-рус. (с XVI в.) *сутки* (< **сутькы* < **sqtʰci*) – «слияние», «место, где сходятся границы» [Черных 2: 219]. *Тыкать* восходит к ие. **(s)teuk-/ *(s)touk-* «тыкать, толкать, отбивать, ударять» [Черных II: 246]. Родственными являются также *стук* и *стучать*. Слово *сутки* является звукоизобразительным.

ЧАС. Укр. *час* «время», «пора», *часовий* «временной»; блр. *час* «время», «пора», *часовы* «временной»; болг. *час, часов*; с.-хорв. *час* – перв 1 знач; также «миг», «мгновенье»; словен. *cas* «время», «пора», также «погода», *casovny* «связанный со временем», «своевременный», *casny* «временный», «преходящий», «ранний»; польск. *czas* «время», «пора» («час в 1 знач» –

godzina), *czasowy* «временный», «кратковременный»; в.-луж. *cos*, *casny* (знач. как в в.-луж.) [Черных II: 375]. Ос. * *časъ* [< ие. * *kēsos*(?)]. Ие. основа **kē* – с расширением -s-, по-видимому, от корня **kēi* (:**ki-*) «быть в движении», «приводить в движение», «двигаться», с отпавшим -i- [Черных II: 375]. Слово *час* также возводят к ие.**kes-* /**kos-* «рубить, ударять» [Маковский 1996]. П.Я. Черных выражает сомнение по поводу этой этимологии, однако считает ближайшим и бесспорным родством алб. *kohë* < ие.**kēsā* «время, отрезок времени, погода, время года» [Черных II: 375]. Таким образом, буквально *час* – «отрезанный от суток», «разрезающий время», «отрезающий срок». Можно предполагать иконичную природу слова *час*.

МИНУТА. Укр. *минута* (редко; чаще *хвилина*), *минутний*; блр. *мінута*, *минутен*; с.-хорв. *минут*; словен. *minuta*; чеш. *minuta*, *minutowu*. Ср. франц. *minute*, f.; нем. *Minute*, f.; англ. *minute*; им., исп. *minuto*. Первоисточник – латин. *minutus*, м., *minuta*, f. «маленький», «мелкий», первоначально – прич. прош. врем. от глаг. *minuo* «разбиваю на мелкие части» «уменьшаю» [Черных I: 534]. Буквально *минута* – отрезок, кусочек часа.

Семитское НН «жить» и «время, вечность» происходит от звукоизображения дыхания. Как отмечает А.М. Газов-Гинзберг, араб. *Whuh*, «дышать теплом» проливает свет на происхождение семит. *hw/hjj*. Основанием для указанного здесь предположения служили библейское выражение «дух жизни (*hajjim*) в ноздрях» и развитие слов для понятия «жизнь» в других языках [Газов-Гинзберг 1965: 450, 467].

Готское AIWS «время, вечность» восходит к ие.**heiu* «жизненная сила»; ср. др.-инд. *ayu* – «жизнь», *ayus* «жизненная сила» гр. *liwv* «продолжительность времени; вечность» лат. *aevum* «век, вечность», тохар. А. *аум* «дух».

Абстрактные ие. лексемы ничего не говорят о возможной первоначальной связи между звуком и значением. Однако ряд семитских праформ с конкретной семантикой заставляют предполагать дескриптивную природу ностратических (*haju* «жить, жизненная сила») лексем: беджа *hāj* «жить, быть здоровым»,

а также, несомненно, дескриптивное копт. *Ōneh* «жить < дышать». Предположение о том, что семитский корень *Hjj* «жить» происходит от звукоизображения дыхания, высказывалось уже давно [Воронин 1982: 296; Газов-Гинзберг 1965: 127].

«Только наличие определенных фоносемантических соответствий того или иного слова в близко- и неблизкородственных языках (особенно засвидетельствованных в наиболее ранних памятниках письменности) может вывести его из изолированности, предоставить ему «права гражданства» в системе соответствующего языка» [Маковский 1999: 10].

Метод фоносемантического этимологического анализа включает следующие этапы: 1) установление у слова наличия / отсутствия «звукового» значения; 2) учет и анализ критериев идентификации иконичного слов; 3) этимологизация слова с учетом его фонетико-семантических коррелятов в родственных языках; 4) корреляция акустических и артикуляторных характеристик единицы с характеристиками денотата для определения мотива номинации; 5) выявление параллелей (звуковой облик и семантика этимологизируемого слова) в неродственных языках; 6) определение наличия / отсутствия и характера звукоизобразительности (иконичности).

Описание русской лексики в рамках фоносемантической этимологии позволит привести к пониманию того, что иконическую лексику нельзя рассматривать как линейный ряд или ограниченное собрание разрозненных вокабул, поскольку именно этимология позволит установить количественный и качественный семантический потенциал звукоизобразительной лексики, ее строгую упорядоченность в языке [Шляхова 2003].

В.Н. Топоров говорит об этимологической относительности (любая этимология слова может быть уточнена, изменена или отвергнута) и определяет основные подходы к идее «многозначных» этимологий («полиэтимологичности»), когда в процессе функционирования слово обретает не одну, а несколько семасиологических связей, что «является следствием некоторых принципиальных и неотъемлемых характеристик самого слова» [Топоров 1981: 141].

Исследование этимологии иконичного слова с учетом всех возможных критериев предполагает возможность перекрестной этимологии: несколько этимологий одного и того же слова могут оказаться верными, особенно в связи с метафоризацией, народной этимологией и разными видами контаминаций (эвфемия, энантеосемия, ассоциативные связи, омонимия и пр.) [Топоров 1981; Воронин 1982; Маковский 1986].

Так, рус. МЕТЕЛЬ обычно связывают с *метать, мечу, мету* от ие. **met, *mot* «кружиться», «трясти», «встряивать». Сюда же *мести, метла, мотылек* [Фасмер II: 610]. Здесь же приводятся родственные слова, которые не связаны с семантикой «мести». Лит. *metu, mesti* «бросать». Кроме того, определяет родство с терминами «мерить», так как основы **mesti* и **meto* родственны, при этом значения названия мер длины развиваются из названий броска. По мнению Френкеля, лит. *matyti* «смотреть» также родственно. Также сближают слово *мету* и лат. *meto-ere* «жать, собирать урожай». Родственными слову *метель* являются слова *меть* «бросок», *мятеж, мера, мерник, метанина* «зьябрь», *метница* «рыболовная снасть». Скорее всего, все рассмотренные слова соотносятся со значением «кидать», «бросать», так как в древности действительно измеряли расстояние броском [ЭССЯ 18: 117].

Можно говорить о примарной (звукоизобразительной) мотивированности слова *метель*, поскольку различные этимологические версии отражают лишь различные этапы семантической истории слова.

Проблема полиэтимологичности сегодня широко разрабатывается и связывается с проблемой соотношения двух семантических тенденций: предельное забвение собственных истоков и легкая включаемость в систему иных связей, внешних по отношению к исходному ядру; максимальное использование унаследованной системы смыслов [Топоров 1981; Воронин 1982, Климова 1999; Маковский 1996].

Наш материал показывает, что основным звуком, который привлекает внимание диалектоносителя, является звук удара. Можно предположить, что именно ударные звучания предопределяли многие первичные языковые номинации.

Более полувека назад географ В.А. Головин выдвинул глаголуударную гипотезу происхождения языка, где первичными элементами языка полагались звукоподражания различным видам удара, которые прослеживались в филогенезе и отногенезе, а также на множественных этимологиях различных языков [Головин 1961].

А.М. Газов-Гинзберг назвал ее «очень узкой и лингвистически неразработанной» [Газов-Гинзберг 1965: 6], однако современные исследования показывают, что семантика удара является определяющей в становлении языковой системы.

Исследования семантических универсалий и семантических изменений в эволюции систем человеческой коммуникации на материале индоевропейской синонимии и антонимии, показывают, что «на переднем плане общей ментальной репрезентации находятся угрожающий звуковой сигнал, имитация удара или сам удар и, видимо, определенные элементы «изворотливости», ловкости» [Монич 2000: 93].

Попытаемся доказать представленность био- антропо- и социосфер, на звукоизобразительном уровне русских инстантов (ономатопов ударов), которые является самой многочисленной группой среди акустических ономатопов в различных языках [Воронин 1982; Шляхова 2003, 2004; Шестакова 2013; Вершинина 2013].

Далее предлагаются фрагменты фоносемантической картины мира, выявленной посредством фоносемантического этимологического анализа. Фоносемантическая картина мира представлена на уровне одного кластера – ономатопов, которые, развивая систему значений в фоносемантической звуковой картине мира, выходят на уровень «не-звукового» пространства смыслов.

2. Биосфера

2.1. Фоносемантическая Вселенная

2.1.1. Материал исследования. Материалом исследования явились 1293 русских ономатопа различных видов удара с корнями (*байб-, бал-, бат-, бац-, болт-, бот-, буль-, бултых-, бяк-,*

долб-, кап-, касс-, кос-, час-, шип-, шиш-, руб-, бод-, кол-, лом-, мол- и др.), восходящих к ие. звукоизобразительным основам:

- *бить* (< ос. **biti* < ие. **bhejǝ*- «бить») [Черных I: 91];
- *бод-* (< ос. **bodǝ* < ие. **bhedh*- «колоть», «тыкать») [Черных I: 99];
- *знать* (< ос. **gъnati* < ие. *g^hhen*- «бить», «ударять») [Черных I: 194];
- *долб-* (< ос. **dъlb-* < ие. **dhelbh*- «выдалбливать», «копать») [Черных I: 261];
- *ков-* (< ос. **kovati* < ие. **kou-* «бить», «сечь») [Черных I: 407];
- *колот-* (< ос. **kol-* < ие. **kol-* «острый», «протыкать») [Черных I: 410];
- *кол-* (< ос. **kolti* < ие. **kel-* «ударять») [Черных I: 413];
- *коп-* (< ос. **kopati* < ие. *(*s*)*kop-* «протыкать», «раскалывать») [Черных I: 427];
- *кос-/кас-* (< ос. **kos-* < ие. **kes-* «чесать») [Черных I: 433];
- *кроить* (< ос. **krojiti* < ие. *(*s*)*kerei-* «резать») [Черных I: 444];
- *лом-* (< ос. **lomiti* < ие. **lom-* «ломать») [Черных I: 490];
- *лун-* (< ос. **lupiti* < ие. **leup-* «сдирать») [Черных I: 495];
- *молот-* (< ос. **moltъ* < ие. **mol-* «дробить») [Черных I: 540].
- *пор-* (< ос. **porti* < ие. **per-* «протыкать») [Черных II: 58];
- *щеп-* (< ос. *ščera* < ие. *(*s*)*kep-* «отрезать») [Черных II: 433];
- *рвать* (< ос. **rъv-* < ие. **ren-* «разрывать», «раздирать») [Черных II: 100];
- *рез-* (< ие. *ureg-* «рвать») [Черных II: 107];
- *руб-* (< ос. **robiti* < ие. база **remb-* «рубить») [Черных II: 125];
- *сечь* (< ос. **sekti* < ие. **sěk-* «резать») [Черных II: 160];
- *строг-* (< ос. **strog-* < ие. *(*s*)*ter-* «тереть», «срезать») [Черных II: 210];
- *ударять* (< ос. корень **děr-*, как в *деру* < ие. **děr-* «колоть», «драть») [Черных II: 284].
- *чист-* (< ос. **čistъ* < ие. *(*s*)*kěi-* «резать», «отсекать лишнее») [Черных II: 391] и др.

Можно предполагать, что семантические циклы этих ие. корней сохраняют наиболее архаичную семантику, поскольку относятся к древнейшему периоду развития языка и культуры.

2.1.2. Мотив разрезания, раскалывания, протыкания в мифологическом сознании. М. Евзлин пишет, что «первый космогонический акт есть акт насилия <...> С разрыванием божественного существа соотносится раскалывание («пробивание») скалы, из которой изливается вода жизни... Камень смерти и вода жизни размещаются на противоположных онтологических полюсах, однако условием появления воды является раскалывание «камня» и потому «камень» можно было бы определить как «твердую воду»» [Евзлин 1993: 185].

Мотив «разрывания, вспарывания, удара, отделения и т.п.» широко представлен и в славянской мифологии: народом было усвоено учение о Божественном происхождении света и его отделении от тьмы как первым деянии Господа [Быт. 1, 1–4].

Антропологические мифы в славянской традиции развивались под влиянием библейских писаний. В «Повести временных лет» содержится миф о том, как Бог мылся в бане и, вспотев, утерся ветошью, которую бросил на землю. Из этой ветоши дьявол сотворил тело человека, а Бог – душу. Другой апокрифический сюжет говорит о том, как Сатана истыкал тело Адама палкой, впустив в него 70 недугов, в то время, когда Бог ходил за «дыханием» для первого человека.

В украинских легендах собака вырывает ребро у Адама, из которого Бог создает Еву. Западно-украинская легенда говорит о том, что Бог разрезает яйца, снесенные Евой после ее смерти, и бросает их на землю: из одной половины рождаются мальчики, из другой – девочки. Идея расчленения напрямую связана с космогоническим актом сотворения мира – ср. мотив русского стиха о Голубиной книге, где из тела первосущества (Бога, Адама) творится весь мир: солнце из лица Божьего, месяц – от груди, сословия – из частей тела Адама и т.д. [Славянская мифология 1995: 34–36, 181, 145, 250, 280, 220].

В космогонических преданиях рассказывается о том, что в начале творения Сатана нырнул и достал камень со дна моря, который Господь разломил надвое, одну половину оставил себе, а вторую отдал Сатане. После этого Бог ударил о камень, и из искр, вылетевших из него, появились ангелы. То же проделал Сатана – и появились бесы.

Любая граница связана с идеей разрезания, что актуализирует особое значение порога, двери, окна, замка, развилки, перекрестка и т. п. в народной традиции.

Южные славяне для отведения града «рассекали» тучи острым орудием (косой, серпом, топором и т.п.), запрещали при стирке бить белье вальком. На Черниговщине во все четверги от Пасхи до Вознесения не ткали коноплю. На святки сербы не рубили дрова, чтобы предотвратить град.

Во многих преданиях Илье-пророку приписывается создание родников и ручьев, которые возникли от удара огненных стрел Ильи о камень или от удара копыта его коня.

Ритуальное расчленение связано в языческой традиции с главным религиозным обрядом – жертвоприношением, которое предполагало ритуал отрубания, разрезания, протыкания, удара топором, ножом, рогом, копьём и т. п.

Нож и другие металлические предметы в народной традиции – лучший оберег от нечистой силы (ср. также протыкание вампира осиновым колом). С другой стороны, наиболее традиционным способом самопревращения в оборотней являлось битье чудесным прутом или палочкой.

Особая функция удара закреплена в образе Кузнеца в «Повести временных лет». Бог Кузнец Сварог ввел обычай единобрачия (моногамии), что закреплено в народной традиции: в свадебных песнях Кузнец кует свадьбу, венец, обручальный перстень. Святочная игра в кузнеца (парни, ряженные кузнецами, «подковывали девок») нашла отражение в народном эфемизме «подковать девку» – вступить во внебрачную связь.

Значение удара как акта рождения закреплено в эротических символах предметов домашней утвари, связанных с ударной технологией: пест и ступка, мотовило и др.

От удара пестом Бабы Яги герой сказок валится на землю или превращается в камень.

Подобные примеры можно множить и дальше, однако рассмотрим представленность концепта «Вселенная» на звукоизобразительном уровне ономотопов удара.

В архаическом сознании представлено нескольких моделей Вселенной: гидроцентрическая (в центре Вселенной находится Мировая река, в том числе и огненная); дендроцентрическая (в центре Вселенной – Мировое дерево); орологическая (в центре Вселенной – Мировое гора); зооморфная и антропоморфная [Маковский 1996: 99–121].

Семантика ономотопов удара на этимологическом уровне в той или иной степени обнаруживает элементы древних представлений обо всех моделях Вселенной, однако наиболее актуализирована антропоморфная модель.

Этиологический анализ показывает регулярность семантических переходов в различных языках по следующим моделям: 1) удар – вода, жидкость; 2) удар – дерево; 3) удар – возвышенность, гора; 4) удар – человек; 5) удар – животное.

2.1.3. Гидроцентрическая модель Вселенной. Мифологическое представление о появлении воды в результате раскалывания, распарывания на уровне ономотопов удара является семантически регулярным.

«Семантический переход <удар > жидкость» является регулярным в немецком и русском языках»: нем. *zapfen* «цедить, наливать (вино из бочки и т.д.)»; *Tippel, Tüpfel* «капля»; *plempern* «лить», *quatschen* «хлопать (о жидкой грязи)»; рус. *булькать, капля, болтыхать, хлопать, плюхаться* [Шестакова 2013: 107].

В диалектной и устной городской речи связь семантики удара и жидкости также является регулярной:

- диал. *лопать* «трескаться», *лопата* – диал. *лопатина* «залив»; диал. *лепить* «сечь» – *липовище* «сок липы»;
- арг. *лепило* «хирург» – *липец* «жидкий мед»;

- *ток* «место молотьбы» – *ток* «течение», *токарь* – *исток* «начало реки»;

- диал. *батог* «бич, плеть» – диал. *ботать* «болтать воду»;
- *копье* – диал. *копанец* «колодец; канавка для стока воды, канал»;

- *пукать* «лопаться со звуком» – диал. *пучина* «водоворот»;
- диал. *чикать* «резать» – диал. *чка* «плывущая льдина»;
- *колоть* – *колодец* и др.

Мифопоэтические представления о «Мировой реке», которая ведет в мир мертвых через «Двери земли», ассоциировались с переправой на лодке в потусторонний мир. Преисподняя – «нижний мир» – представлялась в виде рва, углубления, сосуда, отверстия, дыры и т.п.

Исследуемые корни ономатопоп удары дают регулярные семантические переходы: *удар* > *отверстие, дыра*; *удар* > *сосуд, лодка*:

- *колоть* – диал. *колода* «прорубь», *колодец* – диал. *колода* «лодка» – диал. *колотье* «убой скота», диал. *колотить* «мучиться», диал. *колода* «гроб»;

- *долбить* «наносить удары» – *долбеж* «всякая дыра, скважина» – диал. *долбуша* «липовая кадка, долбленная лодка» – арг. *долбота* «состояние наркотического голода».

Подобное представление рождало значение «зло, нечистая сила» и связывалось с понятием «дыра, сосуд, отверстие и т.п.». Ономатопопы удара развивают регулярные семантические переходы «удар > зло, смерть, боль»; «удар > нечистая сила»:

- диал. *клюкать* «бить» – диал. *ключевина* «дырка в замке» – диал. *клетка* «кормушка для скота» – диал. *клетник* «колдун»;

- диал. *тяпать* «рубить, сечь» – диал. *тяпка* «зарубка» – диал. *типок* «клык» (букв. «пустой») – арг. *тяпать* «красть»;

- *чокать* «слегка ударять» – *кочкор* «чугун, котел» – диал. *кикимора* «лешачиха»;

- диал. *косать* «бить» – диал. *кошанина* «выкошенное место», арг. *косяк* «карман» – арг. *шип* «пароход» – *костей не соберешь* «погибнешь»;

- диал. *катать* «сечь, бить» – диал. *катило* «кольцо, обруч» – диал. *каток* «колода» – диал. *кататься* «мучиться», арг. *качум* «смерть»;

- арг. *копать* «бить, избивать» – диал. *копанец* «канал, соединяющий водоемы» – диал. *копечник* «стакан» – сленг., арг., прост. *копыта откинуть* «умереть» и пр.

Наш анализ показывает регулярность семантических переходов по модели «удар – вода, жидкость».

2.1.4. Дендроцентрическая модель Вселенной. В мифе о Мировом дереве корни символизируют «нижний мир», ствол – «средний мир», крона – «верхний мир».

В немецком и русском языках существует достаточно большая подгруппа ономастопов «Обработка древесины»: нем. *Kloben* «полено, чурбан», *Klipper* «чурка», *Holzklotz*, *Klotz* «кряж, чурак», *hauen*, *kappen* «рубить лес»; рус. *колотье*, *колода*, *болван* «расколотые бревна», *болванка* «обрубок дерева», *дёрть* «крупное драное дерево», *чурбак*. Ономастопы удара в немецком и русском языках регулярно развивают значения, связанные с понятием «дерево» [Шестакова 2013: 129].

Корни с семантикой удара в диалектной речи дают регулярные значения, связанные с понятием «дерево, деревянный»:

- *кокать*, *кочкать* «ударять, бить» – диал. *кочережка* «суковатое дерево»; диал. *кочережник* «мелкий лес»; диал. *кочера* «кривая елка», «пень с кривыми корнями», «валежник»; диал. *кокорина* «кора»; диал. *кокора* «корень дерева», «уродливое дерево», «ствол дерева вместе с корнем»;

- *бац*, *бацать*, *ботать*, *тяпать* «ударять, бить» – бацина диал. «вица, прут, хворостина»;

- *тяпать* – диал. *тяпник* «мелкий лесок»;

- *ботать*, *бодать* «ударять, бить» – диал. *ботожник* «лес, годный только на мелкий хворост»; диал. *бадовяк* «усохшее дерево – межевый знак»; диал. *ботник* «осина с выдолбленной серединой»;

• *колоть* – диал. *клин* «лес особняком»; диал. *колода* «ствол старого дерева».

И.-е. корни **(s)kel-*, **(s)kol-*, **kl-* с семантикой удара, рассечения во многих языках связаны с семантикой дерева: рус. *колода* / *колозень* «пень», *кол* диал. «срубленное дерево», *щепка*, *клин* диал. «лес особняком», др.-русс. *колокъ* «перелесок»; лит. *skala* «щепка», блр. *калода* «колода», болг. *клада* «груда дров», «костер», др.-сканд. *holt* «лес», «роща», норв. *holt* «перелесок», нем. *holz* «дерево», «древесина», «дрова».

Языческое сознание приписывало ветке, пруту, розге целительную и магическую силу. М.М. Маковский описывает удар целительным (оживляющим) прутом [Маковский 1996: 72]. Стегают людей, зверей и растения, где цель ударов – с одной стороны – изгнание злых духов, с другой – возбуждение сил, здоровья, жизни и роста (ср. *стегать* – *стебель*; *жердь* – *жертва*; *ветвь* – *навет*, *завет*, *ответ*, *привет*).

Так, диал. *касать* «бить» соотносится с противоположным значением в этом фоносемантическом гнезде:

- *косить* «убивать» – *чесать* «ласкать, гладить»;
- *чесотка* «болезнь» – *часовня* «молельня»;
- *сечь* «убивать, избивать» – *сечь* арг. «соображать»;
- *иши* «нечистая сила, бес», *ишикун* «дьявол» – *ишика*

«важная персона» и пр.

Представление о «Мировом дереве» приписывало ветке, дереву и фаллическое значение, поскольку ветвь считали символом семейного счастья, плодородия (ср. *родословное дерево*; *сук-сука*). На уровне инстантов эти отношения представлены семантическими параллелями:

- *чикать* диал. «ударять» – *чикать* арг. «соиге»;
- *почка* арг. «удар в лицо» – *почка* «зародыш, побег», *почковаться* арг. «соиге»;
- *скепать* диал. «колоть» – *скопец* «кастрат»;
- *долбить* «ударять» – *долбить* арг. «соиге»;
- *катать* «сечь, бить» – *качель с висом* арг. «соиге»;

- *колоть* – *колода* арг. «фригидная женщина»;
- *сечь* «бить» – *сечь сеанс* арг. «затягивать завершение соіге»;

- *косить* «губить, убивать» – *шишка* арг. «фаллос».

Фаллические действия мыслились древними как сотворение Вселенной; «Божество фаллосом разорвало Хаос и сотворило Мироздание» [Маковский, 1996: 376]. При этом соитие считалось для мужчины равносильно смерти, где женщина – источник этой смерти. На уровне ономастов удара обнаруживается семантический цикл «удар – соитие – смерть»:

- *касать* диал. «бить» – *косач, шиш* «фаллос», разг. *каша* «праздник по случаю рождения ребенка» – *косить* «убивать»;
- *колода* диал. «орудие для обработки льна» – *колода* арг. «фригидная женщина» – *колода* диал. «гроб»;
- *колоть* – арг. *щель* «vulva» – арг. *щель* «могила»;
- *накостылять* «избить, ударить» – *костянка* арг. «vulva» – *сложить свои кости* «погибнуть, умереть», *костей не соберешь* «погибнешь» и др.

Семантика русских ономастов удара отражает и связь фаллических действий с понятиями «веревка», «нить», «волосы», которые являются символом связи трех миров, где фаллос – середина микро- и макрокосмоса:

- *касать* диал. «бить» – *коса* «прическа», *косяк* диал. «веревка из конопли» – *чесать* арг. «соіге»;
- *катать потники* диал. «бить» – *катать* диал. «выделывать из битой шерсти» – *фигурное катание* арг. «соіге»;
- *сечь* «бить» – *чесовка* диал. «клубок ниток» – *сечь сеанс* арг. «затягивать завершение соіге»;
- *долбить* «ударять» – *долотить* шуточн. «вместо стричь волосы» – *долбить* арг. «соіге».

Наш анализ показывает регулярность семантических переходов по модели «удар – дерево» и их возможные семантические связи.

2.1.5. Орологическая модель Вселенной в центр мироздания ставит «Мировую гору», что отражается в семантических циклах «удар – гора, возвышение, кочка, шишка»:

- *колоть* – скала;
- *касать* диал. «бить» – *шишка*;
- *катать потники* диал. «бить» – *катище* диал. «гора для катания на салазках»;
- *кочконуть* диал. «ударить» – *кичка* диал. «шишка»;
- *кочкать* диал. «ударять» – *кокорка* диал. «ком засохшей грязи»;
- *кокнуть* «ударить» – *кока* диал. «шишка»;
- *копать* арг. «бить» – *копна* «сложенное в кучу в виде конуса сено»;
- *кукишить* «бить кулаком» – *куковина* «бородавка»;
- *лепить* диал. «сечь, бить» – *лепест* диал. «большой комок грязи».

С другой стороны, миф о Мировой горе в славянской мифологии представлен Камнем, который был объектом почитания. Здесь Камень – центр, скрепляющий небо и землю. При ударе о камень из него источаются огонь или вода – основные стихии мироздания. Камень появляется как некий рок (ср. камень преткновения). В русских средневековых легендах, в заговорах упоминается «отец всех камней», пуп земли Алатырь, наделяемый сакральными и целебными свойствами. В некоторых заговорах он ассоциируется с алтарем, находящемся в центре мира, посреди океана, на острове Буяне. Есть и другое название этого Камня – «бел – горюч камень».

Идея «верха» в Камне органично сочетается с идеей «низа» (дыры, отверстия). Так, Камни – следовики (валуны с углублениями), напоминают отпечаток ступни. Подобные следы на Камне приписывали Христу, Богородице или святым (иногда и нечистой силе [СМ: 220]).

Идея «низа, дыры, отверстия» влечет за собой понятие «сон, смерть, иной мир». Эта семантическая группа представлена на уровне русских ономастических ударов:

- *кочка* диал. «пень, горб, холм» – *кочкарь* диал. «чугун, котел»;
- *кочкнуть* диал. «убить», *коченеть* диал. «цепенеть», *окочуриться* диал. разг. «умереть» (букв. стать кочкой);
- *колода* диал. «пень», *скала* – *колода* диал. «лодка, корыто, бочка, кружка, ларчик», *колодец*, *щель* арг. «яма, могила»;
- *ишишка* «опухоль», *иши* устар. «нечистая сила, бес»;
- *пучить* «вздувать, коробить» – *пучило* диал. «пропасть»;
- *куча* диал. «холм» – *кочкать* диал. «корчевать» (букв. удалять кочку) и пр.

Анализ семантики диалектных ономастов удара показывает регулярность семантических переходов по модели «удар – дерево» и их возможные семантические связи.

2.1.6. Зооморфная модель Вселенной весьма широко представлена на уровне русских ономастов удара.

В древности наряду с обожествлением земли формировался культ животных. При этом животные наделялись всеми качествами земли. Особое значение имели лягушки, черепахи, змеи и им подобные. Люди наделяли их разумом, волей, душой, чувствами, ставили выше себя.

В славянской мифологии лягушке присуща женская символика. По народным представлениям лягушки – обращенные люди. Их происхождение связывают с людьми, утонувшими во время всемирного потопа. В семантическую цепочку «лягушка (женщина) – нечистая сила» входят следующие значения слов, восходящих к ономастам удара:

- *холодена* «лягушка», *холодильник* арг. «полная женщина» – *иши* «нечистая сила»;
- *кукла* «женщина» – *кикимора* диал. «лешачиха», *кукан* диал. «мифическое существо» и др.

Мифологическое сознание славян особо выделяло рыб. Так, щука могла предвещать кончину рыбака, плеснув хвостом по воде (предполагалось ее близкое знакомство с нечистой силой).

Женщине сон о рыбе мог сулить беременность. В свадебных песнях рыбица, пойманная в сети, символизирует невесту [СМ: 340].

Параллелизм *«рыбы – люди»* на уровне ономастопов удара является семантически регулярным, причем связь рыбы с нечистой силой определяет преимущественно пейоративные характеристики названия человека:

- *баламут* «черноморская рыба» – *баламут* «переносчик сплетен»;
- *косарь* «рыба чехонь» – *косарь* арг. «симулянт»;
- *скалозуб* «рыба» – *скалозуб* «зубоскал, пересмешник»;
- *кыч* диал. «вид пескаря» – *кичень* «гордец»;
- *тяпуга* диал. «мелкая рыба» – *тяпуля* арг. «любовница»;
- *щабер* диал. «лещ», *щепарь* диал. «небольшой окунь» – *щепотник* диал. бран. «тот, кто молится щепотью», *щепетильный* «принципиальный» и пр.

Воплощение хлебного духа в образах животных (на основе древнего поверья) можно найти в семантических циклах ономастопов удара:

- *кычан* диал. «пес», *кыча* диал. «овца» – *куканец* яичный хлебец;
 - *колуныя* диал. «бодливая корова» – *сканец* «сканый пирог»;
 - *копунец* диал. «поросенок – копыто арг. «кусочек хлеба» и пр.
- Рассмотрим символическое значение некоторых животных.

В мифологической символике индоевропейских языков корова и другие парнокопытные считались небожителями, олицетворением неба и божества. Для славян же корова – животное, требующее особой защиты от нечистой силы. Существовал обычай дарить корову священнику или бедняку сразу после похорон. В свадебном обряде корова – обязательная часть приданого невесты и восточных и западных славян.

Понятие коровы нередко приравнивается к понятию неба. Корова и бык связаны с водой (небесной), осадками, облаками: *колуныя* «бодливая корова» – *колодезевка* «вода».

Молоко коровы противопоставлено небесному огню (в том числе молнии). «Корова» – составляющее слова «говорить». Русское «говорить» представляет собой парное слово, но давно уже не ощущается как таковое. Слово это состоит из 1)*ghou – «корова» (как объект поклонения) и 2)*ueг – «рогатый скот» [Маковский 1996: 296].

Парнокопытные связываются с идеей говорения (через удар) потому, вероятно, что идея удара заключена в функции копыта и в функции рогов. В русских ономатопах удара соотношение «баран – говорить»:

- *липак* «ягненок» – *липа в липу кладет* диал. «о складно поющем человеке», *липа* арг. «ложь»;
- *кыча* диал. «овца» – *кыча-кыча* диал. «слово-подзывание овец».

Согласно мифопоэтическим представлениям свинья символизировала смерть, преисподнюю, хотя смерть считалась неотделимой от жизни. Ср. на уровне ономатопов удара: *копунец* диал. «поросенок» – *копач* арг. «могильщик», *копать* арг. «бить».

Понятие птицы в языческом сознании связывалось с периферией по отношению к центру, где господствовал порядок, гармония в отличие от хаоса на периферии. Птица считалась вместилищем душ умерших и еще не родившихся, в связи с чем значение «птица» может соотноситься с началом и концом (чего-либо). Ср. русское поверие о бьющейся в стекло птице как предвестнике смерти.

В славянской мифологии ворон – дьявольское кровожадное начало. Он связан с миром мертвых и со смертью (ср. русское выражение «накаркать» – навлечь горе, смерть). Упоминание о вороне есть и в библейских легендах. Считается, что Ворон проклят и наказан Богом или Ноем за то, что, выпущенный из ковчега, чтобы узнать, кончился ли потоп, он не вернулся назад. В наказание за это Ворон из белого и кроткого превращается в черного и кровожадного [СМ: 116].

По модели «зарождение жизни – птица – удар, смерть» строятся следующие семантические цепочки:

- *тычка* «тычинка цветочная» – *тукалы* диал. «вороны, грачи, галки» – *тукмасить* диал. «бить»;
- *холить* арг. «совершать половой акт» – *косатка* «вилохвостая ласточка» – *косать* «бить»;
- *долбеж* «всякая дыра» – *долбила* диал. «дятел» – *долбить* арг. «бить» и пр.

Анализ семантики диалектных ономастов удара показывает регулярность смысловых связей с семантикой «животные».

2.1.7. Антропоцентрическая модель Вселенной. Согласно этой модели человек и космос – едины и в точности повторяют друг друга. Так, например, проводилась параллель: по «жилам» земли течет вода так же, как кровь течет по венам человека.

Понятие «человек» соотносится со значением «мокрый», «жидкость, влага». На уровне регулярных фоносемантических циклов русских ономастов удара:

- диал. *болтус* «врун, болтун», *оболтус* «невежа» – *болтаться* диал. «с шумом барахтаться, плескаться (в воде, реке)»;
- *капочка* диал. «мужское прозвище» – *обкапать* разг. «залить каплями»;
- *клюкала* «пьяница» – *ключевина* диал. «сырое место в лесу»;
- *копыто* арг. «глупый человек» – *копанка* диал. «плохая вода из колодца»;
- *люпа* диал. «кто пачкается в мокром» – *хлюпанница*, топкая грязь»;
- *ляпыш* арг. «доносчик» – *ляпуха* «мокрый снег»;
- *пуктуха* диал. «брюзга» – *пучинить* црк. «наводнять, топить»;
- *тяпуля* арг. «любовница» – *тяпушка* диал. «жидкое мезиво».

Человек как микрокосм в магическом сознании связывается с серединой, центром мироздания. В нем совмещено божественное начало (душа) с дьявольским (тело).

Значение «человек» может соотноситься на уровне онома-топов удара со значением «горе, боль, смерть»:

- *щап* диал. «щеголь, франт» – *копыта откинуть* сленг., арг., прост. «умереть»;
- *иши* устар. «бродяга» – *смертный час* «кончина»;
- *колода* «неуклюжий человек» – *колода* «гроб»;
- *щелка* арг. «девушка» – *щель* арг. «яма, могила»;
- *кочка* диал. «о человеке с непричесанной головой» – *кочуриться* диал. «стать кочкой», *окоченеть*, *окочуриться* разг. «умереть».

Поскольку звук символизировал творящее божество, вполне вероятно, что значение «человек» соотносится со значением «звук». Вообще, голос человека, животного, музыкального инструмента является существенной приметой «этого» мира, в то время как мир «иной» отмечен печатью беззвучия (ср. славянские заговоры, в которых болезни изгоняют туда, где не кричат петухи, не блеют овцы, не поют девушки). Во время похорон и поминок их участники общаются друг с другом шепотом (без голоса). Если невеста во время свадьбы охрипнет или сорвется голос у кого-либо из поющих в церкви во время венчания, – все это может повлечь за собой смерть одного из новобрачных. С помощью голоса (звука) оказывается возможным оградить культурное пространство от проникновения враждебных сил (ср. заговоры, обереги) [СМ: 136–137].

Таким образом можно выстроить параллель: *звук, жизнь – человек*, которая реализуется в регулярных циклах русских онома-топов удара:

- *балаболить* «молоть вздор», *балалайка* «музыкальный инструмент» – *балабызиха* диал. «говорун, краснобай»;
- *бацать* арг. «играть на каком-либо музыкальном инструменте» – *бацур* диал. «невежа»;
- *болтуха* арг. «репродуктор» – *оболтус* «невежа»;
- *ботать* арг. «говорить» – *ботало* арг. «болтун»;
- *бякать* арг. «говорить» – *бякало* «мямля»;

- *долбить* арг. «ругать» – *долбень* «дурень»;
- *кикать* диал. «кричать» – *кичень* диал. «гордец»;
- *клюкать* «куликать» – *клюкала* «пьяница»;
- *лепетать* «говорить невнятно» – *лепетун* «болтун»;
- *луна* диал. «отголосок, эхо» – *лунач* арг. «бессовестный продавец»;
- *ляпать* диал. «сквернословить» – *ляпун* диал. «плохой живописец»;
- *пукать* диал. «говорить себе под нос» – *пукалка* арг. «пожилая женщина»;
- *тюк-тюк* «звук тюканья» – *тюкальщик* «раскольничьи изуверы»;
- *чесать зубы* прост. «много говорить» – *чеснок* арг. «вор в законе».

В основе многих славянских поверий и обрядов лежат представления о тесной связи между человеком и деревом. Дерево в народной культуре славян – объект поклонения и почитания [СМ: 160]. Ср. традиционным является у русских представление о том, что мужчина должен построить дом, вырастить сына, посадить дерево.

В основе этого представления именно мужчина является продолжателем рода (поэтому следует родить сына, а не дочь). Все три «обязанности» мужчины напрямую связаны с понятием «дерево»: посадить дерево, построить дом (раньше обычно из дерева), родить сына – дать новую «ветку» в своем родословном древе.

В мифологической символике индоевропейских языков человек тоже приравнивался к дереву), причем дерево олицетворяло Божественный фаллос. Подобный фоносемантический цикл (*человек – дерево – фаллическая символика, соитие*) представлен семантикой следующих ономастопов:

- *катала* «валяльщик» – *каток* «отрубков бревна» – *фигурное катание* арг. «половой акт»;
- *качок* арг. «мужчина» – *качка* диал. «внутренняя часть коры молодых лиственных деревьев» – *качель с висом* арг. «о соитии»;

- *холень* диал. «баловень» – *костер* (букв. обрубки, обломки) – *холить* арг. «половой акт»; *шишка* арг. «фаллос».

В славянской мифологии понятие «человек» связывали с понятием «горшок» (домашняя утварь). Посуде приписывали рождение и смерть (ср. зачин загадки – притчи XVII века о горшке: «Взят от земли, яко же Адам...») Связь с человеком проявляется и на уровне названий частей горшка (ср. *горло*, *ручка*, *носик*). Параллелизм между судьбой человека и горшком присутствует до сих пор в обрядах битья посуды, отмечающих переломные моменты в жизни человека (рождение, свадьба, похороны). Горшок сравнивают с головой человека в поговорках и поверьях (ср. голова как пустой горшок) [СМ: 141].

Связь между понятиями «человек – домашняя утварь – горе, смерть, неприятность, потусторонний мир, рождение» присутствует в регулярных фоносемантических циклах русских ономастопов:

- *баламутный* «человек вздорный» – *балакирь* «кувшин, кринка» – *бальник* диал. «колдун», *балмош* диал. «сумасбродство», *баламутить* диал. «поселять раздор»;

- *кашник* «иждивенец» – *кашан* диал. «горшок» – *каша* разг. «праздник по поводу рождения», *смертный час* «кончина», *чесалка* арг. «vagina», *шишка* арг. «фаллос»;

- *колода* «неуклюжий человек» – *колода* «кружка» – *колода* диал. «гроб», *посадить на кол* арг. «о соитии»;

- *копеечник* диал. «скряга» – *копеечник* диал. «стакан» – *скопец* арг. «кастрат», *капотка* арг. «тюрьма», *копач* арг. «могильщик»;

- *гусь лапчатый* «хитрый, ловкий человек» – *лепешка* диал. «чашка, миска» – *лапистый* диал. в поговорке «и не велик, а лапист», «опасен», *лапать* «о сексуальных домогательствах»;

- *чашиник* диал. «раскольник» – *чаша* «сосуд» – *часоватъ* диал. «быть при смерти, умирать»;

- *чаплан* арг. «мужчина» – *чапаруха* «чарка, стакан» – *чапела* диал. «падучая (о болезни)» и пр.

Согласно антропоморфной модели космоса, ногам человека соответствуют корни Мирового дерева», туловищу и внутренним органам – ствол «Мирового дерева», а голове крона дерева. В священной книге древней Индии – Ведах говорится о том, как боги принесли в жертву гигантского космического человека по имени Пуруша, рассекли тело, и из его частей создали видимый мир [Маковский 1996: 117].

Фоносемантический цикл «удар – человеческий орган» реализуется в следующих ономатопах:

- *батожить* «бить» – *батана* диал. *груб* «нога»;
- *лопать* диал. «бить без пощады» – *лепetailo* диал. «язык»;
- *кочкать* диал. «ударять» – *кочева* диал. «голова»;
- *чикать* «бить палкой» – *чепчик* арг. «голова»;
- *сечь* «бить» – *шишка* арг. «фаллос»;
- *лупить* «бить, сечь» – *лупетики*, *лупачье* арг. «глаза»;
- *кочконуть* «убить» – *кочерга* диал. «о ногах», *кочережный* диал. «крючковатый нос»;
- *накостылять* «избить» – *костяшка* арг. «зубы», «руки, ноги», *костянка* арг. «кисти рук», «*vagina*», *костыга* «казанок»;
- *копать* арг. «бить» – *копыто* арг. «ноги»;
- *кокоток* диал. «удар» – *кокова* диал. «нижняя половина носа».

В древнеиндийских трактатах говорится, что человек состоит из пяти частей: голова – свет; отверстия – пространство; кровь, слизь и семя – вода; тело – земля, дыхание – воздух [Маковский 1996: 117].

Голова отождествляется с серединой – основным принципом гармонии Вселенной. Голова – символ добрых и злых намерений человека и соотносится с активным мужским началом (фаллический символ).

В антропоморфной модели Вселенной голова считалась центром деторождения, в связи с чем слова со значением «разум, понимание, ум» соотносятся со словами, имеющими значе-

ние «родить, половые органы»: др.-рус. *удъ* 'penis', но русск. *ум* (**ud-men*); др.-инд. *dhumah* «половые органы, но русск. думать; «и.-е. **moud-slo* (ср. ие. **moud* – «половые органы») > русск. *мысль*. Голова у древних считалась средоточием мужского семени. Также понятие головы связано с понятием Бездны (и соответственно – с понятиями моря и неба): ие. **uer-* «голова», так же как и Вселенная имеет семь Бездн, голова человека имеет семь отверстий [Маковский 1996: 123].

Имеет место и соотношение головы с «Мировым деревом». Эти параллели представлены в семантических циклах русских оноματοпов, построенных по модели: *голова – мужчина – дерево*:

- *чепчик* арг. «голова», *чаплажка* «темя головы» – *чаплан* арг. «мужчина» – *чипа* диал. «мелкий лес»;
- *кочева* диал. «голова» – *кочкодер* диал. «крестьянин» – *кочера* «кривая елка».

Зубы символизируют Вселенную, небо, а также мудрость; кроме того они имеют фаллическое значение [Маковский 1996: 119]. Фоносемантический цикл «зубы – мудрость – фаллос» на уровне русских оноματοпов представлен семантикой следующих единиц: *костяшки* арг. «зубы» – *сечь поляну* арг. «соображать, понимать» – *шишка* арг. «фаллос».

Нога символизирует землю, нижний мир и в то же время имеет фаллическое значение. Проследим семантику данных соотношений:

- *кочерга* диал. «о ногах» – *кочковник* диал. «чернозем» – *куча* диал. «холм»;
- *копыто* арг. «ноги» – *копец* диал. «яма с бугром» – *скопец* арг. «кастрат».

Язык – символ жизни и смерти [Маковский 1996: 120] присутствует в фоносемантическом цикле «язык – жизнь (звучание) – боль, смерть»:

- *лепетало* диал. «язык» – *лепет* «говор» – *лопануть* «ударить»;
- *ботало* арг. «язык» – *ботать* арг. «говорить» – *батожить* «бить батогами».

Согласно мифопоэтической традиции нос считался символом фаллоса и соотносился со значением «ценный, приятный, чистый» [Маковский 1996: 319]. Рассмотрим эти параллели на уровне русских ономастопов: *шишка* «нижняя половина носа» – *шишка* арг. «фаллос».

У некоторых народов нос соотносится с речью. В русском материале это тоже представлено:

- *кочережный* «крючковатый нос», *кокова* диал. «нижняя половина носа» – *кигикать* диал. «жалобно и протяжно кричать»;
- *шишка* «нижняя половина носа» – *косарики* «песня косарей».

Нос как фаллический символ соотносится со стволом дерева, которое тоже имеет фаллическую символику. Фоносемантический цикл «нос – дерево» определяется следующими ономастопами:

- *шишка* «нижняя половина носа» – *костер* (букв. обрубки, обломки);
- *коковка* диал. «нижняя половина носа» – *кокиша* диал. «дерево скрытое водой».

Следует отметить, что концепт «Вселенная» на фоносемантическом уровне представлен в рамках лишь одного из пятидесяти типов русских ономастопов, но даже это ограниченное семантическое пространство позволяет увидеть весьма полную картину мира в мифологических представлениях прошлого.

2.2. Серп-трава, медвежья косы, егорьево копые: иконизм фитонимов

2.2.1. Постановка проблемы. В.В. Левицкий отмечает, что «вместе с понятиями «связывать, соединять» и «гнуть» понятие «резать» образует единый синкретический, первоначально нерасчлененный комплекс, к которому восходит множество семантических единиц, возникших в различных индоевропейских языках в процессе их развития» [Левицкий 2009а: 69]. Не исключение в данном ряду и номинации растений, которые часто восходят в ие. корням со значением «ударять, рассекать, разрезать».

Фитонимы, в том числе и терминологического характера, часто имеют иконическую природу. На возможную иконичность термина указывают многие исследователи. В.В. Левицкий говорит о наличии определенных статистических закономерностей, характеризующих отношение «звук-смысл» не только в пластах общенародной лексики, но и в области специальной, терминологической лексики [Левицкий 2009: 71–72].

Так, акустические ономотопы лежат в основе многих немецких ботанических и зоологических терминов:

1) *knacks* «щёлк; хрусть; трах» > *Knackbeere* «земляника зелёная, полуница (*Fragaria viridis* Duch.)», *Knackbusch* «пузыреплодник (*Physocarpus* Maxim.)»; *Knackmandel* «миндаль обыкновенный (*Amygdalus communis* L.)»;

2) *kratzen* «скрести, царапать» > *Kratzdistel* «бодяк (*Cirsium* Mill.)»; *Krätenkraut* «скабиоза (*Scabiosa* L.)»; 3) *hacken* «колоть; рубить»; «мотыжить, вскапывать» > *Hackfrucht* «пропашная культура; корнеплод»;

3) *brummen* «гудеть, жужжать» > *Brummhahn* «тетерев»; 2) *trampeln* «топать [стучать] (ногами)» > *Trampeltier* «двугорбый верблюд».

Артикуляторные ономотопы в немецком языке также формируют терминологическую систему ботаники и зоологии:

1) *pfeifen* «свистеть» > *Pfeifengras* «молиния (*Molinia* Schrank)»;

2) *niesen* «чихать» > *Nieswurz* «морозник (*Helleborus* L.)», «чемерица (*Veratrum* L.)»;

3) *saugen* «сосать» > *Säugetiere* «млекопитающие (*Mammalia*)»;

4) *heulen* «выть» > *Heulwolf* «койот (*Canis latrans* Sm.)» [Шляхова, Шестакова 2013].

Рассмотрим возможную иконичность народной фитонимии¹. Всего исследовано 213 фитонимов.

¹ В данном разделе частично используются словарные материалы из рукописи статьи С. Шабалина «Звукоизобразительная природа слов с семантикой *растения*». Авторы благодарят С. Шабалина за любезно предоставленные материалы.

2.2.2. Мотив удара. Ие. корни со значением удара часто формируют значение «растение»:

1) *ударять, бить* > *растение, которое колет*: многочисленную группу составляют названия растений, имеющих шипы, колючки, «рожки» или обладающих корнеплодом, стеблем или листом острой формы: КОЛКА, КОЛУН, КОЛУХА, КОЛКУШНИК, КОЛЮТИК «бодяк» (бодяк иногда используют как средство от колик в животе, для лечения резаных ран) [Анненков 1878: 100]; КОЛКУХА, КОЛУН, КОЛЮХА, КЛЮШКА, КОЛЮШНИК, КОЛЮШКИ, КОЛКУША, КОЛОТУХА, КОЛЕТУХА, КОЛЕТУШКА, КОЛЮЧКИ, КОЛЮЧНИК «чертополох»; КОЛОВАТИК «чертополох; репейник; змееголовник»; КОЛОВАТНИК, КОЛЮЧИХА «дурнишник колючий»; КОЛОЖАР «чернушка дамасская»; КОЛОСИХА «тимофеевка»; КОЛУХА «болотный журавлиник»; КОЛЮТИК, КАЛЮХА, КОЛЮХА «название различных колючих растений»; КОЛЮТИК «чистец» < ос. *kolti < ие. *kel- «ударять» [Черных I: 413]; ПИКУЛЯ «колючая сорная трава (в посевах льна)»; ПИКУЛЬНИК «шиповник собачий» (из западноевропейских языков; ср. франц. *pique* «пика», нем. *pik* «колоть») [Черных II: 31].

В диалектах все колючие растения в целом: КАЛЮКА, КОЛЮХА, КОЛЮЧКА, КОЛЮЧНИК, РЕЗУН [СРНГ XIV: 217–220; XXV: 39]. Колючки растений: КОЛКУША, КОЛКУШКА, КОЛЮХА, ПИКУЛИНА, ПИКУЛЬКИ.

Колючим растениям, как и режущим предметам, в народной магии русских часто приписывают свойства оберегов. Так, например, в Буйском уезде Костромской губернии на дворе под воротами во все углы втыкали колючую траву *чертогон*, чтобы домовый не портил скотину [Ипполитова 2008: 324]. Колючие растения и острые предметы использовались для лечения болезней: на Русском Севере считают, что все болезни боятся чертополоха; белорусы отваром колючих трав лечили колющие боли, в частности колики и колотье в боку. В приворотной магии использовалась способность колючих растений задерживать кого-либо, цепляться за одежду, чтобы «зацепить» суженого. В календарных обрядах, на-

правленных на увеличение плодородия, укалывание символизирует коитус. В Словакии в день Святого Андрея и во время адвента ряженные парни натягивали на лицо или на руку кожу ежа и старались уколоть девушек [СМ: электр. ресурс];

2) *ударять, бить* > *растение, которое режет*: СВЕРБЕЙ «телорез» < ос. *biti < ие. *bhejǣ- «бить» [Черных I: 91];

3) *ударять, бить* > *растение, похожее на кол, колющий предмет*: КОЛОВЕЙ «рогоз широколистный»; КОЛОСОК, КОЛОСКА «щетинник»; *колосец* «вейник наземный» < ос. *kolti < ие. *kel- «ударять» [Черных I: 413];

4) *ударять, бить* > *растение, которое «бьет» болезнь*: ЗВЕРОВОИНА, ЗВЕРЬБОЙ, СВЕРБОЙ, СВЕРИБОЙ, СВЕРОБОЙ, СУРОБОЙ, ХВОРОБОЙ «зверобой»; ЗВЕРОБОЙ < о. *biti < ие. *bhejǣ- «бить» [Черных I: 49, 87, 91].

«Есть трава зверобой <...> Та трава добра от удару и от убою топить да пить» [Ипполитова 2008: 101]. В чешской легенде (Ходско) название зверобоя *prostřelенец*, объясняется тем, что этот цветок благословил Господь и наделил его силой поражать злых духов. В средневековой Польше зверобой называли «fuga daemonum» и считали растением чернокнижников. Ему приписывалась способность отгонять грозу, охранять от чар и дьявольского искушения, отгонять и умирять демонов (украинцы, зап. славяне). Как оберег его клали на порог дома, втыкали в щели дома и хлева [СМ: электр. ресурс];

5) *ударять, бить* > *растение, которым бьют*: (ПЕТРОВЫ) БАТОГИ «цикорий» < ос. *biti < ие. *bhejǣ- «бить» [Фасмер I: 38, 49, 91].

Согласно легенде, святому Петру нечем было гнать овец, и он сорвал себе цикорий в качестве прутика. По другой легенде, стеблем цикория святой Петр отгонял детей от Христа со словами, а потом бросил его на землю. Мальчишки подняли его и назвали Петровым батогом, а свои пастушеские кнутики стали украшать кисточками из кожи, напоминающими по форме цветы цикория (ср. *петров кнут* «цикорий») [Колосова 2008: 266].

2.2.3. Мотив разрезания, раскалывания, протыкания.

Ие. корни со значением «резать, рвать» также формируют значение «растение»:

1) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение, которое режет*: НОГОРЕЗ, РЕЗУНЕЦ, РЕЗУНЬЯ «телорез»; РЕЖЕНЕЦ «пырей»; РЕЖУХА, РЕЗАНЕЦ, РЕЗИК, РЕЗИКА, РЕЗЕЦ, РЕЗУК, РЕЗУКА, РЕЗУН, РЕЗУНЬ, РЕЗУНЬЯ, РЕЗУНКА, РЕЗУХА, РЕЗУЧКА, РЕЗУЧИНА, РЕЗЬ «осока»; РЕЗИКА «резуха»; РЕЗУХА «ежа сборная»; ПОРЕЗНИК «бодяк разнолистный» < ие. *цегг*- «рвать» [Черных II: 107];

2) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение, похожее на серп, секиру, топор*: СЕРП, СЕРПУХ «серпуха»; СЕРП-ТРАВА «осот»; СЕРПИЙ «серпуха красильная; бодяк; льнянка»; СЕРПУХА «бодяк; василек фригийский; герань лесная»; СЕРП ТРАВА, СЕРПИЙ, СЕРПУХА «чертополох»; СЕРПУХА «василек»; СЕРПОРИЗ «чихотник обыкновенный» < ос. **sърръ* < ие. **ser-* «острый», «резать») [Черных II: 158]; СЕКИРКИ «жимолость» < ос. **sekti* < ие. **sĕk-* «резать» [Черных II: 160]; ТОПОРИКИ «жимолость» < звукоподражательный ие. корнем **ter-* [Черных II: 251];

3) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение, которое цепляется, рвет*: РЕПЕЕК, РЕПЕННИК, РЕПЕНЬ, РЕПЕЦ, РЕПЕШОК, РЕПИНА, РЕПИЦ, РЕПНИК, РЕПОЧНИК, РЕПУХ, РЕПЬЯК, РЕПЬЯХ; РЕПИК «репешок обыкновенный» < ос. **rĕp-* < ие. **rĕp-* «кол», «хватать», «острый»; ср. словац. *repit* «са «вцепиться» [Черных II: 111]; ДЕР «слива колючая»; ДЕРИГА, ДЕРЯБА «липучка ежовая»; ДЕРНОВИНА «кошачья лапка двудомная»; ДЕРЯБНИК «кустарник с шипами»; ДЕРЕЗА, ДЕРЯБКА «подмаренник цепкий»; ДЕРНИК «терновый кустарник» < ос. **dъrati* < ие. **der-* «драть, рвать» [Черных I: 267];

Цепкость плодов репейника и листьев чертополоха обусловило их использование в магии. Так, в Сербии сват, отправляясь в дом к девушке, хватался сначала руками за репейник, «чтобы так же и начатое дело принялось»; сваты бросали репейник на парня, «чтобы девушка к нему прилепилась». Чтобы ребенок лю-

бил труд, собирали репы, которые набрались на его одежде и обуви, и оставляли в квашне, чтобы они пролежали ночь с каким-либо материалом для работы (кудель, шерсть и др.); при этом три раза говорили: «Как репей прилепился к этому, так бы прилепились и руки моего ребенка» [Колосова 2001: 64]. Чертополох на христианском Западе долгое время служит напоминанием о страданиях Христа и мучеников веры. Колючие растения, в частности терновник и шиповник, считались «дьявольским» творением. Например, на Украине полагали, что репейник и вообще колючие растения посадил дьявол, чтобы люди, цепляясь за них, ругались и таким образом грешили [СМ: электр. ресурс].

Разные виды васильков по некоторому сходству соцветий с чертополохом получили названия ЛЕСНОЙ РЕПЕЙ, РЕПЕЙНИК-ДЯТЛОВНИК, ДИКИЙ РЕПЕЙНИК, РЕПЕХИ < ос. *rēp- < ие. *rēp- «кол», «столб», «острый» [Черных II: 111; 23, с. 72]. По схожести луковицы РЕПЧАТОГО ЛУКА с РЕПОЙ в говорах его называют РЕПЧАК, ЛУК РЕПЧАСТЫЙ, а брюкву – РЕПЕНА < ос. *rēpa < ие. *rēp- «лопаться»; ср. лат. *rapa* «репа», укр. *репнути* «треснуть» [Черных II: 111].

4) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение, которое жжет, обжигает*: ЖАЛИЦА, ЖАЛЬКА «крапива» < ос. *žedlo < ие. *g^hel- «колоть») [Черных I: 291]; КОСАТНИК «аир» < *kes-: *kos-: *ks-: *sk- «ломать, резать, рубить» [Бернекер I: 491–92, 152; Фасмер II: 206, IV: 349–50, 440; Черных I: 384, II: 412, 385]. Интересен перенос свойств с листьев крапивы на ее корень. Один из народных рецептов – мазь из высушенного и истолченного корня крапивы, которой натирают тело, чтобы согреться (то есть мазь, которая дает жар, жарит) [Забылин 1880: 428]. Семантическая модель «жечь / жалить > название растения» разнообразно реализуется в народных наименованиях видов крапивы: *огонь-крапива, жара, жигавница, жгучка* и др. [Колосова 2011];

5) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение, похожее на косу в значении «переплетенные пряди, космы*: КОСА ДЕВЬЯ «гвоздика»; МЕДВЕЖЬИ КОСЫ «медвежье ухо»; КОСА «стебель

огурца»; КОСМА-ТРАВА «подмаренник»; КОСМАТИК «козлобородник; козелец»; КОСОПЛЕТКА «сорт ячменя»; ЗАЯЧЬИ КОСОПЛЕТКИ «плаун булавовидный»; БОГОМАТЕРИНА КОСА «зверобой»; КОСИЦА «ежеголовник»; КОСИЧКА «чертополох» < ос. *kos- < ие. *kes- «чесать» [Черных I: 433–434].

В названии зверобоя сохраняется представление о связи растения с Богородицей. В сказке из юго-восточной Сербии появление пятен на листьях зверобоя объясняется тем, что Богородица месила хлеб, вымыла руки, и от капелек, которые упали на листья, образовались пятна. По боснийским поверьям, ржаво-красные пятна на листьях – это кровь, оставленная Богородицей во время месячных [СМ: электр. ресурс];

6) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение, похожее на копье, пику*: ЕГОРОВО КОПЬЕ, ЕГОРЬЕВО КОПЬЕ, ЕГОРЬЕВСКОЕ КОПЬЕ «вероника ложная; медвежье ухо; герань; гвоздика; синюха» < ос. корьје < ие. *(s)кор- «разрезать» [Черных I: 426, 428]; ПИКАН, ПИКАНА, МЕДВЕЖИЙ ПИКАН «борщевик; дягиль; дикорастущий щавель»; ПИКАННАЯ ПУЧКА «борщевик»; ПИКИШИ «хвощ луговой» < из западноевропейских языков; ср. франц. *rique* «пика», нем. *rike*, нар.-латин. *ricāre* «колоть» [Черных II: 31]. Фитонимы с компонентом *егорьевский* отражают сюжет о сражении Святого Георгия со змеем и относятся к таким растениям, у которых есть органы вытянутой, заостренной формы. При этом, как это часто бывает в народных фитонимах, название и внешний вид обусловили и применение растения – егорьево копье пьют от колик в животе [Колосова 2008: 267];

7) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение, которое надо рвать, драть, отдирать*: ДЕРЕБА, ДЕРИГА, ДЕРЮГА, ДЕРЯБА, ДЕРЯБКА, ДЕРЯГА, ДЕРЯЖКА «плаун», так как его стебли отдирают для использования спор в медицине и металлургии; ДЕРГАНИ, ДЕРГАНЦЫ «особый (выборочный) род конопли»; ДЕРГУНОК «мужская особь конопли»; ДЕРГОЖНИК «клевер средний»; ДЕРЮЖКА «ряска», ДЕРЯБА «брюква»; ДЕРЯБИНА «мох»; ДЕРЯНКА «подмаренник топяной»; ПОДРАНИЦА «ду-

дочник» < ос. **dʙrati* < ие. **der-* «драть», «рвать» [Черных I: 267]; ПАСКОНЬ «мужская особь конопли» < «то, что выдергивают, выдирают», образование с именной о-огласовкой корня от глагола **ro-sceŋi* в значении «драть», далее к ие. **sken-* «отдирать» [Петлева 2003: 16–19];

8) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение с мощной корневой системой, которое «разрезает» почву*: КОРНЕВИК, КОРЕНЬ «растения вообще с мощной корневой системой»; ЧЕРНЫЙ КОРЕНЬ «скорцена» < ос. **kor-* < ие. *(s)ker-* «резать» [Черных I: 428];

9) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение, растущее на скалах или похожее на скалы*: СКАЛЬНИК «травы, растущие в скалах»; СКАЛОЗУБЕЦ «лилия кудреватая» < ос. **skala* < ие. **(s)kel-* «разрубать», «рассекать») [Черных II: 166];

10) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение, растущее в оврагах, ямах*: ПЕРЕКОП «дикая глухая мята», ПРОКОП «василистник» < ос. **kopati* < ие. **(s)ker-* «разрезать», «раскалывать») [Черных I: 426] (ср. *прокоп* в диалектах также «овраг, яма, канал»);

11) *разрезать, рассекать, рвать* > *растение, используемое при порезах*: ПОРЕЗ, РЕЗАНИЦА, РЕЗЕНИЦА, РЕЗКА «тысячелистник»; ПОРЕЗНИК «подорожник»; ПОРЕЗНАЯ ТРАВА «лишайник пармелия»; ПОРЕЗНИК, ПОРЕЗНЯ «любая лечебная трава, останавливающая кровотечение при порезах (лишайник пармелия, горечавка, тысячелистник, подорожник и др.)» [СРНГ XXX: 54–55]) < ие. **reg-* «рвать» [Черных II: 107].

2.2.4. Мотив хватания, сгребания. Ие. корни со значением «хватать, сгребать» также формируют значение «растение»:

1) *хватать, сгребать* > *растение*: ГРАБЕЛЬКИ «герань», «вязель», «горох» < *грабли* «руки», т.е. ручной способ сбора растений < ос. **grabti* каузатив к **gre(s)ti*, ие. **ghrebh-* «сгребать» [Черных I: 210, 216];

2) *хватать, сгребать* > *растение, похожее на лапу*: КОШАЧЬЯ ЛАПА «тысячелистник»; КУРИНАЯ ЛАПА, ОБЛАПА «копытень»; ЛАПА БОБРА «купальница европейская»; СОРО-

ЧЬИ ЛАПЫ «пижма»; МЕДВЕЖЬЯ ЛАПА «герань луговая; василек»; МЕДВЕЖЬИ ЛАПКИ, ЛАПУШКИ СЫРЫЕ «белокрыльник болотный»; МЕДВЕЖЬИ ЛАПКИ «гравилат прямой»; СОБАЧЬЯ ЛАПА, ЛАПУШКА, ЛАПКА, ЛАПОЧКА «клевер»; ВОРОНЬИ ЛАПКИ «ирис»; КОТЯЧЬИ ЛАПКИ «цмин песчаный»; ЛАПАЧУГА «водяной касатик»; КОШАЧЬИ ЛАПКИ «бессмертник»; ОРЛИНАЯ ЛАПКА «герань болотная»; ЛАПИШНИК, ЛАПОШНИК «кубышка желтая; лапчатка серебристая»; ЛАПКА «картофельная ботва; корни конопли; льнянка; одуванчик аптечный; кошачья лапка двудольная»; ЛАПОВНИК «молочай острый»; ЛАПОК «одуванчик»; ЛАПОТНИК «щавель конский»; КУКУШКИНЫ ЛАПТИ «венерин башмачок крупноцветковый»; ЛАПОЧКА «лапчатка гусиная»; ЛАПОЧНИК, ЛАПОШНИК «кочедыжник; герань луговая»; ЛАПУГА «морская капуста»; ЛАПУГА ЛУГОВАЯ «вербейник»; ЛАПУШКА «мать-и-мачеха; лопушник; птерис; огуречная ботва»; ЛАПЧАТКА «лабазник обнаженный»; ЛАПЫШКА «манжетка обыкновенная»; ПРИЛАПУХА «подмаренник северный»; РАЗЛАПУШНИК «прострел; подснежник»; ТРЕХЛАПНИК «вахта»; ПЯТИЛАПКА «кокушник»; ЛАПУХ, ЛАПУХА, ЛАПУШНИК, ЛОПУХА, ЛОПУШНИК «чертополох; репейник» < ос. **lapa* < ие. **lep-* «хватать», **lor-* «быть плоским; ладонь» [Черных I: 466].

Таким образом, диалектный материал показывает, что формирование картины мира растений (фитонимов, в том числе терминов) на базе ономастопов удара является частотной моделью.

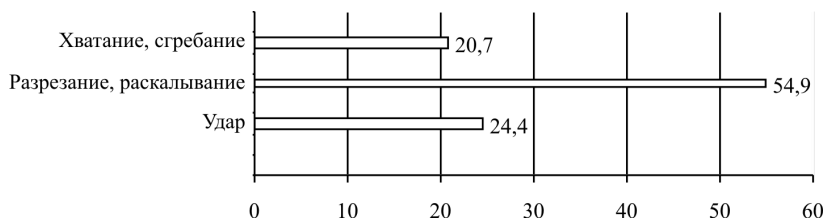

Рис. 41

Этимологический анализ показывает (рис. 41), что основным мотивирующим признаком в номинации фитонимов является мотив удара, раскалывания, разрезания (79,3 %), что обусловлено свойствами или внешним видом растения. Мотив хватания, сгребания (20,7 %) связан с собирательством и заготовкой.

3. Антропосфера

3.1. Фоносемантический Человек: иконизм соматизмов

3.1.1. Постановка проблемы. На основании теории полиэтимологичности можно предполагать, что многие соматизмы утратили свои связи с примарной мотивированностью и включились в систему иных смысловых связей. Именно фоносемантический этимологический анализ позволит установить иконизм русской соматической лексики.

Метод сплошной выборки из многочисленных словарей русского языка (см. Лексикографические источники) позволил выделить 1566 русских соматизмов, которые зафиксированы в литературных, диалектных, жаргонных и медицинских словарях (табл. 16).

Таблица 16

№	Соматизмы (инвариант, нейтральный член синонимического ряда)	Тип словаря (% всех номинаций)			
		Медицинский	Литературные	Диалектные	Жаргонные и сленговые
1	2	3	4	5	6
1	Бедро	10	30	60	0
2	Борода	0	75	0	25
3	Волосы	20	10	40	30
4	Глаза	3	4	35	58
5	Голова	3,8	3,8	11,4	81
6	Горло	6	6	33	56
7	Грудь женская	3	11	5	81
8	Губы	11	11	22	56

Окончание табл. 16

1	2	3	4	5	6
9	Живот	3	9	42	46
10	Vulva	2	3	3	92
11	Зад	0	0	3	97
12	Зуб	7	14	27	52
13	Кожа	14	14	58	14
14	Колено	10	10	50	30
15	Ладонь	0	27	52	21
16	Лицо	0	5	18	77
17	Лоб	0	50	40	10
18	Лысина	0	0	10	90
19	Мошонка	10	5	5	80
20	Фаллос	0,002	0,002	1,7	82
21	Нога	1,6	3,2	28,2	67
22	Ноготь	25	0	75	0
23	Нос	8	4	10	78
24	Пальцы	4	4	59	33
25	Пуп	10	30	30	30
26	Рот	2	2	13	83
27	Рука	1	5	28	66
28	Спина	0	13	74	13
29	Стопа	9	18	73	0
30	Туловище, тело	34	33	22	11
31	Ухо	8	16	8	68
32	Шея	7	14	34	45
33	Щеки	20	20	0	60
34	Язык	11	33	11	45
	По всем словарям	3	6	26	65

Анализ данных показывает, что функционирование соматизмов смещено в жаргонно-арготический вариант русского языка (65 % от всей выборки). Наименьший процент (3 % всей выборки) составляют соматизмы из медицинских словарей; литературные словари содержат 6 % всего корпуса соматизмов, диалектные – 26 %. Диалектные и арготические словари включают 91 % выборки всех соматизмов.

Литературный язык наибольшее внимание уделяет таким частям тела, как *борода* и *лоб*. В диалектном сознании актуали-

зированы *бедра, волосы, кожа, колено, ладонь, ногти, пальцы, спина и нога*. В арготическом и сленговом материале актуализируются *глаза, голова, горло, грудь женская, губы, живот, vulva, зад, зуб, лицо, нога, фаллос, мошонка, лысина, нос, рот, рука, ухо, шея, щеки и язык*.

Именно арготическое и сленговое сознание особенно «интересуется» человеческим телом, что может быть обусловлено несколькими причинами: 1) более высокая степень табуированности и эвфемизации в литературном языке; 2) ориентированность арго в целом на «профессиональную» (криминальную) и «физиологическую» (сексуальную) сферу бытия; 3) наибольшая сохранность «архаических» состояний языка в диалектных и арготических сферах национального языка.

Всего было проанализировано 112 единиц иконического происхождения.

3.1.2. Мотив разрезания, раскалывания, протыкания

БОРОДА в народной традиции, как и волосы, символ жизненной силы, плодородия, роста и обилия; с точки зрения церковной традиции – «образ Божий», а также знак, отличающий православного от католика. В Древней Руси Б. была эквивалентом мужского и человеческого достоинства. В русском обычном праве – знак зрелости, социальной полноценности [СМ: электр. ресурс].

Борода – праслав. основа **bord-*, вероятно, значила «острая, колкая», восходит к ие. **bhar-/*bher-* «быть острым, колоть, торчать» и «резать» [Цыганенко 1989: 38]. Общеславянское **borda* < ие. **bordha* «борода» [Черных I: 104]. ие. платформа **bhardha* [Pokorny 1: 110].

Звукоизобразительное значение по данным этимологии – *резать, колоть*.

Ср., например, выражение *по бороде*, сопровождающееся характерным движением тыльной стороны ладони по подбородку, в значении «кинуть», «обмануть», т.е. буквально – «обрезать правду».

Народное сознание связывает с бородой идеи

1) значимости – ничтожности: *Сам с ноготь, а борода с локоть; Сам с локоток, борода с ноготок; Старичок с кувшин, борода с аршин;*

2) мудрости – глупости: длина бороды часто осмыслялась как «долгота» ума: *Борода выросла, а ума не вынесла; Борода с ворота, а ума с прикалиток. Бородой в люди не выйдешь; Борода уму не замена; Борода глазам замена; Не трясси головой, не быть с бородой; На аршин борода, да ума ни на пядь; Борода в честь, а усы и у кошки есть; Мудрость в голове, а не в бороде; Принес свою бороду на посмешище городу; Борода велика, а ума не на лыко;*

3) безделья: *Дом вести – не бородой трясти;*

4) чести и совести: *По бороде Авраам, а по делам – Хам; Бородка Минина, а совесть глиняна.*

5) божественного – мирского: *По бороде Авраам, а по делам – Хам. По бороде хоть в рай, а по делам – ай-ай! По бороде апостол, а по делам собака.*

ВОЛОСЫ. Культурная семантика волос – символ жизненной силы, энергии, силы мысли, мужественности, эротической силы, богатства, изобилия и т. д. [Мазалова 2001].

Волосы – мн. от *волос*, слово развилось из праслав. **volsъ* (Цыганенко 1989: 67). *Волос* – ос. **volsъ*, др.-инд. *Valsah* «отросток», «гибкий прут», «ветвь». Ие. база **uel-k-* > ос. *volkno* (> рус. *волокно*) [Черных I: 163]. По М. Маковскому слово *волосы* восходит к ие. корню **uel-*, **uol-*, **uer-*, который имеет звукоизобразительные значения «разрывать, рассекать», «давить, теснить», «огонь, гореть», «издавать звуки», «гнуть, изгибать» [Маковский 1999: 413, 358].

Многие лексические синонимы также имеют иконическое происхождение:

ПУХ, ПУШОК «о тонких волосах, часто младенца». Того же корня, что *пыхтеть, пухнуть*. Вероятно, суф. производное от звукоподражательного *пу*. Первоначально – «дуновение» (ср.

сербо-хорв. *puhati* «дуть», чешск. *puhati* «дышать» и т.д.) [Шанский 2004: электр. ресурс] < ие. **peus-*: **pus-*: **p(h)ũ-*; ср. лит. *pūsti*, *puciù* «дуть», *pūslė* ж. «пузырь», *pūsti*, *puntù* «надуваться», лат. *pustula* «пузырек», норв. *føysa* «надуваться», возм., греч. *φῦσα* «кузнечный мех, пузырь», *φῦσάω* «фыркаю», арм. *րՊսկՊ* «дыхание, дуновение», а также др.-инд. *pupphusas* «легкое», *pupphulas* «вздутие», *pupputas* «опухоль неба», *phutkarōti* «дует» [Фасмер: электр. ресурс].

КОСА, КОСМЫ < ос. **kos-* < ие. **kes-* «чесать» [Черных I: 433].

ПРЯДИ родств. *Прясть*. Общеслав., имеющее соответствия в балт. и герм. яз. Современ. *прясть* из **pręditi* в результате изменения dt > tt > ст, перехода ę в «а и отпадения (уже в историческую эпоху развития русского языка) конечного безударного и. См. *пряжа* [Шанский 2004: электр. ресурс]. Праслав. **pręsti*, **prędo*, далее сюда же лит. *sprėndžiu*, *sprėndžiau*. *spręsti* «обтягивать, обмерять», лтш. *sprīēžu*, *sprīēst* «натягивать, растягивать», лит. *sprindis* «пядь», англос. *sprindel* «силок, крючок» [Фасмер: электр. ресурс].

ЧУБ < **skubъ*, **skubti* > *скубу*, *скусть* (ср. *гребу* – *грести* «деру, драть») в диалектах и др. слав. яз. еще известного. Чуб буквально – «вырванный клоч волос», затем – «клок волос, который можно драть, дергать». Ср. драть за волосы [Шанский 2004: электр. ресурс]. *Скубу́* «драть (за волосы); ошипывать (птицу)», инф. *скусть*, калужск., *скубти́*, южн., *ску́бить*, курск., псковск., смол., *скубти́*, сарат.; укр. *скубу́*, *скубти́*, *скубсти́*, блр. *скубу́*, *скуць*, цслав. *скубъ*, болг. *ску́бя* «деру, рву; ошипываю», сербохорв. *ску́псти*, *ску́бе́м* «рвать, дергать, щипать» [Фасмер: электр. ресурс].

СОСКИ, СОСУЛЬКИ «о грязных волосах» < ие. межд. **su-*, как и в др.-инд. *súpas* м. «похлебка», наряду с ие. -b-: др.-исл. *súra* «пить хлебная», д.-в.-н. *súfan* – то же, нов.-в.-н. *saufen* «пить, пьянствовать», далее – ие. расширения на задненёбный: лтш. *sùkt* «сосать», лат. *sūgō*, -ere «сосать», *sanguisūga* «кровопийца», *sūcus* «сок», др.-исл. *súga* «сосать», д.-в.-н. *súgan* – то же. Слав.

слова могли произойти из **sъpsati*. Ср. аналогичные звукоподражания: ит. *ciocciare*, нем. *zuzeln*, чеш. *čičati*, в.-луж. *сусаś, сускаś* «сосать» [Фасмер: электр. ресурс].

РЯСЫ связ. с *рјсá* «шнур, бахрома», *рјска* «бахрома», зап., южн., псковск., перм. (Даль), укр. *рјса* «колос», *рјсній* «густой, пышный», *рјсиця* «складка», болг. *ресá* «пучок волос, бахрома, серьга», сербохорв. *рјса* «сережка на дереве, бахрома, кисточка», словен. *рјса* «ость, бахрома, ряска (раст.)», чеш. *řasa* «ресница, водоросль», словц. *riasa* «водоросль, ресница, складка», польск. *rzęsa* «ресница, серьга», в.-луж. *rjesa* «ряска», н.-луж. *rěsa* «сережка на дереве – вербе, ольхе, березе». Вероятно, из **rędsā*, связанного с *rędъ, ręditi* (см. *ряд, рјдѣть*) [Фасмер: электр. ресурс]. Родств. *рјд, орудіе*, лит. *rinda* «ряд, линия», латышск. *rist, riedu* «приводить в порядок». *Орудіе* Общеслав. Суф. производное от *орѣдъ* или *орѣда* «работа», в других слав. яз. еще отмечаемого. Ср. *орудовать, соорудить*. Того же корня (с перегласовкой *o/e*), что *ряд*. Значение «работа» > «орудие» аналогично рус. *дело*, польск. *działo* «орудие» [Шанский 2004: электр. ресурс].

ЛОКОНЫ. Заимств. в Петровскую эпоху из нем. яз., где *Locken* «локоны» – форма мн. ч. от *Locke* «локон», того же корня, что греч. *lygos* «изогнутая ветка», лит. *lūgnus* «изогнутый» и т.д. Локон буквально – «завиток» [Шанский 2004: электр. ресурс].

ЗАВИТОК, ЗАВИТУШКА родств. *вить* Общеслав. индоевроп. характера (ср. лит. *vūti* «вить», лат. *viēre* «плести», др.-инд. *vayati* «плетет, ткет» и т.д.). См. *ваять*. Общеслав. Каузатив к глаголу *вить* (как *садить* – к *сесть, поить* – к *пить* и т.д.). Развитие значения шло таким образом: «заставлять виться > плести > лепить из глины > высекать из камня» (ср. др.-инд. *vāyati* «плетет, ткет») [Шанский 2004: электр. ресурс].

ШЕРСТЬ родств. *шорох*. То же, что *шорох* в *шороховатый*. Суф. производное от звукоподражательного *шер* (см. *шар* в *шаркать, шур* в *шуршать* и т. п.); е > о под ударением перед твердым согласным [Шанский 2004: электр. ресурс]. Праслав. **sъrstъ* родственно лит. *šiurkštūs* «грубый, жесткий», д.-в.-н.

hursti «cristas», ирл. *carrach* «покрытый струпьями, каменистый» (из **karsāko-*); др. ступень чередования – в лит. *šerūš* «щетина», лтш. *sars*, мн. *sari* «щетина». Далее связано с *шершавый, шóрох. Шóрох, шершiть* «шуршать». По-видимому, звукоподражательное [Фасмер: электр. ресурс].

ГРИВА. Общеслав. Суф. производное от той же основы (с перегласовкой), что и *гора*. Исходное значение – «покрытая растительностью возвышенность», отмечается в др.-рус. яз. И диалектах. См. *загривок, гривенник. Гора* Общеслав. Родственно др.-инд. *giri* «гора», лит. *girià* «лес», алб. *gur* «скала» и т.д. Возможно, того же корня, что и *жерло, горло, струя*. В таком случае исходное значение – «родник», т. е. «жерло, источающее воду» (на горе) > «гора» > «растущий на горе лес» > «лес» [Шанский 2004: электр. ресурс]. Необходимо указать на связь слова грива со словами *горло, жрать* [Фасмер: электр. ресурс]. *Горло* < ие. корня **gher-/*ghel-* «глотать, жрать» в звуковой разновидности **ghor-/*ghol-*. Этот корень происходит, вероятно, от звукоподражания и значит – «с жадностью втягивать пищу, издавая при этом характерные звуки *гл ... (гр...)*» [Цыганенко 1989: 89].

ХВОСТ Общеслав. Родств. слова отмечаются лишь в герм. яз. (ср. ср.-в.-нем. *queste* «пучок, хвост»). Исходное значение – «пучок, кисть» (травы или шерсти) [Шанский 2004: электр. ресурс]. Родств. п.-á, *хвостáть* «хлестать, париться баннным веником», *хвосту́ха* «лисица», *хвоиц*, укр. *хвіст*, род. п. *хвостá*, блр. *хвост*, др.-русск. *хвостъ, хвостати* «хлестать, наказывать», чеш. *chvostati* «хлестать баннным веником», словц. *chvost* «хвост», др.-польск. *chost* «пучок, хвост». Якобсон (IJSLP, 1/2, 1959, с. 274) указывает на родство *хвост* с большим кругом экспрессивных слов на **xvo-/*xva-/*xvě-/*xou-/*xu-* «качать, хватать» в соединении с -t-, -st-, -j- [Фасмер: электр. ресурс].

КУДРИ, КУДЕРЬ, КУДЕРСЫ, КУДЕРКИ, КУДЕРЦЫ, КУДЕРЮШКИ, КУЧЕРЯ < ос. **kōdrь*, объясняемого как преф. производное от **drь*. См. *драть* [Шанский 2004: электр. ресурс] < ос. корень **dēr-*, как в *депу*, < ие. **dēr-* «колоть», «драть» [Черных II: 284]. Родственно *кудeль*. Сюда же *кудло́* «клок, свалывшийся пу-

чок волос, шерсти». Далее сравнивают с лит. *kedeni, kedenti* «щипать, чесать шерсть» [Фасмер: электр. ресурс].

Народное сознание связывает с волосами идеи:

1) похожести, идентичности: *Волос в волос, голос в голос* (точь-в-точь);

2) угрозы, страха, опасности: *Висеть на волоске* (едва держаться); *Волосы становятся дыбом* (от ужаса, негодования); *У тетушки Василисы дыбом волосы свились; На волосок от смерти* [Даль: электр. ресурс]. *Волосы шишом стали (поднялись)*. Кого-л. охватил страх, испуг. *Как увидела волка, сразу волосы шишом стали, с места сдвинуться не могу* [СПГ];

3) глупости: *Волосок, что бабий голосок – тонок да долог; Волос долог – ум короток; Волос глуп, везде растет; Волос трава, скосить можно; На голове густо, а в голове пусто; Волосу многонько, а разуму маленько; Кудри не мудры, да вши хороши!* [Даль: электр. ресурс];

4) эмоций: *С радости кудри выются, с печали секутся* [Даль: электр. ресурс];

5) малости: *на волосок от смерти;*

6) большого, многого: *Столько долгу, сколько волос на голове* [Даль: электр. ресурс];

7) растительности: *На клубу сад, в саду девицы гуляют (волосы и вши)* [Даль: электр. ресурс];

8) возраст: *Не гребень волосы чешет, а время* [Даль: электр. ресурс];

9) неблагополучия, трудностей: *Волосы отстанут*. Трудно что-л. переносить, переживать. *В войну жись такая была, что волосы отстанут*. [СПГ].

ЗУБЫ архетипически символизируют нападение и оборону, являются древнейшей эмблемой агрессивной и защитной силы.

Зубы < праслав. *zObъ вследствие изменения в вост.-слав. языках носового Q в у (в польск. *zab* «зуб», ст.-сл. zObъ – то же, носовой сохранился) [Цыганенко1989: 148]. Зуб «острый выступ». Ос. *zobъ. Родственны образования в др.-инд. *Jambhah* «зуб», «клык», и.-е *gombhos «зуб» корень *gembh- «кусать»,

«раскусывать, жалить» [Черных I: 330]. Др.-рус. *зубъ*, словен. *zob*, н.-луж. *zub*, первоначальное значение «раздробитель» < ие. **ghon-bhos* «выступ», от ие. **gen-* «рожать» [Фасмер II: 106].

Лексические синонимы иконического происхождения:

ПИЛА, Вероятно, заимств. из д.-в.-н. *fila*, *fihala* «напильник», др.-сакс. *fila*, др.-англ. *fil*, которые родственны греч. *πέικο* «чешу, стригу, царапаю», *πικρός* «острый», др.-инд. *piṃçāti* «вырубает» [Фасмер: электр. ресурс].

ЧЕЛЮСТИ, связано с *челó* и *устá*. *Уста* мн., укр., блр. *вустá*, др.-русск., ст.-слав. *оуста στόμα*, болг. *устá*, сербохорв. *ýста*, словен. *ústa*, чеш., слвц. *ústa*, польск. *usta*, в.-луж. *wusta*, н.-луж. *husta*. Родственно др.-прусск. *austo* «рот», лит. *áuščioti* «болтать, шептаться», др.-инд. вед. *ḍṣṭhas* м. «губа», дв. ч. *ḍṣṭhāu* «губы», авест. *aošta-* м. «губа», лат. *ausculum*, буквально «ротик» [Фасмер: электр. ресурс].

НАКРАЙНИК, связано чередованием гласных с *кро́ить*, *крою́*. Родственно лтш. *krijāt* «лупить, драть» [Фасмер: электр. ресурс]. Миклошич допускает производство от *кроить*, мгр. *крайти* «отрезать, надрезать». Горяев видит здесь инде. корень **qer-*, (*s*)*qer-* «резать» [Преображенский I: 376]. Глагол на *-ati* с продленным корневым гласным (итератив дуратив) от **krojiti*: **krdj-* > **krajati*. [Трубачев 12: 87]. ие. словопроизводный ряд: **krojiti* < **krojb* < *kriti*. Лишь последний (точнее: первоначальный) член этого ряда мы вправе возводить непосредственно к ие. *(*s*)*krei-* «резать, разделять» и связывать с его продолжениями в других языках. Слав. **kriti* (вар. **skriti*) «резать, разрезать на куски» давнее **krojb* и т. д., прямо не сохранилось, хотя и имеются косвенные признаки его существования в производных **krizati* и **skrizalb*. Выше в связи с производными словами **kridlo* (см. (вар. **skridlo*) и **krivъ* говорилось также о другом прямо не сохранившемся слав. глаголе **kritij*, **skriti* «крутить, гнуть, кружить», который, будучи этимологически тождественным с **kriti* «резать», очень рано омонимизировался, отошел от него в своем развитии [Трубачев 12: 181–182].

КЛЫКИ. Суф. производное (ср. язык, камык «камень») от утраченного *кълъ* (ср. др.-рус. *клы* «клыки», польск. *kiel* «клык», чешск. *kel* – тж. и др.), образованного (с перегласовкой *ь – о*) < *колоть* [Шанский 2004: электр. ресурс]. Из праслав. **кълыкъ*, производного с суф. *-ыкъ* от **кълъ*, образ. от нулевой ступени (**къл-*) огласовки глаг. корня **колти* [Шапошников I: 402] < ос. **kolti* < ие. **kel-* «ударять» [Черных I: 413]. Из праслав. **колти* < ие. глаг. **kel-* «бить, тыкать, колоть» [Шапошников I: 413]. *Клык* букв. «бивень», «то, чем бьют, колют» [Цыганенко 1989: 91].

ЖЕРНОВА < праслав. **žьrnovъ*, по-видимому, представляет собой расширение основы на *-и* краткое. Др.-инд. *grāvan-* м. «камень для раздробления сомы» [Фасмер: электр. ресурс] < ие. корень **g̑erā* «жернов» [Преображенский I: 230]. Из праслав. **жърны*, род. **жърньве* < ие. **gʷrni-* «мельница». Жёрнов – одно из самых древних изобретений человечества. Он состоял из двух круглых, лежащих друг на друге мельничных кругов, или камней, к-рые быстрым вращением верхнего терлись друг о друга. Звук жёрнова напоминал о труде, деятельности и благополучии. [Шапошников I: 271].

БИВНИ < глаг. *бивать*, многократного к *бить*. Клыки названы по выполняемой ими функции: служат для нападения и защиты (ср.- др.-рус. *бивъливьи* «драчливый», соврем, прост, *убивец* «убийца»). См. *бить*. [Цыганенко 1989: 31] < *бить* родственно д.-в.-н. *bīhal* «топор», также *bil*, арм. *bir* «дубинка, палка», греч. *φίτρος* «ствол дерева, кол, колода», ирл. *benim* (**bhināmi*) «режу, бью», *biail* «топор» [Фасмер: электр. ресурс]. Очень старые отношения глагольного и именного вокализма **biti*: **bojъ* позволяют реконструировать глагольную основу **bei-*. Свидетельство слав. **biti* имеет ту ценность, что отражает чистую глаг. основу **bheid-*, представленную в большинстве ие. языков в связанном, производном виде [Трубачев 2: 100].

Народное сознание связывает с зубами идеи:

1) возраста, опыта: *Поднять бы ему губы, да заглянуть в зубы* (на годы); *Старикам по зубам; И то зубы, что кисель едят; Съела бабушка зубы, а остались язык да губы; Мы на этом зу-*

бы съели (опытны). По состоянию зубов можно определить возраст человека: «*поглядеть в зубы*» значит узнать возраст [Мазалова 2001: 46–48];

2) голода: *Нечего на зуб положить; Зубы есть, да нечего есть; Положить зубы на полку; Кабы не зубы, так и душа бы вон!; Не точи зубка на чужих куски, был бы хлеб, а зубы съищутся* [Даль: электр. ресурс];

3) холода: *Зуб на зуб не попадает; Щелкай зубами да свищи в ноготок* [Даль: электр. ресурс];

4) защиты – нападения, опасности, силы, смелости: *Кабы не зубы, так и душа бы вон; По зубам, да по когтям и зверя знать; Ему на голодный зуб не попадайся; Тут надо и волчий зуб и лисий хвост; Уснула щука, да зубы не спят; Руки лижет, а зубы на оскале* [Даль: электр. ресурс];

5) желаемого – возможного: *Глаз видит, да зуб неймет; Не по зубам мне эти орешки; Глаз меток, да зуб редок; Око видит, да зуб неймет* [Даль: электр. ресурс];

6) острословия: *Невеличка мышка, да зубок остер; Простота святая, да ее ж и на зубы поднимают; Полно тебе зубы скалить; И волк зубоскалит, да не смеется; Поднять кого на зубки; Попасть кому на зубы; По бороде апостол, а по зубам собака; С виду гладок, да на зуб не сладок*. [Даль: электр. ресурс];

7) незнания, бестолковости: *Ни в зуб ногой;*

8) веселья, насмешливости: *У насмешливого зубы белы; Хохочи, коли зубы хороши* [Даль: электр. ресурс];

9) поздно, не вовремя: *Когда зубов не стало, тогда и орехов принесли* [Даль: электр. ресурс];

10) счастья, достатка: *Счастливому и в зубах вязнет* [Даль: электр. ресурс];

11) смерти – рождения. Зубы – выступающая часть тела и названы по основной функции кусания. О.Н. Трубачов считает слово *зуб* генетически связанным с ие. **gen* – «рождаться, поколение». В основе его семантики лежит мотив «продирания – выступления», что подтверждает лексика: диал. *озобаться* «забеременеть», *зябить* «о проростающем ростке». *Зуб* ассоциируется с зародышем. Загад-

ка «*За стеной, за стеной сидит барашек костяной*» одновременно означает плод в утробе и зуб во рту. Зубы считались основой возможного возрождения после смерти. Зубы относятся к твердым, долгое время (после смерти) сохраняющимся частям тела; одно из диал. названий – *камы* (камень) от *ak(e)men* – нечто острое, твердый камень, кремьнь. Зубы сравниваются с растениями, деревьями: «*За белыми березами талалай живет*». Зубы являются зримым выразителем жизненной силы. Их отсутствие свидетельствует о малой концентрации жизненной силы (у младенцев, стариков). Зубы также связаны с представлениями о смерти: потерять во сне зуб – примета смерти, выражение «*загибать зубы*» означает «умирать» [Мазалова 2001: 46–48].

КОЖА в индоевропейской мифологии являлась символом бессмертия, и имела фаллическое значение > «*половые органы*», которые связаны со значением слов «*понимать, разум, думать*» др.-инд. *dhumah* «половые органы» > рус. *думать*; ие. **moud-sla* «половые органы», рус. *мысль* [Маковский 1996: 193], ст.-сл. *кожа*, словен. *koza* «козья шкура» [Черных 1: 459].

Лексические синонимы иконической природы:

КОЖУРА, ШКУРА, КОРА < ос. **skora* (: **skara*) ие. корень **(s)ker-* / **(s)kor-* «резать», «разрезать», «отделять».

Народное сознание связывает с кожей идеи:

1) изменения, обмана, двуличности: *сменить / сбросить / поменять кожу / шкуру; волк в овечьей шкуре; Хоть змея и в новой коже, да сердце у нее все то же; Скинула кожу змея, а яд при ней остался; Ни кожи, ни рожки, а хвостом вертит* [Даль: электр. ресурс];

2) опыта: *Старая кожа крепка* [Даль: электр. ресурс];

3) стремления, старания, иногда бесполезного: *Из кожи вон лезет; Дерет, дерет, а кожи нет* (толку нет) [Даль: электр. ресурс];

4) красоты – некрасоты: *Ни с кожи, ни с рожки; Мойся, хоть кожу сотри, а белее воды не будешь; Кормят быка, чтоб кожа была гладка, Ни кожи, ни рожки* [Даль: электр. ресурс];

5) ума: *Нет за кожей, не пришьешь и к коже; К коже ума не пришьешь* [Даль: электр. ресурс];

6) защиты: *Своя кожа рубахи дороже (ближе); Человек божий обшит кожей*. В телесных представлениях русских кожа считается внешней оболочкой тела, которая выполняет защитные, охранительные функции и является границей между человеком и внешним окружающим миром. У восточных славян сохранилось поверие о том, что в прошлом кожа была такой же твердой и крепкой, как у современных людей ногти [Мазалова 2001: 13];

8) страха: *Мороз по коже* (дрожь от страха);

9) наказания: *За грех и кожа под застрех* [Даль: электр. ресурс];

10) жестокости: *С живого кожу дерет; Сжалился волк над агненком, покинул кости да кожу* [Даль: электр. ресурс];

11) близости, родства: *Кожа коже сноровит* [Даль: электр. ресурс].

КОЛЕНО олицетворяет производительную силу, живучесть. Посадить кого-то на колено означало признание отцовства. Это символ усыновления и материнской заботы. Преклонить колени – означает отдать должное человеку более высокого положения, умолять о чем-то, признать свое подчинение и более низкое положение. Колено – одновременно означает часть тела и потомство, поколение, род. По представлениям многих народов колени – средоточие генеративной силы, источника жизни [Мазалова 2001: 41–42].

Колено < праслав. **koleno* > ие. **kolenos*, производному с пом. суф. -en- от того же корня **(s)kol-/*(s)kel-* «раскалывать, рассекать» (ср. член). Следовательно, колено первоначально «часть чего-то целого», «часть рода», «поколение», «часть чего-то от изгиба до изгиба», «изгиб, сустав» [Цыганенко 1989: 181]. Колено, поколение > ие. **kuel-*: **kuol-* «происходить». Колено, ср. лат. *genu* – «колено» и *geni* – «род» [Фасмер I: 289]. Из праслав. **колёно*, производного с суф. -но от несохранившегося глаг. **колёти*, продолжения ие. корня **k^wel-* / **kel-* со знач.

«вращаться, подниматься, расти, происходить, становится рождаться». История развития этого корня в праслав. демонстрирует вычленение из него разнообразных названий частей тела (колени, челюсть, чело), названий рода (челядь, человек), названий артефактов (челн, колесо). [Шапошников I: 411].

Лексические синонимы иконического происхождения:

ПЕРЕЛОМ, родств. *ломать* < ос. **lomiti* < ие. **lom-* «ломать») [Черных I: 490]. Из праслав. **ломати*, имперфектива на *-ати*, соотносительного с **ломити*. Первоисточник: ие. глаг. **lem-*: **lom-*. [Шапошников I: 480]. Ср. лит. *lámdyti*, *lámdui* «ломать так, чтобы не распадалось на части», *laminù*, *laminti* «укрощать (лошадь)», др.-исл. *lemja* «бить, разбивать, препятствовать», но не лат. *laniō*, *-āre* «раздирать, терзать» [Фасмер: электр. ресурс].

КОЛЯНКИ, *коленки* < ос. **kolti* < ие. **kel-* «ударять» [Черных I: 413].

Народное сознание связывает с коленом идеи:

1) принуждения, унижения: *Поставить на колени; Коленей не подгибай, да брюха не выставляй, да не относи заду* [Даль: электр. ресурс];

2) бесстрашия, бесшабашности: *Море по колено; Пьяному море по колено* [Даль: электр. ресурс];

3) родства, рода, поколения: *до седьмого колена; из колена в колено;*

4) обмана: *Заломить через колено (обмануть)* [Даль: электр. ресурс];

5) размера, степени: *Воробью по колено, журавлю по лодыгу; Старому воробью по колени; Плохому по уши, удалому по колена* [Даль: электр. ресурс].

ЧЛЕН, др.-рус. *челенькъ*, *пачеленькъ* «небольшой член», укр. диал. *челенки* мн. «фаланги пальцев», болг. *члан*, *члян* «сук», сербохорв. *члан* «лодыжка, часть виноградника», словен. *clen* «сустав, член, лодыжка». Праслав. **celenъ* связано с чередованием с *koleno* (см. *колени*). Считают родственным др.-инд. *katas* > **kaltas* «бедро» [Фасмер IV: 369-370]. В форме *член* сло-

во в русском языке появилось из ст.-сл. *челепь*. Ос. **celenъ* < ие. корень **kuel-* (Pokorný I, 639) тот же, что и в «колени» [Черных II: 392]. Ие. **kelnъ* образовано с суф. *-n-ъ* (как стан) от *(*s*)*kel-* *(*s*)*kol-* «рубить, раскалывать, рассекать». Следовательно, слово *член* букв. значит «осколок, щепка», откуда дальнейшее «часть, элемент чего-либо» [Цыганенко 1989: 486]. См. об этом ниже.

ЖИВОТ – древнеславянское слово первоначально значило «жизнь», «источник жизни», откуда дальнейшее – «богатство, имущество» (устар.) и «часть тела человека или животного». Ср. др.-рус. *животь* «жизнь», «имущество»; чеш. *život* «жизнь»; в.-луж. *život* «тело»; от живот в знач. «жизнь». Праслав. **životъ* > животь образовано с помощью исчезнувшего в современном языке суф. *-ot-ъ* от прил. **živb-* «живой», «жить». Ему родственны: греч. *bíotos* «жизнь, образ жизни, средства к жизни»; лит. *gyvatas* «жизнь» [Цыганенко 1989: 130]. Ос **životъ*, корень **živ*. Ие корень **guei-*: **guiu-* тот же, что и в ос. **ziti-* **živъ* (> рус. «жить, живот») [Черных I: 302]. Прасл. **gívota* = **vivita*, от лат. *vita* > **vivivta* (> **guiuota-* «жизнь») [Фасмер II: 52]. А.М. Газов-Гинзберг и С.В. Воронин доказывают, что понятие *жизнь* в разноструктурных языках восходит к звуку дыхания [Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982].

Лексические синонимы иконического происхождения:

ЧРЕВО «живот, утроба» (устар.) < ст.-сл. *чрѣво* «живот, желудок» через праслав. **servo* «живот» < ие. **kervo* – «живот» < **kervo* образовано с суф. *-v-* < **ker-/kor-* «резать» и первоначально значило «резень», «то, что разрезают, когда разделяют убитое животное» [Цыганенко 1989: 486].

БРЮХО о.-г. **brust-* < ие. **bhreus-* «набухать, вздуться» [Черных I: 116; Фасмер I: 225]. Из праслав. **brъuxo*, восх. к ие. диал. **bhreuso-*, производн. от глг. **bhreui-*: **bhroui-*: **bhrū-* «набухать» [Шапошников I: 83].

ПУЗО, пу-з-о < **peu-*, **pu-* «дуть, надувать, вдуть», как *пух-*, *пых-* **peu-s*, **pu-s* [Преображенский II: 151]. *Пухнуть* < ие. **peus-*: **pus-*: **phūs-* «вздуться, набухать». Соответствия: лит.

pūsti, pucīi «дуть», *pūsti, puntū* «надуваться», др.-инд. *pupphuṣa-* «лёгкое», *puphula-* «вздутие», *pūṣyati* «процветает», др.-греч. *fusŷw* «фыркаю». Ср. *пузо, пышный*.

КОПИЛКА, родств. *копить*. Общеслав.: др.-рус. *копити* «собирать, накапливать, сосредоточивать (например, войско)». Является деноминативом от **кора* «копна, стерна, единица меры, исчисления (обычно 60 штук чего-л.)» [ЭСРЯ II, 8: 304]. Есть основания думать, что лексема (и семема) **кора* оформилась уже в условиях развитого сельского хозяйства, и это лучше всего объясняет его мотивацию, очевидно, по модели «стог (сена)» «жердь, шест (вокруг которого укладывается сено)». Исходное значение «жердь, шест» вполне объяснимо от глагольной семантики **kopati* «бить, забивать». Емкое значение «укладка сена» послужило исходным для более общего «куча», состав укладки сена обычно из определенного количества снопов был использован и для числовой абстракции («количество 60») [ЭССЯ 11: 12].

Народное сознание связывает с животом идеи:

1) жизни – смерти: *Лишиться живота* (умереть); *Лишить кого живота* (известить или убить); *Животы не нитка: надорвешь, не подвяжешь; Весь живот прах возьми! Смерть живота не любит; Либо смерть, либо живот; Лопни моя утроба; Нет мне ни смерти, ни живота; Живот животы дает, а смерть все отберет; Всякий живот боится смерти; Посадские животы толсты, да коротки; а дворянские тонки, да долги; Бог дал живот, бог даст и здоровье* [Даль: электр. ресурс];

2) рождения, детей, животных: *Куда голова, туда и животы; Чрево (утроба) все грехи скажет* (т. е. беременность); *Адам заключи древом, а Ева выстонала чревом; Хлеб да живот* (т. е. скот) *и без денег живет; Живот болит, а детей родит; Богат Мирошка, а животов – собака да кошка;* [Даль: электр. ресурс]. *Брюхо прильнуло. Забеременела. Прильнуло ко мне брюхо, а я и не знала. Пустое брюхо. Пустая беременность. А то еще было пустое брюхо. Однажды пятнадцать недель было пустое брюхо: пустой пузырек, там вода; дак пока пузырек не*

лопнет, все мутишься. [СПГ] *Вовка-то напьется пьяной, придет домой да орет – не мой-де живот Мишка-та, ты его набегала!* [СПГ];

3) голода – сытости: *Ешь, покамест живот свеж; И худой живот, да хлеб жует; И поджарый (и тонкий) живот без еды не живет; Живот крепче, на сердце легче; Жить было еще, да в животе стало тощо; Поет кочеток, весть подает про милый животок; Тощий живот ни в пляску, ни в работу; Голод живота не пучит, а натошак веселей (свежей); И худой живот, да хлеб жует; Чеснок да редька, так и на животе крепко; Горох да репа животу не крепка; Репа брюху не крепка; Голод не тетка, брюхо не лукошко. С голоду брюхо не лопнет, только сморщится; И тесно и на брюхе пресно; Брюхо болит, на краюху глядит; С нету в брюхе не зарычит (не заерычется); Брюхо не гусли, не евши не уснет; Брюхо – злодей: старого добра не помнит* [Даль: электр. ресурс];

4) боли, болезни, тяжести – здоровья, благополучия (душевного и физического): *Рад бы сердцем, да живот, что лыко; Животы – не нитки: надорвешь – не подвяжешь; Взяло котя поперек живота; Живот крепче – на сердце легче; Словно кто в брюхе на дрожках (на колесах) ездит; Брюхо больного умнее лекарской головы* [Даль: электр. ресурс];

5) лени – труда, силы: *Обед брюха не ищет; Хлеб за брюхом не ходит; Тит, поди молотить! – Брюхо болит. – Тит, поди кисель есть! – А где моя большая ложка?* [Даль: электр. ресурс]. *Брюхо тонковато. Не хватает сил, способностей, чтобы сделать что-л. Одному-то избу не срубить – брюхо тонковато, дак помочь созывают. Брюхо тонковато у тебя, Санко, чтоб самому свистульку сделать. Володино Сол. Че-то плохо вы едите; брюхо, видно, тонковато* [СПГ];

6) статуса, состоятельности, богатства, имущества – бедности: *У него всех животов одна избенка; Мы животами обеднели; Смерть животы кажет (достаток); Отцевщина и дедовщина – храповщина; а мил животок, коли сам наживешь! Купил бы городки, да животы коротки; И рад бы в корольки (т.е. вы-*

рядиться), да животы коротки; Ни кола, ни двора, ни мила (или: ни мала) живота; Все животы наши нищий в котомке унесет; Это нам не по брюху; В мужицком брюхе и долото сгниет [Даль: электр. ресурс]. Тогда уж свадьбу едут с животами, с невестиным-то добром, к жениху [СПГ]. Ни скота ни живота. Об отсутствии хозяйства. У меня ни скота ни живота нету, ничего нету, совсем одна живу [СПГ];

7) меры, жадности: На поминки идет – брюхо в семь овчин сошьет; Кабы у меня брюхо из семи овчин, все один бы съел; Яства много, коли брюха не жаль (да брюха жаль) [Даль: электр. ресурс]. Мякинное брюхо. О неразборчивом и жадном до еды человеку. Андрей, вылезай из-за стола, набил уже, на-верное, свое мякинное брюхо [СПГ];

8) правды – лжи: Разорви тому живот, кто неправдой живет! [Даль: электр. ресурс];

9) зависти: На чужой живот гляди, да сохни [Даль: электр. ресурс];

10) гордыни, заносчивости: Коленей не подгибай, да брюха не выставляй, да не относи заду [Даль: электр. ресурс];

11) греховности: Приняла б душа, а брюхо не прогневается; Постись духом, а не брюхом! Согрешишь и еще, когда в брюхе тощо [Даль: электр. ресурс];

12) смеха: живот надрывать; Животы рвать. Смеяться до изнеможения. Я так смотрю на его, глаза уставила, ничё не говорю. А те не терпят нисколько, только животы рвут, хохочут, перестать не могут [СПГ].

ГОЛОВА, ЧЕРЕП у славян ассоциировалась с верхом, главенством, интеллектуальными способностями человека, рассматривалась как средоточие жизненной силы, вместилище души и ума. Согласно космогоническим представлениям, изложенным в стихе о Голубиной книге, вышний мир «зачался» от головы Бога [СМ: электр. ресурс].

ГОЛОВА < возможно, ос. **golva*, **glova* – сначала значило «голая голова, лысая голова», возм. «череп» < ие. корень **gal-*,

тот же, что и ос. **golъ*, **golъjъ* [Черных I: 190]. Ст.-сл. *глава*, словен. *glava*, праслав. **golva* может быть родственно *желвь* «черепаша, желвак» [Брандт РФВ, 22: 122]. С другой стороны, сближают с *голый*, лат. *calva* «череп» от *calvus* «лысый» [Фасмер: электр. ресурс]. От **gel-* < **ghel-* со знач. «камень», первонач. знач. «твердая». [Цыганенко 1989: 81]. Наиболее вероятное осмысление **ghdlu-* «голова» в установлении его родственной связи с ие. **ghelu-* «черепаша», сюда же праслав. **zely*, выступающее не только в знач. «черепаша», наиболее весом типологически, ср. русск. *чепен* – *чепеша*, лат. *testa* – *testudo*, но и в знач. «шишка, опухоль» [ЭССЯ VI: 221]. Родство названий *чепеша*, *шишки* и названия *голова* хорошо показывает экспрессивный, инновационный характер этого последнего слова [Шапошников I: 184].

ЧЕРЕП родственно др.-инд. *karparas* «черепок, скорлупа, череп», связано с лит. *kerpu*, *kirpti* «резать» [Фасмер 1: 341]. Праслав. **segrъ* возникло из **kerpos* «осколок, черепок» > «скорлупа, череп» в результате изменения к перед гласн. переднего ряда е в согласн. ч (по первому смягчению заднеязычных), -os > -ъ. В слове **kerpos* суф. -p- и корень **ker-/kor-* «резать, рубить» [Цыганенко 1989: 475].

Некоторые лексические синонимы имеют звукоизобразительное происхождение:

УМ, РАЗУМ, «познавательная и мыслительная способность чел.». Древн. слав. слово. Праслав. **umъ*, давшее соврем. *ум*, полагают, происходит от ие. **au-men* «ум, рассудок», собств. «ясное сознание», «бодрствование», «способность замечать, узнавать, познавать» (ср. в др.-рус. *роз-ум-ъ* отмечалось знач. «указание, знак»). На слав. почве дифтонгический корень **au-* со знач. «противоположное сну состояние» развился в *и-* перед последующим согласн. суффикса; предметный суф. -*m-a* (как зима) сократился в -*m-ъ*. Слову *ум* соответствуют: ст.-сл. *авѣ* «явно»; лит. *auменис* «память», *ovis* «бодрствую», *ovuje* «инаяву»; др.-инд. *avib* «зримый», *avis* «явный». От сущ. *умь* в древности образован с суф. -*ъ-ти* глаг. *умѣти* > *уметь* – первонач. «пони-

мать», вторичное «быть в состоянии что-либо сделать». В рус. яз. гласн. ъ изменился в е, конечный безударный -и утратился [Цыганенко 1989: 449]. Ие. *au- «воспринимать органами чувств, слышать, понимать». Лат. audio, audivi, auditum, audire «слушать, внимать» [Шапошников II: 456].

КОПИЛКА от *копить* буквально «сгребать, собирать в копны». [Шанский 2004: электр. ресурс].

Народное сознание связывает с головой идеи:

1) начала – завершения, полноты, высокой степени: *уйти с головой; С головой*. С концом, окончательно. *Старшой брат на войну ушел – и с головой; похоронка токо и осталась; Во всю голову (головушку) / По головушке..* Очень громко. *Я не понимаю, она мне во всю голову кричит. Суседка пришла, на дочи жалуется, по головушке ревет; На злу голову*. Очень сильно. *На злу голову боюсь студеной-то воды – в реке уж мне-ка не бразживать; С головы на голову*. Все до одного. *На маслену-то с головы на голову, все у катушки соберутся; и старые, и малые, все придут* [СПГ];

2) обилия – недостатка: *С похмелья, да с голоду, разломило буйну голову* [Даль: электр. ресурс];

3) совести-ответственности: *Головка воровка: денежки пропила, а сама болит да болит; Рука согрешит, а голова в ответе; Не рок головы ищет, сама голова на рок идет; Подумаешь умом, головушка кругом! Была бы голова, будет и петля; Одна голова на плечах, да и та на ниточке; Тяжело голове без плеч, худо и телу без головы; Куда голова, туда и животы; Не бей по голове, колоти по башке; Муж в дому – что глава на церкви, жена в дому – что труба на бане; Не рок головы ищет, сама голова на рок идет* [Даль: электр. ресурс];

4) храбрости – страха: *Свою голову положу, да твою-то с плеч снесу; Голова большая*. О ком-л., находящемся в состоянии обеспокоенности, страха. *Мужика схоронила, дак одна-та в доме спать не оставалась, суседку звала – чё, ведь думно, голова большая* [СПГ];

5) ручательства, гарантии: *За это головой ручаюсь; Хоть голову на плаху; Вот меч (топор), вот голова моя* [Даль: электр. ресурс];

6) мудрости – глупости: Голова наряду с сердцем считается основной частью тела, местом расположения жизненной силы, души и ее силы. Означает мудрость, ум, управление и контроль. В голове есть место как для разума, так и для глупости. *Видно, он о двух головах. Хоть на голове-то густо, да в голове пусто. Была бы голова на плечах, а хлеб будет. Не всяк умен, кто с головою.* [Даль: электр. ресурс]. *Голова на левой резьбе.* О человеке, не способном соображать вследствие болезни, опьянения. *Он пьяный был, ну не как стелька, а все же чуть-чуть голова на левой резьбе4.* «А» в голове. О человеке психически неполноценном. *У его «а» в голове-то, от его толку-то нет* [СПГ];

7) состоятельности – бедности: *Была бы голова, будет и борода. Не отболит (не отвалится) голова, вырастет и борода. Была бы голова, будет и булава* [Даль: электр. ресурс];

8) гордости, заносчивости: *Была бы голова, будут и рога; Голова вверху.* О ком-л. заносчивом, высокомерном. *Которы парни идут, здороваются, а другой – голова вверху – знать дескать не знаю* [СПГ];

9) эмоционального состояния: Движения головы выражают эмоциональные состояния, негативные: печаль, стыд или замешательство «*повесить буйну голову*», «*понуришь голову*», «*поникнуть головой*»; а также выражение отчаяния «*хоть головой о стену бейся*» [Мазалова 2001: 16, 17], позитивное – «с гордо поднятой головой». *Голова с плеч валится (свалится).* Кто-л. удивляется. *Если я вам про свою жизнь все, у вас голова с плеч свалится* [СПГ].

Боги и мифологические персонажи с двумя головами, такие как Янус, символизируют начало и конец, прошлое и будущее, вчера и сегодня, солярную и лунную силу. Пословица: *Одна голова хорошо, а две – лучше.* Две головы означают также суждение и различие, причину и следствие, видение внутри и снаружи.

По народным представлениям голова – одна из доминантных частей тела, она –местилище сознания, орган (мозг), управляющий всем телом. Считалось, что через голову в тело человека могут проникать болезни и там локализоваться: «*все болезни от головы*» [Мазалова 2001: 16, 17].

НОС др.-рус., ц.-слав. *носъ*, с.-хорв. *нос*, словен. *nos*, < прасл. **nozǫbra* от «нос» и «деру» [Фасмер III: 84]. Ос. **nosъ* < ие. *nasos*, ие. корень **nas-*. Лат. *nas(s)us* > ие. **nasos* (ср. *naris* (< *nasis*) «ноздря» [Черных I: 578]. *Деру* < ие. **dĕr-* «колоть», «драть» [Черных II: 284].

Лексические синонимы иконического происхождения:

НОЗДРЯ, НОЗЫРА, НОСЯРА см. *нос*.

НОСОПЫРКА, 1) см. *нос* 2) *пы́рить* «топорщить (перья)», «щетиниться», сербохорв. *piřiti*, *piřim* «дуть», чеш. *piřeti*, *poiřiti se* «надуваться». Родственно лит. жем. *išpiūti*, *išpūstu*, *išpūrai* «топорщить (перья), ощетинить, надуваться», *rapūreš* «взъерошенный»; ср. *растопы́рить*. От *раз-* (*роз-*) и *пы́рить* «растопырить» с экспрессивным -то-, как в чеш. *roztomilý* «милейший» наряду с *rozmilý*. Ср. *распы́рить крылья*, польск. *rozpyrzyć* [Фасмер: электр. ресурс].

СОПАТКА < *сопеть*. *Соплю́*, диал. также «дуть (о ветре)», «пить», сербохорв. *сопџти*, *сопџм* «пыхтеть, сопеть», словен. *sopĕti*, *sopsti*, *sopet* «шумно дышать, фыркать», чеш. *sopiti* «пыхтеть, сопеть». Преобр. (II, 357 и сл.) предполагает звукоподражание и сравнивает с *сипџть*, *шипџть* [Фасмер: электр. ресурс].

РУБИЛЬНИК < *рубить* < праслав. **rĕbъ*, давшее др.-рус. *рубъ* «кусок», «одежда», болг. *рџб*, польск. *rĕb* «рубец» < ие. **rombh-*, обр. с суф. -bh- от **rom-/rem-/lom-/lem-* «рубить». Этимол. ему родственны: лит. *rumbas* «рубец, шрам», *ruva* «граница»; лтш. *ruobs* «зарубка», *remesis* «плотник», собств. «рубящий»; др.-в.-нем. *ramft* «край» [Цыганенко 1989: 361].

ПУГОВКА < *пуговица*. Перссон отделяет др.-инд. слова и относит **rĕgu* к **rĕkъ* (см. *пук*, польск. *paĕ* «почка», *peĕ* «пучок»), предполагая различные расширения корня. *Пук* др.-русск.

пукъ, чеш., словц. *rik* «росток, почка», польск. *ręк* «пук», *rąk* «почка». Неотделимо от *пукать* «лопаться», слова, возм., звукоподражательного происхождения [Фасмер: электр. ресурс]. др.-рус. *пукъ* «связка» восходит к праслав. **рикъ* «то, что трескается, лопается» > «вздутость» > «почка». Это слово, вероятно, образовано с суф. -к- (как крик) от звукоподражания *пу...* [Цыганенко 1989: 341].

НЮХ, *нюхать*. Общеслав. Одни толкуют этот глагол как родственный *ухать* «пахнуть» (см. *вонь*, *благоухание*), объясняя начальное *н* так же, как в словах типа *нутро*, *недра*, а его мягкость – экспрессивностью образования. Другие считают его родственным *нос*, *ноздри*, нем. *Nüster* «ноздря», др.-в.-нем. *niusen* «выслеживать» (по запаху). Предпочтительнее кажется первое [Шанский 2004: электр. ресурс].

РЫЛОЧКА < праслав. **gydlo*, связанное с *рыть*, *рвать*. Родственно лит. *ráuti*, *ráuju*, *róviau* «дергать, вырывать, полоть», *ravéti*, *raviù* «полоть», *rūtis* «картофельная яма, погреб», лтш. *raūt*, *rauju*, *raūni*, *rāvi* «рвать, дергать, брать», др.-инд. *rāvati* «разбивает». *Рвать*. Родственно лит. *ravéti*, *raviù* «полоть», лтш. *ravēt*, др.-инд. *rāvati* «разбивает, дробит», прич. *rutás*, лат. *ruō*, -ere «разрывать, раскапывать» [Фасмер III: 528].

Народное сознание связывает с носом идеи:

1) большого – маленького: *Этот нос на просторе (на славу) взрос! Носишка с пуговку; Этот нос сто лет рос* [Даль: электр. ресурс];

2) некрасоты, уродства: *Эка носина, с соборное гасило! Нос, как х.. прирос* [Даль: электр. ресурс];

3) поздно – рано: *Ранняя птичка носок прочищает (наклевавшись), поздняя глаза продирает* [Даль: электр. ресурс];

4) состоятельности – бедности: *Тому виднее, у кого нос длиннее; Не по носу нам табак* (т. е. не по достатку); *Куда шестом не достанешь, туда носом не тянись; Мал носок, да загибает кусок* [Даль: электр. ресурс];

5) смерти: *Ходить в лесу – видеть смерть на носу (либо деревом убьет, либо медведь задерет)* [Даль: электр. ресурс];

6) любопытства: *Совать нос во что-л.; Не тычь носу в чужое просо* [Даль: электр. ресурс];

7) высокомерия, зазнайства: *Нос не по чину; Задирать нос; Не подымай носу, спотыкнешься* [Даль: электр. ресурс];

8) обмана: *Водить кого-то за нос; Оставить кого-то с носом* [Даль: электр. ресурс];

9) непрозорливости, недогадливости: *Не видеть дальше носу;*

10) отсутствия дистанции, близости: *Сойтись нос к носу; Что-л. на носу; Куда шестом не достанешь, туда носом не тянись* [Даль: электр. ресурс];

11) наказания: *Спрос не бьет в нос; Кто возьмет без спросу, тот будет без носу* [Даль: электр. ресурс];

12) трудолюбия: *Этот песок прильнет на носок (дело отзовется); Всякая птица своим носом сыта; Так работаем, что недосуг носа утереть!* [Даль: электр. ресурс];

13) ума, интеллекта: *Нос (борода) с локоток, а ума с ноготок; Горбатый нос себе на уме* [Даль: электр. ресурс];

14) приметы: *В носу свербит – к радостной вести; Чешется кончик носа – вино пить, либо к вестям; Нос чешется к старости* [Даль: электр. ресурс].

В культурном аспекте является фаллическим символом, что подтверждается современной лексической и фразеологической семантикой: *Я ему утру нос; Рожжа теркою, нос бороздилком; Не ходи в суд с носом, а ходи с приносом; Нос курнос, а рыло дудкой; Нос крючком, борода клочком; Под носом взошло, а в голове не засеяно; Нос – будто х.. прирос*.

РОТ < др.-рус. *ръть* «острие, клюв» с.-хоров. *рт-* «острие, вершина», чеш. *ret.* род. п. *rti* «губа». Связано скорее с *рыть*, *рыло* [Фасмер III: 506, 507]. Словен. *rt* – «острие, горный выступ, мыс». Др.-рус. *ръть* «рот». Ос. **ръть* (?). В этимологическом отношении очень трудное слово. Проще, вслед за Миклошичем (Miklosich, EW, 285) и другими к ос. **ryti* (рус. *рыть*) < ие. корень **reu-* **rou-* **ru-* возможно рот не первоначально, старшее значение могло быть «морда, рыло» [Черных II: 123,

124]. *Pom* старшим значением может быть *морда* – родственно др.-инд. *murdhan-* «лоб, голова, вершина, верхушка» [Фасмер 653], *морда* = *рыло* др.-инд. *mardati, mrdnati* – «дробить», «сжимать», «уничтожать», *рыло* – чеш. *ridlo* «резец», словцк. *rydlo* «резец, лопата» Прасл. *gadlo* «рыть, рвать» [Фасмер III: 528].

Лексические синонимы иконического происхождения:

УСТА. Родственно др.-прусск. *austo* «рот», лит. *áuščioti* «болтать, шептаться», др.-инд. вед. *ōṣṭhas* м. «губа», дв. ч. *ōṣṭhāu* «губы». Др. ступень чередования гласных: лит. *uostà* ж., *úostas* м. «устье, гавань», др.-инд. *ās-*, *āsán-*, *āsyám* ср. р. «рот», лат. *ōs*, род. п. *ōris* ср. р. «рот», авест. *āh-* – то же, ирл. *ā* «рот», др.-исл. *óss* м. «устье реки» [Фасмер: электр. ресурс].

ПАСТЬ, *прѡпасть*, чеш. *past'* ж. «ловушка». Первично, по-видимому, знач. «пропасть», от *падý*. Ср. знач. в.-луж. *khlama* «морда, пасть» из нем. *Klamme* «овраг». *Паду*. Родственно др.-инд. *padyatē* «падает, идет», прич. *pannás*, кауз. *pādāyati*, авест. *paideyēiti* «идет, приходит», *ava-pasti-* «падение» [Фасмер: электр. ресурс]. Др.-рус. *пасти* восходит к праслав. **padti* «пасть» В нем *dt* > *tt* > *st*. Праслав. **padti* представляет собой застывший дат. п. сущ. **padь* «низ, провал, впадина». Следоват., *пасть* букв. значит «падать вниз, проваливаться» > «падать на землю», «валиться на землю» > «погибнуть» [Цыганенко 1989: 291].

ХАВАЛЬНИК, родств. *хавкать* «есть, лаять», псковск., тверск. (Даль), укр. *хавкати* «жадно есть». Звукоподражательное [Фасмер: электр. ресурс].

ЧЕЛЮСТЬ. Во всяком случае, связано с *челó* и *устá*. Первая часть, по-видимому, содержит производное на *-jo-* от *čelo*. См. *уста* [Фасмер: электр. ресурс]. Праслав. **čelo* < ие. **kel-* «верх, возвышенность». На слав. почве перед *e* звук *k* изменился в *s*. Ср. родств.: греч. *kolonos* «холм»; лат. *celsus* «возвышающийся, высокий», *collis* «холм»; лит. *kelti, keliu* «поднимать», *kalnas* «гора» [Цыганенко 1989: 476].

ХАЙЛЁ, родств. *хаю* «ругать, осуждать», напр. арханг. (Подв.), с.-в.-р., вост.-русск. (Даль), др.-русск. *хаяти* «поносить». Возм., экспрессивный вариант *kajati. кáяться, окáять*

«порицать», укр. *káyti* когó «упрекать», ст.-слав. «каяться», болг. *kája* се, сербохорв. *kaĵati* «(ото)мстить», словен. *kájati* «порицать», чеш. *káti* se «каяться, раскаиваться в ч.-л.», польск. *kajać* się, в.-луж. *kać* so, н.-луж. *kajaś* se «каяться». Связано чередованием гласных с *цена́* (см.), родственно др.-инд. *sáyatē* «мстит, наказывает», авест. *kāy-* «оплатить, каяться», *čikayaī* «пусть он раскается, накажет, отомстит», *kaēnā* «наказание, месть» и др. [Фасмер: электр. ресурс].

ХЛЕБАЛО < *хлебать*. По-видимому, звукоподражательное, как *хлипать* [Фасмер: электр. ресурс].

ЗЕВКИ «челюсти (у человека)» < *зевать* «кричать, громко говорить, плакать». Укр. *Zivati*, русск.-цслав. *zъвати*, сербохорв. *zijevati*, *zijéвам*, словен. *zevati*, чеш. *zivati*, польск. *zięwas*, в.-луж. *zuwas*. Сюда же *зиять*. || Ср. лит. *ziovauti* «зевать», лтш. *zavat* – то же, *zavas* ж., мн. «зевание», д.-в.-н. *giwep gewon* «зевать» [Фасмер: электр. ресурс].

Народное сознание связывает с ртом идеи:

1) жадности: *Рот уж болит, а брюхо все есть велит; Полон рот, а есть просит; Дал Бог ротик – даст и кусочек; Смирен, смирен, а не суй перста в рот!* [Даль: электр. ресурс];

2) речи – молчания: *Чужой рот не свои ворота, не затворишь; На чужой роток не накинешь платок; Рот не огород, не затворишь ворот; На чужой рот пуговицы не нашьешь; Набери воды в рот; Как воды в рот набрал* [Даль: электр. ресурс]. *Рот пропал*. Кто-л. замолчал. *Девка-та поела у меня селёдки, у ней и рот пропал* [СПГ];

3) громкой речи: *Драть рот*. Очень громко и много петь и кричать, говорить. *Не дери рот-от, хватит, девки уж вон устал; Широкий рот*. О человеке с громким голосом. *У мужа-то моего рот широкой был, напьётся, дак кричит на всё село* [СПГ];

4) грубости, сквернословия: *Большой рот*. О грубом человеке. *У её рот большой, но я ей не попустию, тоже отлаять могу; Оглоблей в рот въехать*. Оскорбить, унижить. *Она меня отлаяла, а я не такая, чтобы мне оглоблей в рот въехать можно было, не попустилась* [СПГ];

5) насмешки: *Рот пелить*. Издеваться, смеяться. *Сейчас они рот-от пелят, издеваются над ей, всё надсмеиваются* [СПГ];

6) памяти: *Изо рта выскользнуло*. Внезапно исчезло из памяти. *Шла, девки, к вам, писню хотела спеть, все помнила, щас вот изо рта выскользнуло* [СПГ];

7) аппетита, насыщения, поглощения пищи: *По усам текло, а в рот не попало* [Даль: электр. ресурс]. *По полному роту*. С большим аппетитом. *Лошадь-то у тебя мнёт – по полному роту* [СРГЮП].

Рот – отверстие в теле человека, которое в народных представлениях связано с приемом пищи. Рот связан с представлениями о подземелье, глубине, болоте: «*Лежит колода, посреди болота*». Рот рассматривался как один из входов в тело, через который проникают болезни. И через него же душа покидает тело. В народных представлениях рот имеет устойчивую связь с детородным органом женщины. Рот также связан со словом: «*Плевка не перехватишь, слова не воротишь*» [Мазалова 2001: 26–28].

НОГОТЬ < др.-рус. *ногѣть* «ноготь, коготь» < праслав. **nogъть* [Цыганенко 1989: 259] < уменьшит. от *нога*. Родственно лит. *nagutis* «ноготь, коготь» [Фасмер III: 80]. *Коготь* – в.-луж. *kocht* «терн, шип» [Фасмер 275].

Лексические синонимы иконической природы:

КОГТИ. Скорее всего, представляет видоизменение под влиянием *ноготь* (< *ногѣть*) первичного **kokъть* > производного с помощью суф. -*тъ* (ср. *ноготь*, *локоть*) от **kokъ* (ср. диал. *кок* «железные вилы», *кока* «удар костью согнутого пальца»). Последнее, возможно, родственно лит. *kėrgė* «крюк», латышек, *kėgis* «костыль», др.-в.-нем. *hachit* «щука», *hakō* «крюк», англосакс. *hok* «крюк» [Шанский II 7: 184].

ЦАРАПКИ. Позднее образование, в основе которого лежит звукоподражание [Фасмер: электр. ресурс].

КОПЫТА < *копѣть*, ср. польск. *kopać* «копать, рыть; пинать, бить копытом», др.-русск. *копысати* «лягаться» [Фасмер: электр. ресурс]. Др.-рус. *копати* < праславянскому **kopati* «бить, ударять», «колоть, ковырять» [Цыганенко 1989: 188].

Народное сознание связывает с ногтями идеи:

1) труда – безделья: *Щеголи, от безделья ногтищи отрицают* [Даль: электр. ресурс]. *Со своих когтей*. Своим трудом, стараниями. *Все надо со своих когтей; дров нет, хлебушка нет, все надо добывать* [СПГ];

2) наглости: *Дай волю на ноготок, а он возьмет на весь локоток* [Даль: электр. ресурс];

3) чести – достоинства: *Мал ноготок, да остер. Не велика птичка, да ноготок остер; Ноготь увяз – всей птичке пропасть; Мужичок с ноготок, а борода с локоток* [Даль: электр. ресурс].

4) бесчувственность: *Как ноготь*. О твердом, бесчувственном. *А раз они не послушались, а тело было как ноготь, панцирь, не было у них чувства, хоть и были они муж и жена, у них не было чувства для греха, они святые б* [СРГЮП];

5) малости (маленький): *Жилья с локоток, а житья с ноготок; Скажешь на ноготок, а перескажут (вырастет) с локоток* [Даль: электр. ресурс]; *мужичок с ноготок, борода с локоток;*

6) глупости: *Нос с локоть, а ума с ноготь* [Даль: электр. ресурс];

7) несчастья, горя: *Горе, что ногти* (все растет) [Даль: электр. ресурс]; *У счастливого – волосы, у несчастного – ногти* (быстро растут);

8) управления, зависимости: *к ногтю; Свербеж напустили, а ногти остригли* [Даль: электр. ресурс]. *Бить ногтем*. Ущемлять в правах, возможностях. *Нас бьют ногтем, не дают ничего сказать. Под семью когтями*. В кабале, полной зависимости. *Взамужем – под семью когтями, сам себе не хозяин* [СПГ];

9) злости: *Он давно на него ногти грызет, острит* [Даль: электр. ресурс];

10) возраста: *с молодых /младых ногтей*.

Ногти – один из покровов тела, который меняется на протяжении жизни, как и зубы, их отличает признак нетленности, они принадлежат к бессмертным частям человеческого тела или «при жизни принадлежащим смерти». Раньше детям до года не стригли ногти, чтобы не лишить ребенка жизненной силы, не

укоротить его век. Так же существовал запрет стричь волосы до года. Их откусывали зубами. Ногти и волосы связаны с представлениями о судьбе, веке, доле. Ногти являются каналом связи с иным миром, так как связаны с ним. Изменение цвета ногтей предвещает перемены в жизни, скорую смерть. Ногти, как и волосы, используются в приворотной магии: «Чтобы тосковал мужчина» [Мазалова 2001: 52–54].

3.1.3. Мотив звук, звучание (не включая звуки удара)

ГОРЛО < праслав. **gьrdlo* «горло» < ие. корня **gher-/*ghel-* «глотать, жрать» в звуковой разновидности **ghor-/*ghol-*. Этот корень происходит, вероятно, от звукоподражания и значит – «с жадностью втягивать пищу, издавая при этом характерные звуки *гл ... (гр...)*» [Цыганенко 1989: 89]. В словаре П.Я. Черных о.-с **gьrdlo*, корень **gьr-*. На славянской почве ср. ос. **zьrati* «жрать» < ие. корень **guer-*: **guerэ-* «пожирать», «с жадностью глотать» [Черных I: 205].

Лексические синонимы иконического происхождения:

ШЕЯ. Праслав. **šija* > *шия* достоверной этимол. не имеет. Возможно, это слово образовано с пом. суф. *-j-a* от **šiti* > *шити* в знач. «соединять, связывать»: шея связывает голову с туловищем. *Шить*. Праслав. **šiti* образовано с пом. глаг. суф. *-ti* от ие. корня **ši-* со знач. «протыкать», «связывать, скреплять» (шкурры). [Цыганенко 1989: 493].

ТРУБКА < *труба*. Заимств. из д.-в.-н. *trumba* «духовая труба» или из ср.-лат. *trumba* то же, ит. *tromba* то же. [Фасмер: электр. ресурс] < праслав. **trьба* < прагерм. Звукоподра. **trumpa*, **trumba* «тимпан, труба» [Шапошников II: 431].

ГОРТАНЬ, ГЛОТКА. Первоначально корень, аналогичный по происхождению *глотать*, лат. *glattio*. Родственно лат. *glutio*, *glatire* «проглатывать, поглощать» [Фасмер I: 414] < исчезнувшего сущ. *гльть* «горло», производного с суф. *-т-ь* от подражания звукам *гл – гл*, которые возникают при интенсивном заглатывании пищи (др.-рус. *глькъ* «шум» как *звукъ*). Сущ. *глотка* «верхняя часть пищевода» этимол. связано с *глотать* [Цыганенко 1989: 82].

ЗЕВ < зевать «кричать, громко говорить, плакать» [Фасмер: электр. ресурс]. См. выше.

ХАЙЛЁ < родств. хаю «ругать, осуждать» [Фасмер: электр. ресурс]. См. выше.

Народное сознание связывает с горлом идеи:

1) крика – молчания: *Драть горло, распусть горло* (кричать, орать, реветь); *Петь во все горло; Взять, брать горлом* (криком, бранью); *Горлом (глоткой) немного навоюешь; Горлом не возьмешь; Заткнуть кому горло, глотку* (заставить молчать) [Даль: электр. ресурс];

2) состоятельности – бедности: *Сыт по горло, у него всего по горло* (обильно); *Крестьянское горло суконное бердо, все мнет* [Даль: электр. ресурс];

3) труда – мотовства: *Батька горбом нажил, а сынок горлом, прожил; Барин берет горлом, мужик горбом* (работает, бьют, кланяется); *Горлом изба не рубится* (дело не спорится) [Даль: электр. ресурс];

4) жадности: *В воде по горло, а пить просит; Стоит в воде по горло, а не напьется* [Даль: электр. ресурс]. *В два горла хватать*. Жадничать. *Им всё мало, в два горла хватают* [СПГ];

5) необходимости, принуждения: *Влез по пояс, полезай и по горло; Получил (взял) добровольно, наступая на горло; Просят покорно, наступая на горло; Взять, наступая на горло* (насилием) [Даль: электр. ресурс];

6) большого количества: *До горла*. Много, в большом количестве. *Корова бы была, дак всего бы до горла было* [СПГ];

7) крайней степени чего-либо: *Сыт по горло; До горла*. Позарез, крайне необходимо. *А мне вот до горла косить надо, да не могу; им-то че, они выйдут на полчаса, как поиграют;*

8) чужого: *К горлу лезть*. Настойчиво требовать чего-либо. *К ихнему-то горлу не лезу, своими силами живу* [СПГ].

Культурную семантику в современном значении слова горло можно объяснить на примере выражения «по горло» – т.е. «полный», «переполнено» или «надоело», буквально – «насытившийся, наевшийся до отвала».

ЯЗЫК < др.-рус. *языкъ* «орган», «речь» < праслав. **jezykь* [Цыганенко 1989: 507]. Ос. **je,zykь*. Полагают, что ос. **je,zykь* < **jQzy* < ие. основе **u-*. Делались попытки восстановить корень, основу и форму этого слова (Рокогны I, 223), который предлагает считать такой формой **dng»hu-* **dng»hua* – «язык – орган» < **vezati*, старшим словом было «речь» [Черных II: 467].

Лексические синонимы иконического происхождения:

ЛОПАТА Ос. Суф. производное < *лопа* (см. *лопасть*). *Лопата* буквально «широкая (как лист)» [Шанский 2004: электр. ресурс]. Другая ступень вокализма: *lána*. Родственно лит. *lopetà*, вин. п. *lópezq* «заступ, лопата», «лемех», лтш. *lāpusta, lāpsta* – то же, др.-прусск. *lopto* «лопата». Некоторые относят сюда же ирл. *Lue* «рулевое весло» (**lopet-*); далее – д.-в.-н. *laffa* «ладонь, лопасть, весло» [Фасмер: электр. ресурс]. *Лана* < ос. **lapa* < ие. **lep-* «хватать», **lor-* «быть плоским; ладонь» [Черных I: 466].

БОТАЛО. Ср. *ботать* ос. **bolati(se)* «болтать, громыхать». Др. ступень чередования *бат* [Фасмер I: 200]. *Бат* связ. с *батог* < ос. **batъ* «дубинка» [Фасмер I: 133–134].

Народное сознание связывает с языком идеи:

1) речи, способности говорить: *Языком водить*. Сохранять способность говорить. *Сам уж еле языком водит, а все бражку просит* [СПГ]. *Язык отстал*. О потере речи. *Последние три недели она лежала или ходила мало-мало что ли. Есть – совсем не ела. Вот только молоко пила, а хлеб не ела. А язык у неё последние две недели плохо был, отстал. Язык щепечет*. О том, кто плохо говорит. *Язык-от у ей щепечет, ей три года всего. Язык появился*. Появилась способность говорить. *Я немного отошла, страх прошёл, язык появился. Косой язык*. О неумении говорить. *У Марии-то шибко косой язык. Ничё сказать не может* [СРГЮП];

2) правды – лжи, лести: *Чтоб тебе своим языком подавиться* (врешь); *Злой язык* (клеветник); *Одет просто, а на языке речей со сто; На языке мед, а под языком лед* [Даль: электр. ресурс];

3) значимости умения говорить: *Мал язык, да всем телом владеет; Белы руки с подносом, резвы ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором; Язык поит и кормит, и спину порет* [Даль: электр. ресурс];

4) речь как альтернатива физическому воздействию: *Языком играй, а рукам воли не давай; Языком и шипи, и щелкай, а руку за пазухой держи* [Даль: электр. ресурс];

5) ответственности за слова: *Языком мели, а руками не разводи; Хорошо языку за костяным частоколом сидеть! От языка молвы не уйдешь; Не давай воли языку во пиру, во беседе, а сердцу в гневе; Никто за язык не тянет; Язык голову кормит (он же и до побоев доводит); Язык до добра не доведет; Язычок введет в грешок* [Даль: электр. ресурс];

6) пустословия и многословия: *Язык без костей; Брякать языком. Болтать попусту. Да хватит тебе поди языком-то брякать. Языком вертеть. Пустословить. Им делать нечего, дак вот и нравится языком вертеть. Язык высовывать. Она всегда так – язык высовыват, когда спрашивают и не спрашивают. Распоясать язык. Разболтаться, распустить язык. Распоясала язык свой, вы меня вымыдряете* [СПГ]. *Языком собирать. Болтать, говорить лишнее. Он языком только собирает, по пьянке, не слушай его. Язык на просторе. О болтливом. Она уж такая старуха – язык на просторе. Чуть че услышит – вся деревня в тот же день будет знать. Неклепанный (паздёрный) язык. О болтливом. Ну, так язык-то у меня неклепанный, болтаю все, чего не попадя* [СРГЮП]; *Не спеши языком, торопись делом; Язык хлебом кормит, и дело портит; Языком и лаптя не сплетешь* [Даль: электр. ресурс];

7) глупости: *Язык языку ответ дает, а голова смекает; Волос долог, а язык длинней* [Даль: электр. ресурс];

8) молчания, сдержанности в речи: *Прикусить язык (замолчать); Вино развязывает язык; Язык держи, а сердце в кулак сожми; Держи язык короче; Держи язык на привязи (на веревочке)* [Даль: электр. ресурс]. *Язык из-за зубов не вытянешь. О том, от кого не добьешься ответа, слова и т. п. Не любит она разговаривать, у нее язык из-за зубов не вытянешь. Добывать язык во рту. Говорить, отвечать. К доске вызовут, язык из роту добывать стыдно – в портяной-то юбке* [СПГ];

9) красноречия, остроумия: *Не ножа бойся, а языка* [Даль: электр. ресурс]. *Языком бороду брить*. Проявлять остроумие, язвительность. *Стешкиным языком только бороду брить. Как она поддела его, дак покраснел, убежал и больше весь день не приходил. Язык с собой носить*. Уметь свободно, гладко, много говорить. *Екая наречистая у вас девка, язык-от с собой носит* [СПГ];

10) памяти: *На языке вертится; На языке болтается*. Тщетно вспоминается. *Вот ведь, на языке болтается, а сказать не могу. Округ языка вертится*. Ускользает из памяти; не вспоминается. *Парни опояски носили, а вот девушки... округ языка вертится да захлеснуло, не помню уж теперь* [СПГ];

11) приметы: *Язык укусить – кто-то бранит* [Даль: электр. ресурс].

3.1.4. Мотив движения, действия. ЛИЦО, ЛИК, ОБЛИК
праслав. **lĭkь* «лицо», «точное изображение лица», собственно «внешняя сторона», «то, что видно» (ср. рус. диал. *лики* «щеки», *ликоваться* «здороваться, прикладываясь щекой к щеке»). Лицо – ос. **lice*, где **lic-* > **lik-* корень **licь* = старшее значение «щека» [Черных I: 486]. Общеслав. Суф. производное (суф. -к-) от *лити*, «лить, формовать литьем». Исходно – «форма, образ» > «вид», затем – «лицо», ср. польск. *twarz* – от *tvoriti* «делать». См. *лить*, *облик*, *сличить* [Шанский 2004: электр. ресурс].

Лексические синонимы иконического происхождения:

ОБРАЗ < *ob-* и *razь*, связанного чередованием с *řezati*; см. *раз*, *резать*. Отсюда *образовать*, *образованный*; *образование* [Фасмер III: 106]. *Раз*. Первонач. **razь* «удар», связанное чередованием гласных с *резать* [Фасмер III: 432]. *Резать*. Родственно лит. *rezti*, *reziu* «резать, царапать, проводить борозду», *rezis* м. «надрез, царапина, рубец, полоса пашни», греч. «ломаю, разрываю». [Фасмер III: 461]. ие. корень **urēg-* **urōg-* «рвать», «ломать», «нарушать». Старшее знач. ос. **obraz* – нечто, получившее (новый) облик или определенный вид» [Черных I: 588].

РЫЛО, РЫЛЕЧКО < праслав. **rydlo*, связанное с *рыть*, *рвать* [Фасмер: электр. ресурс]. См. выше.

ГРЫЗЛО. Родственно лит. *grauziu, graužti* «грызть», лтш. *grauzt* – то же, лит. *gruītis, gruztis* ж. «рези в животе», греч. «скрежещу зубами», «рычу» [Фасмер I: 466]. Из праслав. **gryzti*, продолжающего с расширением *-z-* ие. глаг. корень **g[h]reu-*: **g[h]rou-*: **g[h]rū-* «размельчать, тереть». Соответствия: лит. *gráužti*, лтш. *grauzi* «грызть», представляющие другую огласовку корня [Шапошников I: 201].

ДУЛО < *дуть* праслав. **dōti, dьmō* «дуть» < ие. **dhm-//*dhem-* с тем же знач. Носовой гласи. Q у вост. славян дал У. *Дуть, дую* «выпускать изо рта сильную струю воздуха», «приводить воздух в движение». Древн. слав. слово, сохраняющее свое первонач. знач. [Цыганенко 1989: 120]. Сюда же *дуль* ж. «дупло», *дуло* «речной залив», смол., далее *дулеть* «гнить», *дулѣлый* «гнилой», смол., первонач. «полый, дуплистый» [Фасмер I: 551].

ЗЕВАЛО < *зевать* «кричать, громко говорить, плакать» [Фасмер: электр. ресурс]. См. выше.

ЛУПАНЦА < *лупить*. Укр. *лупити*, русск.-цслав. *вылупити-ся*, болг. *лупя* «сдирать кожу (с плода), вылупляться из яйца», сербохорв. *лупити* «колотить», словен. *lupiti* «лупить, сдирать, шелушить», чеш. *loupiti* «очищать, лущить; грабить, опустошать», польск. *lupić, lupić* «лупить, грабить, бить». Знач. «бить» неотделимо от «лупить, чистить, грабить» [Фасмер II: 535].

МУРЛЯТКА, МУРЛО «рожа», диал. *мурно*, тамб. Обычно объясняют из тюрк. *turun* «нос» наряду с *burun* – то же; окончание объясняют влиянием слова *рыло* (Преобр.). Недостоверно. Возм., это оноματοпозитическое образование. Ср. *мурлыкать, мурныкать*, звукоподражательное [Фасмер III: 13].

ЖАЛЬНИЧЕК. Родственно лит. *gela* «жестокая боль, мучение, мука», *gelti* «болеть, жалить», д.-в.-н. *quala* «мука» наряду с *quelan* «испытывать острую боль», арм. *Kel* «нарыв» [Фасмер II: 35] Родственно лит. *gēlti, gēlia, gēle* «очень болеть, жалить», *gilstu, gilaũ, gilti* «заболеть», лтш. *dzeit* «колотить», англос. *swelan* «умирать», д.-в.-н. *quelan* «испытывать боль» [Фасмер II: 34].

Народное сознание связывает с лицом идеи:

1) внешней и внутренней красоты: лицо прежде всего означает переднюю часть головы, более старое название слова лицо – «щека». Лицо – это синоним человека. Далекое не всегда красивая внешность является отражением нравственных качеств человека: *«Личиком бел, да душою черен»* [Мазалова 2001: 21–22]. *Непригож лицом, да хорош умом; Не гляди на лицо, а гляди на обычай; С лица не воду пить, умела бы пироги печь* (жена); *Личико беленько, да разуму маленько; Личиком беленок, да умом простенек; Мило не мыло, а беленькое личико* [Даль: электр. ресурс];

2) здоровья: *Из лица выходить*. От болезни или тоски терять здоровый цвет лица, худеть. *Я вся из лица выхожу, скоро люди не будут узнавать* [СПГ];

3) чести-достоинства – стыда: *Лицом в грязь не ударим; Личиком беленок, да душой черненек; С личика яичко, а внутри болтун* [Даль: электр. ресурс]. *Натянуть бересту на лицо*. Спрятаться от позора. *Тебе ведь надо бересту на лицо натянуть да так и ходить, как тебе не стыдно на люди выйти* [СПГ];

4) потрясения, сильных эмоций: *На нем лица нет* (изменился). [Даль: электр. ресурс]. *С лица вспыхнуть*. Покраснеть. *Как меня увидела, вся с лица вспыхнула* [СПГ];

5) возраста: *Знать по лицу, сколько лет молодцу* [Даль: электр. ресурс]. На лице выражаются прожитые годы: *«износить лицо»* означает *«прожить жизнь»* [Мазалова 2001: 21–22];

6) близости: *Лицо в лицо*. Друг против друга. *Жили они лицо в лицо. На лицо*. Лично (встретиться, поехать и т.п.). *Чё-то она набрякала в деревне, я и говорю: давай свид на лицо – разберёмся* [СПГ];

7) статуса: *И не в наших лицах*. О тех, кто выше по положению, лучше по своим достоинствам. *Чё, родила бы. И не в наших лицах рождают* [СПГ]; *важное лицо*.

ЩЕКА – укр. *щока* «щека», блгр. *пащекa* «челюсть, особенно нижняя» [Фасмер IV: 492]. Ос. **sceka*, В этимологическом отношении неясное и спорное слово. ие. корень **skēk-*: **skeg-*

«прыгать, скакать» (у Pokorny I, 922, 923) он не упоминает, но и это слово может быть отнесено к группе **skek-*, так как щеки, рот, челюсть – самая подвижная часть человеческого лица, они всегда в движении во время еды, речи, при смехе [Черных II: 431]. Из нескольких существующих этимологий заслуживает внимание, пожалуй, лишь объяснение *щека* как слова того же корня, что и диал. *щегла* «скула», *скула*, *скала*, *щерить*, *щель*, др.-исл. *skegg* «борода». Ср. польск. *szczeka* «скула, челюсть», диал. *щегла* «скула», диал. *щеки* «крутые скалистые берега реки». В обозначении частей человеческого лица переносы по смежности нередки (см. выше, ср. чешск. *ret* «губа» (не рот), н.-луж. *sofo* «скула, лицо» (не лоб) и т. д.). См. *рот*, *чело*, *челюсть* [Шанский 2004: электр. ресурс]. *Скула*, *скала* < ос. **skala* < ие. *(*s*)*kel-* «разрубать», «рассекать» [Черных II: 166].

Лексические синонимы иконического происхождения:

СКУЛА < ос. **skala* < ие. *(*s*)*kel-* «разрубать», «рассекать» [Черных II: 166].

БОЛТУН Звукоподражательная праслав. основа **bьlt-* [Фасмер I: 190].

ГОВОРУН < *говоръ* создано посредством предметного (праслав.) суф. *-ор-*, в соврем. яз. непродуктивного, от праслав. звукоподражания **gov-* > *гов-*, **gu-* (*ou/u*) < ие. **ghu-* «звучать», известного в составе слов ряда ие. языков [Цыганенко 1989: 84].

ЖЕВАЛЬНИК < праслав. **жьвати*, **жуйѡ*, **жьвѡ* < ие. корню **g[i]eu-*: **g*»[*i*]eu- «жевать, двигать челюстями» с неустойчивой палатальностью **g-* [Шапошников I: 265].

ЖАЛЬНИЧЕК, св. с *жаль*. Родств. лит. *gela* «жестокая боль, мучение, мука», *gelti* «болеть, жалить», д.-в.-н. *quala* «мука» наряду с *quelan* «испытывать острую боль», арм. *Kel* «нарыв» [Фасмер II: 35] Родств. лит. *gēlti*, *gēlia*, *gēle* «очень болеть, жалить», лтш. *dzeit* «колоть», англос. *swelan* «умирать», д.-в.-н. *quelan* «испытывать боль» [Фасмер II: 34].

Народное сознание связывает со щекой идеи:

1) безразличия, бездействия: *За чужой щекой зуб не болит; Перевалить со щеки на щеку; Когда за своими щеками не удержишь, за чужими не удержишь* [Даль: электр. ресурс];

2) унижения, стыда: *Хоть бы в щеку бил, да щеголь был!* [Даль: электр. ресурс]. *Щёки зудятся*. О том, кому стыдно. *Вон как стыдно ей, щеки зудятся* [СПГ];

3) возраста: *Уж у нее давно щечки обвисли, не молода* [Даль: электр. ресурс]. Щеки являются показателем возраста человека, молодости, здоровья: «*Щеки – кровь с молоком*» или старости: «*щеки обвисли*» [Мазалова 2001: 22–23].

4) здоровья, сытости: *Щечки кровь с молоком; Толстогубый и толстощекий – объедала* [Даль: электр. ресурс];

5) приметы: *Щеки чешутся или горят – к слезам* [Даль: электр. ресурс].

3.1.5. Мотив удара. НОГА – праславянское, первоначально значило «*копыто*» – у животных, «*коготь*» – у птиц. Ср. лит. *paга* «копыто», *pagas* «ноготь»; гот. *pagljan* «царапать» [Цыганенко 1989: 259]. Родственно (с исходным значением «коготь») др.-инд. *anghris* «ступня (ноги)», лат. *unguis* «ноготь». Наряду с этим представлено в др.-инд. *nakham* «ноготь», «коготь» возможно *nakham* < *naghukam*. Нога родственно др.-инд. *anghris* «ступня ноги» и лат. *unguis* «ноготь», *ступня* > «знак» > «знать» > тождественно **gen-* «рождаться» [Фасмер III: 78–79]. ие. корень **ongh-* (**onogh-*): **nogh* (Рокоту I: 780). Старшее значение надо полагать «копыто» [Черных I: 575].

Лексические синонимы иконического происхождения:

ЧЛЕН < ие. **kelnъ* образовано с суф. *-n-ъ* (как стан) от *(*s*)*kel-* *(*s*)*kol-* «рубить, раскалывать, рассекать» [Цыганенко 1989: 486]. См. об этом ниже.

КОЛОДКА < *колода* < праслав. **kolda* образовано с помощью суфф. *-d-a* (как *звезда*) от глагола **kolti* «колоть» [Цыганенко 1989: 182].

БАТАНА, св. с *бат*. Слав. *bata* «дубинка» является древним словом; ср., кроме русск., еще сербохорв. *bat* «дубина, палка», словен. *bat* «дубинка, деревянная колотушка», польск. *bat* «кну́т». Родственные связи за пределами слав.языков пока что

трудно определить. Сравнение с лат. *confuto* «сваливаю, сбиваю, подавляю». По-видимому, более удовлетворительным является сравнение с кимр. *bathu* «бить» [Фасмер I: 133].

КОСТЫЛЬ Горяев сближает с диал. *косать* «бить, наказывать» [Преображенский I: 368].

ЛЫТКА. Происхождение неясно. Неубедительно сравнение Маценауэра с др.-исл. *lata* «наклоняться, нагибаться, падать». Шустер-Шевц пытается объяснить это слово упрощением первоначального **glyd-/*glyt-*, родственного русск. *гтуда*, словен. *gluta* «шишка» [Фасмер II: 542].

Народное сознание связывает с ногой идеи:

1) силы – бессилия: *Идти нога за ногу* (тащиться, плестись); *Он легок на ногу* (проворен) [Даль: элктр. ресурс]. *Ноги коротки*. Нет силы в ногах. *Ходить-то всё не могу, ноги коротки стали, старуха дак* [СПГ]. *Ноги видят*. О способном ходить, передвигаться. *Под девяносто ей, а ноги-то еще мало видят, на улицу выходит сама* [СРГЮП];

2) жизни – смерти: *Ноги протянуть* (умереть); *Поставить кого на ноги* (вылечить) [Даль: элктр. ресурс];

3) состоятельности – бедности: *Жить на большую, на барскую ногу; Дай срок не сбей с ног! Берет руками, а отдает ногами* [Даль: элктр. ресурс];

4) труда – бездействия: *Ноги носят, а руки кормят; Ножки, что сошки, брюшко, что вольнка; Не ел – не мог, а поел – без ног; Не ноги кормят брюхо, а брюхо ноги* [Даль: элктр. ресурс]. *Ноги в потолок*. Освободиться от работы; стать свободным. *При колхозе я ходила за лошадьми; я приехала, отробилась и ноги в потолок* [СПГ];

5) послушания, преданности: *Ты будешь ноги мыть, а я буду воду пить* [Даль: элктр. ресурс]. *Ноги мыть да воду пить*. О высшей преданности кому-л. *Я вон соседке денег на дрова дала, да с девкой её возжусь, дак она мне всё говорит: «Твои ноги мыть, да мне воду пить»*. Так благодарна [СРГЮП];

6) глупости: *Голова у ног ума не просит; Дурная голова ногам покоя не дает* [Даль: элктр. ресурс];

7) зазнайства: *Живет за рекой, а к нам ни ногой* [Даль: элктр. ресурс];

8) ответственности: *Нога споткнется, а голове достается; Душа согрешила, а ноги виноваты* [Даль: элктр. ресурс];

9) скорости: *Одна нога там, другая – здесь; Со всех ног* [Даль: элктр. ресурс]. *На одной ноге. Очень быстро. Я счас на одной ноге, живо повернусь – суп хлебать будём* [СПГ];

10) непостоянства: *Одной ногой. Непрочно, непостоянно. Учителя-то приедут да одной ногой здися живут, поробят маленько да уедут. Вот робятишйёк-то и распустили* [СПГ];

11) свободы – ограничения: *Куда ноги понесут; Унеси Бог ноги; Связать кого-то по рукам и ногам* [Даль: элктр. ресурс];

12) приметы: *Правая нога в дорог озябнет прежде левой – к добру; Обувать прежде левую ногу, зубы не станут болеть* [Даль: элктр. ресурс].

Ноги в народных представлениях сопоставляются с корнями, а само тело с деревом. [Мазалова 2001: 39–41].

3.1.6. Мотив соединять, связывать. ШЕЯ Праслав. **sija* > *шия* достоверной этимологии не имеет. Возможно, это слово образовано с пом. суф. -j-а от **siti* > *шити* в значении «соединять, связывать», т.е. шея связывает голову с туловищем [Цыганенко1989: 491]. Ос. **sija*, где корень **si-*, 1 часть которого составляет сложное рус. *ши-ворот* «ворот», «воротник», «загривок (у животного)». В этимологическом отношении ос. **sija*, старшим значением может быть «пришитая часть одежды облегающая шею», по-видимому, относится к группе ос. *siti* (шить). ие. корень **(k)sei-* «гнуть», «сгибать» [Черных II: 411]. Ср. *шить*. лат. *sinus* – «изгиб», «залив», «чрево», «лоно» [Фасмер IV: 435].

Лексические синонимы иконического происхождения:

ГРИВА. Необходимо указать на связь слова *грива* со словами *горло*, *жрать* [Фасмер I: 458]. Древн. славян. слово. Современ. его знач. вторичн. развилось из первонач. «шея, загривок»... Слову *грива* родственны: др.-инд. *grīva* «затылок, загривок»; авест. *grīva* «затылок». Некоторые полагают, что сущ. *грива*

этимол. родственно слову *горло* [Цыганенко 1989: 95] < **gьrdlo* «горло» < праслав. **gьrdlo* < ие. корня **gher-* / **ghel-* «глотать, жрать» в звуков, разновидности **ghor-* / **ghol-*. Этот корень происходит, вероятно, от звукоподражания и значит «с жадностью вытягивать пищу, издавая при этом характерные звуки *гл ... (гр...)у* >. Ср. от этого рус. *глотать* (из **gьltati*) и жрать (из **gьrati*, чередов. звуков *г//ж*); др.-инд. *gargaras* «глотка, пасть»; франц. *gargantua* «обжора» [Цыганенко 1989: 90].

Народное сознание связывает с шеей идеи:

1) выносливости, силы: *У него шея крепка, толста* (много снесет) [Даль: электр. ресурс];

2) наказания: *Дай ему в шею (по шее)*; *Сказал: виноват, только не коротай шею* [Даль: электр. ресурс];

3) ответственности: *Он у меня на шее* (бременит, тяготит меня); *Взять на свою шею* (на свой ответ и заботы); *Сбыть, свалить с шеи* (отделаться); *Подставь только шею, они и насыдут* [Даль: электр. ресурс];

4) лишения, трудности: *Потереть по шее полозом*. Испытать лишения, трудности. *Пусть потрёт по шее-то полозом теперь, раз не хотел жить по хорошему-то* [СПГ];

5) доли: *По шее и ворот* [Даль: электр. ресурс] В переносном значении шея связана с переноской тяжестей или заботой: «*посадить на шею*» [Мазалова 2001: 31–32].

3.1.7. Мотив хватания, сгребания. РУКА < праслав. **rQka* «рука», к основе глаг. **rek-ti* «собирать, сгребать». Слово *рука* когда-то значило нечто вроде «загрёбающая», «собиралка». Ему родственны лит. *renki* «собираю», *ganka* «рука» [Цыганенко 1989: 359]. В греч. языке старшее значение слова *рука* – «орудие собирания (в кучу), загребания» [Черных II: 127] от **renk-* «собирать».

Лексические синонимы иконического происхождения:

ЧЛЕН < ие. **kelnъ* образовано с суф. *-n-ъ* (как стан) от **(s)kel-* **(s)kol-* «рубить, раскалывать, рассекать» [Цыганенко 1989: 486]. См. об этом ниже.

ГАРАБУЛИ, ср. диал. *гарабатъ* «царапать, сгребать, брать».

ПАКЛЯ. Заимств. из лит. *pakulos* мн., лтш. *pakulas*, которые сближаются с лит. *kulti* «бить, молотить» [Фасмер III: 189].

Народное сознание связывает с рукой идеи:

1) труда, мастерства – лени: Рука во фразеологии обозначает деятельность: «золотые руки». Руки – являются естественным орудием труда: «*На тои даны руки, чтобы брать*». [Мазалова 2001, 32–34]. *Рукам питать*. Своими руками зарабатывать на жизнь. *Жрать было нечего, надо питать детей-то рукам. Руки-крюки*. О неумелом человеке. *У тебя руки-крюки! Ничего не умеешь делать! Калёные руки*. О неловком, нерасторопном человеке. *Калёные руки, чё-нибудь да уронишь. Руки к сердцу*. Без дела, сложив руки. *Нонче работа не легота, хорошо: руки к сердцу и сидишь. Не на ту руку*. Не специалист. *К ей не ходите, она не на ту руку, песен не знает. Из рук не валится*. Все умеет делать. *У него ниче из рук не валится, все хорошо он уж сделает, дак любо посмотреть* [СПГ];

2) послушания, подчинения: *Гость у хозяина в руках; Он отбился от рук* [Даль: электр. ресурс]. *Быть во всех руках*. Быть в подчинении у многих людей. *В войну-то я был во всех руках. И у Жукова, у Рокоссовского. Из рук выйти*. Перестать подчиняться кому-л. *Как она пить стала, все хозяйство забросила, углашек-то тоже из рук вышел* [СПГ];

3) смерти: *погибнуть от чьей-то руки*;

4) нечестности, воровства, мошенничества: *Смирн, не речист – да на руку нечист; Чужими руками жар загребать; До времени все с рук сходит; Рука руку моет, вор вора кроет* [Мазалова 2001, 32–34];

5) глупости: *Когда Бог ума не дал, так руками не рассуждай; У тестя в руках не приданое; Бывают дураки средней руки, а наши дураки – последней руки; Приданое в сундуке, а дурак на руке* (о глупом муже) [Мазалова 2001, 32–34];

6) эмоционального состояния: Руки также могут означать эмоциональное состояние человека и физическое: «под горячую руку» – гнев, «под пьяную руку» и т.п. Руки «выражают»

эмоции: «опустить руки» – отчаяться, «разводить руками» – недоумевать, «всплеснуть руками» – удивиться. [Мазалова 2001, 32–34];

7) самостоятельности: *Из рук. Лично. Убери, говорит, этот документ, буду из рук по пять рублей посылать. Своя рука, свой глаз. Всё решу, сделаю самостоятельно. У меня рука своя, глаз свой, чужьей помощи не хочу. С моей руки. О чем-л., сделанном своими руками. Дом-от сам строил, всё сам это уставлял, всё с моей руки. Со своих рук. Самостоятельно. Мне теперь всё со своих рук приходится. Быть на руках. Быть несамостоятельным, зависеть от чужьей-л. заботы. У меня лошадь была на руках, робята на моих руках. На (в) одни руки. Самостоятельно, без чужьей-л. помощи. Здесь я всё-таки дозаривала его, а в Слободу он уехал, там пал. Так и пришлось мне растить всех детей на одне руки. Своей (тёплой) рукой. Без разрешения; самостоятельно (взять, брать, отдать). Оне придут, дак всё своей рукой, ничё не боятся, и брагу, и хлеб – всё своей рукой, ни у кого не спрашивали [СПГ];*

8) единения, согласия: *Рука в руку, дружно [Даль: электр. ресурс]. Рука в руку. Все время вместе. Так и прожили с женой 29 лет рука в руку. Руки пересекли. Соединили руки в знак согласия. Дали в руки свечи, иконы, мы протянули руки друг другу, нам руки пересекли [СПГ];*

9) характера: *Тяжелая рука. Рука человека с тяжелым характером. У Кати Жёловой коса не растёт. Тяжёлая рука обрезала [СПГ];*

10) стороны, направления, пространственной ориентации: *На левой руке. На левой стороне. Дом-то стоит на левой руке. На правой руке. На правой стороне. Под гору спуститесь, дак на правой руке он живёт [СПГ];*

11) бедности: *Ни в той руке, ни в другой. Ничего нет. И у него ни в той руке, ни в другой, а сами мы полуголодные. Тогда шибко туго семена родились, одва дождались хлеба-то [СПГ];*

12) бессилия: *Из рук вышло (выйдет), из рук выходит, из рук выскользнуть. От старости или болезни утратились физические или умственные силы. У меня теперь уж из рук все вышло;*

старость, видно, подходит; Да я теперь вижу, что он давно у меня из рук выскользнул [СПГ];

13) помощи: *Подать руку; Быть у кого под рукой; Он моя правая рука* [Даль: электр. ресурс];

14) восхищения: *Носить кого на руках* [Даль: электр. ресурс];

15) обещания: *Дать руку, обещание* [Даль: электр. ресурс];

16) присвоения: *Прибрать что к рукам; Руки длинные, не чист на руку* [Даль: электр. ресурс];

17) расстояние: *Рукой подать;*

18) время: *Когда руки дойдут, тогда сделаем* [Даль: электр. ресурс].

Этимологический фоносемантический анализ показал, что большое количество соматизмов имеет иконическое происхождение, что указывает на древнюю основу данных лексических единиц.

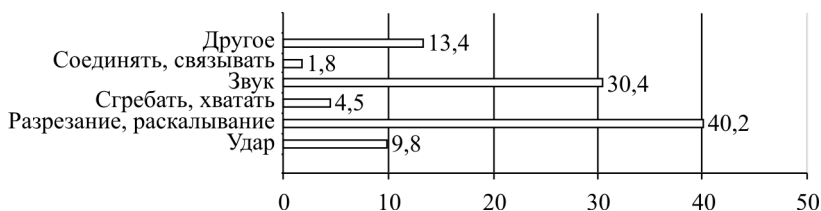

Рис. 42

Большинство из них (рис. 42) этимологически связаны с семантикой удара, разрезания, раскалывания (50 %), мотивированы звуком, звучанием – 30,4 % исследуемых единиц. Более чем у 80 % исследуемых единиц мотивирующий признак имеет ударную и звуковую (кроме звуков удара) природу.

3.2. Рассекающий бездну: иконизм «заветного»

3.2.1. Постановка проблемы. Пермская загадка *студенькая дырочка, горяченькая пырочка* (замок и ключ) является вполне законченной этимологией «заветного» в диалектной речи.

«Заветное» многократно исследовалось в концептуальном (В. Буй), культурно-семиотическом (Б.А. Успенский, В.И. Жельвис), психолингвистическом (В.И. Жельвис), стилистическом (А.П. Лободанов), лексикографическом (В. Буй, В.М. Мокиенко, В.И. Даль), литературоведческом и других аспектах. Не претендуя на новое осмысление столь до сих пор щекотливой для лингвистов проблемы, рассмотрим лишь иконичность «заветного» в диалектной речи.

Нашей целью является попытка доказать доминантность примарной (звукоизобразительной) мотивированности, отсутствие произвольности в номинации «заветного» в рамках фоносемантической этимологии.

Так, номинация женского начала часто имеет иконическую природу:

VULVA связана с *голова* < ие. **ker-/kel-* «голова», «резать» [Маковский 1996: 123], ие. **kle-p-* «мокрый, влажный», другая ступень чередования ие. база **gleu-bh-* «мокрый, глубокий», > лат. *glubo* < **gleubho* – «снимаю шкуру», «облупляю», «долблю», ос. **glQbokъ* (: **glybokъ*) соответствия находят в языках германской группы *klieben* «раскалывать», «расщеплять», *kluft-* «трещина», «пропасть» [Черных 1: 192]; и-е. база **dheu-b(:p)-* «глубокий» (ос. **dъno* «дно», «основание», «глубина») [Черных 1: 257];

ДЫРА, ДЫРОЧКА «vulva» > *depy* [Фасмер 1: 505, 599] др.-инд. *drmati* «лопается», «трескается», «раскалывается»;

М..ДА < ие. **and-* «дыхание», дух, дыхание по древним представлениям соотносится с деторождением (легкие считали средоточием мужского семени), откуда ие. **anda-* «половые органы», можно предположить, что начальный формант *m-* + ие. корень **anda-* дает сохранившееся в современном арго одну из номинаций «vulva», *rudendum* [Маковский 1996: 122, 142–144]

Данные этимологии в родственных словах фиксируют звукоизобразительные значения «резать», «мокрый, глубокий», «трещина», «пропасть», «дно», «лопается», «трескается», «раскалывается», «дыхание», что указывает на иконизм данных номинаций.

В довольно давнем по времени исследовании А.С. Мельничук установил, что к индоевропейскому корню (и его вариантам) *kes – «резать, ломать, рубить» относятся следующие русские слова: *захолустье, касаться, каша, коса, косой, костер, кость, косяк, скопить* [Мельничук 1968]. Сюда же: *село, хвоя, скала, кощун, хлев, холить, час, чаша, черта, чесать, чеснок, шерсть, шест, шип, шишка, щель, щепка, шибать, чистить, сказать, наказать, указать, показать, казнить, кишка* [Маковский 1988, 1996; Мельничук 1968]. К этому же корню восходят слова *космы, часовня, сечь, сечение, ошибка, холод* и др.

Это этимологическое гнездо показывает, что в большинстве этих слов звукоизобразительность утрачивается, «буквальность» мотива исчезает, возникает многослойный метафорический ряд, что приводит к «спорным» этимологиям и появлению в корпусе этимологических словарей большого количества так называемых «темных», «нелепых» слов. Всего было исследовано 157 номинаций «заветного» в диалектной речи. В нашем материале преобладают названия мужского начала (рис. 43).

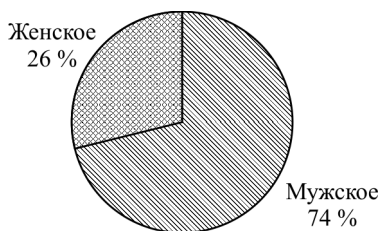

Рис. 43

3.2.2. Мотив удара. В номинации «заветного» частотной является модель «удар – фаллос»:

МОЛОТ, МОЛОТОК «фаллос» < *ue. *mel-: *mol-: *mela-* «дробить, молоть». Сюда же *молоть, моль, мелкий, мелочь, малина* [Росорны I: 716–717; Черных I: 504, 521, 540; Фасмер II: 647]. Сюда же МАЛИНА-ЩЕЛКА «vulva»;

ИСПУГ, ПУГАЛО (< *пугать*) «фаллос» < *ue. *reu-* «ударить, бить»; звукоподражательное «кричать как филин» ср. укр. *пугу* «крик филина», а также «условный крик запорожцев» [Росорны I: 827; Черных II: 80];

ПЫРКА, ПЫРОЧКА (< *пырять*), ПОДПОРЫШ (ТОЛСТО-ЛОБЫЙ) (< *опираться* < *переть*) «фаллос» < ие. **per-*: (**por-*): **pera-* «перемещаться, проникать, пролезать». Сюда же *пороть*, *запор*, *упор*, *перила*. Родств. др.-в.-н. *sper* «копья», латин. *sprus* «копье, дротик»; др.-рус. *пороти* «разрывать»; чеш. *parati* «пороть, распарывать», польск. *proc*, *porze* «пороть, разрезать». Фасмер предполагает оноματοпозитическое образование от *пырь-пырь* «бац» [Фасмер III: 420; Черных II: 21–22, 58]. См. также ПЕРО;

ДОЛОТО «фаллос» (< *долбить*) < ие. **dhelbh* – «копать, выдалбливать» [Росому 1: 246; Бернекер 1: 250, 208; Фасмер I: 523–524, 526; Черных I: 261–262]. Ср. также ЯМОЧКА, ЯМУШКА «vulva» < ие. **ja* «копать, рыть» [Фасмер IV: 555; Черных II: 470];

СТЕБУНЕЦ, СТЕБУНОК «фаллос» (< *стебать* диал. «бить, хлестать»). Предполагают родство с *стебель* и *стегать*. Родств. д.-в.-н. *stahhula* «жало, шип», *stechen* «колоть», лит. *stibis* «penis» [Фасмер III: 750–51].

3.2.3. Мотив разрезания, раскалывания, протыкания. Рассмотрим одну из самых распространенных диалектных номинаций «заветного» ПАЛКА, ПАЛИЦА, ПАЛЕЦ, ПАЛЬЧИК, ПОЛЕНО, СЛАДКА ПАЛОЧКА, ПАЛИЦА-БУЛЬДЮГА «фаллос».

ПАЛКА. Обычно связывают с *палить* < ос. **paliti*, каузатив к **pleti*. ие. **pel-*: **pol-*: **ple-*: **plo* «жечь, палить». Сюда же *попыля*, *полено*, *пепел*, *палица*. Здесь же приводятся родственные слова, которые, однако, не связаны с семантикой огня: д.-в.-н. *spaltan* «раскалывать», др.-инд. *sphatati* «раскалывать», *sphutati* «разрывает» [Младенов 409; Фасмер III: 193; Черных I: 619]. Другие определяют родство с *палец* (Брандт РФВ, 23, 302; Брюкнер, 391) и с *полоть* (к ие. *(*s*)*pel-* «резать, разрубать» [Маковский 1996: 391].

Фасмер отделяет *полоть* от *палка*, но здесь же сближает с др.-инд. *phalati* «лопается, трескается», *sphatati* «разрывает», *sphatayati* «раскалывает», д.-в.-н. *spaltan*, нов.-в.-н. *spalten* «раскалывать» (ср. родств. у *палка*). К *полоть* Фасмер относит *по-*

лоть, полть «половина туши», др.-русск. *полоть, полть* «кусок, пласт»; словен. *plat* «разрубленная половина», польск. *polec* «кусок, пласт», лит. *paltis* «полтуши» [Фасмер III: 316–317].

Представляется, что здесь нет никаких противоречий, поскольку отражается лишь степень приближения к звукоизобразительной мотивации, которую и предполагает М. Маковский. Ср. также русский материал: диал. *палец* «отрубок, насаживаемый на конец рычага», *чертов палец* «громовая стрела», *паля* «удар линейкой по ладони в школе», *пальщик* «учитель, раздающий пали», арг. *пальчики* «спички».

Вероятно, к этому же фоносемантическому этимологическому гнезду следует отнести *плод* и *племя* (< ие. **pel-* «рождать, производить») [Маковский 1996: 80; Трубачев ВЯ, 1957, № 2]. Далее, Черных отмечает связь *плод, племя* с *полный* < и. е. **pel-*: **ple-* «наполнять, наливать» [Черных II: 43]. Фасмер, связывая *плод* и *племя*, не отмечает связи с *полный* [Фасмер III: 312].

Скорее всего, все рассмотренные слова соотносятся со значением ие. **pel-* «резать, рубить», поскольку значения «родиться», «огонь», «влага» в индоевропейских языках соотносятся со значением «резать» [Маковский 1996: 365–366, 241 и т.д.].

Ср. в русском материале семантическое сближение значений «рассекать, ударять» – «огонь», «рождаться», «влага» в родственных словах: ЧИКАТЬ диал. «ударять» – арг. «соіге»; ДОЛБИТЬ диал. «ударять» – арг. «соіге»; почка арг. «удар» – «зародыш, побег»; ПОЧКОВАТЬСЯ арг. «соіге» и др.; ток «место молотьбы» – поток – токарь – исток «начало реки»; копье – диал. *копанец* «колодец, канал»; *колоть* – *колодец* и др.; *долбить* – арг. *долбак* «окурок».

Характерно, что в русском материале значение «рассекать, ударять» образует регулярные семантические связи со значением «влага, мокрый», «рождать, соіге» и весьма редко со значением «огонь, гореть» (ср. родственные значения в этимологиях). Подобные семантические связи закреплены в мифологическом сознании.

Даже в пределах одного этимологического гнезда одного языка закреплены эти семантические связи: ср. диал. *корень* «заселенная земля»; *корь* «насиженное место», *корабль* «высокая гора», *кара* «залив», *курьи* «залив, озеро, ключ», *коренья* «порода, племя»; *кур* «чад, дым, огонь», *черен* «очаг».

Подобные связи отражены в мифе о Мировой горе, который в славянской мифологии представлен Камнем («отец всех камней», «пуп земли» Алатырь), наделяемым сакральными и целебными свойствами. Этот камень – центр, скрепляющий небо и землю. При ударе о камень из него источаются огонь или вода – основные стихии мироздания [СМ: 220].

Правомерность сближения значений всех рассмотренных выше слов со значением «разрезать, рассекать, ударять» косвенно подтверждается и тем, что большинство номинаций «заветного» в фольклоре восходит именно к этому значению:

КОСАЧ, ЧЕСАЛКА, ЧЕСОК, ШИШ, ШИШКА, ШИШЕЧКА, (МЯСА) КУСОК «фаллос» < ие. **kses-*: **kas-*: **kes-*: **kos-*: **ks-*: **sk-* «ломать, резать, рубить» [Бернекер I: 491-92, 152; Фасмер II: 206, IV: 349-50, 440; Черных I: 384, II: 412, 385]. Сюда же КАША, КОСТЯНКА «vulva»;

БОРОВОК, БОРОВ, БАРАН, (ВАСЮТА / ТИМОШКА С) БОРОДОЙ «фаллос» < ие. **bhoros* «отрезанный» < ие. **bher* «резать, колоть». Сюда же *бор*, *бороться*, *оборона*, *брань*, *бородавка* [Росогну I: 133; Черных I: 103–104]. Сюда же БАРАН, БАРАШЕК «vulva»;

ЧЕРЕНОК, ЧЕРЕНИШКА, ЧЕРЕНИШКА (ДУБОВ), КОРЕШОК «фаллос» < ие. **(s)ker-* «резать» [Маковский 1996: 341; Черных II: 385, I: 428; Фасмер IV: 340, 343]. Сюда же КОРЫТО, КОРЫТЦЕ «vulva» (< *кора*, *корень*);

МАКОВКА, МАКУШКА, МАКОВКА (РДЯНА) «фаллос» < ие. **magh-* «резать» [Маковский 1996: 39–41]. Другие отмечают лишь связь с *мак* [Фасмер II: 560–561; Росогну I: 698; Черных I];

РАЗ, РЕЗОК «фаллос» < ие. **uereg-*: **ureg-*: **urog-*: «рвать, ломать, резать». Сюда же *образ*, *резать*, *разить*. Родств. лит.

ruozas «черта, полоса», *rezti* «резать», алб. *rrah* «бью, разбиваю» [Росорну I: 1181–1182; Черных I: 588, II: 167; Фасмер III: 433–434, 461];

ПЕРО, ПЕРЫШКР «фаллос» < ие. **per* (:por-): **pera-* «летать, перемещаться». Сюда же *переть*, *парить*, *опора*, *подпора*, *папоротник* [Черных II: 23]. Этот ие. корень имеет значение «просверливать, протыкать» (см. ПЫРКА). Ср. родств. лит. *periu* «бить, сечь баннным веником», нем. *spornen* «пришпоривать, подталкивать», словен. *perem* «бить, колотить» [Фасмер III: 355, 240].

КОЛ, КОЛИК, (КРАСНЫЙ) КЛИН, КЛИН, КОЛЫШЕК, КОЛЫШЕК-СИРОТИНКА, КОЛБАСА «фаллос» < ие. **(s)kel-*: *(s)kol-*: **kl-* «резать, колоть, разбивать, рассекать» [Берлекер I: 551–552; Фасмер II: 285, 251; ЭСРЯ II: 154, 195, 215; Маковский 1996: 341; Черных I: 411]. Сюда же КОЛОДЕЦ «vulva».

Представляется, что к этому же корню относятся номинации ЧЛЕН, ГОЛОВКА (ВОЛЬНАЯ), ОГОЛОВОК «фаллос».

ЧЛЕН «фаллос» < ие. **kvel-*: **kuol-* толпа, стая, клан. Сюда же *колени*, *поколение*, *голень*, *челядь* [Росорну I: 639–40; Черных I: 199, II: 392, 379; Фасмер I: 429, 330, 369]. Предполагают связь с *голый*. Сюда же *головня*, *головешка*. К этому же ие. корню со значением «вертеться, вращаться» относятся *колесо*, *колесить*, *цикл*, *циклон*, *около*, *околесица*, *околоток*, *околыш* [Росорну I: 639; Черных I: 199, 412, 594; II: 369].

В семантике этих родственных слов выделяются мотивы «круг, колесо», «множество», «голый, пустой» и «голова», которые находят семантические параллели в других языках.

М. Маковский связывает *голый* с ие. **ghel-*: **gel* «издавать звуки». Соотношение значений «издавать звуки» и «голый, пустой» является семасиологической универсалией: ср. ие. **ag-* «издавать звуки», др.-англ. *nacol* «голый»; ие. **bher-* «издавать звуки», англ. *bare* «голый»; др.-англ. *aemetig* «пустой», хет. *amoti* «слово» [Маковский 1996: 171].

Ср. также общие ие. корни в ЗОЛОТО, ЗОЛОТАЯ «vulva» < ие. **g^hhel-*: **ghel-*: **gel-*: **g^hhol-*: *guhel-*: **g^hhl*.

Сюда же *зола, зелье, зеленый, желтый* [Росогну I: 430; Черных I: 322, 328; Фасмер II: 103-104]. ГОЛУБИЦА, ГОЛУБКА, ГОЛУБОЧКА «*vulva*» (< *голубь*) < ие. **ghel-* «блестеть, маслиться». Сюда же *голубой* [Черных I: 201–202], *желтый* [Фасмер I: 433]. Ср. также поговорка: *Муде чеуются – в краску хоят*.

Исследования цветообозначений поддерживают эти связи: к ие. **kor-*: **ker-* восходят польск. *krasi* «пестрый», др.-русск. *красньни* «красный, бурый, рыжий, карий, коричневый», в.-луж. *cornu* «черный», др.-исл. *harr* «серый, седой», др.-инд. *hari(s)* «желтый, зеленоватый». Почти все цветовые номинации связаны с понятием «огонь», поскольку цвет огня был пестрым, включал в себя множество оттенков, поэтому слово *красный*, например, изначально означало «цвет вообще» и включало палитру самых разных оттенков [Бахилина 1975: 173; Кезина 1999: 83]. Ср. также ПАЛКА.

Значение «рассекать, ударять, мять» часто связано со значением «голова» и «думать, понимать». Ср. ие. **tak-* «мять» – *мекать* диал. «понимать», *кумекать, смекать*; ие. **reu-* «бить, резать» и «понимать», лат. *putare* «резать, думать», латыш. *macet* «понимать, думать» [Маковский 1996: 363].

Не случайно во многих культурах фаллос связывается с головой. Рассмотренные значения реализованы в соотношении значений «половые органы» и «голова, мысль, думать»: ср. ие. **moud-* «половые органы» < мысль; ие. **ud-men* <др.-рус УДЪ «*penis*» и «ум» [Маковский 1996: 122]. Ср. также ДОЛБИТЬ арг. «*coige*» и «изучать, учиться»; БОЛТ «*penis*» и *оболтус* «невежа».

Значение «рассекать, ударять» также связано со значением «толпа, множество» [Маковский 1996: 342] и «производить на свет, половые органы». Ср. ПОЧКОВАТЬСЯ арг. «*coige*» и «собираться компанией»; КУЧА диал. «о большой семье» и «последняя пора беременности»; КОСЯК арг. «табун, стадо; группа проституток» и КОСАЧ «*penis*».

КОНЕЦ, КОНЧИК «фаллос» < ие. **ken-* «выступать наружу, появляться, начинать» [Росогну I: 563-64; Черных I: 375, 563]; ие. *(*s*)*ken-(d)* «рассекать, разрубать» [Маковский 1996:

359]. К этому же корню *начать, начало, чин, чинить, кон*. Родств. лат. *recens* «свежий, новый, молодой»; ср.-ирл. *cinim* «я рожден от»; лит. *scini, skiut* «рвать, срывать»; ст.-польск. *koniec* «причина, цель, начало»; ст.-чешск. *konec*, словенск. *Konec* «начало, цель» [Фасмер II: 310; ЭСРЯ II, 8: 256].

ЧЕЛНОК (< *челн*) «фаллос» < ие. **kel-*: **kela-* «подниматься, возвышаться». Сюда же *чело, челюсть, холм, холка, хохол, скалить, осколок, скала, щель, щелкать, щелок, щелочь* < ие. **(s)kel-*: **(s)kol-* «резать, откалывать». Сюда же *холостой, холон, холст*. Родств. лит. *skelti* «раскалывать», др.-исл. *skilja* «раскалывать», латыш. *skelt* «колоть» [Черных II: 348-49, 377, 432; Фасмер IV: 501]. Сюда же ЩЕЛЬ, ЩЕЛКА «vulva».

ПОСОШОК, ПОСОХ «фаллос» (< *соха*) < ие. **kakha-* (**kakh*) (с ие. *kh>ch* на славянской почве); ие. **kak-*: (**kakh-*). Родств. др.-русск. *соха* «кол, дубина»; с.-хорв. *соха* «вилы» [Черных II: 190; Фасмер III: 340, 729].

Посох может иметь смысл фаллического символа: болгарские «кукеры», севернорусские «веретельники» с посохами и палками в руках преследуют женщин, имитируя известные движения. Продуцирующая роль посоха прослеживается в действиях колядников, которые дотрагиваются палками или прутьями до людей, скота, построек, наделяя их плодovitостью [СМ: электр. ресурс].

СТРАДАЛЕЦ «фаллос» (< *страдать*) < ие. **(s)ter-*: *stara-*: (*s)tre-*: (*s)tro-* «становиться жестким, тупым, коченеть», «возвышаться, торчать». Сюда же *страда, страсть, стараться, стремиться, стремнина, стремглав* [Черных II: 198, 207, 209]. Возможно родство с *радеть, старый, струга, струя*. Родств. греч. στρευης «твердый, острый», польск. *trzmic* «торчать» [Фасмер III: 746, 770, 775].

(БУЛАТНАЯ) ПИЩАЛЬ, ПИЩИК «фаллос» (< *булат* «сорт стали, стальной клинок»). Заимств. из пражских языков [Фасмер I: 238; Черных I: 122].

КУТАК, КУТАК-ЗАДВИГУН, (ДУБОВЫЙ) КУТАК, КУТАК-НАПАРЬЕ «фаллос». Родств. греч. *χουτοζ* «шест», подл.

«копье», кимр. *cethr* «острие, гвоздь»; укр. *кутень* «клык» [Фасмер II: 432–433].

СУЧОК, СУЧИНА «фаллос» (< *сук*) < ие. **kak-*: *k, ank-* «сук, ветвь». Родств. исп. *həll* «колышок», др.-инд. *sanku* «остроконечный» [Росорну I: 523; Черных II: 217; Фасмер III: 798].

Таким образом, модель «разрезание, раскалывание, протыкание > половые органы» является регулярным семантическим переходом. Фаллические действия мыслились древними как сотворение Вселенной: «Божество фаллосом разорвало Хаос и сотворило Мироздание» [Маковский 1996: 376].

В прикамской свадьбе отмечается такой обычай: после брачной ночи жениху предлагается «расколоть» голову ососка (закаренного годовалого поросенка), так как «умеешь голову расколотить, дак умеешь и с бабой спать» [Усольская свадьба 2000: 54].

При этом соитие считалось для мужчины равносильно смерти, где женщина – источник этой смерти. На уровне русских ономастов обнаруживаются регулярные семантические соответствия: «удар – *coire* – смерть»: *касать* диал. «ударять, бить» – КОСАЧ, ШИШ «*penis*», *каша* разг. «праздник по случаю рождения ребенка» – *косить* «убивать» (ср. *смерть с косой*); КОЛОДА диал. «орудие для обработки льна», арг. «фригидная женщина», диал. «гроб»; *колоть* – ЩЕЛЬ арг. «*vulva*» и «могила».

3.2.4. Мотив птицы. Необходимо отметить и группу номинаций, связанных с понятием «птица».

СОЛОВЕЙ «фаллос» < ие. **sel-*: (**sol-*) «прыгать, танцевать» [Черных II: 187]. Ср. лат. *saltare* «прыгать, танцевать» и др.-англ. *sedan* «*coire*»; ие. **kuk* – «*vagina*» и литов. *sokti* «танцевать»; рус. *плясать* и др.-инд. *pelah* «половые органы»; др.-сев. *hopra* «прыгать» и *skopin* «*penis*» [Маковский 1996: 329]. Сюда же СОЛОВЕЙ, СОЛОВЬЮШКО «*vulva*». В русских загадках *vulva* фигурирует также как «птица Мымра».

Соотношения значений «*penis*» и «птица» отмечаются в номинациях ПОТКА (диал. «*penis*» и «птица»), КУКАРЕКУ с ВОЛОСАМИ, СОКОЛ, ПЕТУХ, ПЕТУШОК, ПОПУГАЙ «фаллос».

Эти взаимосвязи отражают концепты древнего мировоззрения. В языческом сознании птица связывалась с периферией по отношению к центру, где господствовали и порядок, гармония в отличие от хаоса на периферии. Птица считалась вместилищем души умерших и еще не родившихся, что дает семантическую универсалию в индоевропейских языках, где значение «птица» может выступать и в значении «начало-конец».

Ср. литовск. *galas* «конец» и лат. *gallina* «курица»; ие. (слав.) *ken – «начало-конец» и нем. *Huhu* «курица»; русск. *голубь* и прусск. *gallan* «смерть» (< ие. *guelbu «матка, чрево, бездна») [Маковский 1996: 109, 125].

Ср. соотношение значений в родственных словах «начало (жизни) – птица – удар (смерть): *тычка* диал. «тычинка» – *тукалы* диал. «вороны, грачи, галки» – *тукмасить* диал. «бить»; ХОЛИТЬ арг. «соіге» – *касатка* «ласточка» – *косать* диал. «бить»; ДОЛБЕЖ арг. «соіге» – *долбила* диал. «дятел» – *долбить* арг. «бить». Ср. также *конец* и *начало* (< ие. *(s)ken-).

ПЕТУХ, ПЕТУШОК «фаллос» (> *петь*) > ие. **reu-*: **rea-*: **ri-* «ударять, бить, кромсать» [Черных II: 282; Фасмер III: 253, 350].

В мифологии связанный с жизнью и смертью петух символизирует плодородие прежде всего в его производительном аспекте. Петух – один из ключевых символов сексуальной потенции. Показательны в этой связи «петушины» обозначения детородного члена (например, англ. жаргонное «cock») в соотнесении с «куриными» обозначениями женского полового органа, а также представление о петухе как символе похоти, существующие в ряде традиций [СМ: электр. ресурс].

Таким образом, номинация «заветного» через семантику «птица» возвращается к истокам ударной природы первичных смыслов.

3.2.5. Мотив вращения. В номинации «заветного» наблюдается модель «*вертеть, сверлить*» > «*половые органы*».

ВЕРЕТЕНЦЕ, ВЕРЕТЕНО, ВЕРТАК «фаллос» < ие. **uer-* «вертеть, вращать». Сюда же *вертеть, верста, вращать, вертел, верстак, поворот, ворот, сверстник*. Этот ие. корень также

имеет значения «издавать звуки», «разрезать». Ср. родств. польск. *warsta* «слой, пласт»; латин. *verto* «верчу, взрыхляю»: др.-инд. *vartulas* «круглый»; польск. *wiercioch* «пест», лат. *versus* «борозда» [Фасмер I: 300; Росорну I: 1156; Черных I: 144].

В любовной магии использовались и вращение, и острота веретена. Карпатские девушки крутили веретено, чтобы парни «так же крутились вокруг них». В Сербии девушки протыкали веретеном сердце крота с приговором: «Как веретено крутится, так пусть крутится Н. (имя парня) вокруг меня». На Русском Севере во время святок ряженные парни, так называемые веретельники, вставляли себе между ног веретена и кололи ими девушек [СМ: электр. ресурс].

Другое значение корня *ueг- в ВОРОНКА, СТВОРОЧКА, СТВОРКА «vulva» (< *твор*). Сюда же *затвор*, *творить* < *отворить* < *вереть*, *вереница*, *вериги*, *веревка* < ие. *ueг-(:*uoг-: ug-) «связывать, присоединять», «жечь, сжигать, делаться черным». Родств. лит. *varas* «жердь в ограде»; др.-инд. *vrndam* «толпа, стадо», др.-англ. *wearm* «толпа, множество» [Фасмер II: 350, 354; Черных I: 166, 142].

БОРОНА «фаллос» (< *boг). Сюда же *борозда*. Родств. лит. *birzis*, лтш. *birze* «борозда», латин. *forare* «сверлить, буравить» [Черных I].

Фаллическая символика бороны определяет ее использование в брачных обрядах. В свадебных обрядах старую борону кладут сватам в сани в случае отказа жениха или затаскивают борону на крышу хаты, если невеста оказалась «нечестной». Под Петров день борону носят на голове из деревни в деревню – куда принесёшь, туда и замуж выйдешь. В состав свадебного обряда и крестин входит ритуал катания на бороне, который имеет эротическую окраску: на зубья бороны сажают и с позором и насмешками возят неудачливого жениха, свата или ряженных «новобрачных» [Славянские древности I: 236–237].

МУТОВКА «фаллос» (< *мутить*) < ие. *meuth- (:*mouth-: *mrth-) «взбалтывать, вертеть, крутить». Сюда же *мятеж*, *смятение* [Черных I: 550; Фасмер III: 18; Росорну I: 732].

ГРЕХ, ГРЕШОК «фаллос» < ие. *gureig. Сюда же *греза*, *грезить*, *гроза*. Родств. лит. *graizyti* «вертеть, сверлить», *graizus* «скрученный, согнутый» [Росогну I: 485; Черных I: 214, 219; Фасмер I: 455, 459].

БУР, БУРАВ, БУРАВЧИК «фаллос» < *bur* «сверлить, вертеть» [Фасмер I: 243].

3.2.6. Мотив звука, звучания (не включая звуки удара).

Отдельную группу номинаций «заветного» образуют собственно звукоподражательные номинации, которые восходят к звукам *дыхания, грохота, трения, рычания*.

ПИЩАЛЬ, ПИЩИК, ПИСКУН «фаллос» < ие. *(s)peis- «дуть» [Черных, II, 35]; звукоподражательное *pi-* [Фасмер III: 271]. Сюда же ПИСЯ, ПИСКУША «vulva» (< *писать*) родственно с *писк*, *пищать* [Фасмер III: 266].

КУРКА «фаллос» (< *кур*, *кура*, *курица*) < ие. *kau-: *keu-: *ku- «кричать, реветь, выть». Сюда же *курок* [Росогну I: 535–536; Черных II: 457; Фасмер I: 422]. Сюда же КУРИЦА, КУРОЧКА, КУРОЧКА-СЛАДКОЕЖКА «vulva».

КУКАРЕКУ (С ВОЛОСАМИ) «фаллос». Звукоподражательное [Фасмер, II, 407].

ПОГРЕМУШКА «фаллос» (< *гremеть*) < ие. *gra- (:*ger-) «грохотать, звенеть, рычать». Сюда же *гром*, *грохот*, *громкий*, *громада* [Росогну I: 385; Черных I: 215, 221; Фасмер I: 456, 460].

ГРУЗДОК «фаллос» (< *груздь*) < ие. *gher- «тереть, растирать». Сюда же *груда*, *грубый*. Родств. *grusti* «толочь», др.-исл. *griot* «комки», лтш. *graust* «громоыхать, гremеть» [Росогну I: 460–461; Черных I: 222; Фасмер I: 463]. Сюда же ГРУЗДЕНЬКА, ГРУЗДУХА «vulva».

Семантической универсалией является соотношение значений «издавать звуки, говорить» > «круг»: ср. ие. *kel-: *ker «издавать звуки» польск. *kolo* «круг»; брет. *kreng*, авест. *scarena* «круглый» [Маковский 1996: 165]. Ср. родство в номинации МУДО, МУДЕ: др.-инд. *mandalas* «круглый», *mandalam* ср. р.

«круг, диск, кольцо» [Фасмер II: 699]. Ср. также родственные КАЧАТЬ арг. «ругать, бранить»; *катыш* диал. «шарик»; *каток* диал. «колесный плуг», *катило* диал. «кольцо, обруч».

Семантической универсалией является соотношение значений «издавать звуки» и «рассекать, ударять» со значениями «рожать, производить на свет, половые органы»: ср. ие. **pal-*, **kik-*, **au* «издавать звуки», др.-инд. *pelah* «половые органы», нем. диал. *heigen* «соиге», др.-англ. *eowend* «penis», ие. *kel* «резать», диал. *кладать* «кастрировать», нем. арг. *kluns* «vulva». Ср. также **pres-* *nis* *песня*, ПЕНИС [Маковский 1996: 161, 363; Этимология 1970. М, 1972: 74-77]. Ср. также ДОЛБАТЬСЯ арг. «соиге» и «бить, избивать»; *косать* диал. «бить», КОСАЧ, ЧЕСАЛКА диал. «фаллос».

Рассмотренные связи отражают лишь различные степени приближения к примарной (звукоизобразительной) мотивированности.

3.2.7. Мотив соединять, связывать. Другая группа номинаций «заветного» этимологически связана со значением «соединять, связывать», что, впрочем, не противоречит выше рассмотренным номинациям. Установлено, что значения «гнуть» и «резать» соотносятся между собой и могут переходить в значения «связывать, скреплять, крутить». Подобный переход значений является семантической универсалией. Ср. ие. **ker-* «скреплять» и «резать» > осет. *kurin* «родить», алб. *kar* «penis»; ие. **mel-* «скреплять, связывать» и «бить»; ие. **ar-* «разъединять» и «связывать»; ие. **ker-* «гнуть, резать» и «соединять, связывать» [Маковский 1996: 40, 335 и др.].

ГАРМОНЬ, ГАРМОШКА, ГАРМОША «фаллос». Первоисточник греч. *αρμολια* «связь» [Черных I: 182; Фасмер I: 394].

ШИЛО «фаллос» (< *шить*) < ие. **siuu-*: **siu-* «шить, скреплять» [Черных II].

ЖИЛА, (ТАЙНАЯ / ВЕСЕЛАЯ) ЖИЛОЧКА «фаллос» < ие. **guela-*: **guhu-* «вена, жила, связь» [Росому I: 487; Черных I: 303].

ИГОЛКА, ИГЛА «фаллос» < ие. **oiqula*. Связано с *иго*. Связано с глаголом в значении «соединять, сочетать, связывать» (и.-е. **iu-go-m*) [Черных I: 334; Росорну I: 508; Фасмер II: 115]. Возможно, с ие. **jag-* «связывать» [Маковский 1996: 337].

ОГЛОБЛЯ, ОГЛОБЕЛЬКА «фаллос» (< *глоба* «брус, длинная жердь»). Родств. лит. *globti* «охватывать, обнимать» [Фасмер III: 117].

СЫРОЙ, СЫРЧИК «фаллос» < ие. **seu(э)-: *sou(э)-: *su*, основа **su-go*. Сюда же *суровый, сыр*. Родств. др.-исл. *saurr* «семя» (сперма); исл. *saur* «грязь, экскременты»; < ие. основа **tu-go*. Сюда же *творог, творить, тварь, утварь, твердый* (< ие. **tuer-*) (:**tuor-*) «хватать, охватывать, обрамлять» [Росорну I: 1101; Черных II: 221–222, 231, 294].

Ср. также семантическое сближение в ДЫРА, ДЫРКА, ДЫРОЧКА «vulva» (< *драть*) < ие. **der-* (**dor-*, **dr-*, **dera-*: **dre-*) «драть, сдирать». Сюда же *раздор, дерн, дергать* [Росорну I: 206–208; Черных I: 267], *двор, тварь, творить, дурь, удирать, драть* [Маковский 1996: 63–64]. Родств. англ. *tear* «рвать(ся), раздать», лит. *duriu, duriau, durti* «колоть», кимр. *durn* «кусочек, часть», др.-инд. *dirnas* «расколотый», лтш. *dergeit* «расщеплять» [Фасмер I: 805].

Ср. также МОХНАТАЯ, МОХНЯ, МОХНАТКА «vulva» (< *мохнатый*) < ие. **meu-*: **mi-*: **meuэ-* «сырой, влажный». Сюда же *мох, махры, замша, мыть, мыло* [Росорну I: 742; Черных I: 552].

ОРУДИЕ «фаллос» < ие. **ar* «присоединять, связывать» [Росорну I: 55; Черных I: 606, III: 134]. Сюда же *ряд, рядить, снаряд*. Интересно, что ие. корень **ar* имеет значения «орел», «баран», «мужской, мужчина» и «отверстие, дыра» [Маковский 1996: 44, 107, 113, 138].

ДРУГ, ДРУЖОК, ДРУЖИЩЕ «фаллос» < ие. **dher-*: **dhera-* «поддерживать, подпирать». Сюда же *дружина, другой*. Родств. чеш. *druziti* «соединять», словац. *druzit*, «присоединяться», др.-исл. *draugh* (поэт.) «муж»; лит. *sudrugti* «присоединяться» [Росорну I: 252–255; Черных I: 270; Фасмер I: 543]. Сюда же ПОДРУЖКА, ПОДРУГА «vulva» (ср. ие. **dher* «дыра»).

Из 157 рассмотренных единиц более 70 % соотносятся с этимологическими значениями «ударять, рассекать, разрезать» или «издавать звук (не включая звуки удара)» (рис. 44). Остальные номинации семантически или этимологически связаны с этими же значениями.

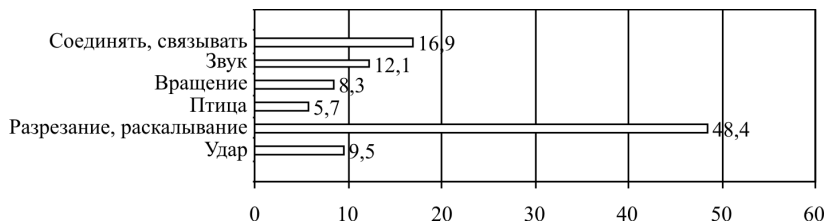

Рис. 44

Можно утверждать, что номинация «заветного» в диалектной речи основана не на произвольных ассоциациях, а довольно жестко ограничена рамками инвариантного представления.

Этимология «заветного» позволяет увидеть общность в номинации женского и мужского (рис. 45), которое существует в оппозиции «рассекающий – рассекаемая», отражая архетип мышления, что иллюстрирует, в частности, концовка одной из «заветных» сказок: «*было это в те времена, когда ножа не знали, х... говядину рубили.*»

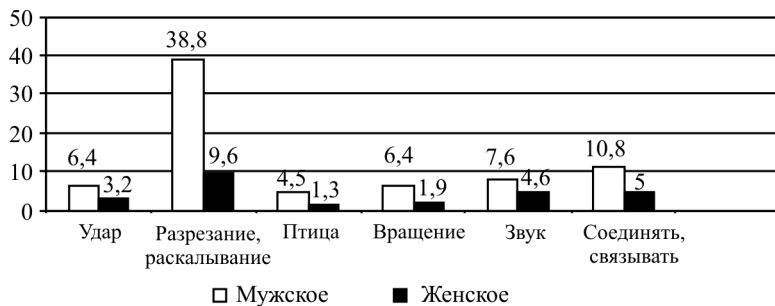

Рис. 45

В этимологическом контексте весьма интересным для дальнейшего исследования является заключение Василия Буй, который с удивлением отмечает, что в русской обценной идиоматике *отсутствуют* (выделено нами. – С.Ш., М.Г.) такие метафорические модели, как копьё, кинжал, военное снаряжение, огонь, стихия и др. [Буй 1995: 259].

Наш анализ показывает, что этимологические значения коррелируют и с символическими действиями-аналогами *soire* (пахать плугом, боронить бороной, толочь зерно в ступе, мешать кашу мутовкой, плести решето, пряхсть шерсть, бить горшки и т.п.).

Во время первой брачной ночи молодых проходило ритуальное действие, когда жену тысяцкого (святого) сажали на ступу, давали ей в руки иголку с ниткой и рукавицы, потом начинали крутить ее на стуле, хором припевая песни [Русский эротический фольклор: 154]. В этом ритуале также «отражены» все рассмотренные этимологические значения: «ударять, рассекать, протыкать» (ступа, иголка), «соединять, связывать» (нитка), «вертеть, вращать» и «создавать звук, петь» (сопровождение ритуала пением).

Совпадение различных кодов (этимологический, семантический, мифологический, ритуальный, обрядовый, символический) позволяет с большой долей достоверности говорить о доминантности примарной мотивированности в номинации «заветного» в диалектной речи.

4. Социофоносфера

4.1. Фоносемантический быт:

иконизм бытовой и хозяйственной лексики

4.1.1. Мотив удара. Всего было исследовано 319 единиц бытовой и хозяйственной лексики в диалектной речи. В номинации бытового и рабочего пространства, окружающего человека, частотной является модель «удар – бытовые предметы и предметы обихода, явления промыслов и ремесел, строительные и сельскохозяйственные артефакты»:

1) удар > инструменты, приспособления: КОЛОК «часть сохи», КОЛКА, СКОЛОТЕНЬ «деревянный гвоздь» < ос. *kolti < ие. *kel- «ударять» [Черных I: 413]; ПРОБОЙ, ПРОБОЙКА «крепкой закалки стальной гвоздь», ВЫБОЙНИЦА «инструмент, с помощью которого обтёсывается при внутренней отделке круглый угол дома», ПОДБИВКА «тяпка, мотыга», БОЁК «бита для игры в бабки» < ос. *biti < ие. *bheǵ- «бить» [Черных I: 91]; ОКОВАНКА «деревянная лопата с железной оковкой» < ос. *kovati < ие. *kou- «бить», «сечь» [Черных I: 407];

2) удар > веревка, канат: ПУГАЛКА «верёвка с привязанным к ней камнем для распугивания рыбы» < пугать < пужать < ос. *pǫǰjati < ие. *rei- «ударять, бить»; возможно, корень звукоподражательный [Фасмер III: 399; Черных II: 80]; КОЛОВА, КОЛЬЧАНКА «верёвка, которой привязывают лодку к колу, вбитому в дно озера»; ОКОЛ, ОКОЛЬНИЦА «верёвка, которой связывают снопы на телеге» < ос. *kolъ < ие. *kel- «ударять», «раскалывать» [Черных I: 410]; КОЛОДКА «верёвка для спутывания лошадей» < ос. *kolda < ие. *kol- «ударять», «сечь» [Черных I: 412–413];

3) удар > колюще-режущее оружие: ДРОВОКОЛ, КОЛОТНИК, КОЛТИК «колун»; КОЛОТИК «длинный нож с узким лезвием, которым кололи скотину»; КОЛЬЯНКА «наконечник стрелы, копье»; ПОКОЛЮГА «длинное легкое копье, которым закалывают оленей»; СВИНОКОЛ «нож, которым колют свиней» < ос. *kolti < ие. *kel- «ударять» [Черных I: 413]; ПОБОИЩЕ «оружие»; НАБИВУШКА «вид ружья» < ос. *biti < ие. *bheǵ- «бить» [Черных I: 91];

4) удар > емкость, посуда: БАК «большой деревянный чан», БАКЛАГА «бочонок», БАКЛОВКА «жестяной бидон для молока» < голл. bak «таз, лохань» [Фасмер I: 108] < ие. *bheǵa- «бить» [Pokorny I: 93]; БОТНИК «глубокая миска»; БАДЬЯ «кадка», БАДЯГА «большая лохань» < бат-: бот- [Фасмер I: 134] < ос. *biti «бить» < ие. *bheǵa- «бить» [Черных I: 91]; СКАЛИНОЧКА, СКАЛКА «сосуд из бересты», КОЛЮХ, КОЛЮХА, КОЛЮШОК «ковш, черпак» < ос. *kolti < ие. *kel- «ударять»

[Черных I: 413]; ОБОЙКА, СБОЕЧКА «сосуд, кадка для сбивания масла»; ПОДБОЙНИЦА «глиняный сосуд с ручкой, в котором растворяют тесто» < ос. **biti* < ие. **bheǵ-* «бить» [Черных I: 91]; ЛУПКА «корзина», КОЛУПАРЬ «большая железная ложка» < ос. **lupiti* < ие. **loup-* «бить», «сдирать» [Черных I: 495–496].

Технология создания посуды из дерева схожа с технологией создания лодки, что отражается в родстве слов со значением «лодка»;

5) *удар* > *судно, лодка*: БАТ, БАТИК, БАТОК, БОТ, БОТНИК, БОТЫРЬ «лодка», НАБОЙНИЦА «долбленая лодка с набитыми по бортам досками» < ос. **biti* «бить» < ие. **bheǵ-* «бить» [ЭССЯ II: 99–100]; БАК «лодка, выдолбленная из бревна» < ие. **bheǵ-* «бить» [Рокопы I: 93]; ПРОГОН «паром» < *знать* < ос. **gъnati* < ие. **g^hhen-* «бить, ударять» [Черных I: 194]; КОЛОДА «долбленая лодка» < ос. **kolda* < ие. **kel-* «ударять» Черных I: 412–413].

Развитие лодок у первобытных народов шло несколькими путями. Первую идею о лодке мог дать плывущий по реке древесный ствол. Такими стволами пользуются иногда и животные для передвижения по воде. Человек приспособил дерево для лучшего им пользования, заострив один или оба его конца и выдолбив его внутри, т. е. сделав из него челнок. Такие «однодеревки», челны, душегубки (*monoxyllae*, *Einb ä ume*) были в употреблении у многих народов: остатки их находили на местах древних свайных построек в швейцарских озерах, в торфяных болотах, в торфяном слое при прорытии нового Сясьского канала и т.д. Их и теперь еще можно встретить на многих русских реках и озерах, во многих частях Азии и Африки [Брокгауз XVІІа: 907].

Ср. нем. *Klipper* «клипер, быстроходное парусное судно» < *klipp* «звук удара»; рус. *ботник, ботик* «лодка» < *бот-бот* «звук удара»;

6) *удар* > *одежда*: НАБОЙНИК «женский головной убор» < ос. **biti* < ие. **bheǵ-* «бить» [Черных I: 91]; СКОЛКА, СКОЛЁНКА «головной убор замужней женщины в виде платка или косынки, обёрнутой вокруг головы, с концами, завязанными

спереди и сколотыми или сшитыми» < ос. *kol- < ие. *kel- «ударять» [Черных I: 413];

7) удар > постройка: ОДНОКОЛ «постройка на отдаленном пустыре»; ОДНОКОЛКА «изба из одной комнаты и кухни» < ос. *kol- < ие. *kel- «ударять» [Черных I: 413].

Наиболее частотные семантические переходы фиксируются по модели «удар > судно, лодка», «удар > колюще-режущее оружие», «удар > емкость, посуда».

4.1.2. Мотив разрезания, раскалывания, протыкания.

Данная группа включает такие же тематические группы с незначительными вариациями:

1) *рассекать, протыкать, драть* > инструменты, приспособления: БРОЗДНИК «мотыга для рыхления почвы», БОРОНА < ос. *bor- < ие. *bher- «резать» [Рокоту I: 133]; ДЕРЮГА «род бороздильника» < ос. *dъrati < ие. *der- «драть», «рвать» [Черных I: 267]; КОПАНИЦА, КОПАЛКА, КОПАЛО, КОПАНЬ, КОПАРУЛЯ, КОПАШКА, КОПАЧ, КОПОК, КОПУРО, КОПЫЛ, КОПЫСТКА, КОПЫЧ, КОПЫЧКА, ОКОПАЛКА, ОКОПКА «лопата; мотыга» < ос. *kopati < ие. *(s)ker- «разрезать», «раскалывать» [Черных I: 426]; РЕЗКА «инструмент для добывания торфа» < ие. *ureg-* «рвать» [Черных II: 107]; СЕКЕРА «мотыга» < ос. *sekti < ие. *sĕk- «резать» [Черных II: 160]; КЛИН «борона треугольной формы» < ос. *kъlinъ < ие. *kel- «протыкать» [Черных I: 401]; КОЧЕРГА, КОЧЕРГОШКА, КОЧЕРЫЖКА, КОЧЕРЯЖКА «клюка; изогнутая палка» < основа, возможно, та же, что в *корень* < ос. *kor- < ие. (s)ker- «резать» [Черных I: 437]; КОРОМЫСЛО «палка, которой толкут в ступе бельё» < чередование основ *ĉьrm-/*ĉerm-/*kъrm- < ие. *ker-/*(s)ker- «резать» [Петлева 2007: 174]; ДЁРГАЛКА «крюк для дёрганья сена из стога»; ДЁРГАЛО «смычок»; ДРАВА «крюк для дерганья сена из стога» < ос. *dъrgati < ие. *der(e)gh- «драть» [Черных I: 242]; КОПАРЮГА «ручной косой крюк для возделывания каменистой подсеки» < ос. *kopati < ие. *(s)kop- «разрезать», «раскалывать» [Черных I: 426]; БРУСНЕЛКА

«грабли» < ос. *brus- < ие. *bhreu-k)- «срезать» [Черных, I, с. 114]; КОСАТОК «брусок для заточки кос» < ос. *kos- < ие. *kes- «чесать» [Черных I: 433];

2) *рассекать, протыкать, драть* > *постройки*: КОРЕНИЦА, КОРОСТНИК «подвал для хранения овощей» < ие. (s)ker- «резать» [Черных I: 428];

3) *рассекать, протыкать, драть* > *колюще-режущее оружие*: фольк. ласк. КОПЕЛЬЦЕ, КОПЕТЦЕ, КОПЬЕНКА «копье» < ос. корье < ие. *(s)кор- «разрезать» [Черных I: 426, 428]; ДЁР «нож»; ДИРОК «топор для приготовления дранки для крыши»; ДРАЧ «деревянный клин, при помощи которого колотят дрова»; ДРОЧ «топор для щипанья лучины», ДРОТИК < ос. *dʒrati < ие. *der- «драть», «рвать» [Черных I: 267]; КОСАК, КОСЕНКА, КОСО, КОСЫРЬ «большой толстый нож»; КОСАРИК «деревянный ножичек, применяемый при тканье поясков»; КОСАРКА «косилка»; КОСАРЬ «большой нож для хлеба»; КОСУРА «нож с загнутым концом для очистки прутьев от коры»; КОСАРЬ «топор» < ос. *kos- < ие. *kes- «чесать» [Черных I: 433]; ДРОВОРУБ «колун»; РУБАЛО, РУБАН, РУБАЧ, РУБАЧКА, РУБИЛО, РУБОЧКА «топор; рубанок», МЯСОРУБКА, РУБАНОК < ос. *rʒbiti < ие. база *remb- «рубить») [Черных II: 125]; СЕРЕП, СЕРЕПЬ, СЕРПА, СЕРПУХ «серп» < ос. *sʒrʒ < ие. *ser- «острый», «резать» [Черных II: 158]; ПЕРЕСЕК «колун»; ПРОСЕК «узкий топор для прорубания пазов тесло»; СЕКАРКА, СЕКАЧ, СЕКАЧКА «орудие для рубки овощей; тяпка»; СЕКЕРА «топор»; СЕКИР «маленький топор»; НАСЕЧКА «железный нож с зигзагообразным острием, служащий для вырезания из кожи полос для бахромы»; СЕКАЧ, СЕКЕЦ, СЕЧНЯ «большой кухонный нож»; СЕЧКА «широкий нож для рубки мяса», СЕКИРА < ос. *sekti < ие. *sĕk- «резать» [Черных II: 160]; НОЖАК, НОЖИЧАГА «нож», НОЖ, НОЖОВКА «пила» < ос. *noʒʒ < ие. *neg'h- «удар», «рана» [Rokorny I: 760; Черных I: 575]; РЕЗА, РЕЗАКА «столярный или пчеловодный нож»; РЕЗБЁ «лезвия»; САМОРЕЗ «ловушка на зверя в виде ножа с пружиной»; ОТРЕЗ, РЕЗ, РЕЗАК «длинный нож у плуга»; ПОДРЕЗ

«нож в виде серпа, настороженный в ловушке»; ПОДРЕЗНИК «нож для холощения скота»; РЕЖИК, РЕЗАКА, РЕЗЕЦ «нож»; РЕЗОК «металлический нож для резки торфа» < от ие. *ureg* – «рвать» [Черных II: 107]; КОЛ < ос. **kolti* < ие. **kel-* «ударять» [Черных I: 413]; КОПЬЁ < ос. **koryje* < ие. **(s)kop-* «разрезать» [Черных I: 426, 428]; ДРОБОВКА, ДРОБОВНИК «дробовик» < ос. **drobь* < ие. **dhrebh-* «дробить», «разламывать» [Черных I: 269]; ПЕРЕЛОМКА «охотничье ружье с откидывающимся стволом» < ос. **lomiti* < ие. **lom-* «ломать» [Черных I: 490];

4) *рассекать, протыкать, драть* > *емкость, посуда*: КОРЧАГ, КОРЧАГА «кринка», КОРЕНОВАТИК «чашка, блюдо, выдолбленное из корней»; КОРЕЦ «ковш»; КОРНЕВКА «берестяной сосуд цилиндрической формы» < ос. **kog-* < ие. *(s)ker-* «резать» [Черных I: 428]; ОБРЕЗ, ОБРЕЗКА «ушат, кадка; длинное корыто», СРЕЗ «большая кадка для квашеной капусты» < ие. *ureg-* «рвать» [Черных II: 107]; ДЫРОВАТКА «глиняный горшок с отверстием внизу для варки и спуска сула» < связано с **derti* < ие. **der-* «драть», «рвать» [Черных I: 267, 278]; ЖЁЛОБ, ЖЕЛОБКА «черпак» < ос. **želbь* < ие. **gelbh-* «скоблить» [Черных I: 296]; КОРЕННИК «ковш» < ос. **koreнь* < ие. **(s)ker-* «резать» [Pokorny I: 572]; КОРПАГ, ПОЧЕРПАЛО, ПОЧЕРПУГА, ПОЧЕРПУХА, ПОЧЕРПУШКА «черпак» < *черпак* < ос. *čerti* < ие. **(s)kerp-* «резать» [Черных II: 383]; ДЕРЕВЯНКА, ДЕРЕВЯЧКА, ДЕРЕВЯШКА < ос. **dervo* < ие. **deru-* «драть» [Черных I: 243]; КОРАЗ, КОРЕЦ, КОРИК, КОРЧИК, КОРШИК, КОРОСТЕЛЬ «ковш»; КОРНЕВАЯ ЛОЖКА, КОРОЧКА, КОРЫСТКА «ложка» < ос. **kora* < ие. *(s)ker-* «резать») [Черных I: 428];

5) *рассекать, протыкать, драть* > *корзина*: ДРАНКА «корзина» < ос. **dbrati* < ие. **der-* «драть», «рвать» [Черных I: 267]; РУБЫША «корзина из бересты» < ос. **rqbiti* < ие. **romb-* «делать зарубку» [Черных II: 125]; *коржина, корзина* < ос. **kora* < ие. *(s)ker-* «резать» [Черных I: 428]; КОРЕНУХА, КОРЕНУШКА, КОРЕНОВАТИК, КОРЁНОК, КОРЕНЯК, КОРЕТА, КОРНЁВА, КОРНЕВАТИК, КОРНЕВАТКА, КОРНЁВКА, КОРНИК, КОРНОВИК, КОРНОВАТКА, КОРНЮШКА, КОРНЯВКА, КО-

РЯВКА, КОРЯНКА < ос. **koreň* < ие. **(s)ker-* «резать» [Pokorný I: 572]; ЛУБЕННИК, ЛУБЕНЬ, ЛУБЕНЬКА, ЛУБЁХА, ЛУБЁШКА, ЛУБКА, ЛУБЯНКА, ЛУБЯНУШКА, ЛУБЯНА < ос. **lubъ* < ие. **loub(h)-* «облуплять (кору)» [Черных I: 493]; ЛУКНО, ЛУТОШКА, ЛУКОШКО – неясная этимология; родственно лит. *lunkas* «кора липы», др.-инд. *luñcati* «рвет, обдирает» [Фасмер II: 540–541];

6) *рассекать, протыкать, драть* > судно, лодка: ГАБАРА «прибрежное морское судно» < из нем. *gabarre* «грузовое судно» [Фасмер I: 378], от лат. *carabus* < ие. **ker-* «резать»; КАТЕР – от англ. *cutter* < ие. **gerbh-* «резать», «царапать» [Черных I: 387]; КОРЕНУШКА < праслав. **kora* < ие. **ker-* «резать» [ЭССЯ XI: 44–45]; ЖЁЛОБ «долбленая в виде корыта озерная лодка», ВЫЖЕЛОБИТЬ «выдолбить из дерева лодку» < ос. **želbъ*, с *ž* из *g*, < ие. **gelbh-* «скоблить») [Черных: I: 196]; КОРАБЛЬ < *korabъ* < ие. **ker-* «резать», с семантическим развитием «выдолбленный ствол» > «судно» [Новое в русской этимологии I, 2002: 110];

7) *рассекать, протыкать, драть* > одежда, обувь: ПОРТ, ПОРТЯНИНА, ПОРТЯНАЯ НИТКА «толстая нитка для штопанья портков», ПОРТ, ПОРТЁНЬШКО «домашняя ткань с льняной основой и шерстяным утком»; ПОРТЕНКО, ПОРТИНА «ПОЛОТНО»; ПОРТИЩЕ, ПОРТНО, ПОРТЯНО «грубый холст»; ПОРТНА, ПОРТОТКАНЬ «домотканая материя»; ПОРТНЫЙ «хлопчатобумажный»; ПОРТОВОЙ «вытканый из льна»; ПОРТЯНИЦА «кусок холста», ПОРКА «шуба из шкур бобра, куницы и т.п.»; ПОРКИ, ПОРТОЧИ, ПОРТЧОНКО «мужские штаны» > ПОРТКА, ПОРТОЧИНА «штанина», ПОРТЧОНКИ «штаны для мальчика»; ПОРТЕНИК, ПОРТНО «сарафан»; ПОРТЕНИЦА, ПОРТЕНКА «портыня»; ПОРТИЩЕЧКО «женское нарядное платье»; ПОРТИЩЕ, ПОРТЯНИНА, ПОРТЯНО «одежда из холста», ПОРТКИ «мужские штаны; нижнее белье»; ПОРТЯК «юбка из портна» < ос. **porti* < ие. **per-* «протыкать» [Черных II: 58]; ПАЧЕСИ, ПАЧЕСИНА, ПАЧЕСЬЕ «ткань из пачесей» < ос. **česati* < ие. **kes-* «царапать», «чесать» [Черных II: 385]; КОРЗИНКА «рогожа» (вероятное развитие значений «кор-

зина» > «переплетение нитей в ткани, похожее на переплетение прутьев в корзине» > «рогожа» < ос. *kora < ие. (s)ker- «резать» [Черных I: 428]; РУБ, РУБЧИК «плотная ткань с диагональным переплетением нитей», РУБ, РУБА, РУБАХА, РУБИЩА, РУБЦОВКА «рубашка из толстой грубой ткани» – вероятное развитие значений «рубить» > «рубец» > «грубая ткань, похожая на рубцы» > «рубах» < ос. *rōbiti < ие. база *remb- «рубить» [Черных II: 125]; ВРЕЗАНИК «сарафан, тканый по бумаге», СРЕЗКА «шляпа с плоским верхом», ОБРЕЗКИ «валенки или резиновые сапоги с обрезанными голенищами» < ие. ɥreg- «рвать» [Черных II: 107]; СТЕГАНИЦА «стёганая верхняя одежда»; СТЕГАНКА «тёплая, на вате, пуху или шерсти одежда»; СТЕЖАНИНА «стёганое ватное изделие»; СТЕГАНИНА «стёганая вязанная юбка», СТЁГАНКИ «простёганная на вате обувь» < ос. *steg-, родственно нем. *steig- «протыкать», «жалить» [Фасмер III: 751; Pokorny III: 1016]; СТРОЧЁНКА, СТРОШЁНКА «телогрейка» < ие. *ster- «что-либо вырезанное» [Черных II: 211]; ДЕРНИЧКИ «шерстяные вязаные женские нарукавники»; ДРАНКА, ДЫРИНКА, ПОДРАНЬ «рваная одежда», ОДИРКА «шелковая косынка»; ОДИРОК, ОДИРУШКА «платок из куса шелковой ткани; головной убор женщин образованного класса»; СДЕРИХА, СДЕРИШКА «колпак, повязка, надеваемые замужней женщиной вместо платка», САДИРЫ «кожаные или резиновые сапоги» < ос. *dbrati, *dyra < ие. *der- «драть», «рвать» [Черных I: 267]; КЛИНАТКА «кофта с тремя клиньями»; КЛИНЬЁ «части одежды» < ос. *kьlinь < ие. *kel- «протыкать» [Черных I: 401]; РАСКРОЙЦЫ «красивые лапти» < ос. *krojiti < ие. *(s)kerei- «резать» [Черных I: 444]; КОРБАЧИ «лапти из бересты» < ос. *kora < ие. (s)ker- «резать» [Черных I: 428]; КОПАНИ «сапоги, башмаки» < ос. *kopati < ие. *(s)ker- «разрезать», «раскалывать» [Черных I: 426];

8) *рассекать, протыкать, драть* > *веревка*: ПОДЦЕПКА, ПОЦЕП, ПОЧЕП, ПОЦЕПКА, ПОЦЕРОПКА «верёвка, за которую что-либо подвешивается» < ос. *сѣрь < ие. *(s)kēi-p- «отделять», «разделять» [Черных II: 366–367]; КОПЕННИЦА, ПОДКОПЕННИЦА «верёвка для перевозки копен сена» > *копнать* «обвязывать

копну верёвками» от *копа* «куча сена», которое восходит, вероятно, к *копать* – развитие семантики: «рыть землю» > «нагребать кучу» < ос. **kopati* < ие. **(s)kop-* «разрезать», «раскалывать» [Черных I: 426–427; Фасмер II: 316]; СТЕКЛИН, СТЕКЛИНА «прочная и тонкая верёвка» < ос. **stbko*, германского происхождения «заостренный конец рога»; ср. гот. *Stikls* «кубок», нем. *stechen* «колоть» [Черных II: 200]; ОБОРА, ОБОРИНА, ОБОРИЦА, ОБОРКА, ОБРЫВКА «коротка верёвка или оборванная часть верёвки» < ос. корень **rʷv-* < ие. **ren-* «разрывать» [Черных II: 100–101]; КОСЯК «канат» – назван так по косым волокнам < ос. **kosa* < ие. **kos-* «чесать», «резать» [Черных I: 433–434].

Наиболее часто встречаются семантические переходы «*рассекать, протыкать, драть* > *инструменты, приспособления*», «*рассекать, протыкать, драть* > *емкость, посуда*», «*рассекать, протыкать, драть* > *корзина*», «*рассекать, протыкать, драть* > *одежда, обувь*».

Иконизм рассмотренных единиц отражает технологии создания того или иного инструмента, предмета быта, одежды, а также способа производства того или иного трудового действия.

4.1.3. Мотивы сгребать, давить, кусать. В нашем материале встречаются отдельные семантические переходы:

1) ГРАБЕЛКА, ГРЕБЁНКА, ГРЕБЕЛКА, ГРАБЕЛЬ, ГРАБЕЛЬНИК, ГРАБЁЛКА, ГРАБКИ, ГРЕБЛИ, ЗАГРЕБАЛКА, РАЗГРЕБКА, ГРАБЛИ < ос. **grebti* < ие. **ghrebh-* «сгребать» [Черных I: 216];

2) ВАЛЬНИЦА, ОТВАЛКА, ОТВАЛОК, ОТВАЛЬНИК «отвал плуга» < ос. **valiti* < ие. **uel-* «давить», «теснить» [Черных I: 132]; ЗАВАЛ «сторожка или яма, откуда стреляют в медведя во время охоты», РАЗВАЛЮШКА «ветхой строение» < ос. **valʷ* < ие. **uel-* «давить», «теснить» [Черных I: 132];

3) ЗУБЛЯК «борона» < ос. **zobʷ* < ие. **gembh-* «кусать») [Черных I: 330]. Наличие зубьев у бороны ставит ее в один ряд с другими острыми предметами, используемыми как обереги от злых сил (грабли, вилы, серп). Например, для избавления от ру-

салок называли число зубьев на бороне. Для избавления от тараканов найденный зуб бороны затыкают под матицу или у печи. Зубом бороны, как и другими острыми предметами, лечат острые боли. С другой стороны, зубья бороны опасны беременной женщине или скотине: чтобы кобыла не жеребилась, ей дают овёс, выращенный внутри бороны [Славянские древности I: 235–236]. Функция оберега подтверждается этимологической общностью **borna* «борона» и **borna* «оборона, защита, преграда» [ЭССЯ II: 204–206].

Из 319 рассмотренных единиц 94,6 % соотносятся с этимологическими значениями «ударять, рассекать, разрезать» (рис. 46), что связано с ударными технологиями изготовления бытовых предметов, инструментов, приспособлений и пр.

Этимологический фоносемантический анализ показал, что большое количество лексем, связанных с семантикой быта, инструментов, одежды, построек, лодок и судов, посуды, способов их производства, древних технологий имеют иконическое происхождение, что указывает на древнюю основу данных лексических единиц. В данной группе на этимологическом уровне доминируют «ударные» технологии.

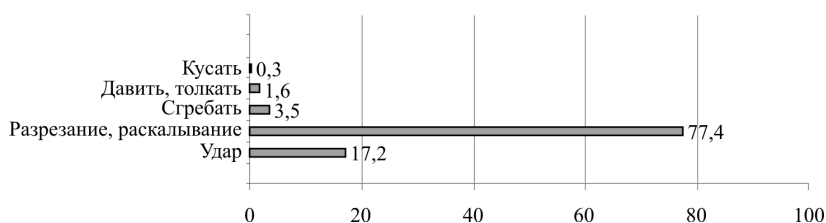

Рис. 46

4.2. Былички: потусторонний мир в звуках

4.2.1. Постановка проблемы. Устные рассказы о столкновениях человека с нечистой силой – *былички, побывальщины, бывальщины, бывалки, былицы, былины, быть* – относятся в фольклористике к несказочной прозе. По В.Далю, «что было,

случилось, рассказ не вымышленный, а правдивый; старина; иногда вымысел, но сбыточный, несказочный».

В понимании рассказчиков (носителей быличек) – *«басня – это говоришь токо, а бывальшына – значит было чё-ко, тут разнища»; «не знаю, то ли былица, то ли неправда, только моя бабушка рассказывала это»* – актуализируется несомненная реальность и правдивость описываемых событий.

Наличие звуковой «темы» в жанре былички подчеркивает ее реальность, поскольку звук как таковой уже сам по себе является приметой «этого» мира, тогда как «тот» мир молчалив и беззвучен.

Нечистая сила, которую видит человек, в тексте быличке может не описываться, но она обязательно «звучит» и часто имеет антропоморфные или зооморфные признаки: *суседко с бородой и топает; мохнатенький и топает*.

Только при помощи звука неуловимая, невидимая и часто бесплотная нечистая сила обретает материальность существования в этом мире: иначе обнаружить нечистых просто невозможно. В быличке нечистая сила часто манифестируется посредством звука, который является для рассказчика безусловным доказательством наличия нечистой силы в «здесь-и-сейчас» ситуации.

В тексте былички нечистая сила начинает «звучать» только тогда, когда перемещается в «этот» мир, обретая черты человека или животного: *баран говорит человеческим голосом; баранья голова со стуком и грохотом появляется из-под полка в бане; лягушка живет внутри человека, обнаруживая себя икотой; жучок, который пищит «всякими голосами»* и пр.

Наиболее значимыми для выявления фоносемантических механизмов структурирования текста былички представляются единицы с утраченной «звучащей» внутренней формой, поскольку именно значение этимона проясняет древнейшее представление носителей языка о нечистой силе, ее действиях и атрибутике, которые сегодня не осознаются носителями языка.

Одной из причин, которые обуславливают «необходимость» существования в быличке фоносемантических единиц, является

значимость мотива удара, рассекания, разрезания, которые эксплицируются в тексте былички при помощи иконических единиц.

Так, расставание «нечистого духа» с телом является процессом болезненным, долгим и мучительным, связанным с семантикой удара, раскалывания:

• *Чтобы колдун быстрее умер, надо на крыше, слега наывается, самая верхняя, ее надо чем-то снизу **поколотить** с сеновала, чтоб он скорее умер.* (Зап. от Мельниковой Р.П., 1935 г.р, д. Грудная);

• *Если у колдуна сделан гроб, его **разламывают**, чтобы облегчить его смерть. Так-ту он мается, умереть не может. Или отдадут другому покойнику этот гроб* (Ст. Посад).

Номинации нечистой силы, явлений и действий, связанных с ней, часто имеют звукоизобразительную природу:

ЧЕРТ < ие. **(s)ker- *(s)kor-* «резать, обрезать, отсека́ть» [Черных 2: 384]. Родственно *чертить, чертеж, черта* [Черных 2: 385].

КОЛДУН, КОЛДОВАТЬ < ие. **kel- *kol-* «говорить, звать, кричать». Родственно *колокол, калякать* [ЭСРЯ II, 8: 196–197; Фасмер II: 287–288].

ПОРЧА < ие. **per- *por-* «перемещать(ся), пронзать». Родственно *пороть, портить, портной* [Черных 2: 58–59].

НЕЧИСТЫЙ, НЕЧИСТЬ < *чистый* < ие. **skel-* «резать, обрезать, отсека́ть ненужное» [Черных 2: 391].

Таким образом, этимологически выделяется два исходных мотивотипа (гиперсемы): 1) «говорить, кричать, издавать звук» и 2) «разрезать, отсека́ть, пронзать». При этом значимым представляется то, что «голосовой» мотив относится к человеку, который общается с нечистой силой, а мотив «рассекания» – собственно к нечистой силе.

Этимологическое исходное значение указывает на перемещение миров, их амбивалентность, поскольку сотворение мира Богом также связано с идеей «разрывания, рассечения, разрезания».

Звук удара и голос (слово) рассматриваются в мифологии как первопричины всего сущего, в том числе и того, что не поддается управлению обычным человеком. Звучащий в быличке мир амби-

валентен. Звуковая структура текста указывает на двойственность, обоюдность, одновременное наличие двух миров.

Характерно, что звукоизобразительные слова *душа* и НЕЧИСТЫЙ ДУХ (< ие. **dheu* – «дышать, дуть» [Черных 1: 275]), которые собственно и являются единицей обмена между двумя мирами, этимологически родственны. Это указывает, с одной стороны, на зыбкость границ между двумя мирами, их взаимообусловленность и одновременное сосуществование, а с другой – на верования в то, что нечистая сила создана Богом. Таким образом, *нечистый дух* – это обратная сторона *души* или *Святого Духа*, их зеркальное отражение (сравните, например, в мифологии смену значений правого и левого, а также создание нечистой силы из отражения на воде Бога).

Рассмотрим, какие звучания биосферы, антропосферы и социосферы эксплицируют мир потустороннего в быличке.

4.2.2. Биофоносфера. Звуки биосферы эксплицируют в быличке потусторонний мир.

Звуки АТМОСФЕРЫ являются метой присутствия нечистой силы. Типичным звучанием нечистой силы в прикамской быличке является шум ветра, звук вихря. Фоносемантическая сущность былички представлена на уровне символического образа, в котором предстает нечистая сила, передачи речи и действий нечистой силы.

Наиболее часто встречающийся образ нечистой силы в прикамской быличке – вихорь, вихрь, который налетает на человека с пугающими звуками: *взззь, крылом метет с дороги, гайками в шары – тики-тики-тики; взвих; свись* и пр.

- *Лешой, он даже в церковь ходит. Всю службу стоит, только он не любил «Иже Херувимы»: сразу выходит из церкви. Ходил он в церковь, богу молился, как крестьяне крестятся, так и крестился. Кланялся. Человек – человек, только и есть. Может, видела, **вихор** ходит – он гуляет в ём, в кругу. Он ведь не сам хозяин себе. Высылают их. Над ём есть старшие...*

• Один мужик рассказывал, шел он как-то по дороге, вдруг **вихорь** рядом пронесся. Он взял **ножик**, в него бросил, а **вихрь**-то исчез. Мужик подошел к тому месту, а **ножика**-то нет. Через год он в лес пошел. Пошел, да и заплутал. Бродил, бродил, да и вышел на какую-то поляну, а там дом стоит. Мужик-то удивился, но в дом зашел. А там его женщина встретила, обычная женщина, дети обычные тоже. Она и говорит: «Посиди, подожди, сейчас хозяин придет». Вскоре мужик заходит, мужик как мужик. Заходит и говорит мужику: «Че те надо-то»? – «Да вот заблудился. Не покажете дорогу»? Тот отвечает. «Ладно, сейчас ужинать будем, потом переночуешь здесь, а утром покажу». А хозяйка и говорит мужу: «Муки мало». Хозяин и ушел. Вскоре приходит и говорит жене: «Мало принес, был у соседа. У его в амбаре кресты наделаны». Сели ужинать, еда у них такая же, как и у нас. Только смотрит мужик, на столе его **нож** лежит. А хозяин говорит: «Че смотришь-то»? – «Да так». – «Нет, скажи». – «Да на **нож**». – «Ну так вот, что я тебе скажу. Больше так не делай. Я тогда еле домой добрался». Поужинали, спать легли. А утром хозяин показал мужику дорогу. Тот и ушел домой. Вот побывал у лесного дома.

• Что за лешак, мы его не видим. Что погода: **взззь** так как крылом метет с дороги – это **вихор**, его внуки. Как-то шла из больницы, не надо дорогу **пересекать** ему. Да **гайками в шары** – **тики-тики-тики!** Господи! Чур наш аминь! Чур наш аминь! Тебе дорога, мене другая! Да меня чисто всю **исшишел-кал гайками-то вихор**» (Зап. от Мельниковой Р.П. 1935 г.р, д. Грудная, Караг. р-н).

• Когда-то мужик греб сено, метал, видит: **вихор**, круг тако, **пыль**, **бус**. Вилы бросил в круг, и **вилы** потерялись, не стали. А круг ушел. А мужик поехал когда, пустил лошадей вперед себя. А он, лешой-то, у его, мужика, лошадей поставил, украл, как четыре елки стояли по углам. Так он запер лошадей, где пусто-то! А лошади не привязаны стояли – вот столько **настр...ли**, выше колена. Неделю не пили, не ели. Стояли в чисты

елки – выход не видели. Он, мужик–то, ходил, искал-искал. Увидел дом в лесу – к домику приходит. А там **вилы** стоят (лешой-то которые у мужика взял **вилы**). Примета у **вил** была, мой мужик признал их. В дом-то заходит. А тот–то поздоровался с им: «Че де ли ты, бедняга, ходишь?» – «Коней ищущу». – «Так нашел? **Вилы**-то видел? – хозяин спрашивает. – А зачем ты мне их в ноги бросил? У меня нога болит, жена лечила. Домой с **вилами** пришел. Одва жена достала с **вилами**. Ты имеешь коней? Кони стоят твои у Сытых елок. Никогда так не делай». – «Виноват», – покорился ему мужик. «Когда **вихор** идет – кидай хлеб кусок. Три-четыре дня они у тя отосланные, кружатся, голодные. Проишаю тебя». Мужик к елкам пришел – коней своих увидел. **Выср..ли** всё, тогда и увел коней».

Следует отметить, что «звучащая» природа этого образа представлена и на имплицитном уровне: этимон имеет звукоизобразительное происхождение.

Вихрь, вихорь родственно *веха, вихлять* от ие. **uei-* **uo-i-* «вертеться поворачиваться» [Черных I: 148, 155] *вить*. Родственно *вехоть, вихлять, ветвь, витвина*. Ср. словен. *Zavit* «нарезка», др.-инд. *vaṃatī* «плетет, ткет» [Фасмер I: 322, 324].

ЗООФОНОСФЕРА манифестируется на уровне номинации животных, в которых предстает нечистая сила: все они имеют иконическую природу (*баран, лягушка, жук* и пр.). Представляется, что олицетворение нечистой силы не зависит от воли рассказчика, поскольку все животные тесно связаны с древними обрядовыми кодами.

Парнокопытные животные (корова, бык, баран) в древности считались священными животными и олицетворением божества; в мифологии славян баран выступает в качестве жертвы Ильепрооку. По народным представлениям лягушки – обращенные люди. По поверьям язычников душа человека после смерти могла перевоплощаться в насекомых (ср. родств. рус. *жук*, но латыш. *kaukas* «дух»; рус. *овод*, но осет. *udd* «душа»), потому насекомые часто наделялись человеческими свойствами.

Обретая облик существ реального мира, которые являют собой амбивалентную сущность (животное/насекомое и человек одновременно), нечистая сила в быличке маркируется звуком, который аномален для реального мира: баран говорит человеческим голосом, лягушка икает, жук пищит «всякими голосами».

- *Раз мужик едет на саях, возле него **баран** бегаёт. Ну, мужик его на сани посадил: «**Бара, бара**», – говорит **баран**. А потом как оскалил зубы! Мужик его и скинул. Тогда **баран** человеческим **голосом говорит**: «Если бы ты меня не скинул, я бы тебя съел». Это леший был (Зап. от Усаниной А.Т. 1918 г.р., д. Акчим, архив ПГУ 1986, тет. 3286, № 204).*

- *Пошел мужик в баню мыться, баня была истоплена. Перед самой Паской, весной. Да. В бане моется, **парится**, на полке. Слышит – доски с полка-то **тар-тар-тар**. Доски развалились в стороны и пали, **старгали**. И тут из-под полка голова **баранья, бараньи рога** большущие, винтом закручены. Не овечья, не человечесья, а **баранья** голова. Он вовсе нагой выскочил из бани, халат какой-то надел, без штанов домой. Мать в баню послал, жену. Оне пришли – полк как был, так и есть. После этого мужик в баню только овиднем ходил, вечером боялся (Сёйва, Гайнский район).*

- *Жила одна **колдунья**, она приютила одного мальчика. Сварила как-то раз пиво, стала обносить всех. А девочка к мальчику пересела. И ей **чертенок** попал, засел в горле. Она **хыркала – хыркала**, не выходит, доставать его стали. А он кругом **зацепился**. Везде **лапы–лапы**. Кое-как достали. Когда они зажгли лучину, они этого **жучка** положили на уголь. Он горел дак **пищал** как мог, всякими **голосами**. Мы у нее были, у **колдуни**. Видели этих **жучков неприбранных** (Зап. от Нечкиной В.Ф. г. р. 1908, д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 92).*

Нечистая сила использует насекомых как инструмент насаждения порчи: Колдун мог испортить скота, возьмет да напустит на их как ос, скотина бегаёт, мучается (Ст. Посад).

4.2.3. Антропофоносфера предстает в быличке как мета «этого» мира. Нечистая сила может принимать физический облик обычного человека, отличаясь при этом определенными странностями, которые обычно приписывают нечистой силе:

- не любит молитвы (*Лешой, он даже в церковь ходит. Всю службу стоит, только он не любил «Иже Херувимы»: сразу выходит из церкви*);

- не может действовать при «крестах» (*А хозяйка и говорит мужу: «Муки мало». Хозяин и ушел. Вскоре приходит и говорит жене: «Мало принес, был у соседа. У его в амбаре кресты наделаны»*);

- не «повреждается» при ранениях (*У меня нога болит, жена лечила. Домой с вилами пришел. Одва жена достала с вилами*);

- влияет на природу (*Баба, она постеснялась людей, обходит стороной. Она пошла в лес, сверху стала спускаться. Лестно начал нагибаться, и такой шум в лесу стал, он в лес-то и убежал*);

- обладает «нечеловеческими» свойствами (*Вдруг западня открывается, оттуда вылезает девка, вся красная, из рта синий огонь. И говорит: «Никого не выпущу, всех с собой возьму»*).

Звуковая природа «странности» перевоплощенного нечистого репрезентирована не только на эксплицитном (непосредственное звучание окружающего мира: *молитва, шум*), но и имплицитном (звукоизобразительное происхождение номинации атрибутов, связанных со странностью: *вилы, крест*) уровне.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗВУЧАНИЯ (жизнь тела), эксплицитированные в языке артикуляторными ономатопами, практически не представлены в тексте былички, тогда как акустическая ономатопея (звучания внешнего мира) представлена многообразно и частотно. В нашем материале имеется лишь один артикуляторный ономатоп (*икота*), который относится к нечистой силе, но обитает она в теле человека.

- *В горло пойдёт она, икота-то, враг-от, там посажено. У меня у мамы было. Она мне раз говорит: «Шурка, ты сёдня хоть не ходи на работу-то». А чё, я чё-то вышла, ушла. А при-*

шла, мама уже без языка, язык уже нету. И вот я залезла, раньше голбчики были, печка, вот так. Я к ей залезла, на голбчике-то она лежит, так вот мне пальчик взяла, так подавила – подавила и так непонятно мне сказала: «Враг-от, враг-от полез» – уже языка-то не видно. Ну, вот, враг-от, она говорит, он полез туда, языка уже не было ей сказать, вот, вот так моя мама и померла. Ну, там какой-то колдун был, он ей посадил, как это, лягуша, как лягуша что ли, она с той поры все боялась лягуш, с молодости. И видно, ко мне попало. Я тоже лягуш боялась. И в молодости, рассказывал тятя, захотел пошалить, ну чё, молодые, он лягушу-то бросит на нее, она перепугатся, чуть его раз косой не засёкла.

Остальные физиологические звучания связаны с обитателями реального мира, мира «живых»: лошадей, ребенка и пр.

В быличке «угнетены» внутренние (скрытые, имплицитные) процессы жизни физического тела: ее интересуют внешние звучания. «Физика тела» является значимой только для человека, тогда как нечистая сила остается неуязвимой при нарушении ее телесной оболочки, которую она избирает по своему вкусу: превращается в барана, лягушку, жука, мужика, женщину (бабу, девуку), ребенка

• Сидит баба всё дома. Раньше больниц не было, дома рожали. Это повивальна бабка была, ее все звали. На рождественских святках вечер подходит, ее никто не зовет, вечер пустой. «Лешак меня не зовет, черт ли». Вдруг через несколько время стучат. Пришли. «Надо родить. Одна робенка хочет родить. Поехали, давай скорей». Она собралась – там лошадь стоит с кошевой. В кошеву ее посадили, одеялом закрыли. Поехали. Ехали-ехали, долго ли, коротко ли, приехали. Аха. Ее завели значит в баню. А на рожонке-то сарафан. Эта-то признала сарафан соседкин. Робенка-то заворачивала. Сарафан-то простригнула где-то ножницами, как пятно. Думает, потом-то узнаю. Домой вернулась. Утром встала. Соседка идет, она и спрашивает: «У тебя сарафан-то твой дома?» – «Да куда он денется»? Проверила, взяла – на ем дырка. У кого ино я принимала роды-те? Я к черту ездила!».

• *Один мужик с одной же подругой ходил, с женщиной. Они договорились с ней встретиться. В деревне есть лес и небольшая ляга. Он был водителем с фермы, с соседней деревни они сходились. Вот он видит вечером, она идет. А внизу, на лугах, косили раньше вечерами в колхозах, день гребли, а ночью косили. Баба, она постеснялась людей, обходит стороной. Она пошла в лес, сверху стала спускаться. Лес-то начал нагибаться, и такой шум в лесу стал, он в лес-то и убежал. «Я совсем не собиралась», – подруга-то ему потом говорит. Она также показалась ему настоящей подругой, только он ее на большом расстоянии видел. Он ее не дождал. Также одета, всё та же самая. Вот и подруга...*

или остается бесплотной

• *Тут одна, Мария, за вдовча Федора выходила, а на его другая баба глаз положила. Вот поехали они расписываться с Марией, и тут беда. Едут они, и вдруг – свись – дуга вылетела. Федор токо наладит, поедут немножко, она опять свись. И так всю дорогу. Это наверное супротивница сделала, недоброе-то. Так они потом недолго и пожили вместе (Зап. от Гилевой А.С., Числы Нытвенского района).*

• *Плутали в лесу, бывало. Парень заблудился, Витька. Его три дня не было. Он поехал, а тетка ему и говорит: «Иди ты клешему, Витька». Это потому, что лошади его топтались у ей под окном. Он пошел, да не в ту сторону. Искали, искали, даже в трубу смотрели. Тетка-то его плачет. Ей говорят: «Ты бутылку водки и красный платок на елку повесь, он возьмет и приведет Витьку к тебе». Она возьми и купи. Купила красный материал, кушак сделала, повесила. Три дня искали. Нашли его, а он от них убежал. Одичал вовсе. «Как ты жил?» – спрашивают. – «Я под сосной спал, ничего не ел». Потом пошли – ни водки, ни кушака. Видно, кто-то это всё знал. Видно надо ему красное, любит он (Зап. от Ильиных Н.А. 1928 г. р., д. Писаная, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 126).*

Отсутствие души и тела у нечистой силы предопределяет неактуальность артикуляторной ономотопеи для текстов былички. Косвенно незначимость физиологической оболочки человека

для нечистой силы обнаруживается в мифе о постоянном стремлении дьявола купить именно душу человека, при этом телу предлагается обычное существование до естественного физиологического конца. Люди, совмещающие в себе свойства реального человека и нечистой силы (колдуны и пр.), согласно поверьям имеют две души или у них нет христианской души, которую они продают дьяволу, заменяя ее на «нечистый дух».

ГОЛОС, говорение в быличке является тем знаком, который нарушает невидимую границу между человеческим и потусторонним миром, переводя обитателей этих миров из одного пространства в другое. В сущности только звук (голос) является тем коммуникативным кодом, который и обеспечивает общение и понимание представителей «того» и «этого» миров. Даже «видимость» нечистой силы для человека становится реальной только при наличии коммуникативного акта или, наоборот, только при общении с человеком нечистые обретают видимый облик: так, например, лесной показывается только тому, с кем говорит.

Характерно, что коммуникативные коды между мирами представлены как на уровне человеческой речи, так и природных и других звуков. Выход нечистой силы из небытия «того» мира репрезентируется сменой коммуникативных кодов, которые коррелируют с эволюцией человеческого языка: от жестового языка через звукоподражание и междометие к логическому языку. Степень приближенности к человеческой коммуникации адекватна степени близости общения между человеком и нечистыми.

Сначала общение представлено в виде действий и «звуковых» жестов: *баран бегаёт, доски тар-тар-тар, соседко давит, вихор гайками в шары тики-тики-тики, девочка хыркает, когда чертенок засел в горле, пурга закружилась и завыла, соседко торк карты в руки и затопал, свись – дуга вылетела, лес шумит, гроза гремит* и пр.

При неизбежности тесного и непосредственного общения двух миров в тексте былички появляется язык человека.

При помощи природных звучаний (*звуки ветра, грозы, вихря, шум леса*), криков животных (*лягушка, жук, баран*) и «заум-

ной» междометной речи (*начинает бога дразнить. Ж...й вертит, трясет и кричит: «Лю-лю-лю-лю-лю!»; Люди слышали: «О-о-о-о»; Семь дней и семь ночей кричал на всю избу: «А-а, а-а»*) нечистая сила обычно предупреждает человека о своем присутствии, как бы предлагая избежать контакта.

Если человек не предпринимает никаких действий против нечистой силы, то обычно контакт с потусторонним миром прекращается (*Не овечья, не человечья, а баранья голова. Он вовсе нагой выскочил из бани, халат какой-то надел, без штанов домой; Как-то шла из больницы, не надо дорогу пересекать ему. Да гайками в шары – тики-тики-тики! Господи! Чур наш аминь!; А вышло вот: он дверь то открыл – взвих! – и на этом месте земля и исчезла; Она также показалась ему настоящей подругой, только он ее на большом расстоянии видел. Он ее не дождал*) без особого ущерба для человека.

Однако когда коммуникация неизбежна (обычно потому, что человек нарушает границу миров) – человек пытается противостоят нечистой силе, – то нечистая сила переходит на коммуникативный код, более понятный человеку. При этом выполнение всех условий, предложенных человеку при встрече с нечистой силой, также обуславливает безопасность человека. Однако если человек продолжает сопротивление (проще говоря, не понимает предлагаемого коммуникативного кода), то он подвергается наказанию (*Оторвал пуговицу, зарядил ружье и выстрелил в черта. Убил его. Вскоре он и умер, дедушко-то; Они пришли с ломами, с топорами, да не успели. Домов не было, были только две ямины глубокие, да писк стоит, говорят; Ну, вот, враг-от, она говорит, он полез туда, языка уже не было ей сказать, вот, вот так моя мама и померла*).

Можно говорить о том, что знание человеком фоносемантических кодов позволяет ему избежать столкновения с «тем» миром и обезопасить себя. Переход нечистых к человеческому языку означает, что человек нарушил границы миров, а потому за пределами «своего» мира должен играть по правилам, предлагаемым нечистыми.

Это еще раз подчеркивает неоднозначность коммуникации между двумя мирами: враждебность нечистой силой по отношению к человеку обусловлена не столько ее природой, сколько тем, что человек не хочет «услышать» этот другой мир, навязывая ему собственные каноны существования. Эволюция коммуникативных кодов от аномальных единиц к системной лексике обозначает переход от «нечеловеческого» к «человеческому» миру.

В тексте былички актуализируются два основных типа звучания: собственно человеческий голос и звук от различного вида ударов, которые соотносятся с архетипическими кодами, эксплицированными на уровне этимологической семантики.

Голос, говорение в быличке может выступать:

1) как инструмент порчи:

- *Как портят людей – мухи у колдуна в туюсочке сидят, он с их помощью порчу передает, им скажет имя, они к тому человеку и летят»* (Карагай);

- *Передавали колдовство – в бане варили черную кошку, без единого белого волоска, потом обгладывали кости, старый колдун, который передавал ремесло, спрашивал при каждой косточке – видишь ли. Когда молодой говорил, что не вижу, это значило, попала невидимая косточка, с ней можно невидимкой сделаться* (Шавшуки);

2) как симптом порчи:

- *Раньше люди были – врага могли посадить, порчу, она в человеке, и говорит, ничем не выведешь* (Ст. Пашня);

- *Пошибку садили колдуны – у кого бывала такая пошибка, начнет говорить че попало, когда захочет* (Терехино);

3) как защита от порчи:

- *Встретив колдуна, старались ругаться с ним, чтобы тот не посадил порчу* (Жормино);

- *Держали в кармане фигушку (сложенные в кукиш пальцы) при встрече с колдуном, при этом говорили про себя: «Ешь свое мясо, пей свою кровь»* (У.-Нердва);

• *«Колдун, сам себя колдуй!», – такие слова надо сказать, когда колдуна встретишь – он тебе ничего не сделает»* (Ст. Посад);

• *«Колдун, фигу заколдуй», при этих словах, которые говорят тихо, также нужно сложить фигу* (Ст. Пашня);

• *Если тебя задел колдун, нужно сказать: «Колдун, возьми свое обратно». Кукиш показать: «Колдуй, колдун, сам себе, ешь свою ношу, пей свою кровь»* (Зап. от Мальцевой А.М., 1933 г.р., д. Одинцово);

• *«Меня старичок из Менделеево научил от колдунов оберегаться – послать его на три буквы, он ниче не сделает* (Зап. От Чернобровенко Н., 1965 г.р., д. Перино);

• *Выходя из дома, нужно братья за косяк рукой со словами «Господи благослови»* (Карагай), *обязательно с крестиком, если потеряешь крестик с шеи, это обязательно к худу* (Юрич).

Таким образом, в быличке наиболее значимыми звучаниями антропофоносферы является человеческий голос.

4.2.4. Социофоносфера практически не представлена в звуковом пространстве былички. Однако имплицитно «звуковой» мотив представлен в этимологии номинации колюще-режущих бытовых предметов, которые используются как оберег от потусторонних сил.

Ритуальное расчленение связано в языческой традиции с главным религиозным обрядом – жертвоприношением, которое предполагало ритуал отрубания, разрезания, протыкания, удара топором, ножом, рогом, копьём и т.п.

Однако этот же ритуал является «жертвоприношением» и нечистой силе, когда наведение порчи и установление коммуникации с другим миром связано с рассечением плоти или протыканием, ударом.

• *Собачью шерсть в тапочку положат людям, молодым, и совместная жизнь не пойдет у них» Или вот **поцарапает** чуть одежду колдун, когтем каким-то – и будете как звери жить* (Зап. от Никоновой А.А., 1939 г.р., д. Одинцово).

- *Чтобы причинить вред человеку, подбирали его кал и бросали в огонь. Также **втыкали** в кал человека, которому хотели вреда, **палку, щепку, ножницы** (Карагай).*

Одновременно с тем, что протыкание, расчленение, разрезание, отрубание являются типичными действиями нечистой силы против человека, эти же действия являются и типичными действиями человека против нечистой силы, что снова возвращает нас к идее амбивалентности мира, представленного в быличке.

- *Брали у курицы **косточку** с отверстием или дужку и носили при себе, оберегаясь от порчи* (Фролы);

- *Колдуна посылают на елки считать **иголки*** (Ст. Посад);

- *Чтобы уберечься от действий колдуна, нужно разместить три **булавки** (друг за другом) **острием** вниз на нательной верхней одежде (рубашка, майка и т. п.) по диагонали слева направо* (Одинцово);

- *Можно тоже фигу держать или на бумажку написать и в шелковую тряпочку на шелковой ленточке: «Осиное **жало**, пчелиное **жало**, чтобы колдуну рот зажало. Едет бог по гнилой границе на железной колеснице, колесница вертится, колдун злится». Или: «Колдун, колдуй свой х.й», «не колдуй, а п..здой». Или **булавку** в одежду свою: «Пускай у того язык согнется, кто будет меня колдовать»* (Зап. от Никоновой А.А., 1939 г.р., д. Одинцово).

Нож и другие металлические предметы в народной традиции – лучший оберег от нечистой силы (ср. также протыкание вампира осиновым колом), средство для снятия порчи и прерывания коммуникации с другим миром. В прикамской быличке средствами защиты от нечистой силы миром являются *нож, ножницы* (< ие. *neg'h- «удар», «рана» [Pokorny I: 760; Черных I: 575]), *вилы, медная пуля, лом* (< ие. *lom- «ломать» [Черных I: 490]), *топор, коса* (< ие. *kes- «резать» [Черных II: 160]), *резак* (< ие. црег)- «рвать» [Черных II: 107]) и пр.

Наш материал показывает, что наиболее значимыми в экспликации нечистой силы в быличке являются звучания био- и антропосферы, где актуализированы категории и реалии «ударного» происхождения.

4.3. Фоносемантическая картина мира в анекдоте

4.3.1. Измерение звуком в анекдоте. Попытаемся определить «измерительные» возможности фоносемантической единицы, которые реализованы в самом народном жанре – анекдоте. Именно анекдот показывает уровень фоносемантического чутья так называемого среднего носителя языка, поскольку создается этим носителем, транслируется им, отражая степень восприятия фоносемантической стороны языковой игры путем коммуникативного резонанса.

Звуковая игра в любом тексте уже сама по себе является своеобразным тестом интеллектуального развития личности, в частности, языковой личности, степени ее языкового чутья. Действительно, если в одних шутках юмористическая сущность фоносемантической единицы очевидна:

- *А я Брамса играю: брамс-брамс-брамс.* КВН Москва-Свердловск; 1 мая 1991 г., то в других – требует некоторого интеллектуального усилия:

- *Ванька с Манькой сидят на съезде. – Мань, хочешь Келдыша покажу? – Ой, ты что, Вань, дома!*

В последнем случае происходит фоносемантическая игра особого рода, где странная звуковая форма иноязычного слова опрокидывается либо в сферу табуированного (материально-телесного низа), либо в сферу материального, которое рассматривается как духовное (в анекдоте преимущественно наслаждение, радость добычи и пр.), либо дискредитация духовного и опрокидывание его в сферу табуированного.

- *Какой у вашего мужа резус? – Не знаю, наверное, сантиметров 15!*

- *Женщина подбегает к длинной очереди. – Что дают? – Кристи. – А это лучше драпа? – Не знаю, еще не пил.*

- *Советские лекторы читают лекции по научному коммунизму в одной из африканских стран: «Коммунизм – это бесклассовое общество, это счастливое будущее всего человечества!». В ответ слышат: «На бабуку! На бабуку!». Лектор про-*

должает: «Коммунизм – это мечта и конечная цель всего прогрессивного человечества!». В ответ: «**На бабуку! На бабуку!**!». Лекция закончилась. По обычаю племени все должны принять омовение и совершить таинство очищения. Лекторы обнажаются. Один негритенок подбегает к ним и кричит: «Смотрите, смотрите, какая у них **бабука!**».

- *Старость – это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина ночи уходит на анализы.* Ф.Раневская.

Использование звукоизобразительных единиц в качестве «эзопова» языка является типичным для анекдота. Причем шифровка свободной мысли обеспечивается как на уровне политического, так и этического табуированного пространства, а дешифровка возможна только при «наличии» у слушающего фоносемантического кода.

- *Жил-был король, который очень любил песенку «**тюр-ля-ля тюр-ля-ля**», но терпеть не мог песенку «**тру-лю-лю тру-лю-лю**», а тем, кто ее исполнял, приказывал отрубить голову. Многим это не нравилось. И вот один человек возглавил восстание против короля и сам занял его место. Новый король с удовольствием пел «**тру-ля-ля тру-ля-ля**», и эту песенку мог теперь исполнять кто угодно, ведь наступила гласность и демократия. А тем, кто напевал «**тюр-ля-ля тюр-ля-ля**», отрубали голову.* И. Бутман. Сказка о двух королях. (Смена. № 218. 1990).

- *Муж собирается на свидание, сказав жене, что идет на собрание. Прихорашивается перед зеркалом и напевает: «**Пара-па-бабам, пара-па-бабам**». Жена тоже начинает куда-то собираться: «**Татарам-дарам-дам, татарам-дарам-дам**».*

- *Два одессита едут по Москве мимо здания КГБ на Лубянке. Один тяжело вздыхает: «**О-о-о...**». Второй раздраженно перебивает: «И вы мне еще рассказываете?».*

- *Лето. Четыре секретарши сидят на крыльце санатория. «Эх!» – вздохнула одна. «Ох!» – откликнулась другая. «М-да!» – произнесла третья. «Девочки, вы можете хоть в отпуске не обсуждать дела своих начальников» – простонала четвертая.*

Измерение пространства при помощи звука является одним из древнейших способов. Первоначально мерой длины являлся бросок камня или палки: в древнерусском – *вержение камня*, в диалектах – *шибавище* (< *шибать* «бросать, кидать»), *мета-вище* (< *метать*), *палкой/ поленом кинуть* [Мокиенко 1990; Романова 1975]. Все эти глаголы звукоизобразительны по своему происхождению, т.е. в конечном счете – это измерение звуком.

Фоносемантическая единица в анекдоте по-прежнему остается мерой измерения пространства, однако в анекдоте измеряется не горизонтальное (длина), а вертикальное пространство (высота), что косвенно отражает и социологические аспекты бытия: концентрированный тип социально-пространственной организации людей, доминирование над природно-экологическими условиями высокоразвитой искусственной материально-вещной среды, территориальная локализация человеческого сообщества.

Современный анекдот актуализирует искусственную материально-вещную среду (ее качество, конфигурацию и пр.), которую согласно прежнему стереотипу измеряет звуком.

- *Спор о качестве резины. Американцы: «У нас человек с 5-го этажа упал, подтяжками зацепился за дерево и остался жить». Русские: « Это что, вот у нас поп с колокольни упал, сам – **вдребезги**, а калошам хоть бы **хны**».*

- *Идет человек по лестнице. Мальчик ему говорит: «Дяденька, у нас ступеньки скользкие». Тот в ответ: «Молчи, **сон-ляк-ляк-ляк-ляк**».*

Более того, человек, ставший рабом вещей, не может остановиться в их дальнейшем производстве. Однако, как прежде Всевышний создавал Вселенную и Человека словом-звуком, так словом-звуком в анекдоте создается ненужная человеку материально-вещная среда.

- *Военный городок. За забором – дурдом. Дурак сидит на плацу и отверткой в ведре дырки побивает. Подходит майор и спрашивает: – Что это ты делаешь? – **Бульбулятор** мастерию. Воды вот нальешь в ведро, а она выливается: **буль-буль-***

буль. – *Иди отсюда, дурак! Идет прапорщик, настроение поганое, погода плохая. Он со злостью пинает ведро и ворчит: – Еще вот новый бульбулятор выбросили!*

И если древний человек и житель деревни олицетворяют природу, то горожанин в анекдоте качествами человека наделяет машины и механизмы (ср. *компьютер спит, разбудить компьютер*; обращение к компьютеру по половому признаку *он-она* и пр.).

• *Самолет заходит на посадку задом. В диспетчерской переполох: «Борт 239, что случилось?». Молчание. Диспетчер: – Первый пилот, ответьте. – Первый пилот пьян, ик-к. – Второй пилот, ответьте. – Второй пилот пьян, ик-к. – Штурман, ответьте. – Штурман пьян, ик-к. – А кто же говорит? – Автопилот, ик-к.*

Таким образом, современный анекдот является в том числе и носителем социологической информации, репрезентированной на уровне звука. Изменение социального бытия человека приводит и к изменению измерения пространства: актуализации не горизонтального, а вертикального измерения. Современное завоевание пространства обусловлено не движением «по долинам и по возгорьям» (т.е. по природному пространству), а ввысь, где природное (воздушное) пространство осваивается при помощи искусственно созданных объектов (самолетов, небоскребов и пр.).

• *Десятиэтажный дом. На пятом этаже женская баня. Какой-то бедняга сорвался с десятого этажа: «А-а-а! ... Ух ты! А-а-а!..»*

Однако при этом современное измерение пространства в анекдоте универсально, синкретично, поскольку при помощи «первоначального», «отприродного» слова измеряется и высота, и время падения с этой высоты одновременно.

• *С пятого этажа падают так: «А-а-а-а!!!! Бум!». А с первого наоборот: «Бум! А-а-а!».*

Измерение времени посредством звука также является древнейшей когнитивной моделью (ср., например, иконическую природу русских слов *час, рок* и *время*). Одним из первых «бу-

дильников» человека являлся петух, что было естественным, поскольку идея цикличности, а не линейности времени напрямую связывалась с природными циклами.

В анекдоте функцию определения временного отрезка традиционно выполняет кукушка. Характерно, что в анекдоте актуализируется краткость временного отрезка, что косвенно отражает и динамику современной жизни, и время, которое можно «продавать» и «покупать»: ср., например, время – деньги; стоимость одного часа, одной минуты при репетиторстве и в СМИ и т.п. Таким образом, в анекдоте отражены, с одной стороны, ценность краткости временного отрезка, с другой – способность человека измерять очень мелкие временные отрезки, чего не могли делать наши предки.

- – *Кукушка, кукушка, сколько мне жить на свете осталось?* – *Ку... – А почему так ма...*

- *Умирает старый еврей. Всей семьей обсуждали текст самой короткой телеграммы родственникам в Нью-Йорк. Наконец послали: «Хаим все». Ответ из Нью-Йорка: «Ой!».*

В анекдоте про кукушку сохраняются древние представления о том, что душа умершего представлялась в виде кукушки. В похоронных причитаниях к покойнику обращались со словами: «Прилетай же ко мне кукушечкой, прокукуй мне свою волюшку». В облике кукушки душа как бы слетает на землю побеседовать с родными. Часто в кукушке видели вестницу с «того света» [Гура 1997].

Однако наиболее актуально использование ономастических элементов для отражения различных аспектов лингвистического бытия носителя анекдота. Особенно успешно используется ономастический элемент при отражении коммуникации с носителями различных языков.

- *Выбор блюд в чешском ресторане:*

- *Цабу кто?* – *задала вопрос Кока.*

- *Зебу на что похожа?* – *влезла Николетта.*

- Официантка заморгала. Я ткнул пальцем в строчку:*

- *Это что?*

– Смачного, – заявила девица.

Час от часу не легче. Смачного смажену зебу!

– Зебу **буль-буль**? – спросил я и начал делать плавательные движения руками. – Зебу **буль-буль**? Он, она или оно плавает?

В глазах официантки заметался ужас... но потом она рас- смеялась и стала размахивать руками...

– Зебу **буль-буль**, – кивнула она, – **буль-буль**.

Я вытер пот со лба. Зебу – это рыба и, ей-богу, мне все равно какая.

– Хочу говядину, – капризно протянула Кока, – **му-му** есть?

Му-му?

Официантка замотала головой:

– **Му-му** не, **хрю-хрю!** <...>

Николетта спросила:

– Что я ем?

– Зебу, – усмехнулась Эстер, – вкусно?

– Не... вкус специфический? ...

Я задержал девицу:

– Зебу – **гав-гав**?

– **Гав-гав?** – испугалась официантка. – Не, не, невозможно **гав-гав**...

– То есть, я хотел спросить – она **му-му**? **Хрю-хрю**? **Цып- цып**? **Ко-ко**?

Неожиданно девушка поняла вопрос и прыснула:

– Не. Зебу – **ква-ква!** **Ква-ква!** (Д. Донцова «Надувная женщина для Казановы»)

• Немец женился на русской, приезжает в Россию в гости к её родственникам и рассказывает: «Я считаю русских жён самыми лучшими жёнами в мире. Вот немецкий жена тебе **гав-гав-гав**, ты ей (показывает удар кулаком сверху) **бум-бум-бум**. Она сразу к телефону: «Халло, полицей?!» И их бин нарушил, штраф, тюрьма, **ай-яй-яй**... А русский жена тебе **гав-гав-гав**, ты ей **бум-бум-бум**, она тебе снова: **гав-гав-гав**, ты ей опять: **бум-бум-бум**, она тебе тоже **бум-бум-бум**. Лежишь

коридоре ниht сознание, очнулся – одеялом прикрыт, где упаль. Ниht полицай, ниht штраф, ниht тюрьма!.. Красота! Русский жена – самый лючийший жена в мире!».

«Гавканье» жены в анекдоте отражает древние представления о собаке как амбивалентном существе (зло и благо одновременно).

Крики животных и птиц, как, впрочем, любые аномальные формы, естественным образом трансформируются в иностранный (resp. неизвестный) язык, при этом различные животные наделяются способностью говорить по-человечески, что является обычными архетипическими моделями.

• *Приходит вдребезги пьяная доярка к коровам. Корова: – Ну что, опять нажралась? Доярка: – Ммммууууу... Корова: – Ну ладно, смотри мне, чтоб в последний раз. Давай, держись за вымя – я попрыгаю.*

• *В цирке. Дрессировщик: « Вам не нужен номер с говорящей лягушкой? ». Директор не верит, что лягушка может говорить. Дрессировщик щелкает лягушку по носу. Та в ответ: «Ну, допустим, ква...».*

• *Экзамен по немецкому языку. Экзаменатор: «Составьте предложение: лягушка скачет по болоту». Студент: «Айн момент! Дер лягушка по болоту дер **илеп**, дер **илеп**, дер **илеп!**».*

Характерно, что лягушка часто представлена в анекдоте. Происхождение лягушки русские легенды связывают с людьми, утонувшими во время всемирного потопа, с библейским войском фараона, потопленным в водах Черного моря. До сих пор будто бы у самок лягушек длинные волосы и женская грудь, а у самцов борода. В будущем они вновь станут людьми, а ныне живущие люди превратятся в лягушек [СМ: 175]. Не случайно, лягушка-женщина в анекдоте разговаривает.

• *Лягушка сидит на берегу реки, опустив лапки в воду, и мечтает. К ней подходит Бегемот и спрашивает: – Эй, Лягушка! Ну как сегодня вода холодная? Лягушка обиженно, но с достоинством: – Я здесь, между прочим, как женщина, а не как термометр!*

При этом звуки, издаваемые животными, успешно выступают в качестве аббревиации. Ложная «расшифровка» реальных аббревиаций или окказиональные аббревиации являются одним из любимых лингвистических приемов в анекдоте.

- *Вор идет на дело. Дорогу ему перебегает черная кошка. – На кого работаешь? – Муррр!*

- *Идет котенок по лесу. Смотрит – куры. Он им: – МУР! Кур как ветром сдуло. Котик довольный, идет себе дальше. Смотрит – лошади: – МУР! Лошадок нету. Идет дальше. Смотрит – козел пасется. – МУР! Ноль эффекта. – МУР!! Кило презрения со стороны козла. – МУР!!! МУР!!! МУР!!! Козел вальяжно поднимает голову: – КееееГееееБееееееее.....*

В этих анекдотах древние поверья о том, что в облике черной кошки часто скрывается нечистая сила, трансформировались в советское «злое» начало. Демонизация КГБ в Советском Союзе метафорически соотносится с древними представлениями о кошке. Кошка, как полагают, способна видеть нечистую силу, не видимую для человека. В образе кошки может появляться черт. В кошачьем облике представляют души умерших, особенно тех, кто искупает после смерти свои грехи или умер не своей смертью. В виде кошки показывается смерть маленьким детям [СМ: электр. ресурс].

Не менее успешно аномальные формы отражают явление интерференции, территориальной и социальной дифференциации языка, а также его красоты и богатства.

- *Еврей с Украины говорит еврею из Беларуси: «Почему у вас такие длинные названия городов? Ми-и-и-нск, Пи-и-и-нск, Дви-и-и-нск... Язык поломать можно. То ли дело у нас: Днпрптрвск, Днпразжнск, Вршпагрд».*

- *Грузин на рынке спрашивает у продавца: Пачем ястрэб? – Это не ястреб, а кукушка. – Бэру ястрэб за 25 рублэй! Купил грузин кукушку и поехал на охоту на уток. Кукушка взлетела на дерево и кукует: Ку-ку, ку-ку! – Ка-ку, ка-ку? Самую жирную хватай!*

• Сидят воробьи на заборе, а один только из зоны. Первый: «**Чик-чирик!**». Второй: «**Чик-чирик!**». Третий: «**Чик-чирик! Тьфу!** В натуре».

• – Дорогой, правда, мои глаза голубые, как небо? – Угу. – А губы красные, как розы? – Угу. – Как я люблю, когда ты говоришь мне такие поэтические слова!

Впрочем, существуют анекдоты, где аномальные формы просто обозначают табуированные физиологические процессы, что само по себе предполагает «смешное» вне всякого интеллектуального начала, что при желании (или с большой натяжкой?) можно назвать и «площадной» культурой.

• Один человек страдал газами. Пошел к доктору: «Доктор, **пук!** Помогите, **пук!**». Доктор вставил ему свисток. Пациент: «Доктор, **фьють!** Все хорошо, **фьють!** Сколько это стоит, **фьють?**». Доктор: «Сто рублей». Пациент: «Что, **фьють?** Так дорого, **пук!**».

Одновременно с этим в отдельных текстах фоносемантическая единица является тем ключевым словом, которое и составляют смеховую сущность анекдота, т.е. его отсутствие лишит текст не только юмористического начала, но и всякого смысла.

• – Кого хороните? – Тёщу. – А почему гроб боком держите? – А-а-а ... Когда на спину ее переворачиваем, она **храпеть** начинает.

• – Папа, тут одеколон стоял. Ты не видел? – Ну дак...ккм!

• - Петька, ты где свинину на ужин взял? – Да я, Василий Иванович, выхожу на крыльцо, смотрю – свинья бежит. Я как дал шашкой – она и **мяукнуть** не успела.

Более того, анекдот позволяет при помощи ономастопов «передать» краткое содержание текстов классической литературы, сказок, кинофильмов:

• И. Тургенев «Му-му»: – **Гав-гав. – Буль-буль.**

• М. Булгаков «Собачье сердце»: – **Гав, гав. – Хрясь!** – **Сцуко! Б..дь!** – **Хрясь!** – **Гав, гав.**

• А. Пушкин «Сказка о Золотой рыбке»: – *Бульк! вау! – ах – ого, ого и ого. – йес. – Гав! гав! гав! – бульк! – ах – ого, оогого и оогогого – йес. – Гав! гав! гав! – бульк! – ах – ого, оогого и стоицот оогогого. – хрен. – Хнык...*

• Ф. Достоевский «Преступление и наказание»: – *Тук-тук-тук. – Кто там? -Хрясь!*

• «Сказка про курочку Рябу»: – *Куд-кудах! – Тук-тук. Тук-тук. Хм... – Тук-тук. Тук-тук. Хм... – Пик-пик. Бум, хрясь! – Хнык, хнык. – Куд-кудах! – Вау!!!*

• «Сказка про Красную Шапочку»: – *Тук-тук-тук. – Кто там? – Ням-ням!*

• К/Ф «Титаник»: – *Чмок-чмок! – Хрясь! – Буль-буль.*

На основе ономотопеи наиболее широко распространены *гав-гав*-анекдоты и *тук-тук*-анекдоты, которые рассмотрим отдельно.

4.3.2. Гав-гав-анекдоты. Включение в анекдот звукоподражания лаю собаки связано с двумя основными смыслами (собака гораздо умнее человека; речь человека в некоторых случаях похожа на лай собаки), которые лежат на поверхности.

Показательна в этом смысле и русская поговорка: «Не бей собаки, и она была человеком». О древнеиндоевропейских корнях этого представления свидетельствуют такие факты, как древнеегипетское восприятие собаки как священного животного (за убийство ее, как и человека, полагалась смертная казнь), широкое распространение в Средневековье представлений о людях в облике собаки, людях с собачьей головой и собаках с человеческим лицом [Велецкая 1978].

Преобладают анекдоты, которые наделяют собаку не только возможностью понимать человеческую речь, но и необыкновенными способностями, что отражает древние представления о собаке. В легендах, как и в анекдотах, собака выступает культурным героем (трикстером), наделённым острым умом и склонным к проказам [СМ: электр. ресурс].

• В кафе заходит человек с собакой и заключает с посетителями пари, что его пес сейчас будет разговаривать. Но собака молчит. Человек оплачивает пари и уходит под общий хохот. – Из-за тебя я проиграл уйму денег! – говорит хозяин собаке. – Почему ты не заговорил? – Чудак! – отвечает пес. – Ты только представь, сколько денег мы загребем завтра.

• Два собаководы хвалятся своими собаками. – У меня собака подходит к двери, звонит, а я ее впускаю. – А у меня не звонит... – Фу, какая глупая собака... – Да нет, просто у нее свой ключ есть...

• – Моя собака читает и поет. – Знаю. Мне об этом рассказывал мой дог.

• Дрессировщик демонстрирует публике ученую охотничью собаку. Он спрашивает ее: – Сколько будет два умножить на два? Собака: – **Гав, гав, гав, гав.** Голос из зала: – А сколько будет пять умножить на семь? Собака: – Сам столько **гавкай...**

• Читает сталкер книгу. – В греческой мифологии, Цербер – огнедышащий трёхглавый пёс, охраняющий вход в подземное царство. Тут пёс, что лежит у костра, поднимает голову, и, тихо так: – **Гав!** Сталкер встревожился: – Тузик, ты чего? А пёс ему: – **Гав-гав...** Говно ваша мифология!

• Послали в космос Белку, Стрелку и таджика Шерзода. Центр управления полетами вызывает космическую станцию: – Белка!!! – **Гав-гав!!** – Беги в отсек № 18, сними показания с датчиков № 5 и № 27, перекрой вентиль № 14, сделаешь – придеешь доложишь!!

Белка убежала, лапами суется, снимает показания, перекрывает вентили, прибегает, докладывает: – **Гав-гав!!!** – Молодец, Белка!... Стрелка!!! – **Гав-гав!!!** – Беги в 17 отдел, проведи испытания секретного устройства № 84, сделай замеры уровня радиации по отсекам, придеешь – доложишь!

Стрелка убежала, выполнила все инструкции, вся в поту прибегает – докладывает: – **Гав-гав!!!** – Молодец, Стрелка!...таджик Шерзод!!! таджик подскакивает к микрофону: – **Гав-гав!!!** – Какие **гав-гав**, накорми собак и ничего не трогай!!!!

Речь, похожая на лай, в анекдоте чаще приписывается женщине, что противоречит традиционным представлениям. У славян собака и кошка сопоставляются по принципу мужской – женский, например, в русской поговорке: «Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе». В белорусской корильной песне с бесхвостым псом сравнивают холостого мужчину, а по русскому поверью, тот, кто любит кошку, будет жену любить [СМ: электр. ресурс].

- – *Фу! Кто это там воет, как собака? – Это я, мама. – А, это ты... Ну пой, пой, мой соловушка...*

- *Гаишник тормозит машину, подходит к водителю, а из окошка на него: – Гав-гав-гав. В испуге гаишник шарахается в сторону, но затем слышит от водителя: – Не бойся, я пристёгнутый!*

- *Пьяный мужик заползает на автостоянку и стучится в будку к сторожевому псу. – Рrrrrrr, гав-гав-гав-гав-гав!! – Жена, ну не сердись!.... Из будки высовывается морда ротвейлера. – Ну вот, еще и теща приехала....*

- – *Дорогая, ты не права. – Ах, я не права, значит потвоему я брешу? Брешу, как собака? Хватается за телефон, звонит маме: – Мама, представляешь, он только что назвал меня сукой!*

С другой стороны, именно вытье собаки в народных приметах предвещает смерть, мор, болезнь, голод, войну, пожар, кражу, нищету, а собака считается существом нечистым. Женщина в древних представлениях также считается нечистой, в том числе через связь с собакой.

- – *Прикинь, мусульмане считают женщин и собак низшими, грязными животными. – А собак-то почему?*

- – *Сынок, может, собаку заведем? – Папа, а маму куда мы денем?!*

У восточных и южных славян распространена легенда о происхождении Евы из хвоста черта или собаки: так как собака (черт) украла ребро Адама, Господь отрезал у нее хвост и сделал

из него женщину, поэтому она и болтает языком, как собака виляет хвостом. Тема греховности женщины многократно возникает в славянской этиологии. Пав жертвой дьявола, женщина согрешила перед Богом и мужчиной [СМ: электр. ресурс].

• *Маленькая девочка загадывает папе загадку: – Папа, отгадай, что это такое – **дзинь-дзинь, мяу-мяу?** – Не знаю. – Это кошка в трамвае едет. А отгадай, что это такое – **дзинь-дзинь, гав-гав?** – Ну, наверное, собачка в трамвае едет. – Нет, это мама с работы пришла.*

• *Год 1994 по восточному календарю – год Собаки. По решению ЮНЕСКО он признан Годом Семьи. Поэтому предлагается формула самого короткого семейного диалога. Муж: – **Р-р-р-р!** Жена: – **Гав-гав-гав!***

В анекдоте при определенной сноровке собака обучается человеческой речи на любом языке.

• *Устроили международный конкурс «кто обучит говорить собаку», и пригласили на этот конкурс англичанина, француза и узбека. Каждому из конкурсантов дали по одной собаке, по вагону сосисок и месяц срока.*

*Через месяц приходят к англичанину и видят такую картину: на диване лежит жирная лоснящаяся собака, а перед ней на коленях худой англичанин, который умоляюще просит собаку: – Ду ю спик инглиш? Плиз. А собака ему в ответ: – **Гав, гав.***

*Приходят к французу и видят: на софе лежит зажавшаяся собака, а возле нее изможденный француз, который просит собаку: – Парле ву Франсе? Силь ву пле. А собака отвечает: – **Гав-гав.***

Наконец заходят в комнату к узбеку, и перед ними разворачивается сцена: на курпаче лежит жирный-жирный узбек с круглым, как арбуз, животом, а около него на задних лапках худая костлявая собака просит узбека: – Холмат-ака, битта сосиска беринг...

• *Грузин учит свою собаку служебным командам. Кидает палку и говорит собаке: – Принеси, да! Собака приносит палку.*

Грузин опять кидает палку: – Принеси, да! Собака опять приносит палку. Грузин снова кидает палку: – Принеси, да! Собака: – Замучил, да!

«Речь» собаки в состоянии измененного сознания меняется, как и речь человека.

- *Идет наркоман по улице. Под мышку держит собачку. Дети начали дразнить: – Наркоман! Наркоман! В ответ: – Ре-пяяята, перестаньте меня траснишить. Я на фас сапааааку спуцуууу. – Наркоман! Наркоман! – Репяяята, перестаньте меня траснишить. Я на фас сапааааку спуцуууу. – Наркоман! Наркоман! – Димидрооол! Фаааас! – Каааааф! Каааааф! Каааааф!*

- *Завел наркоман собаку. Приходит к нему другой наркоман и спрашивает: – Как собаку назвал? – Косячок! – А почему Косячок-то? – А вот смотри, Косячок, голос! Косячок: – Пых-х-х! Пых-хх!*

Характерно, что в анекдоте говорящая собака – норма, но если человек «заговорил» по-собачьи, то это сигнализирует о чем-то не вполне нормальном (болезнь, дурное настроение, неуютное бытие и пр.) или просто глупом.

- *У психиатра. – Доктор, гав, мне кажется, гав-гав, что я собака! – Тэкс! Ложитесь на кушетку, я вас осматрю! – Что вы, гав, мне нельзя на мебель, гав-гав!!!*

- *Генерал приезжает с проверкой в часть. Всех военных построили. Генерал здоровается: – Здорово, сынки! – Гав. гав, гав, гав! – Как жизнь? – Гав, гав, гав, гав! – А если честно? – У-у-у-у.*

- *– Мыколо! А як твою корову зовут? – Гав-гав – Тю, а чо-го??? – В честь собаки Му-Му.*

При этом язык собаки выступает как полноценное средство коммуникации.

- *Звонок телефона. Собака снимает пастью трубку: – Гав! – Алло! – Гав! – Алло! Не слышно, говорите по буквам. – Галина, Алексей, Владимир.*

ло у них там, а у этих весна тут. Сплошной обман и вранье! А люди слушали кошачий крик и улыбались: – Ишь как орет. Весну чувствует. Котов не проведешь.

Языки собаки и кошки выступают в анекдоте не просто как полноценное средство коммуникации, но и как иностранный язык.

• *Объявление: «Фирма ищет секретаря, который умеет печатать на машинке, разбирается в компьютерах и знает иностранный язык». В офис заходит кот и садится в кресло напротив генерального директора. Директор:*

– *Извините, мы не можем вас взять на работу, в объявлении было написано, что секретарь должен уметь печатать на машинке.*

Кот вскакивает лапами на пишущую машинку и отпечатывает отличное письмо. Директор (удивленно):

– *Но мы все равно не можем взять вас! Надо уметь работать с компьютером.*

Кот вскакивает на клавиатуру и пишет программу. Директор (совсем недоумевая):

– *Но секретарь должен знать иностранный язык!*

Кот: – Гав! Гав!

• *Директор дает объявление, что ему требуется помощник, обязательные условия: ведение документации, отличное знание компьютера, знание иностранного языка.*

Наконец он расположился в кабинете, приготовившись к собеседованию. В кабинет входит собака и усаживается в кресло для соискателей. Обалдевший директор: – Ну, я конечно, без предрассудков, но ведь надо уметь вести документацию...

Собака подсаживается к пишущей машинке и за минуту набивает грамотное деловое письмо.

Директор: – Да, но знание компьютера...

Собака подходит к клавиатуре и быстренько составляет небольшую программку.

Уже буквально в шоке директор: – А знание иностранного языка?

Собака: – Мяу!

• Встречаются на улице две собаки-подружки и одна другой говорит: – **Гав!** А та ей отвечает. – **Мяу...** Первая собака говорит: – Ты что, с ума сошла что ли? А та ей отвечает. – Нет, это я просто иностранный язык изучаю!

• Идет лиса по лесу, вдруг из кустов раздается крик: «**Ку-ка-ре-ку!!! ку-ка-ре-ку!!!**». Лиса бросилась в кусты. Там слышалась какая-то возня, после чего Лиса вылезает, вся помятая, из кустов, а за нею волк с довольным видом и говорит: – Вот как полезно знать хотя бы один иностранный язык!!!

Языки животных в анекдотах рассматриваются как полноценные «этнические» языки с системой локальных вариантов.

• Последний балтийский русский выводит собачку погулять. Отпускает. Кричит: «**Шарик, Шарик!**». Тишина. Оглядывается, кричит: «**Шарикас!**». В ответ «**Гавс, гавс!**».

• В прибалтийской деревне русский мужик зовет собаку: – Шарик! Ша-арик! тишина... – Ша-а-ари-ик! тишина... – У-у, националистическая скотина... Шарикас, Шарикас! – **Гавс! Гавс!**

• Литва. Маленький хутор. Первый день независимости. Хозяин зовет пса: – Шарик! Шарик! – ноль на массу. – Шарик! ни в какую. Посмотрел свежую газету: «Ой, мы ж независимы!» – Шарикас! -**Гавс! Гавс!**

• Литва получила право голоса в монетарной политике еврозоны. – Литва, голос! – **Гав, гав, гав!** Комментарии к анекдоту: – Поправьте «Литва голос» – **Гав-С, гав-С, гав-С!** – **Гавс** – это Латвия:-) – Скорее уж должно быть **гаав, гаав, гаав** – А **гаав** – это Эстония:-)

Анализ **гав-гав**-анекдотов показал, что при помощи звукоподражаний лаю собак передаются многочисленные смыслы, выходящие далеко за пределы сферы коммуникации животных, в том числе содержащие следы древних представлений об устройстве мира.

4.3.3. Тук-тук-анекдоты. Рассмотрим, какой семантикой в анекдоте наделяется простейший звук удара, эксплицированный в языке оноματοпом **тук-тук**. **Тук-тук**-анекдоты чаще всего имеют один и тот же зачин – стук в дверь.

Символика двери в анекдоте связана с древними представлениями о двери как о символе границы и с семантикой входа и выхода.

В отличие от ворот, дверь относится к границе жилого пространства, обеспечивая его связь с внешним миром (открытая дверь) и защиту от него (закрытая дверь); по ряду признаков дверь противопоставлена окну, что проявляется в обычае выносить «нечистого» покойника не через дверь, а через окно (или специально проделанный проем в стене). В обрядовой практике дверь служит чаще всего объектом и локусом охранительных магических действий, относящихся к важнейшим моментам семейной жизни (роды, свадьба, смерть). Нормальным, по народным поверьям, считалось положение закрытых дверей; сон об открывающейся двери был предвестием беды [СМ: электр. ресурс].

У многих народов дверь всегда была связана с выходом в загробный мир, поэтому с ней связаны многие приметы и суеверия. По примете, если человеку слышится стук в дверь, значит, в ближайшее время надо ждать получения недобрых новостей. Не случайно, что дверь в анекдоте не открывается перед смертью.

• – **Тук-тук.** – *Кто там.* – *П***ец.* – *Чего тебе?* – *Да вот, пришел.*

• – **Тук-тук.** – *Кто там?* – *Твоя смерть.* – *Пошла в ж...!* – *Так и запишем: «рак прямой кишки...».*

По народным приметам, стук, возникающий неизвестно откуда, предвещает чью-то смерть. Если слышится такой стук и человек откроет дверь, за которой никого не окажется, то в дом проникнет смерть, беда, нечистая сила.

Характерно, что в анекдоте стук как сигнал или предложение возможной встречи, как правило, отвергается, часто категорически.

• *Студенческое общежитие.* – **Тук-тук.** *Откройте дверь!* – *Ни за что! У нас еда!*

• – **Тук-тук.** – *Здесь живет Дятел?* – *Сам ты дятел, а для нормальных людей звонок есть!*

• *А это не анекдот. Это розовая мечта моей воспаленной юности. КГБешники стучат в мою дверь: – Тук, тук, тук... – Так, так, так... ответил им пулемет.*

• *– Тук-тук-тук... – Кто там? – Это мы, топ-менеджеры! – Идите на фиг! – Топ-топ-топ...*

В последнем анекдоте звуки шагов вступают в фоносемантическую игру с иноязычным словом (*топ-топ – топ-менеджер*).

Находят отражение в анекдоте и древние представления о смерти и загробном мире, в которых стук и смерть бывают связаны. Так, известны формы ритуального отправления на «тот свет», отраженные фольклорной традицией в устнопоэтической передаче и в драматизированных формах похоронными играми карпатских горцев: удар по лбу, голове, шее, в спину, между лопатками и т. п. тяжелой липовой дубинкой или хозяйственным орудием («довбней» – орудием обработки льна, например), крепким жгутом с камнем на конце и др. [Велецкая 1978].

• *Два мужика после хорошей гулянки поздно ночью решили сократить свой путь домой и пошли через кладбище. Ведь что им могло испортить настроение?! Где-то в самом центре кладбища, как раз на их пути среди могил услышали они шум, который исходил из крошечной темноты: тук-тук-тук, тук-тук-тук-тук... Хмель как рукой сняло, они трясуцимся ногами продолжили свой путь и вдруг увидели старого мужчину, который молотком и зубилом обрабатывал камень на могиле. Один из мужиков, когда смог наконец-то вздохнуть с облегчением, спрашивает: – Старик! Ты нас до смерти напугал, мы уж подумали, что ты дух какой-то! Но почему ты работаешь здесь один среди ночи в такой темноте? – Эти идиоты! – про-бормотал старик в ответ, – неправильно написали мое имя!*

Славяне представляли смерть как страшный скелет с косой. Смерть носит при себе косу или другое орудие: секиру, пилу, рогац, копые, меч, серп либо что-нибудь подобное [Кононенко 2013]. Ср. в анекдоте рассекающие камень инструменты – молоток и зубило.

В современном анекдоте онома топ *тук-тук* также связан с семантикой рока, судьбы, фатализма, печального конца, что очень характерно для русского человека. Созерцательность, пассивное отношение к жизни (осторожность и фатализм как его крайние проявления) находят подтверждение в русской идиоматике: *Чему быть – того не миновать; Авось; Будет день, будет и пища; Что ни делается – все к лучшему; Значит не судьба; Судьбу не обманешь; Значит так надо; Ничего; Судьба такая* и т.п. Убежденность в неизменности, непреодолимости судьбы породили у русских осторожность и мистицизм, веру в чудо и «авось». Это породило доверие русских к сильным, к тем, кто способен изменить обстоятельства, и безропотность, смирение (пассивность) при ударах судьбы.

Судьба понимается как приговор некоего суда, совершаемого либо высшим божеством, либо его посланцами-заместителями – персонифицированными духами судьбы (Долей, Усудом и т.п.). Назначенную судьбу могут открывать, изрекать странники, нищие, случайные встречные, которые в народном сознании воспринимаются как представители иного, потустороннего мира [СМ: электр. ресурс]. Даже шанс, дарованный судьбой, который буквально стучится в дверь, русский человек не воспринимает как возможность изменить существующие обстоятельства.

• – *Тук-тук. – Кто там? – Твой шанс! – Врешь. – Почему? – Шанс не стучит дважды.*

Современные реалии в анекдоте отражены в виде программного интернет-обеспечения, которое, как рок и судьба, тоже стучится в дверь. И его тоже не пускают.

• – *Тук-тук! – Кто там? – Это я, Веб-браузер! – А фреймы поддерживаешь? – Не-е-а! – Тогда и за веревочку не дергай!*

Звук удара в анекдоте часто является показателем интеллектуального развития личности, причем часто носит амбивалентный характер, т.е., характеризуя в анекдоте интеллектуальное бессилие персонажа, одновременно отражает высокий показатель его интеллектуального коэффициента.

• – *Вовочка, назови слово, в котором подряд три буквы Е. – Бе-е-е.*

• *Холмс, объясняя другу дедуктивный метод, устал от непонимания: «Неужели, Ватсон, Вы совсем тук-тук?». При этом выразительно стучит себя по голове. Ватсон: «Стучат! Я открою!». Холмс: «Не надо, доктор, я сам открою».*

• *Чукча ругает свою жену. – Ты, баба, дура, как дерево! – и стучит по столу: тук, тук! Баба: – Ой, кто-то пришел! – Сиди, баба, сам открою.*

Следует отметить, что фоносемантическая модель «удар, звук – мышление» является традиционной для народного сознания, т.е. ономотопы удара и звучания регулярно развивают семантику, связанную с мыслительным пространством. Ср., например, процессы понимания, мышления: 1) производимые самостоятельно: *пыхтеть, кумекать, смекать* «думать»; *тряхнуться, в голову стукнуло* «вспомнить»; *фурычить* «понимать»; *хранить* «помнить»; 2) производимые с чьей-то помощью: *вдалбливать*; 3) оцениваемые пейоративно: *ни в дудочку; ни в сопелочку; пустой звук; голова пухнет; ни бе ни ме; гужбан* «недалекий человек»; *кукиша, трясоголовый* «глупый человек».

При помощи элементарной языковой единицы в анекдоте обыгрываются классические сюжеты, где благая и скорбные вести отмечены одним звуком.

• *Иисус обеспокоился состоянием дел на Земле и созвал срочное совещание апостолов по борьбе с наркотиками. Посоветовавшись, апостолы решили, что надо сначала это дело попробовать, чтобы понять, как с этим бороться. Отправились они, значит, тайком на Землю и договорились вернуться через два дня с «образцами». Иисус у дверей поджидает гонцов.*

...тук тук – Кто там? – Апостол Марк. – Что несешь? – Марихуану из Колумбии. – Проходи, сын мой.

...тук тук – Кто там? – Апостол Матфей. – Что несешь? – Кокаин из Таиланда. – Проходи, сын мой.

...тук тук – Кто там? – Апостол Иоанн. – Что несешь? – «экстази» из Амстердама. – Проходи, сын мой.

...тук тук – Кто там? – Апостол Иуда. – Что несешь? – Удостоверение агента бюро по борьбе с наркотиками.... А ну, с..и, все к стенке!

Связь Христа и двери, в которую стучатся апостолы, отражена в библейской легенде. «Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их. Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет» (Ин. 10, 7–9). Так, Иисус Христос есть дверь, которая соединяет два мира: мир Божий с миром людским. Нет другого Посредника между Богом и человеком (Деян. 4, 12) [Модерзон 1991: 13]. Характерно, что звук, связанный с Иудой, не отличается от звуков, связанных с другими апостолами. По описанию Иоанна Златоуста, Иуда, как и другие апостолы, совершал знамения, изгонял бесов, воскрешал мёртвых, очищал прокажённых, однако лишился Царства Небесного [Златоуст 3, 1].

Своеобразно решается в анекдоте и легенда о Троянском коне.

• *Год тысяча-надецатый до Рождества Христова, древняя Троя – девятый год город осаждён врагами. Темная ночь. Вооружённый часовой борется со сном на посту у запертых ворот крепости. Вдруг слышит – тук-тук-тук – кто-то снаружи стучится в ворота. – Кто там? – Кто, кто... Конь в пальто!*

Ономатоп удара может быть связан с гипотезой о том, что Троянский конь был стенобитной машиной, которая служила для разрушения стен. Юмористический эффект создает конфликт смыслов: Троянская война и популярный персонаж русской поговорки – Конь в пальто, которому в Сочи даже установлен памятник.

Таким образом, наблюдения над современным анекдотом показывают, фоносемантические номинации и репрезентации в анекдоте являются стандартными осознанными и неосознанными ономаσιологическими стереотипами, закрепленными в номинативной системе языка. Внешне «примитивные» фоносемантические единицы отражают довольно широкий спектр

значений, семантический потенциал которых отсылает к архетипическим когнитивным моделям, а также отражает реальное существование человека в современном ему пространстве. Показательно и то, что самый большой массив анекдотов основан на ономотопах удара (*тук-тук-анекдоты*).

5. Мотивотипный (гиперсемный) анализ иконической лексики

5.1. Мотивотипный анализ ономотопей

Этимологический анализ позволил выявить основные мотивотипы (гиперсемы) рассмотренной иконической лексики (рис. 47).

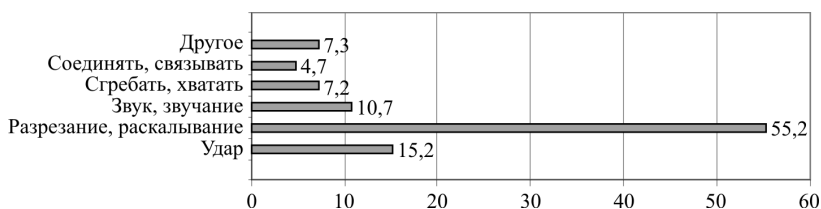

Рис. 47

Мотивотипы удара и разрезания, раскалывания, протыкания можно рассматривать в одном ряду, так как последние действия возникают в результате того или иного вида удара.

В рассмотренных группах иконической лексики доминирующими мотивотипами являются *удар*, *разрезание*, *протыкание*, *раскалывание* (70,4 %), а также *звук, звучание* (не включая звуки удара) (10,7 %). Остальные мотивотипы в целом составляют около 19 %.

Концепт обсуждаемой системы имеет ту особенность, что он представляет собой не просто свойство, а связь, отношение (между лингвистической и «естественной» экстралингвистической сущностями), выступающее как свойство, притом свойство системообразующее; это неудивительно, если принять во внимание естественные, отприродные корни человеческого языка [Воронин 1982].

Сопоставительный анализ мотивотипов (гиперсем) рассмотренной иконической лексики позволяет увидеть эти отношения между лингвистической и экстралингвистической сущностями.

Во всех исследованных группах лексики доминирующим мотивотипом (рис. 48) является мотивотип *удара, рассекания, раскалывания* (40–55 %), который значительно превышает остальные группы в бытовой и хозяйственной лексике (77,4 %). Можно полагать, что ударные технологии (раскалывание, разрезание, скобление, выдалбливание и пр.) были основными в освоении и устройстве бытового и хозяйственного пространства человека.

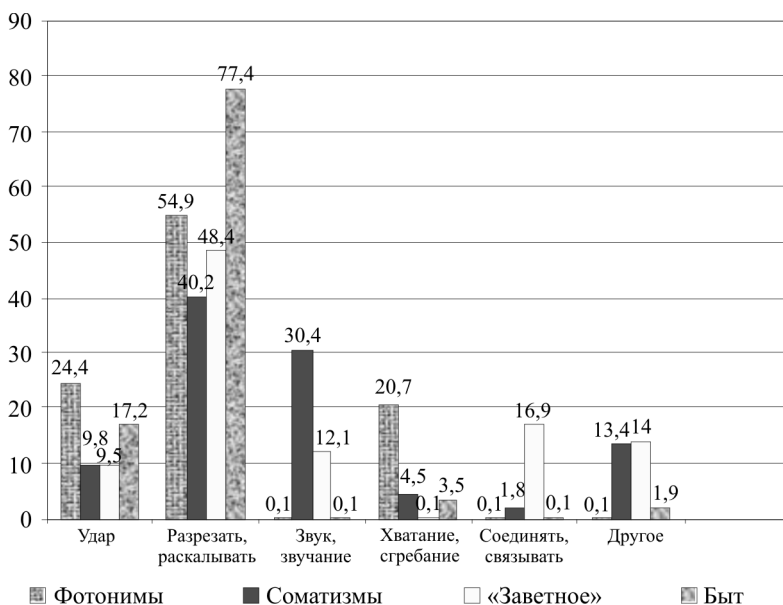

Рис. 48

В «незвучащих» фитонимах мотивотип «звук, звучание (не включая звуков удара)» практически отсутствует (0,1 %), однако значителен в соматизмах (30,4 %), в том числе в номинации «заветного» (12,1 %). Можно предполагать, что познание собственно-

го телесного во многом обуславливалось звуками человеческого тела. Мотивотип *соединять, связывать* явно преобладает в номинации «заветного» (16,9 %), что обусловлено самим процессом.

Мотивотип *хватания, сгребания* доминирует в группе фитонимов (20,7%), что также обусловлено экстралингвистическими факторами: собирательство как одна из древнейших форм хозяйственной деятельности, а также физические свойства растений («цепкость»).

Отметим также, что в рассмотренных жанрах былички и анекдота наиболее актуализированы звучания окружающей реальности, а также звуки и результаты различных видов удара.

Особую научную ценность являют аномальные (маргинальные) формы ономастопей (первообразные междометия, звукоподражания, глагольно-междометные формы и т.п.), которые представляют собою системно-структурное образование, развивающееся во взаимосвязи и взаимозависимости с внутренней (языковая система) и внешней (внеязыковая звучащая реальность) средой ее существования.

Маргинальные формы ономастопей являются теми «языковыми окаменелостями», которые в своей структуре и функционировании сохраняют признаки всех стадий развития языка как в генезисе и диахронии, так и в современной синхронии. В онтогенезе они являются переходным моментом между имитацией жестов и ситуаций и речевыми фактами, между лепетом и словесной речью, а в целом между безъязычным и языковым периодом развития. В филогенезе – переход от проторечи к абстрактному языку, от жестовой речи к звуковому языку.

Эти формы рассматриваются как зона перетекания биосферы в семиосферу, преобразования несемiotического звука в семиотический. Феномен «фоносемантические маргиналии» понимается как «начало» человеческой речи («проторечь»), как протосемiotический знак, подвергаемый культурно-языковой семиотизации [Шляхова 2005].

Выделенные свойства позволяют реконструировать отдельные фрагменты протоконцептуальной системы языка, поскольку «базисные концептумы образуются с помощью имитативных свойств

речевых звуков, символизирующих признаки и действия проприо- и экстероцептивных сфер жизнедеятельности человека. В свою очередь, они порождают новые концепты, формируя, таким образом, всю концептуальную систему языка» [Михалев 2014: 102].

Так, проведенное исследование семантики 161 звукоизобразительного корня на материале около 3530 ономастем, функционирующих в различных социально-функциональных стратах русской речи (преимущественно территориальных и социальных диалектах) и зафиксированных этимологическими, толковыми, диалектными, арготическими, сленговыми словарями русского языка (материал проверялся по 36 словарям) [Шляхова 2001, 2003], показало следующее.

Выявлено, что 63 корня (39 %) восходят к ие. эпохе развития языка, 98 (61 %) – являются ос. и собственно русскими по своему происхождению. При этом все корни не только развивают в русском языке общую систему значений, но и имеют коррелирующую этимологическую семантику.

В ономастах удара (инстанты) исследовано 32 корня, в которых 78 % имеют значение «ударять, бить»; 21,9 % корней имеют значения «бежать, течь», «прыгать, скакать», «греметь, звенеть», «натирать, клеить», которые этимологически соотносятся со значениями «ударять, бить, резать, рубить».

В ономастах диссонирующих ударов (фреквентативов) исследовано 68 корней, в которых преобладают корни со значением «ударять, бить» (50 % ие., 35 % ос.). Значения «мокрый», «вода», «жидкость» также актуализированы в обеих группах (8,5 % ие., 10,5 % ос.). Очевидно существенное различие в количественном соотношении значений «кричать», «издавать звук» (45 % ос., 8,5 % ие.). Интересно также отметить почти равное количество корней, восходящих к значению «удар» (23,5 %) и к значению «издавать звук» (29,4 %).

В ономастах неударя – тон, шум (континуанты) исследовано 34 корня, подавляющее большинство (85,3 %) из которых восходят к значению «произносить звук» и «звук»; 14,7 % корней – с семантикой «дуть, выдувать воздух», «лопаться, испускать газы», «сцеплять, связывать». Семантика ие. корней кон-

тинуантов, к которым восходят русские звукоизобразительные корни, также восходит к значениям «звук, произносить звук»; единичные корни – с семантикой «свистеть, бушевать», «голос, звон», «дуть, издавать звук».

В ономатопах удара с последующим неударом (инстанты-континуанты) исследовано 27 корней, которые имеют этимологические значения «ударять» и «издавать звук» в приблизительно равном количественном соотношении (48 % ос. и 52 % ие.).

Мотивотипная (гиперсемная) структура русских ономатопов различного вида ударов и тона на этимологическом уровне представлена на рис. 49.

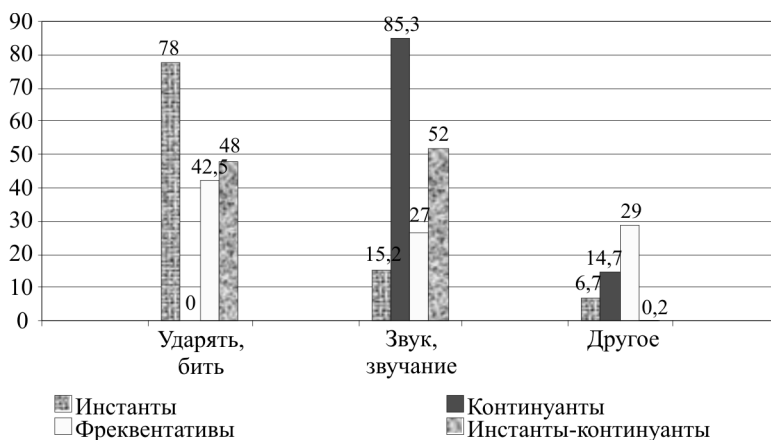

Рис. 49

Таким образом, исследование мотивотипов (гиперсем) на уровне типа звучания (классы ономатопов) показывает, что доминирующими мотивотипами являются удар, разрезание, протыкание, раскалывание (42,1 %), а также звук, звучание (45 %). Остальные мотивотипы в целом составляют около 13 %.

Дальнейшее исследование семантики русских ономатопов показывает, что в русском языке значения «ударять, рассекать, раскалывать» и «звук, издавать звук» соотносятся со следующими значениями и семами, представленными в оппозиции:

1) разделять, дробить на части – гнуть, связывать, вить, делать узел; 2) реальное, рациональное, объяснимое – колдовство, чудо, иррациональное; 3) зарождаться, жить, существовать – умирать, погибать, спать; 4) верх, высокий, длинный, гора, выпуклость, шишка, голова – низ, низкий, пропасть, бездна, нога; 5) презирать, наказывать – хвалить, ласкать; 6) большой, толстый, сильный – маленький, худой, слабый; 7) духовное – материальное; 8) физиологическое – психическое; 9) огонь, гореть – вода, мокрый; 10) природное – культурное; 11) создавать – разрушать; 12) плохой, неправильный, грязный, больной, грустный, страдающий – хороший, правильный, чистый, здоровый, веселый, счастливый; 13) понимать, думать, умный – глупый, бесполовый; 14) богатство, часть, доля – бедность, голод; 15) брать, хватать, воровать – давать, наделять; 16) полость, пустота – наполненность; 17) быстрый, ловкий, умелый – медленный, беспомощный; 18) люди – животные; 19) мужчина – женщина и многие др.

Можно утверждать, что на уровне семантики русских ономастов восстанавливается целостная картина мира (в том числе и мифологическая), что эксплицирует не только ее древнее происхождение, но и широкие номинативные и семантические потенции [Шляхова 2001, 2003].

Исследуя русскую и немецкую ономатою, О.В. Шестакова приходит к выводу о том, что на уровне ономатою (с разной степенью вероятности) эксплицируется подавляющее большинство сфер окружающей действительности (за исключением некоторых узких специальных областей экономики, права, истории, религии и т.п.). В семантике ономастов (через семантические переходы) восстанавливается целостная картина бытия человека во множестве аспектов его проявления [Шестакова 2013].

Анализ показал, что звуковая картина мира представлена лишь в половине случаев (56 % в немецком языке, 54 % в русском), оставшийся корпус ономастов не связан со звучащей действительностью, формируя через семантические переходы «незвуковые» значения.

В сфере немецкой и русской ономотопеи было выявлено 83 регулярных семантических перехода: звуки удара > отрицание; соединение / разделение, часть; деформация, искажение; интенсивность; округлость, выпуклость; полость, пустота; кривизна; жидкость; небесная сфера, земля; благополучие / неблагоприятие; растения; животные; органы, части тела; уродство и др.; дыхание > начало / конец; ветер; старость; смерть; звуки тела > органы, части тела; болезни, нездоровье; ребёнок, юноша; принимать пищу, пить; ложь, подхалимаж, коварство; гонор, хвастовство; интенсивность и др. [Шестакова 2013].

Исследование эволюции значений ономотопей в системе языка позволяет прояснить многие вопросы, связанные с когнитивными процессами и характером отражения объективной реальности в языке.

5.2. Сравнительный мотивотипный анализ звукосимволизма

Особо важным представляется факт того, что этимологический фоносемантический анализ русских иконических слов, восходящих к ономотопее [Шляхова 2001, 2003; Шестакова 2013], на уровне мотивотипов (гиперсем) выявляет семантику, которая согласуется с семантикой фоносемантических полей на уровне инициалей, фонестем и морфемотипов [Михалёв 1995, 2013, 2014; Зимова 2005; Дрожачих 2006; Джукаева 2010; Атаджанян 2014].

Различные фоносемантические кластеры являются носителями общего семантического пространства. В диссертации О.В. Шестаковой проводится сопоставление семантического пространства ономотопеи со звукосимволической семантикой начальных согласных («дентальная», «лабиальная», «велярная» лексика) в древнеанглийском и ие. языках [Дрожачих 2006]; семантикой фонестем русского, французского, английского, арабского, немецкого, абазинского, чеченского, новогреческого языков [Михалёв 1995, 2008; Зимова 2005; Джукаева 2010]; семантикой редупликативов в славянских языках [Колева-Златева 2008].

Установлено, что семантические области звукоподражательных и звукосимволических полей совпадают на 89,5 %; только 10,5 % групп ономотопей не нашли семантического соответствия в области звукосимволизма [Шестакова 2013].

Таким образом, звукоподражательные и звукосимволические (на уровне начальных согласных, фонестем, редупликации) семантические поля совпадают, что указывает на семантический синкретизм иконических языковых знаков, который сохраняется в современной ономотопее, и универсальный характер иконических слов как таковых [Там же: 6].

Полагаем, что ономотопея сохраняет свойства некогда «единных синкретических, первоначально нерасчлененных комплексов» (В.В. Левицкий), к которым восходит множество семантических единиц, возникших в различных ие. языках в процессе развития и дифференциации этих нерасчлененных комплексов.

Считаем, что зыбкость, маргинальность границ между звукоподражательностью и звукосимволизмом отражают синкретизм древнего мышления, который сохраняется в сфере иконизма по сей день. Анализ проблемы позволил выдвинуть предположение о том, что иконическая природа ономотопей и звукосимволических слов, связанная с семантическим синкретизмом древних основ, обуславливает единство семантического пространства всех слов иконического происхождения. Установление маргинальности границ и совпадающих семантических полей звукоподражательной и звукосимволической областей позволяет предположить некий универсальный код иконического слова как такового [Шестакова 2013; Шляхова 2014].

В исследованиях специалистов Пятигорской фоносемантической школы (А.Б. Михалёв и его ученики С.А. Атаджанян, М.Д. Зимова, М.А. Джукаева и др.) на уровне звукосимволизма выделяются те же мотивотипы (гиперсемы), что и на уровне ономотопеи, представленные в наших изысканиях.

Процесс семиогенеза тесно связан с механизмами концептуализации и категоризации действительности, и первичные концептумы (генетические центры радиальных категорий) берут свое начало в звукоизобразительных значениях, сгруппированных по

трех областям: 1) буккальная (ротовая) и 2) мануальная (ручная) деятельность, 3) звукоподражание [Михалёв 1995: 127–128].

Семантический анализ ие. D-корней выявил такие звукоизобразительные значения, как 1. «*резать*»; 2. «*рвать, разрывать*»; 3. «*колоть, расщеплять*»; 4. «*кусать*»; 5. «*хватать*»; 6. «*тянуть*» [Михалёв 2014: 96].

Обобщенно их можно объединить в семантическое (прото-концептуальное) пространство с условным названием «силовой контакт». К этому пространству мы относим такие значения, как «*резать*», «*бить*», «*ударить*», «*ломать*», «*колоть*», «*рвать*», «*рубить*», «*тянуть*», «*сжимать*» и др. [Михалёв 2013].

Исследуя цветообозначения в русском и испанском языках (выборка базовых (непроизводных) *bl-*, *чр-*, *кр-*, *жл-*, *зл-*, *гл-*, *см-*, *сн-*, *сп-*-лексем и *bl-*, *n-*, *rj-*, *rc-*, *rq-*, *rg-*, *rz-*, *rs-*, *am-*, *vr-*, *az-*, *ls-*, *lz-*, *gr-*-лексем) С.А. Атаджанян приходит к выводу о том, что в русском языке к числу универсальных тенденций относятся пути семантического развития цветовых значений из взаимообусловленных звукоизобразительных синкретичных сем «*резать / бить / связывать / гнуть*» (чёрный, красный, синий, серый) и «*звук / блеск / цвет*» (белый, жёлтый, зелёный, голубой, серый) [Атаджанян 2014: 6].

Автор приходит к выводу о существовании единого звукоизобразительного протокорня (**geu-1* «рычать», **gei-1* «рвать», **ged-2* «царапать, скрести», **reidh-* «взбираться», **geu-2* «вырывать», **geuə-* «открывать»), обусловленного «агрессивной» символикой г-форманта и эволюционирующего, в том числе, в *резать / бить* > *течь* (**rēs-*, **rōs-* «течь, струиться» > *regar* «поливать», *rosio* «роса») > *кровь* > *красный* (**geudh-* «красный» > *rosa* «роза», *rojo* «красный»).

Значение цвета у русского слова *красный* является вторичным по отношению к «красивый». Начальное консонантное сочетание *кр-*, в первую очередь, символизирует различные виды буккальной деятельности (*каркать, курлыкать, кричать* и др.) и мануальной деятельности (*кромсать, крутить, красть* и др.), объединённые единой гиперсемой *резать / бить*. Кроме того, фоне-

стема *кр-* является звукоподражательной по отношению к огню, горению и другим процессам, производящим характерные трещащие шумы (курить, керосин, керамика и др.) [Там же: 12–13].

М.А. Джукаева устанавливает, что лексика с начальными спирантами проявляет очевидные общие тенденции в семантических системах чеченского, русского и немецкого языков: среди зафиксированных семантических полей наибольшим удельным весом обладают поля *сжимать* и *резать / острое* [Джукаева 2010: 3].

М.Д. Зимова в *K*-лексике немецкого и новогреческого языков выделяет поля *звукоподражание, хватать / сжимать / сгибать, округлое / вместилище, горловая деятельность, острый / царапать / чертить / ползти, малый / мелкий, битъ / сила, колебание, резать / щель / отверстие* [Зимова 2005: 13].

Семантика всех гиперсем на уровне инициалей соотносится с мотивотипами (гиперсемами), выявленными в нашем материале.

К подобным результатам приходит в Н.В. Дрожачих, анализируя корневые лексемы, словообразовательные и словоизменятельные форманты имени существительного и местоимения лабиальной зоны с инициалами [w], [f], [b], [p]; дентальной зоны с инициалами [s], [t], [d], [p] ([ð]); веллярной зоны с инициалами [h], [k], [g], [j] в древнеанглийском и ие. языках [Дрожачих 2006].

Автор устанавливает, что самоорганизация иконического пространства языка связана с возникновением диагностических зон дентальной и лабиальной лексики, с распределением значений активного типа в дентальной зоне и, наоборот, значений инактивного типа – в противоположной лабиальной зоне.

Данные корнеслова языков-предков ностратической/американдской макросемей показывают, что в восстанавливаемых лексемах наличествует дифференциация денотатов и смыслов лабиальной и дентальной зон.

По данным лексики с инициалами лабиальной зоны в эту зону входит слово *дыра*, денотатом которого являются анатомические компоненты женщины (концепты *округлый, полный*); *волосы* («растительность» на теле, концепт *рост*); *сгибать, изогнутый* (концепт *кривой*), наименования *широких* и *больших объектов, большого количества* (концепт *множество*).

Денотатами дентальной зоны являются наименования *языка; шея; пальца*, связанного со смыслом *единичности* и *указательным жестом* (*прямая линия*) (концепты *часть, указание, прямой*).

Деятельность, которая приводит к удовлетворению потребности через общественные связи, представляет собой целенаправленное действие, в котором важны цель (объект деятельности) и общественно значимый результат (продукт деятельности). Осуществление действия, которая интерпретируется в терминах *творения, результата действия (продукта, продукции, предмета потребления)*. Концепты, раскрывающие это содержание, ориентированы на *прямую форму, мужское, активное начало* и семантику *созидания, порядка, деятельности*.

При изготовлении орудия труда материал *расщепляют, разрезают на части, протыкают* (концепты *действие, разделение, часть*). «Действия» в дентальной зоне – *упорядочивающие, созидаательные* (концепт *действие*).

В дентальной зоне ассоциируются «активные» смыслы: *трогать, чувствовать, ощупывать* (= *указание*); *выступающий, острый, конец дерева* (= *торчащий, прямой*); *плоский* (= *обработанный, действие*); *обрезать растения, протыкать, рубить, разбивать, рвать, отделять* (= *действие, разделение*); *свободный* (= *отделенный*); *сердце* (= *центр*).

Денотативная и понятийная противопоставленность дентальной/лабиальной зон обнаруживается также в лексемах, обозначающих *плечо* (верх)/*ступню* (низ) [Там же: 22–23].

Сравнительный мотивотипный анализ ономастических и звуко-символизмов показал совпадение семантических областей в разноструктурных языках. Различные фоносемантические кластеры (ономасты различных классов – инстанты, континуанты, фреквентативы, инстанты-континуанты; тематические группы – цветообозначения, фитонимы, соматизмы, бытовая и хозяйственная лексика; инициали, фонестемы, редупликативы) эксплицируют и образуют общее семантическое пространство, что позволяет предположить некий универсальный код иконического слова как такового.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В издании обосновано понятие **фоносемантическая звуковая картина мира** как фрагмент звуковой языковой картины мира, эксплицированной в языке фоносемантическими средствами.

Фоносемантическая звуковая картина мира является эксплицированным в язык фрагментом фоносферы – звукового континуума, заполненного разнотипными звучаниями и шумами. **Фоносфера** лежит вне языка и вне человека и представляет собой непрерывное звуковое пространство, которое человек распознает, членит, дифференцирует, семиотизирует.

Фоносферу и фоносемантическую звуковую картину мира можно соотнести с понятиями Вселенная (как весь Космос) и Ойкумена (как обитаемая часть Вселенной). Фоносемантическая картина мира выступает как звуковая Ойкумена (освоенное звуковое пространство) звуковой Вселенной (всех звучаний мироздания).

Экплицируя звук в языке, человек выстраивает определенную звуковую картину мира. Исходя из анализа ономастической лексики пермских говоров, можно заключить, что звук играет важную роль в жизни носителя традиционной культуры.

Фоносемантическая звуковая картина мира является моделью фоносферы, воспринимаемой носителем традиционной культуры. Данная модель в общем виде повторяет основные, значимые для человека области фоносферы: звучания био-, антропо- и социосферы. Однако эти сферы представлены в фоносемантической диалектной звуковой картине мира неравномерно: антропофоносфера представлена 74 % репрезентантов; социофоносфера – 8 %; биофоносфера – 18 %. **Доминантой** фоносемантической звуковой картины мира пермских говоров является **антропофоносфера**.

В силу того что фоносфера и звуковая картина мира не являются тождественными (вычленяя и семиотизируя отдельные звучания и области, человек, наделяет те или иные звуки боль-

шей или меньшей значимостью) посредством анализа фоносемантической звуковой картины мира ставится возможным выявить звуковые доминанты и звуковые лакуны фоносферы, эксплицированные в языке.

Звуковыми доминантами фоносемантической диалектной звуковой картины мира являются: *териофоносфера* (млекопитающие) и *орнитофоносфера* (птицы); *соматофоносфера* (опорно-двигательная, пищеварительная и дыхательная системы). Относительно активными являются: *атмофоносфера* (осадки, движения воздуха); *энтомофоносфера* (насекомые), *герпетофоносфера* (земноводные); *флорофоносфера* (растения), *микофоносфера* (грибы); *остеофоносфера* (кости), *соматофоносфера* (мочевыделительная и сердечнососудистая системы); *технофоносфера*, *мифофоносфера* (звуки мифических существ).

Относительно лакунарные сферы (1–2 единицы): *литофоносфера* (почва и ее элементы); *потамофоносфера* (реки), *гляциофоносфера* (лед и ледники); *ихтиофоносфера* (рыбы); *соматофоносфера*: *ангиофоносфера* (кровь и кровообращение); *музыкафоносфера*.

Звуковые лакуны: *океанофоносфера* (моря и океаны), *лимнофоносфера* (озера), *болотофоносфера* (болота); *нематофоносфера* (черви), *арахнофоносфера* (пауки), *акарофоносфера* (клещи), *карцинофоносфера* (ракообразные), *мирмекофоносфера* (муравьи); *альгофоносфера* (водоросли), *лихенофоносфера* (лишайники), *бриофоносфера* (мхи), *дендрофоносфера* (деревья); *соматофоносфера*: *миофоносфера* (мышцы), *спланхнофоносфера* (внутренние органы): репродуктивная сфера.

Звуковое пространство мира осмысливается диалектоносителем исключительно сквозь призму **прагматики**, необходимости и важности для жизнедеятельности человека, что наиболее явно проявляется в звуковых доминантах и звуковых лакунах фоносемантической диалектной звуковой картины мира.

В целом можно говорить о том, что фоносемантическая звуковая картина мира ориентирована на человека, так как наиболее развитой сферой является антропофоносфера. Характер фоносе-

мантической звуковой картины мира позволяет выявить, наряду с активными и лакунарными зонами фоносферы, специфические **свойства менталитета**, которые выражаются в особо сформированном отношении диалектоносителя к слышимым звукам.

Звуки биофоносферы носитель традиционной культуры воспринимает как «естественные», «нормальные»; при этом звуки неживой природы воспринимаются в основном нейтрально (за исключением звуков грозы, которые вызывают страх), а звуки живой природы (животные) человек дифференцирует достаточно подробно. Так, слишком громкое и назойливое мяуканье кошки воспринимается отрицательно.

Звуки социофоносферы дифференцированы иначе. Резко негативно оцениваются звуки технофоносферы (в основном, звуки сложных устройств и механизмов); мелодичные звуки (колокольчики, бубенцы, музыкальные инструменты) воспринимаются как нормальные или приятные.

Система оценки звучаний антропофоносферы зависит от того, сигналом какого явления является тот или иной звук: звуки, характеризующие болезнь, нездоровье, негативные эмоции и прочее характеризуются как неприятные и неестественные потому, что являются сигналом нарушения, отклонения от нормы в физическом или эмоциональном состоянии человека. Акустические параметры звучания, на основании которых человек воспринимает тот или иной звук как раздражитель, – повышенная громкость, монотонность, назойливость.

Для диалектоносителя крайне важными являются наблюдение и осознание наличия связи между звуком и его источником. В случае если источник звука человеку неясен, звук мифологизируется.

В результате анализа материала были выявлены **системообразующие свойства фоносемантической звуковой картины мира**:

- 1) экспликация за счет трех основных групп ономатопонов (акустические и артикуляторные, ономатопы говорения);
- 2) представлена в языке фоносемантическими полями, формируемыми на основе звукоизобразительной гиперлексемы, и тремя звуковыми сферами (био-, антропо-, социофоносфера);

- 3) иконичность;
- 4) этноцентричность;
- 5) необходимый уровень системности (целостности);
- 6) антропоцентризм, антропометризм, антропоморфность;
- 7) консерватизм;
- 8) парцеллирование объектов познания, детализированность;
- 9) наглядно-образное и «вещное» восприятием концептов;
- 10) субъективизм, оценочность;
- 11) второстепенная роль абстрактного;
- 12) прагматизм.

Фоносемантическая диалектная звуковая картина мира как фрагмент языковой картины мира, обладая всеми системными свойствами диалектной картины мира в целом, имеет следующие **дифференцирующие системообразующие свойства**:

- 1) внешняя среда – фоносфера;
- 2) внутренняя среда – звукоизобразительная система языка, эксплицируемая ономотопеией;
- 3) иконичность, реализуемая за счет иконичности базовых эксплицирующих единиц (ономатопей).

Основной эксплицирующей единицей фоносемантической звуковой картины мира является ономотопея. Базовые свойства ономотопеи (иконичность; вхождение в ЗИС данного языка; коннотативность; образность и конкретностью семантики; семантика простейших психофизиологических процессов; фонетическая, морфологическая и семантическая гипервариативность) совпадают с основными свойствами не только диалектной звуковой картины мира, но и диалектной картины мира в целом, что указывает на архаичность этой картины мира и этих единиц, тяготеющих к иконичности.

Фоносемантическая звуковая картина мира как более архаичная иначе членит окружающее звуковое пространство, чем диалектная звуковая картина мира в целом. В фоносемантической звуковой картине мира на уровне ономотопеи слабо актуализированы «духовные» составляющие, например, музыкальная и религиозная сферы; в осмыслении человеческой речи актуализированы исклю-

чительно прагматические параметры (четкость артикуляции и содержание речи); практическое отсутствие на ономатопоэтическом уровне абстрактной и метафорической лексики приводит к слабой «философичности» этого варианта картины мира. Именно иконичность исследуемых знаков «редуцирует» возможности более сложной когнитивной модели окружающего звукового континуума.

Фоносемантическая звуковая картина мира диалектоносителя ориентируется на биосферу и антропосферу, причем на те области, в которых человек способен к активным действиям. Те сферы, которые «неподвластны человеку», выражены незначительно.

В ядро фоносемантической диалектной звуковой картины мира входят звуки ударной природы (элементарные трудовые действия и простейшие приспособления); коммуникативные качества речи; звуки физиологической жизни человека (питание, питье, рефлекторные звуки) и звуки животных и птиц. Это картина мира человека, который обеспечивает себе элементарное выживание в природном окружении.

В связи с этим перспективы дальнейшего исследования этого материала представляются достаточно широкими.

Отдельной фоносемантической интерпретации требуют ономатопы «невнятной» структуры: *куваргать, балентресничать, раздабардывать, наприхатать, набарахвостить, бурухвостить, натыришихивать, нахобачивать, хабарыснуться, храбалыснуться, балабурда, барбызить, изнабазулиться, растовновывать, раскувергаться, дребалызнуть, растатыркивать* и пр.

Дальнейшие исследования материала в русле **этимологической фоносемантики** позволяют установить, что ономатопы развивают множество значений, вплоть до самых абстрактных, обладают высокой словообразовательной продуктивностью и отличаются широкой сферой бытования.

Можно полагать, что фоносемантическая звуковая картина мира лежит в основе **фоносемантической картины мира**, которая, в свою очередь, является не фрагментом языковой картиной мира, а ее **ядром, протоконцептуальным базисом, первоэлементом, минимальным порождающим** всех языков.

Восстановленные фрагменты фоносемантической картины мира позволяют получить **представление о прототипическом состоянии языковой материи** и наметить некоторые тенденции ее развития, в частности регулярные семантически переходы и их характер. Этимологическая фоносемантика позволяет получить представление о том, как чрезвычайно широкий спектр понятий, в том числе мифологических представлений и абстрактных категорий, развивается всего из нескольких базовых звучаний, таких как удар, разрезание-раскалывание, дыхание (движение воздуха).

Материал показывает, что одним из центральных прототипических звучаний может считаться удар, а в основе формирования семантического пространства языка лежит **семантика удара и его результата** – раскалывание, протыкание, разрезание, отрубание, расщепление, разрывание, отдираание, отделение, расцарапывание и пр.

Спектр значений, которые развиваются на основе семантики удара, чрезвычайно широк и охватывает ойкумену и то, что лежит за ее пределами – «иной мир».

Удар лежит в основе космогонических представлений и формирует достаточно полную **мифологическую картину мира** (представленность концепта Вселенная на уровне ономотопеи), эксплицируя концепты «сотворение мира», «рождение» (семантические переходы *удар > вода, удар > дерево, удар > камень, удар > человек, удар > животное*). Удар – это один из основных способов коммуникации человека с нечистой силой, иным миром, потусторонним (былички и анекдоты): то, что лежит за пределами звуковой ойкумены, «иномирие», категоризируется, концептуализируется и мифологизируется посредством ударных звучаний («материализация» и номинация нечистой силы, инструмент и симптом «порчи», а также защита от нее и пр.).

В экспликации «иномирия» этимологически выделяется два исходных мотивотипа (гиперсемы): *«говорить, кричать, издавать звук»* и *«разрезать, отсекать, пронзать»*. «Голосовой» мотив относится к человеку, который общается с нечистой силой, а мотив «рассекания» – собственно к нечистой силе.

Звук удара и голос (слово) рассматриваются в мифологии как первопричины всего сущего, в том числе и того, что не поддается управлению обычным человеком. На уровне этимологии иконических слов обнаруживаются зыбкость границ между двумя мирами, их взаимообусловленность и одновременное существование, перемещение миров, их амбивалентность, поскольку сотворение мира Богом также связано с идеей «разрывания, рассечения, разрезания». Иконическими и родственными являются слова *душа* и *нечистый дух* (< ие. *dheu – «дышать, дуть»), которые собственно и являются единицей обмена между двумя мирами. *Нечистый дух* – это обратная сторона *души* или *Святого Духа*, их зеркальное отражение (отражение верования в то, что нечистая сила создана Богом).

«Ударную» индоевропейскую основу имеют концепты **материальной Вселенной**: «время» (*удар* > *единицы времени: сутки, час, минута*); «растительный мир» (грибы, растения, которые режут, рвут, обжигают, похожие на режущие предметы, растущие на скалах, в оврагах, использующиеся при порезах и пр.); «человек» (многочисленные соматизмы-синонимы: волосы, борода, зубы, кожа и пр.); «заветное» (частотная модель *удар* > *фаллос, vulva*), «производство» (модель *удар* > *судно, лодка, постройки*); «инструменты, приспособления» (особенно частотна модель *удар* > *колюще-режущее оружие*); «быт» (модель *удар* > *одежда, обувь, посуда, веревки, корзины*) и пр.

Выявленные совпадения различных кодов (фоносемантический, мотивотипный, этимологический, семантический, мифологический, ритуальный, обрядовый, символический) позволяют с большой долей достоверности говорить об **иконизме** многих тематических и лексико-семантических групп русской лексики.

Мотивотипный (гиперсемный) анализ показал, что прототипическая звуковая картина мира имеет **ограниченное число базовых, исходных звучаний** и мотивотипов, которые совпадают на уровне различных фоносемантических кластеров (ономатопы различных классов – инстанты, континуанты, фреквентативы, инстанты-континуанты; тематические группы – цвето-

обозначения, фитонимы, соматизмы, бытовая и хозяйственная лексика; инициали, фонестемы, редупликаты) в разноструктурных языках.

Для всех названных фоносемантических кластеров общими являются **мотивотипы (гиперсемы)** «звук звучание», «резать», «рвать, разрывать», «колоть, расщеплять», «кусать», «хватать, сгребать», «бить, ударять», «соединять, связывать», «гнуть, сгибать, вить», «большое, малое множество» и пр.

Общее семантическое пространство ономастических и звуко-символизмов родственных и неродственных языков позволяет предположить некий универсальный код иконического слова как такового.

Дальнейшее накопление подобных фактов для различных фоносемантических кластеров на материале родственных и неродственных разноструктурных языков позволит по-новому взглянуть на проблемы протопеки и первичных языковых единиц, протоконцептуальной картины мира, категоризации и концептуализации мира и семантического пространства языка, формирования когнитивных схем и моделей, иконической теории происхождения языка, процесса семиогенеза в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аваков С.А. Звукоподражательные слова русского языка в сравнении с английским и немецким: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2007. – 22 с.
2. Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. – М.: Индрик, 2000. – 336 с.
3. Агапкина Т.А. Звуковое поле традиционного календаря // Голос и ритуал: матер. конф. (май 1995). – М., 1995. – 188 с.
4. Агапкина Т.А. Звуковой образ времени и ритуала (на материале весенней обрядности славян) // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: сб. науч. трудов / Институт славяноведения РАН; под ред. С.М. Толстой. – М.: Индрик, 1999. – 339 с.
5. Агеев Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
6. Адоньева С.Б. Звуковые формулы в ритуальном фольклоре // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – М., 2013. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/adonieva1.htm> (дата обращения: 04.10.2013).
7. Айвазова Э.Б. Фонетико-морфологические и лексико-семантические особенности звукоизобразительных слов в лезгинском, азербайджанском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Махачкала, 2011. – 167 с.
8. Алексеев Э.Е. Раннефольклорное интонирование. Звуковысотный аспект. – М.: Сов. композитор, 1986. – 238 с.
9. Алексеев Э.Е. Прагматическое, игровое, ритуальное в звукоподражаниях народов Севера Сибири // Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995). – М., 1995. – С. 33–35.
10. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
11. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта:

Наука, 2012. – 282 с. – URL: http://www.nnre.ru/kulturologija/lingvokulturologija_cennostno_smyslovoe_prostranstvo_jazyka_uchebnoe_posobie/index.php (дата обращения: 10.10.2013).

12. Алиева С.А. Прагмасемантическая характеристика ономастопов в разносистемных языках // Мир науки, культуры, образования: научный журнал. – 2010. – № 6 (25).

13. Алиева С.А. Функционально-семантический анализ звукоподражательной лексики в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1997. – 216 с.

14. Андреева С.В. Звуковые жесты в устной коммуникации // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т. 12. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. – Саратов, 2012. – С. 19–23.

15. Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации. – Гродно: Изд-во ГрГУ, 2003. – 519 с.

16. Аншакова С.Ю. Языковая картина мира в системе антонимических оппозиций русских былинных текстов: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2004. – 195 с.

17. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 348–385, 628–631, 460–481.

18. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. – М., 2000. – С. 7–19.

19. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

20. Архипова Н.Г. Концепт «болезнь» в наивной языковой картине мира носителя диалекта // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер: Гуманит. науки. – Благовещенск, 2002. – Вып. 16. – С. 78–81.

21. Атаджанян С.А. Первоисточники цветоименований. Фоносемантика и этимология (на материале русского и испанского языков): автореф. канд. дис. – Пятигорск, 2014. – 22 с.

22. Афанасьев А.Н. Дерево жизни. – М.: Современник, 1982. – 464 с.

23. Афанасьев А. Персты указующие // Наука и религия. 1993. – № 5.

24. Банкова Т.Б. Народное представление о «красивом»: этический и эстетический аспекты: (На материале «Полного словаря сибирского говора») // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности: материалы всерос. науч. конф.; 27–28 марта 1996 г. – Ч. 2: Язык в социально-культурном пространстве. – Томск, 1996. – С. 80–83

25. Баранник А.С. Восприятие сказочного героя в русской языковой картине мира // Аспирантский сборник НГПУ-2000. – Новосибирск, 2000. – Ч. 1. – С. 66–72.

26. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М., 1975.

27. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (На материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2005. – 44 с.

28. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / общ. ред. и вст. статья Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.

29. Березкина Е.С. Русский мир в фольклоре // Лингвофольклористика. – Курск, 2001. – Вып. 6. – С. 13–23

30. Березович Е.Л. Географический микромир и макромир в русской народной языковой традиции (к изучению культурных коннотаций русских топонимов) // Славяноведение. – М., 2002. – № 6. – С. 60–71

31. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 532 с.

32. Березович Е.Л.; Гулик Д.П. Ономаσιологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка: В сопостав. лингвокультурном аспекте. – М., 2002. – С. 232–253.

33. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. – М.: Наука, 1974. – 379 с.

34. Блинова О.И. Язык как средство образного отражения мира // Картина мира: модели, методы, концепты: материалы всерос. междисциплин. шк. молодых учёных «Картина мира: язык,

философия, наука» (1–3 нояб. 2001 г., Томск) / под общ. ред. проф. З.И. Резановой. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 35–39.

35. Блинова О.И. «Словарь фитонимов Среднего Приобья» как источник диалектной мотивологии // Вестн. Томск. ун-та. Филология. – 2008. – № 2 (3). – С. 14–23.

36. Боас Ф. Методы этнологии / пер. Ю.С. Терентьева // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – Т.1. – С. 519–527.

37. Боас Ф. Ум первобытного человека. – М.–Л., 1926. – 153 с.

38. Бобров А.Г., Финченко А.Е. Рукописный Отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII – начало XX в.) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л., 1986. – С. 135–164.

39. Бобунова М.А.; Хроленко А.Т. Гусли и другие номинации, представляющие художественную культуру в русской былинной картине мира // Лингвокультуроведение. – Курск, 2001. – Вып. 1. – С. 26–33.

40. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. – М.: Искусство, 1971. – 516 с.

41. Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. – 2001. – URL: <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm>

42. Богин Г.И. Концепция языковой личности. – М.: Наука, 1982. – 198 с.

43. Бохонная М.Е. Эстетическая интерпретация «вещного» мира в языке среднеобского фольклора: на материале лирической песни и частушки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2006. – 248 с.

44. Бочина Т.Г. Пословица и языковая модель мира, или Почему Работа не волк, в лес не убежит // Рус. яз. в школе. – М., 2003. – № 5. – С. 81–83

45. Бочкарева Е.В. Категория «наречие» в донских казачьих говорах: этнолингвокультурологический и структурно-семантический аспекты // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер.

Филологические науки. – Волгоград, 2008. – № 2 (26). – С. 117–122.

46. Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ, Филос. науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.

47. Брысина Е.В. Код культуры в семантике диалектных фразеологических единиц // В.И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография: материалы всерос. науч. конф. – Ярославль, 2001. – С. 112–119.

48. Брысина Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2003. – 543 с.

49. Брысина Е.В. Антропоцентризм фразеологической картины мира диалектоносителей // Русское слово: сб. науч. статей. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. – С. 12–18.

50. Брысина Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкозн. – 2012. – № 2 (16). – С. 51–56.

51. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Народная этимология»: морфонология и картина мира // Славянские этюды. – М., 1999. – С. 103–115.

52. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на примере русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 574 с.

53. Булыгина Т.В.; Шмелев А.Д. Неожиданности в русской языковой картине мира // ПОЛУТРОПОН. – М., 1998. – 1039 с. – С. 306–324.

54. Бунчук Т.Н. Репа в традиционной картине мира (Опыт реконструкции концепта) // Лингвофольклористика. – Курск, 2000. – Вып. 3. – С. 44–56.

55. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности: избранное. – М., 2011. – 424 с.

56. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Иностранная литература, 1993. – 229 с.

57. Вакула Е.А. Языковые и речевые экспрессивные фонетические средства, их эмотемный анализ и количественный

подход // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. – М., 2011. – № 2. – С. 122–125.

58. Валенцова М.М. О магических функциях колокольчика в народной культуре славян // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: сб. науч. трудов / Институт славяноведения РАН; под ред. С.М. Толстой. – М.: Индрик, 1999. – С. 283–294.

59. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с. – С. 63–66.

60. Васильева В.Ф. Языковая картина мира: миф и реальность (полемиические заметки) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2009. – № 3. – С. 22–31.

61. Васильева В.Ф. Языковая картина мира: миф и реальность (полемиические заметки) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2009. – № 3. – С. 22–31.

62. Вашкявичус В.Ю. Экспериментально-теоретическое исследование восприятия и вербализации шумов (на материале кодифицированных иokkaзиональных звукоподражаний русского и китайского языков): автореф. дис. – М., 2011. – С. 5.

63. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – С. 263–305.

64. Вейсгербер Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Астрель, 1993. – 387 с.

65. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М.: Наука, 1978. – 240 с.

66. Величкина О. Музыкальный инструмент и человеческое тело (на материале русского фольклора) // Тело в русской культуре: сб. статей. – М.: НЛЮ, 2005. – С. 161–176.

67. Вендина Т.И. Диалектное слово в парадигме этнолингвистических исследований // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2002. – С. 3–15.

68. Вендина Т.И. Лексический атлас русских народных говоров и лингвистическая гносеология // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 33–41.

69. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (микрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 236 с.

70. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

71. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 1987. – 340 с.

72. Вершинина М.Г. Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2013. – 221 с.

73. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 408 с.

74. Виноградов В.В. Закливание ветра: этнографический контекст. – URL: http://www.artcenter.ru/golos_v_culture/papers/vipusk3/golos7.pdf (дата обращения: 09.08.2012).

75. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

76. Виноградова Л.Н. Звуковой портрет нечистой силы // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: сб. науч. трудов / Институт славяноведения РАН; под ред. С.М. Толстой. – М.: Индрик, 1999. – С. 179–199.

77. Виноградова Л.Н. Гадания по звукам // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. – С. 311–320.

78. Виноградова Л.Н. Звуковые стереотипы поведения мифологических персонажей // Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995). – М., 1995. – С. 21–23.

79. Виноградова Л.Н. Символика вещей звуков // Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995). – М., 1995. – С. 25–26.

80. Возьянов В. Винил в большом городе: между звуком и зрелищем. Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. – С. 259–274 с.

81. Волоцкая З.М., Головачева А.В. Языковая картина мира и картина мира в текстах загадок // Малые формы фольклора. – М., 1995. – С. 218–244.

82. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

83. Ворожбитова А.А. «Официальный советский язык» периода великой отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2: Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. – С. 21–42

84. Воронин С.В. Знак не-произволен и произволен: новый принцип на смену принципа Соссюра // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы всерос. конф. – М., 1999.

85. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 248 с.

86. Воротников Ю.Л. «Языковая картина мира»: трактовка понятия // ЗПУ. – 2006. – № 2. – С. 88–90. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-traktovka-ponyatiya> (дата обращения: 28.09.2013).

87. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). – М.: Наука, 1965. – 183 с.

88. Гак В.Г. Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня. Вып. 1. – М., 2000. – С. 36–44.

89. Галимова Д.Н. Метафорическая картина мира русских говоров Амурской области: структурный и функциональный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2010. – 287 с.

90. Гамкредидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – URL: <http://ielang.narod.ru/>

91. Ганичева С.О. Когнитологический потенциал картотеки «Лексического атласа русских народных говоров» // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64). – № 1. – Ч. 2. – С. 86–90.

92. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2005. – 457 с.

93. Голобородько Т.Г. Пути описания духовного начала языковой личности (на материале загадок) // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности: материалы всерос. науч. конф. (27–28 марта 1996 г.). – Томск, 1996. – Ч. 2: Язык в социально-культурном пространстве. – С. 23–26.

94. Головин В.А. К проблеме возникновения элементов языка в антропогенезе // Вопр. антропологии. – 1961. – № 8. – С. 144–152.

95. Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995) / под ред. Е.А. Дороховой, Н.И. Жулановой, О.А. Пашиной. – М., 1995. – 188 с.

96. Голубева И.В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы). – Таганрог, 2001. – 265 с.

97. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. – М.: Наука, 2002. – С. 58–64. – URL: <http://www.sgu.ru/faculties/philological/kaf/slav/sotr/pyblikacii.php#goldin>

98. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.; Наука, 2008. Кн. 3(9). – С. 398–413. – URL: http://www.sgu.ru/files/nodes/17600/goldin_tekst_znanie.pdf

99. Гофман О.В. Фрагмент языковой картины мира, отражающей отношения между супругами: (на материале сибирских старожильческих говоров) // Современные проблемы гуманитарных дисциплин. – Кемерово, 1996. – Вып. 2. – С. 100–103.

100. Григорьева Н.А. Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества: структурно-семантический и этнолингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2010. – 219 с.

101. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Языковая игра в русских народных приметах // Лингвистика: бюллетень Уральского

лингвистического общества / отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2002. – Т. 8. – 155 с.

102. Гронская О.Н. Анализ сказочного текста: (к проблеме языковой картины мира) // Междисциплинарная интерпретация художественного текста. – СПб., 1995. – С. 37–44, С. 43–44.

103. Гронская О.Н. Языковая картина мира немецкой народной сказки: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 1998. – 34 с.

104. Грузберг Л.А. Народная афористика сквозь призму парадоксальности // Проблемы социо- и психолингвистики. – Пермь, 2008. – Вып. 11. – С. 80–86.

105. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

106. Гура А.В. Вербальная имитация голосов животных в славянском фольклоре // Славянское и балканское языкознание: структура малых фольклорных текстов / Институт славяноведения и балканистики РАН; ред. С. М. Толстая [и др.]. – М.: Наука, 1993. – С. 132–152.

107. Гура А.В. Звуки и голоса животных // Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995). – М., 1995. – С. 15–19.

108. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

109. Гура А.В. Вербальные звукоподражания в общении человека с птицами и животными // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – М., 1988. – С. 107–109.

110. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997. – С. 682–709.

111. Гусева А.Н. Русский колокол как музыкальный феномен: автореф. дис. ... д-ра искусств. – М., 2011. – URL: http://dibase.ru/article/05092011_gusevaan/3

112. Гуц А.К., Коробицын В.В. Социальные системы. Формализация и компьютерное моделирование. – Омск, 2000. – 160 с.

113. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: Рус. язык, 1989 – 1991.

114. Даниленко, В. П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера. – 2002. – URL: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm>

115. Даниленко Л.В. Универсальное и идиоэтническое в культуре (на примере языковой картины мира в сравнении с научной): дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01. – 2003. – 141 с.

116. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000.– 190 с.

117. Демидова К.И. «Словарь лексики говоров Среднего Урала» как лингвокультурологический источник // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2012. – Вып. 1 (39). – С. 181–184. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/demidova-12.htm>

118. Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007; Ч. 1. – 110 с.; ч. 2, 2009. – 70 с.; ч. 3, 2010. – 38 с.

119. Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). – СПб.: Наука, Институт лингвистических исследований, 2008. – С. 68–80.

120. Демидова К.И. Культурно-дефинированные психологические структуры в сознании диалектоносителя и их отражение в смысловой структуре слова // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. Вып. 3. / гл. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2012. – 268 с. – С. 181–188. – URL: http://journals.uspu.ru/attachments/article/148/%D0%92%D0%95%D0%A1%D0%A2_3_17.pdf

121. Демидова К.И. О возможностях изучения языковой картины мира в региональном аспекте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования), 2000. – СПб.: Наука, 2003. – С. 45–51.

122. Дерябо С.Д., Левин В.А. Экологическая педагогика и психология. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 480 с.

123. Джукаева М.А. Межъязыковые фоносемантические свойства спирантов (на материале чеченского, русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2010. – 26 с.

124. Димчикова Д.Б. Языковая картина мира и фразеология // Язык. Миф. Этнокультура. – Кемерово, 2003. – С. 132–133.

125. Дрожжих Н. В. Синергетическая модель иконического пространства языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2006. – 32 с.

126. Дуров А.А. «До третьих петухов» В.М. Шукшина как модель мира народной культуры (метафизический аспект) // Текст как объект многоаспектного исследования. – СПб., 1998. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 156–169.

127. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М., 1993. – 344 с.

128. Евтугова Н.Н. Семантико-когнитивное исследование номинативного поля звучания как фрагмента немецкой языковой картины мира: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04. – Омск, 2010. – 207 с.

129. Ежова Е.Н. Лингвистические средства организации звукового мира в поэтических текстах О.Э. Мандельштама: 10.02.01. – Ставрополь, 1999. – 253 с.

130. Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. – Пермь, 2002. – 104 с.

131. Ерофеева Т.И. Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. – Свердловск: Изд-во УрГТУ, 1991. – С. 90–103.

132. Ерофеева Е.В., Штерн А.С. Фонетика говорков и литературного языка на территории Пермской области // Русские говоры Пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 31–133.

133. Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. – Пермь, 1992. – 92 с.

134. Жуланова Н.И. «Порядок сделали, голоса ладят» // Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995). – М., 1995. – С. 155–161.
135. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – М., 1974.
136. Забылин М. Русский народ: его обычаи, предания, суеверия и поэзия. – М., 1880. – 629 с.
137. Закуткина Н.А. Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 18 с.
138. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – С. 248–259.
139. Зализняк А. Языковая картина мира. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVA_YA_KARTINA_MIRA.html?page=0,0
140. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
141. Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. Сокровищница отечественного собирательства / сост., подг. текста, послесл. и комм. Т.Г. Берегулёвой-Дмитриевой; ил. и оф. О.Г. Дмитриевой. – М.: Правда, 1991. – 544 с.
142. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 114–131.
143. Земская Е.А. Речевой портрет ребенка // Язык: система и подсистемы: сб. в честь 70-летия М.В. Панова. – М., 1990.
144. Земская Е.А. Язык как деятельность. – М., 2004.
145. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: два полюса // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. – М.: Научный мир, 1999. – С. 236–257.
146. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: общие вопросы и речевые портреты. – М., Вена, 2001.
147. Земцовский И.И. Музыкальный инструмент и музыкальное мышление (к постановке вопроса) // Народные музы-

кальные инструменты и инструментальная музыка. – М., 1987. – Ч. 1. – С. 125–132.

148. Зимова М.Д. Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогреческом языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2005. – 17 с.

149. Зубарев С.В. Дискурс современной прессы как смысловое поле формирования ценностных ориентиров коллективной языковой личности (микрokonцептосфера «богатство»): автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2009. – 24 с.

150. Зыкова И.В. О Личности: лингвокультурологические заметки // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред кол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 32–46. – URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_46_04zykova.pdf

151. Иванов В.В. Семантика возможных миров и филология // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1982.

152. Иванова В.В. Концепт времени в пословичной картине мира // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2003. – Вып. 1 (№ 2). – С. 26–31.

153. Иванова В.В. О реконструкции пословичной картины мира // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2002. – Вып. 1 (№ 2). – С. 107–111.

154. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томск. гос. ун-та. – Томск, 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.

155. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2002. – 395 с.

156. Иванцова Е.В., Волкова Т.Ф. Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности // Вестник Томск. гос. ун-та. – Томск, 1999. – Т. 268. – С. 89–93.

157. Игошкина С.Ю. Актуальные проблемы изучения фольклорной картины мира // Лингвофольклористика. – Курск, 2000. – Вып. 4. – С. 83–89.

158. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: в 3 т. – М., 1971.

159. Ильичев В.Д., Силаева О.Л. Звукоподражание в акустических взаимоотношениях человека с птицами // Звуковая среда как стимулирующий и воздействующий фактор. – М., 1985. – С. 217–226.

160. Ильичев В.Д. Экологическая биолингвистика птиц – направление на стыке биоакустики, экологии и лингвистики // Биологические аспекты экологической биолингвистики / Ин-т эволюционной морфологии и экологии животных им. А.Н. Северцова. – М., 1985. – С. 208–212.

161. Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений. – Т. 3. Кн. первая. – URL: http://www.krotov.info/library/08_z/zlatoust/03_01_02.htm

162. Ипполитова А.Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII веков: исследование фольклора и этноботаники. – М.: Индрик, 2008. – 512 с.

163. Казарин Ю.В. Проблемы фоносемантики поэтического текста: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. – 171 с.

164. Калинина М.В. Лексико-семантическое поле «Одежда» в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 268 с.

165. Калиткина Г.В. Сакральное и профанное время в календарном круге: Томские словари в лингвокультурологическом аспекте // Европейские исследования в Сибири. – Томск, 2001. – Вып. 3. – С. 234–246.

166. Карасик В.И. Аспекты языковой личности // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – С. 96–106.

167. Караулов Ю.Н. Из опыта реконструкции языковой личности // Литература. Язык. Культура. – М., 1986. – С. 222–234.

168. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 264 с.

169. Караулов Ю.Н. Языковое сознание, языковая картина мира, менталитет // Вавилонская башня-2: Слово. Текст. Культура. Ежегодные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого 2002–2003 «Евразия на перекрестке языков и культур». – М., 2003. – С. 17–28.

170. Климас И.С. Междометия, звукоподражания и их дериваты в словнике прозы аркадия Гайдара // Ученые записки. Электронный науч. журнал Курск. гос. ун-та. – Курск, 2009. – С. 34–41.

171. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – М., 2008. – 533 с.

172. Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ / КРСУ, 2002. – URL: <http://voluntary.ru/dictionary/1105/word/zvukovoi-obraz>

173. Ковалев Г.Ф. Русский мат – следствие уничтожения табу // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. – Воронеж, 2005. – С. 184–197.

174. Козина С.В. Какие очи называются красными? // Актуальные проблемы психологии, этнолингвистики и фоносемантики. – М., 1999.

175. Колева-Златева Ж. Славянская лексика звукосимволического происхождения. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. I. – Debrecen, 2008. – 355 с.

176. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2006. – 624 с.

177. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.

178. Колокольцева Т.Н.; Кудряшова Р.И. Специфика вербализации концептов в народной речи как отражение картины мира диалектоносителей (На материале фитонимов) // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. – Волгоград, 2003. – Ч. 1. – С. 145–155.

179. Колосова В.Б. «Огненные» травы в славянской народной ботанике // Балканский спектр: от света к цвету. – М.: ПРО-БЕЛ-2000, 2011. – С. 155–158.

180. Колосова В.Б. Антропонимы в славянской фитонимике // Антропологический форум. – 2008, – № 9. – С. 263–276.

181. Колосова В.Б. Чертополох // Труды факультета этнологии. – 2001. – Вып. 1. – С. 62–72.

182. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990. – 108 с.

183. Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира: монография. – Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001. – 150 с.

184. Коновалова Н.И. Демонологическая лексика как фрагмент концепта «сакральное в русском языковом сознании // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000. – С. 51–56.

185. Коновалова Н.И. Лингвокреативное исследование русских народных примет // Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений: материалы X конгресса МАПРЯЛ. – СПб., 2003. – С. 43–46.

186. Коновалова Н.И. Названия нечистой силы в уральских говорах как фрагмент наивной картины мира: мотивационный аспект // Русская диалектная этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 2002. – С. 120–122.

187. Кононенко А.А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. – Харьков, 2013. – 294 с.

188. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

189. Костючук Л.Я., Пецкая Т.А. Языковая картина мира в синхронии и диахронии (По псковским материалам) // Проблемы взаимодействия языка и культуры. – Киров, 2000. – С. 48–55.

190. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор). – URL: <http://www.portal.tpu.ru:7777/SHARED/e/ELLENNOV/four/Tab2/KochetkovaTV.pdf>

191. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1999. – 53 с.

192. Кравцова В.Ю. Экспериментальное исследование процесса вербализации неречевых сигналов носителями русского и китайского языков // Филология и человек; научный журнал. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2009. – № 3. – С. 120–127.

193. Краева В.Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Барнаул, 2007. – 255 с.

194. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

195. Красных В.В. Картина мира vs. языковая картина мира // «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

196. Крейнович Е.А. Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX и XX вв. // Страны и народы Востока. – М., 1972. – Вып. 13. – С. 56–52.

197. Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. – URL: http://komiperem.ru/komi-perm-rus_slovar

198. Крысин Л.П. Из истории употребления слов особый и специальный // Русистика. – 1990. – № 2. – С. 64–69.

199. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Языки рус. Культуры, 1996. – С. 384–408.

200. Кубрякова Е.С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. – 2003. – № 4 (38). – С. 2–12.

201. Кузнецова Т.Б. Русский ономастикон Ставропольского края как фрагмент языковой картины мира: На материале антропо-, топо- и зоонимов Шпаковского, Кочубеевского и Грачевского районов – 10.02.01. – Ставрополь, 2005. – 246 с.

202. Курашкина Н.А. Звукообозначения как репрезентация звукоферы в языке: на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Уфа, 2007. – 194 с.

203. Кученева Е.Ю. Структурно-семантические отношения слов в словообразовательных гнездах междометий и звукоподражаний: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Уфа, 2000. – 143 с.

204. Лалаева Д.И. Лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте: этнолингвокультурологический

аспект исследования: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 256 с.

205. Левицкий В.В. Звуковой символизм: мифы и реальность: монография. – Черновцы: Рута, 2009. – 186 с.

206. Левицкий В.В. Семантика и фонетика. – Черновцы, 1973. – 103 с.

207. Левицкий В.В. Семантические дериваты индоевропейских корней со значением «резать» // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання.* – 2009а. – Т. 6, № 1 (16). – С. 69–78.

208. Левкиевская Е.Е. О «демоническом» в музыке и музыкальных инструментах (карпатская народная традиция) // *Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян.* – М., 1999. – С. 305–310.

209. Левкиевская Е.Е. Голос в системе славянской народной анатомии Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995). – М., 1995. – С. 38–40.

210. Левкиевская Е.Е. Голос и звук в славянской апотропеической магии // *Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян.* – М, 1999. – С. 51–72.

211. Легуш Э.Ф. Лекции по экологии. – Уфа: Изд-во УГАТУ, 2010. – 148 с. – URL: <http://referati.me/obschaya-ekologiya/harakteristika-sostav-biosferyi-24601.html>

212. Леонтович О.А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. – Волгоград: Перемена, 2003. – 399 с.

213. Литвинова Т.А. Номинации человека как отражение языковой картины мира: на материале воронежских говоров: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2011. – 177 с.

214. Лиханова Н.А. Диалектные словари как этнолингвистический источник (на материале лексики забайкальских говоров): монография. – Чита: Изд-во ЧитГУ, 2010. – 172 с.

215. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // *Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка.* – М.: Наука, 1993. – С. 3–9.

216. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Изд-во Русско-Балтийск. информац. центра «БЛИЦ», 1999. – С. 147–165.

217. Лобанов М.П. Лесные кличи: вокальные мелодии-сигналы на Северо-Западе России. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1997. – 232 с.

218. Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – 204 с.

219. Лотман Ю.М. О.М. Фрейденберг как исследователь культуры // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по знаковым системам. – Тарту, 1973. – № 6. – С. 482–489.

220. Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Киров, 2008. – 51 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/v/45486/a/#?page=51>

221. Лукина Т.Б. Лексика славянского язычества // Ежегодник «Этимология». – М.: Наука, 1986. – С. 119–124.

222. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. – Тюмень: Изд-во ТГПУ, 1999. – 187 с.

223. Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2000. – 316 с.

224. Мазалова Н.Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 192 с.

225. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

226. Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика. Опыт типологической стратификации языковых структур. – М.: Наука, 1988. – 232 с.

227. Маковский М.М. Системность и асистемность в языке. – М., 1980.

228. Маковский М.М. Универсалии в социолингвистике (Опыт социальной типологии лексико-семантических систем) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – М., 1974. –

Т. 33. – Вып. 4. – С. 331–340. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/makovsky-74.htm>

229. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь английского языка. – М.: Изд. дом «Диалог», 1999. – 416 с.

230. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

231. Максапетян А.Г. Языки описания и модели мира // Вопросы философии. – М., 2003. – № 5. – С. 53–58.

232. Максимов В.И. Звукоописание и звукоподражание // Русская речь: научно-популярный журнал. – М.: Наука, 2004. – С. 37–44.

233. Максимов В.Д. Количественные отношения в акустической картине мира // Филология и человек. – 2010.

234. Малышева В.А. Идиолексикон сквозь призму лексикографии: учеб пособие по спецкурсу / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2007. – 136 с.

235. Малышева В.А. Идиолект как лингвистическая реальность // Антропоцентрический подход к языку. – Пермь, 1998. – Ч. 1. – С. 66–79.

236. Малышева В.А. Функционирование обращений в речи диалектоносителя // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: материалы науч.-практ. конф. (3–5 декабря 1998 г.). – Бийск, 1998. – Т. 2. – С. 5–7.

237. Малышева В.А., Скитова Ф.Л. Общее и индивидуальное в речи носителя диалекта // Материалы междунар. съезда русистов в Красноярске (1–4 октября 1997 г.). – Красноярск, 1997. – Т. 1. – С. 138–140.

238. Малышева В.А., Скитова Ф.Л. Повтор в обиходной диалектной речи // Актуальные проблемы русистики. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. – С. 239–244.

239. Малышева И.Ю. Ярославско-костромская диалектная лексика в произведениях Н.А. Некрасова как отражение фрагментов региональной языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Кострома, 2005. – 330 с.

240. Мальчевский А.С. О разнообразии и классификации звуков, издаваемых птицами // Русский орнитологический журнал. – 2009. – Т. 18.

241. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/index.php

242. Мелетинский Е.М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. – М., 1972. – С. 149–189.

243. Мельничук А.С. Корень *kes и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. – М., 1968. – С. 194–240.

244. Михалёв А.Б. Проблема категоризации (фоносемантический ракурс) // Problems of General, Germanic and Slavic Linguistics. Papers for 70-th anniversary of Professor V. Levickij. Chernivtsi: Books-XXI. – 2008. – P. 163–170.

245. Михалёв А.Б. От фоносемантического поля к прото-концептуальному пространству языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1 (038). – С. 91–104.

246. Михалёв А.Б. Теория фоносемантического поля. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.

247. Михалёв А.Б. Фоносемантика и языковая картина мира // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Березинские чтения. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. – Вып. 15. – С. 133–140.

248. Михалёв А.Б. Фоно- и лексикосемантическое структурирование концепта «силовой контакт» в русском языке // Университетские чтения – 2013. Ч. 1. – Пятигорск, 2013. – С. 46–56.

249. Михневич В. Исторические этюды русской жизни. – СПб., 1882.

250. Мишанкина Н.А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2002. – 279 с.

251. Модерзон Э. Я дверь овцам // Братский вестник. – 1991. – № 2. – С. 13.

252. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 352 с.
253. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. – М., 1990. – 160 с.
254. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
255. Мониц Ю.В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // Вопр. языкознания. – 2000. – № 6.
256. Морозов В.П. Занимательная биоакустика. – М.: Знание, 1987. – 208 с.
257. Надеина Л.В. Семантика движения в отражении русской языковой диалектной метафоры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2007. – 320 с.
258. Нафиков Ш.В. Звукосимволизм в башкирском языке на фоне алтайских и других соответствий (этюд сопоставительной фоносемантики) // Известия Уфимского научного центра РАН. – Уфа, 2011. – № 3–4. – С. 102–106.
259. Нидерле Л. Славянские древности. – М.: Алетейа, 2000. – 592 с.
260. Никитина А.В. Образ кукушки в славянском фольклоре. – СПб.: Изд-во филол. фак-та СПбГУ, 2002. – 176 с.
261. Никитина Л.Б. Образ-концепт «homo sapiens» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики // Лингвистика человека: антология / Л.Б. Никитина [и др.]; науч. ред.: Л.Б. Никитина, Н.Д. Федяева. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 25–46.
262. Никитина Л.Б. Образ человека в русской языковой картине мира как национально-культурный феномен // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (22 – 24 сентября 2004 г.). – Бийск: Изд-во НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина, 2004. – Т. 1. – С. 277–283. – URL: http://www2.bigpi.biysk.ru/ff/doc/ff_YAKM_1_2004.pdf
263. Никитина С.Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании: (На материале фольклор. и науч. текстов):

автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / РАН. Ин-т языкознания. – М., 1999. – 54 с.

264. Никитина С.Е. Русские конфессиональные группы: образование территориальных вариантов устной культуры // Вестник РГНФ. – 2002. – № 1.

265. Никитина С.Е. Убери магнитофон! // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. – С. 326–329.

266. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М., 1993. – 190 с.

267. Никитина Т.Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопр. языкознания. – 1995. – № 2. – С. 68–82.

268. Никитина Т.Г. Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии. – Псков, 1998. – 205 с.

269. Ничипорович Е. Коллективная языковая личность в резонансном общении // HERMENEUTICS.IN.RUSSIA ISSUE.3. VOLUME.2.(YEAR.1998). – URL: <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-3/1998-3-34.pdf>

270. Новик Е.С. Семиотические функции голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири // Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении. – М.: Наследие, 1999. – С. 217–235. – URL: <http://ec-dejavu.ru/v-2/Voice.html>

271. Новикова Н. С., Черемисина Н.В. Картина мира и многомирие в языке и в поэтическом тексте // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 40–49.

272. Нуруллова А.А. Особенности функционирования ономастопозитических единиц в английском, русском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. – С. 153–155.

273. Олейников Ю.В., Оносов А.А. Ноосферный проект социоприродной эволюции / Рос. акад. наук, Ин-т философии 208 с. – М.: ИФРАН, 1999. – URL: <http://philosophy.ru/iphras/library/noo.html>

274. Орджоникидзе Г. Звуковая среда современности // Музыкальный современник: сб. ст. / сост. С.С. Зив. – М., 1983. – Вып. 4. – С. 272–304.

275. Панфилов В.З. Язык, мышление, культура // Вопросы языкознания. – М., 1975. – № 1. – С. 3–12.

276. Панфилов В.З. Язык, мышление, культура // Вопросы языкознания. – М., 1975. – № 1. – С. 3–12.

277. Панькина Е.В. Сопоставительное исследование восприятия звукоподражаний алтайского и монгольского языков русскоязычными носителями // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3 (21). – Ч. 2. – С. 161–164.

278. Панькина Е.В. Экспериментально-теоретическое исследование восприятия звукоподражаний в разносистемных языках иноязычными носителями: на материале русского, английского, алтайского и монгольского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Бийск, 2009. – 188 с.

279. Паниюков А.В. Маргиналии коми музыкальной культуры: мир птиц // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения: сб. науч. трудов. К 10-летию кафедры фольклора и истории книги. – Сыктывкар, 2006. – С. 126–150.

280. Пашина О.А. Народное музыкальное творчество / отв. ред. О.А. Пашина. – СПб.: Композитор, 2005. – 568 с.

281. Пашина О.А. Мир живых и мир мертвых в музыкальных звуках // Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995). – М., 1995. – С. 76–81.

282. Петкова З.А. Русские звукоподражательные слова в зеркале носителей болгарского языка: автореф. дис. ... канд. наук. – М., 2011. – 20 с.

283. Петлева И.И. Этимологические заметки по славянской лексике (праслав. *roskony; *sokolъ) // Этимология, 2000–2002. – М.: Наука, 2003. – С. 16–23.

284. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 207 с.

285. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Введение в концептуальные исследования: учеб. пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 179 с.

286. Плотникова А.А. Магия звука в славянской скотоводческой обрядности // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М, 1999. – С. 73–84.

287. Плотникова А.А. О символике свиста // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. – С. 295–304.

288. Плотникова А.А. Звуковой код в славянской скотоводческой обрядности // Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995). – М., 1995. – С. 12–14.

289. Подюков И.А. Круговорот жизни: народный календарь Прикамья. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2001. – 99 с.

290. Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: учеб. пособие. – Пермь, 1991. – 125 с.

291. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Пермь: Пермское книж. изд-во, 2004. – 360 с.

292. Подюков И.А., Черных А.В., Шумов К.Э. Пять пятиканов да дваста бодаста: сборник русских загадок Пермского Прикамья в записях последнего времени. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2004а. – 92 с.

293. Подюков И.А. «Не шумы, а стихи природы ...» // Вестник Пермского гос. пед. ун-та. Сер. Филология. – 2006. – № 1. – С. 122–125.

294. Подюков И.А. Культурно-семиотические аспекты народной фразеологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1997. – 33 с.

295. Поздеева С.М. Лингвосемиотические связи в диалектной лексической системе (На материале экзистенциальной лексики пермских народных говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Пермь, 2005. – 19 с.

296. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 380 с.

297. Полищук М.А. Исследования звукового ландшафта за рубежом (информационный обзор) // Аудивизуальные архивы на рубеже XX—XI веков (отечественный и зарубежный опыт): сб. статей / под. ред. В.М. Магидова. – М.: Изд-во Ипполитова, 2003. – С. 317–319.

298. Полякова В.Н. Экстралингвистические и интралингвистические факторы формирования русской языковой личности: На материале произведений художественной литературы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ростов н/Д, 2001. – 225 с.

299. Полякова Е.Н., Ерофеева Е.В., Штерн А.С. Формирование пермских говоров // Русские говоры Пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие / Перм. гос. ун-т. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 1998. – С. 4–30.

300. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. – 59 с.

301. Порядина Р.Н. Универсальные категории культуры в языковой картине мира: (На материале среднеобских говоров) // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. – Томск, 1995. – Вып. 4. – С. 100–108.

302. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8–69.

303. Постовалова В.И. Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека. (Тр. МГПИИЯ им. М. Горького). – М., 1987. – Вып. 284. – С. 65–72.

304. Потебня А.А.. Символ и миф в народной культуре / сост., подг. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.

305. Прокофьева Л.П. Звукоцветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. – 280 с.

306. Пурицкая Е.В. Вербализация народных представлений о языке носителями диалекта: на материале псковских говоров: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 244 с.

307. Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.

308. Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с. – URL: <http://bookucheba.com/yazyuka-filosofiya/yazyuk-kak-mirosozidanie-lingvofilosofskaya.html>

309. Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25–49.

310. Радченко О.А. Понятие языковой картин мира в немецкой философии языка XX в. // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 140–160.

311. Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 5–33.

312. Рацен Т.Н. Пословицы и поговорки с антропонимическим компонентом как источник изучения менталитета русского народа // Славянские истоки словесности и культуры в Западной Сибири. – Тюмень, 2001. – Ч. 1. – С. 161–172.

313. Режабек Б.Г. Формирование ноосферного мировоззрения в современной школе // Биология в школе. – 2003. – № 5. – С. 2–6 (вкладыш «Учителю экологии»).

314. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – 216 с.

315. Романова Г.Я. Наименование мер длины в русском языке. – М., 1975.

316. Руднева А.В. Курские танки и карагоды. Таночные и карагодные песни и инструментальные танцевальные пьесы. – М.: Советский композитор, 1975. – 310 с.

317. Русинова И.И. Пермская диалектная лексикография: результаты и перспективы // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 1 (7). – С. 106–112.

318. Русские говоры Пермского региона. – Пермь: [б. и.]. Вып. 1: Формирование. Функционирование. Развитие. 1998. – 147 с.

319. Русский эротический фольклор. – М., 1995.
320. Рут М.Э. Русская народная астрономия. – Свердловск: Изд-во УРГУ, 1987. – 67 с.
321. Рябова Н.И. Филология и искусствоведение / Вестник ЧГПУ. – Челябинск, 2012. – С. 351.
322. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск, 1990. – С. 143.
323. Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов (на материале племен эскимосов и североамериканских индейцев) // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 23–52. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/swadesh-60.htm>
324. Севастьянова Е.Н. Ономотопеические единицы немецкого языка в семантико-грамматическом и стилистическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 19 с.
325. Седакова И.А. Крик в поверьях и обрядах, связанных с рождением и развитием ребенка // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. – С. 105–122.
326. Седакова И.А. К описанию звукового ряда славянских родин: крик // Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995). – М., 1995. – С. 27–29.
327. Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 1999. – С. 3–28.
328. Семененко Н.Н. Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2002. – 26 с.
329. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 656 с.
330. Сибирцева В.Г. Животные в русских загадках // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. – Н. Новгород, 2001. – С. 297–299.

331. Сидорова Т.А. Словообразовательные элементы как факторы построения лингвистической «картины мира» в русском фольклоре // Народная культура русского Севера. – Архангельск, 2000. – Вып. 2. – С. 128–130.

332. Силаева О.Л. Социально-экологические и биолингвистические аспекты звуковых имитаций птиц: дис. ... д-ра биол. наук. – М., 1998. – 276 с.

333. Сиротинина О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово. – Н. Новгород, 1997. – С. 7–12.

334. Сироткина Т.А. Языковая репрезентация категории этничности в русской лингвокультуре (на материале этнонимии Пермского края): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2012. – 45 с.

335. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995. – 416 с.

336. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков А.Н. [и др.] Этнопсихолингвистика / под ред. Ю.А. Сорокина. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

337. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

338. Стефановская С.В. Звуковая картина мира // Вестник ИГЛУ. – 2009. – № 4. – С. 117–121. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zvukovaya-kartina-mira>.

339. Стефановская С.В. Способы семиотизации звукового мира (на материале языка с идеографической системой письма): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Иркутск, 2012. – 20 с.

340. Судник Т.М. Белорусские заговоры, обращенные к воде // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – М., 1988. – С. 72–74.

341. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультуроведческие аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 228 с.

342. Тер-Акопян А.К. Санскрит в реке русской речи. – М.: Новый центр, 2002.

343. Терентьева В.И. Три кита – три фактора развития социосферы, выделенные психологическим знанием // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2013. – № 06. – URL: www.es.rae.ru/vsoa/ru/170-697

344. Титова Е.А. Прагматический аспект передачи звуко-образительных средств при переводе поэтических текстов (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 20 с.

345. Тишина Е.В. Русская ономотопея: диахронный и синхронный аспекты изучения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 22 с.

346. Толстая С.М. Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 1999. – С. 9–16.

347. Толстой Н.И. Язык и культура // Язык фольклора: учеб.-метод. пособие. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 47–58.

348. Толстой Н.И. Язык и народная духовная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 1995. – 483 с.

349. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

350. Топоров В.Н. Из индоевропейской этимологии V(1) // Этимология 1991–1993. – М.: Наука, 1994. – С. 126–143.

351. Топоров В.Н. К этимологии слав. *myslʹ* // Этимология. – М.: Наука, 1963. – С. 513.

352. Топоров В.Н. Этимология. – М.: Наука, 1991–1993. – С. 141.

353. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропейистика. Кн. 1. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 544 с.

354. Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // *Aequinox*. – М., 1993. – С. 70–94.

355. Трубочев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1–4. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 800 с.; 2005. – 664 с.; 2008. – 800 с.; 2009. – 696 с.

356. Уорф Б.Л. Лингвистика и логика. // *Новое в лингвистике*. – М., 1960. – Вып. I.

357. Уорф Б.Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление). // *Новое в лингвистике*. – М., 1960. – Вып. I.

358. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // *Новое в лингвистике*. – М., 1960. – Вып. I.

359. Усачева В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. – М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2008. – 368 с.

360. Усачева В.В. Роль звукоподражаний в обрядовой практике славян // *Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян*. – М., 1999. – С. 85–104.

361. Усачева В.В. Роль звукоподражаний в обрядовой практике славян // *Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995)*. – М., 1995. – С. 30–32.

362. Усольская свадьба // *Сборник фолькорно-этнографических материалов / сост. С.В. Хоробрых*. – Пермь, 2000.

363. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Успенский Б.А. Избранные труды*. – М., 1994. – Т. 2. – С. 53–128.

364. Фатюхин В.В. Особенности перевода звукоподражаний и междометных глаголов: На материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2000. – 184 с.

365. Федяева Н.Д. Языковой образ нормального человека в русской языковой картине мира // *Лингвистика человека: антология / Л.Б. Никитина [и др.]; науч. ред.: Л.Б. Никитина, Н.Д. Федяева*. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – С. 46–68.

366. Филиппова Е.В. «Дом» как фрагмент фольклорной картины мира: На материале английских и русских народных баллад: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2001. – 191 с.
367. Финченко А.Е. Материалы к изучению пастушества на Русском Севере // Полевые исследования института этнографии. – М.: Наука, 1986. – С. 37–45.
368. Хайдеггер М. Время картины мира. – М.: Мысль, 1993. – 21 с.
369. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировоззрения к миропониманию. – Уфа, 2001. – 281 с.
370. Хангги Е.К. Йодель в истории музыкальной культуры Швейцарии: автореф. дис. ... канд. искусствовед. – СПб., 2011.
371. Цивьян Т.В. Звуковой пейзаж и его словесное изображение // Музыка и незвучащее: сб. статей / под ред. Е.В. Пермякова. – М.: Наука, 2000. – С. 74–91.
372. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М.: Наука, 1990. – 207 с.
373. Цивьян Т.В. Отражение звукового пейзажа в языке и тексте (на материале русской загадки) // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. – С. 149–178.
374. Чагин Г.Н. Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1998. – 188 с.
375. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. – М.: Наука, 1985. – 273 с.
376. Черемисина Н.В. Языковые картины мира: типология, формирование, взаимодействие // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 1995. – С. 15–16.
377. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М., 1997. – С. 75.

378. Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX середины XX в.: в 2 ч. Ч. 1: Весна, лето, осень. – Пермь: Пушка, 2006. – 368 с.

379. Черных А.В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX начале XX в. (по материалам южных районов Пермской области. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. – 260 с.

380. Чесноков В.П. О двух картинах мира – статической и динамической // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1989. – С. 63–69. – № 3.

381. Чжэн Т., Чжан Ю. Языковая картина мира и ее выражение в русских народных приметах // Рус. яз. за рубежом. – М., 2002. – № 2. – С. 104–107.

382. Шаронов И.А. Семантический анализ звукоподражательных слов // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 157–163.

383. Шафарик П.И. Славянские древности. – М., 1847. – Т. 1–2.

384. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. – М.: Индрик, 2002. – 424 с.

385. Шевцов В.Н. Охотничье-скотоводческие звукоподражания и возгласы у хакасов // Музыкальная этнография Северной Азии. – Новосибирск, 1989. – С. 108–129.

386. Шестакова О.В. Универсальное и специфическое в ономотопее: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2013. – 228 с.

387. Шляхова С.С. Фоносемантическая Вселенная // Известия Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 11. – № 41. – С. 152–163.

388. Шляхова С.С. «Другой язык». Опыт маргинальной лингвистики. – Пермь, 2005. – 350 с.

389. Шляхова С.С., Лобанова А.С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке / Перм. гос. гум. пед. ин-т. – Пермь, 2012. – 297 с.

390. Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику: учеб. пособие / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2003. – 216 с.

391. Шляхова С.С. Фоносемантические маргиналии в русской речи: дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 2006. – 489 с.

392. Шляхова С.С. Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. – Пермь, 2004.

393. Шляхова С.С., Шестакова О.В. Фоносемантическая картина мира в немецком и русском языках // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 18. – С. 751–754.

394. Шляхова С.С. Символика речи (говорения) в свадебном тексте // Фольклорный текст-99. – Пермь, 2000.

395. Шляхова С.С., Шестакова О.В. Звукоизобразительная природа немецкой терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 8. – Ч. 2. – С. 208–211.

396. Шляхова С.С. Семантика русских ономастиков: динамический аспект // Изменяющийся языковой мир. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. – С. 17.

397. Шляхова С.С. Фоносемантическая картина мира: к постановке проблемы // Филологические заметки. – 2014. – Ч. 1. – С. 182–193.

398. Шмелев А.Д. Национальная специфика языковой картины мира // Языковая концептуализация (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 481–540.

399. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 224 с.

400. Юрченко С.А. Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества (на материале донских казачьих говоров): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 217 с.

401. Яговцева О.А. Антропоцентрические метафоры в диалектной картине мира: На примере говора Исетского района Тюменской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Сургут, 2006. – 177 с.

402. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

403. Colombijn F. Tooooot! Vroooooom! The Urban Soundscape in Indonesia // Journal of Social Issues in Southeast Asia. – 2007. – Vol. 22, № 2. – P. 255–273.

404. Schafer R. Murray. The Tuning of the World нью йлок 1977, 301 pages Schafer, R. M. 1977a. The Tuning of the World. – New York: Knopf, republished in 1994 as The Soundscape, Destiny Books, Rochester, Vermont. – URL: http://visa2p99.files.wordpress.com/2012/05/schafer_1.pdf; URL: http://wfae.proscenia.net/library/articles/wrightson_intro.pdf

405. Wrightson K. An Introduction to Acoustic Ecology // Journal of Electroacoustic Music. – March 1999. – Vol. 12. Soundscape». – 2001. – Vol. 1, No. 1. – URL: http://www.sonicartsnetwork.org/main_index.html

Список словарей и источников

1. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, 1959.

2. Агбунов М. Античные мифы и легенды: мифологический словарь. – М., 1994.

3. Анненков Н.И. Ботанический словарь. – СПб.: Имп. Академия наук, 1878. – 670 с.

4. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецово-вой. – М.: Изд-во МГУ, 1980–1990. – Вып. 1–7.

5. АС, Акчимский словарь – Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / гл. ред. Ф.Л. Скицова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984–1990. – Вып. 1–3.

6. Баранов – Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. – М.: Изд-во ЭТС, 1995. – 820 с. – URL: <http://www.thesaurus1.narod.ru/> (дата обращения: 14.06.2013).

7. Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985.

8. Бёме Р.Л., Кузнецов А.А. Птицы лесов и гор СССР: Полевой определитель: пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1981. – 223 с.
9. Бенвеннист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс – Универс, 1995.
10. Библейская энциклопедия / Труд и издание Архимандрита Никифора. – М.: Типография А.И. Снегиревой, 1891.
11. Бидерман Г. Энциклопедия символов: пер с нем. / Общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. – М.: Республика, 1996.
12. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1890–1907. – Т. XVIIа.
13. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2000.
14. Буй В. Русская заветная идиоматика (Веселый словарь крылатых выражений) [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovari.donpac.ru>
15. Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражения) / под. ред. А. Баранова, Д. Добровольского. – М.: АСМ: Помовский и партнеры, 1995.
16. Буслаев Ф.И. Древнерусская борода // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – СПб., 1861. – Т. 2.
17. Быков В. Русская феня: словарь. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994.
18. Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири // Живая старина. – 1915. – Вып. IV.
19. Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 2000.
20. Горячева Т.В. К этимологии выражения «под микитки» // Этимология. – М.: Наука, 1970. – 1972. – С. 228–229.
21. Грачев А.М. Язык из мрака: блатная музыка и феня. – Н. Новгород: Флокс, 1992.

22. Историко-этимологический словарь воровского жаргона / М.А. Грачев, В.М. Мокиенко. – М.: Фолио-Пресс, 2000. – 254 с.
23. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ (репринтное воспроизведение издания 1903–1909). – М.: Терра, 1998. – Т. 1–4.
24. Даль В.И. Словарь пословиц русского народа. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
25. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. – СПб., 1859.
26. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Русский язык, 2000. – URL: <http://dic.academic.ru/>
27. Квеселевич Д.И., Сасина В.П. Русско-английский словарь междометий. – М.: АСТ: Астрель, 2001.
28. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994.
29. Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000.
30. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
31. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми-языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.
32. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М., 1996.
33. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка: Слово в зеркале человеческой культуры. – М.: Диалог, 2000.
34. Материалы к словарю охотничьей речи Прикамья. Рукопись. (Архив).
35. Мифы народов мира: в 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1982.
36. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. – М., 1997.

37. МС – Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
38. Новое русское в этимологии. – М., 2002.
39. Ночвин Н.П. Говор крестьян Шадринского уезда Пермской губернии // Записки Уральского общества любителей естествознания. – Екатеринбург, 1913. – Т. 32. – Вып. 1–2.
40. The Oxford English Dictionary. – URL: oxforddictionaries.com
41. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999.
42. Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852.
43. Орел В.Э. Слав. *udъ // Этимология. 1977. – М.: Наука, 1979. – С. 55–59.
44. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. – М.: Академия, 2005.
45. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Пермь: Пермское книж. изд-во, 2004.
46. Полякова Е.Н. Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993–1998. – Вып. 1–4.
47. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1910–1914.
48. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров / Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2002.
49. Псковский областной словарь с историческими данными. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967–1986. – Вып. 1–7.
50. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. А.П. Горкин. – М.: Русский язык, 1997.
51. Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: справочник-определитель. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 608 с.
52. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. – 2-е изд. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. – URL: <http://feb-web.ru>.
53. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого. Т. 1. – М., 1995. – С. 494–495.

54. Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. I–VI. / Перм. ун-т. – Пермь, 1984–2011.
55. Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О.П. Беляева; под ред. Е.А. Голушковой / Перм. пед. ин-т. – Пермь, 1973.
56. Копытов Н.Ю., Подюков И.А., Черных А.В. Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. – Пермь, 2006.
57. Словарь русских говоров севера Пермского края. Вып. 1. А-В. / гл. ред. И.И. Русинова. – Пермь, 2011. – 364 с.
58. Словарь русских говоров Среднего Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988. – Вып. 1–7.
59. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 (АБАЛТУС – КЫЧИГА) / сост. И.А. Подюков [и др.]; отв. ред. И.А. Подюков; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2010.
60. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. II (ЛАБАЗ – ПЯТЬ) / И.А. Подюков [и др.]; отв. ред. И.А. Подюков; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2012.
61. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. III (РА ЯТЬ) / И.А. Подюков [и др.]; отв. ред. И.А. Подюков; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2012.
62. Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1965–1995. – Вып. 1–29.
63. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984.
64. Словарь символов [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru>
65. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Наука, 1948–1956. – 17 т.
66. Словарь современного русского литературного языка: в 4 т. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1991–1993. – Т. 1–4.
67. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. – М., 1992.
68. СМ – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 512 с. – URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/SMES>

69. Славянская мифология: энцикл. словарь. – М.: Эллиас ЛАК, 1995.

70. Смирнова И. Дурной глаз // Наука и религия. – 1980. – № 10.

71. Арнаудов Г.Д. Медицинская терминология на пяти языках // Медицина и физкультура. – София, 1964.

72. Соколов П.И. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных.....: в 2 ч. – СПб.: Тип. Рос. акад., 1834.

73. Словарь пермских говоров. Т. 2 / Г.В. Бажутина [и др.]; отв. ред. А.Н. Борисова, К.Н. Прокошева. – Пермь: Книжный мир, 2002. – 576 с.

74. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1956. – Т. 3.

75. Теплоухов А. Уральский словарь // Уч. зап. Казанского ун-та. – Казань, 1857. – Кн. 3.

76. Толковый словарь русского языка: в 4 т./ под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1934. – Т. 1–4.

77. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.; Т. 2. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.; Т. 3. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.; Т. 4. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.

78. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986–1987. – URL: <http://dic.academic.ru/>.

79. Птицы СССР / В.Е. Флинт, Р.Л. Бёме, Ю.В. Костин, А.А.Кузнецо; под ред. Г.П. Дементьева. – М.: Мысль, 1967. – 637 с.

80. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. – М., 1997; Мифологический словарь. – М., 1991.

81. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. – М., 1995.

82. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986.

83. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М., 1999.
84. Хоул К. Энциклопедия примет и суеверий. – М., 1998.
85. Цыганенко В.П. Этимологический словарь русского языка. – Киев: Радянська школа, 1989. – 511 с.
86. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1999.
87. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. – М.: Дрофа, 2004. – URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Puh-3464.html>
88. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М., 2001.
89. Шляхова С.С. Дребезги языка: словарь русских фоносемантических аномалий / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2004.
90. Шляхова С.С., Шестакова О.В. Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011.
91. Энциклопедия мистических терминов. – М., 1998.
92. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 1999.
93. Энциклопедия суеверий. – М., 1997.
94. Энциклопедия символов. Т. 1 / сост. В.М. Рошаль. – СПб.: Сова, 2005.
95. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1963–1982. – Вып. 1–8.
96. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974–1999. – Вып. 1–25.
97. Этимологические исследования по русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1960–1986. – Вып. 1–9.
98. Юганов И., Юганов Ф. Словарь русского сленга: сленговые слова и выражения 60–90 годов / под ред. А. Н. Баранова. – М.: Метатекст, 1997.
99. Ярославский областной словарь: уч. пособие / отв. ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль: Изд-во Яросл. пед. ин-та, 1981–1989. – Вып. 1–8.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ И СИМВОЛОВ

ЗИ – звукоизобразительный, ие. – индоевропейский язык
звукоизобразительность ФС – фоносемантический
ЗИС – звукоизобразительная
система

Символы в моделях онматопов

() – необязательность стояще- го внутри скобок элемента	PLOS – взрывной
AFFR – аффриката	R – вибрант
FRIC – фрикативный	SON – сонорный
LAB – лабиальный	VOC – гласный
LAT – латеральный	гл. – глухой
NAS – носовой	зв. – звонкий

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ГЛОССАРИЙ

Антропофоносфера – совокупность звучаний, производимых человеком: системы звучаний человеческого тела (соматофоносфера), действий, совершаемых человеком, (кинемофоносфера), осознанных голосовых проявлений (лингвофоносфера).

Биофоносфера – система естественных звуковых сигналов, акустическая сторона биосферы: звучания атмосферы (атмофоносфера), гидросферы (гидрофоносфера), литосферы (литофоносфера), растительности (фитофоносфера), живых организмов (зоофоносфера, онитофоносфера и др.)

Варианты фонетические – один из способов экспликации в языке звукоизобразительной гиперлексемы; слова, которые воспринимаются говорящими как соответствующие одному и тому же денотату (удар, звон, треск, смех и пр.) и отличающиеся друг от друга на одну или две фонемы, принадлежащих к одному фонотипу. См. *фонотип*.

Варианты фоносемантических реализаций – ономатопы, воспринимаемые говорящими как соответствующие одному и тому же денотату (удар, звон, треск, смех и пр.); реализуются через фонетические варианты и фоносемантические синонимы. См. *варианты фонетические, синонимы фоносемантические*.

Диалектная звуковая картина мира – схема восприятия звучащей действительности, сложившаяся на протяжении многих веков существования социума, ограниченного определённой территорией и природными, экономическими, хозяйственными условиями жизни; фрагмент диалектной языковой картины мира.

Диалектная фоносемантика – направление фоносемантических исследований, целью которого является установление звукоизобразительных закономерностей и примарной (фонетической) мотивированности диалектного слова.

Звуковая языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива

и отраженная в языке совокупность представлений о звучащем мире, один из способов концептуализации действительности; фрагмент языковой картины мира и фоносферы одновременно. Основное языковое средство экспликации – ономотопея (первичные звукоподражания и звукоподражательная лексика).

Звукоизобразительная гиперлексема – семантизированная модель (инвариант), представляющая собой совокупность фоносемантических реализаций одного и того же фоносемантического задания, реализующейся через ряды фонетических вариантов и фоносемантических синонимов. Структурно состоит из инициали (передает значение мотивотипа, лежащего в основе номинации), гласного и финали (дополнительные семы, конкретизирующие процесс) [Швецова 2011: 159–160].

Звукоизобразительная система языка – языковая подсистема, единицы которой обладают необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной фонетически мотивированной связью между фонемами слова и денотатом, т.е. примарной (фонетической) мотивированностью. ЗИС включает две подсистемы: звукоподражательную (акустический денотат) и звукосимволическую (неакустический денотат) [Воронин 1982], которые эксплицируются в языке звукоподражательными (ономатопеями) и звукосимволическими словами.

Звукоизобразительное слово – центральный элемент ЗИС языка – слово, в котором наличествует необходимая, существенная, повторяющаяся и относительно устойчивая произвольная фонетически (примарно) мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком денотата. ЗИ-слова – «не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью между «звуком и значением», но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется. Следовательно, ЗИ-

слово – это слово, звукоизобразительное в своей основе, по своему происхождению» [Воронин 1982: 22].

Звукоизобразительность – см. *иконичность*.

Звукоподражательное слово – это слово, в основе которого лежит закономерная, произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащими в основе номинации звуковым признаком денотата; имитация фонемными средствами звуковой стороны объекта, явления или действия (нем. *äks*, рус. *эк* «звук при отрыжке», нем. *bäh*, рус. *бе, бя* «блеянье овцы», нем. *klipp*, рус. *хлоп* «звук отрывистого удара»); эксплицирует в языке акустический денотат.

Звукоподражательность (ономатопея) – имитации звуковой стороны объекта, явления или действия (*чихать, хлоп, греметь, жужжать*), эксплицирующая в языке акустический денотат, совокупность примарно мотивированных единиц, в широком понимании, и базовая единица звукоизобразительной системы языка – в узком понимании. См. *ономатоп*.

Звукосимволизм – символизация означаемого звуковым жестом, способом артикуляции, синестетическими и ассоциативными связями и пр. (*ни бе, ни ме* «тупой, бестолковый»; *ручками хлоп-хлоп* «бесцельно проведенное время, безделье») – эксплицирует в языке неакустический денотат.

Звукосимволическое слово – слово, в основе которого произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемыми в основу номинации незвуковым признаком денотата, т.е. передача речевым звуком образа, ощущения, движения, впечатления обозначаемого предмета.

ЗИС – см. *звукоизобразительная система языка*.

Иконичность – свойство языкового знака, проявляющееся в наличии некоторого материального (изобразительного, звукового и т.п.) или структурного подобия между означающим и означаемым; необходимая, существенная, повторяющаяся и относительно устойчивая произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами языковой единицы и денотатом.

Морфемотип – инвариант, допускающий вариативность консонантных элементов в пределах фонотипа с практически свободной вариативностью гласных [Михалев 1995].

Ономатоп – базовая примарно мотивированная единица звукоизобразительной системы языка, характер которой определяется свойствами акустического денотата.

Ономатоп акустический – единица, воспроизводящая фонемными средствами неартикуляторное акустическое звучание внешней (относительно человека) среды (*целк*, *хлоп* «звук удара»; *хлопать*, *выть* «о ветре», *шуришать*).

Ономатоп артикуляторный – единица, воспроизводящая фонемными средствами артикуляторное звучания номинируют звуковые процессы, происходящие в полостях носа, рта и горла человека (*стонать*, *ныть*, *икать*, *кашлять*).

Ономатоп говорения – единица, воспроизводящая фонемными средствами нерелекторные акустико-артикуляторные звучания, характеризующие процесс речи, говорения в отрыве от конкретного смысла речи, представляя процесс речи в его целевых, модальных, физиологических, акустических и прочих характеристиках (*бла-бла* «пустая болтовня»; *шлепать* «говорить вздор») [Шляхова 2003: 62].

Ономатопея – 1) звукоподражательная лексика в целом; 2) отдельная звукоподражательная единица (независимо от ее грамматического статуса). см. *звукоподражательность*, *звукоподражательное слово*, *ономатоп акустический*, *ономатоп артикуляторный*, *ономатоп говорения*.

Поле фоносемантическое – совокупность примарно мотивированных единиц, объединенных общим акустическим денотатом на основании звукоизобразительных гиперлексем. От лексико-семантического поля отличается наличием обязательной относительно устойчивая произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами языковой единицы и денотатом связи между; фонетической оболочки слова и его содержанием. См. *звукоизобразительная гиперлексема*.

Примарная мотивированность – см. *иконичность*.

Синонимы фоносемантические – один из способов экспликации в языке звукоизобразительной гиперлексемы; слова, которые воспринимаются говорящими как соответствующие одному и тому же денотату (удар, звон, треск, смех и пр.) и отличающиеся друг от друга на одну или две фонемы, принадлежащих к разным фонотипам. От традиционно понимаемого синонима отличается не только близостью значения, но и наличием относительно устойчивой произвольной фонетически мотивированной связи между фонемами языковой единицы и денотатом; фонетической оболочки слова и его содержанием. См. *фонотип*.

Социофоносфера – система искусственных звуковых сигналов, сфера звучаний, противоположная биофоносфере, включающая звучания технического характера (технофоносфера), системы сигналов (сигналофоносфера), музыки (музыкафоносфера) и мифических существ (мифофоносфера).

Фонотип – инвариант фонем (смычный, целевой, взрывной, звонкий, сонорный и пр.), объединенный общими акустико-артикуляторными признаками и звукоизобразительными функциями.

Фоносемантическая диалектная звуковая картина мира – фрагмент диалектной звуковой картины мира, выраженный фоносемантическими средствами.

Фоносемантическая звуковая картина мира – часть языковой звуковой картины мира, которая эксплицируется в языке исключительно фоносемантическими средствами.

Фоносемантическая картина мира – фрагмент языковой картины мира, отраженный в языке при помощи фоносемантических единиц и категорий.

Фоносемантическая маргиналия – аномальная звукоизобразительная единица типа *хлоп*, *бум*. В традиционной грамматике выделяются как звукоподражания, интеръективы, первообразные междометия, подзывные и отгонные слова и пр. Объеди-

нение в один класс обусловлено иконичной природой данных образований, которые лучше других языковых единиц сохраняют звукоизобразительный мотив номинации и обладают диффузным, размытым, структурно и семантически неопределенным статусом.

Фоносфера – вся совокупность окружающих человека осознаваемых и неосознаваемых звучаний; внешняя среда языковой системы, которая обуславливает специфику звуковой картины мира различных этносов.

ABSTRACT

In this monography such notions as phonosemantic picture of the world, phonosemantic sound picture of the world and phonosemantic dialect sound picture of the world based on the notion of phonosphere are formulated. Sound space of people's culture (ritual, musical, mythological tradition etc.), explicated in language as onomatopoeia, is analysed.

Sound picture of the world is realized as a reflection of phonosphere in language. Integral and differential characteristics of phonosphere and sound picture of the world are determined. Flat, dynamic and spatial models of phonosphere are proposed. A structure of phonosphere and its explication in people's speech in a sort of phonosemantic fields is presented. Nucleus and periphery, sound lacunas and sound dominants of the phonosemantic dialect sound picture of the world are exposed. Fragments of phonosemantic picture of the world on the level of biosphere, anthroposphere and sociosphere are described. Semantic and symbolic meaningfulness of onomatopoeia in true stories and funny stories is determined. Iconic indoeuropean base of russian vocabulary (fitonims, somatisms, domestic and household vocabulary) is determined. Motivetype (hypersema) analysis of iconic vocabulary is presented.

It is supposed that coincidence of different codes (phonosemantic, motive-type, etymological, semantic, mythological, ritual, symbolic) allows most probably to speak about reliability of exposed elements of protoconceptual space of language. The book is addressed to the specialists in phonosemantic, etymology, lexicology, dialectology, semiotics, cognitology and also to the broad circles of readers who are interested in language problems.

Научное издание

Шляхова Светлана Сергеевна,
Вершинина Мария Геннадьевна

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗВУКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Монография

Корректор *И.Н. Жеганина*

Подписано в печать 16.09.2016. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 26,5. Тираж 499 экз. Заказ № 140/2016.

Издательство
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел.: + 7 (342) 219-80-33.